

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1977

СЕРГЕЙ СНЕГОВ

**ПОСОЛ
БЕЗ ВЕРИТЕЛЬНЫХ
ГРАМОТ**

*Научно-фантастические
рассказы и повесть*

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

СТРЕЛА, ЛЕТЯЩАЯ ВО ТЬМЕ

1

— Только вы можете распутать загадку! — Президент Академии наук перевел взгляд с Генриха на Роя Генрих пожал плечами, Рой посмотрел пристально на губы Боячека, словно его занимало, как те двигаются.

Боячек продолжал с волнением:

— Мы все скорбим о гибели Редлиха, а я особенно: он был мне друг. Рука неведомого преступника...

— Вы все-таки считаете, что Редлих — жертва преступления? — сдержанно спросил Рой. — Но Альтона — покинутая планета, и где теперь ее бывшие жители, неизвестно. А что Редлих перед смертью назвал Аркадия Замойского, недоказательно, раз члены экспедиции обладают абсолютным алиби.

— Их алиби установили профессиональные детективы, обследовавшие Альтону, — возразил президент, — и они пришли к выводу, что преступления не было. Но Редлих погиб, и это факт. Мы считаем, что в созвездие Лиры нужно командировать ученых, а не сыщиков. После того как вы раскрыли тайну великой теоремы Ферма, загадка гибели Редлиха не будет такой уж трудной для вас.

Генриху нравилось, когда вспоминали об этом блестательном успехе его и Роя. Но чтобы президенту не показалось, что он тщеславен, Генрих иронически заметил:

— Два космических детектива, специализирующихся на раскрытии мрачных тайн времени и пространства.

— Два ученых, — сухо повторил Боячек. Было ясно, что он не примет отговорок. Рой, раньше Генриха уяснивший себе ситуацию, больше не спорил. — Два исследователя, свободно ориентирующиеся в проблемах космоса и истории. В этой папке вы прочтете доклад следственной комиссии, возвратившейся с Альтоны. Рейсовый звездолет в созвездие Лиры отбывает завтра в полночь. Вы, кажется, еще не бывали в окрестностях Веги? Уверен, что вам понравится.

2

Генрих с досадой бросил на стол доклад следственной комиссии. Детективы Управления космоса были слишком обстоятельными людьми, чтобы читать их творения. Генрих с гримасой потрогал голову обеими руками.

— Не распухла, — успокоил его Рой. — Между прочим, я внимательно прочитал весь доклад — и, как видишь, жив.

Они сидели в салоне грузового звездолета. На экране разбегались звезды, и созвездие Лиры постепенно заполняло всю полусферу. Сине-белая Вега сверкала так ослепительно, что без защитных очков смотреть на нее было трудно. Альтону, седьмую планету в системе Веги, наблюдать можно было лишь в оптические умножители, но две первые, самые крупные, планеты уже мерцали на экране. Звездолет в триста раз обгонял свет — на заднем экране, затемняя далекое Солнце, разбрасывалась дымка вещественной плазмы, выброшенной аннигиляторами корабля взамен уничтоженного пространства. Рой и Генрих были единственными пассажирами, и капитан предоставил в их распоряжение почти всегда пустой салон: здесь было удобнее работать, чем в тесной каюте.

— Что ты живой, я вижу. Но нормален ли ты?

— Ты в этом сейчас убедишься сам. Я не сторонник древних методов записи буквами на бумагу, но у сыска свои традиции, и с этим приходится считаться. Все существенное мы перенесем на пленку, чтобы больше не возвращаться к докладу.

И Рой стал излагать содержание доклада своими словами. Генрих слушал сначала со скукой, потом заинтересовался. Этого у Роя нельзя было отнять — в любой запутанной проблеме он безошибочно вскрывал самое существенное. Генрих часто выходил из себя, когда брат осаживал его, кричал в запальчивости, что Рой — машина, незнакомая с вдохновением. Но когда совместное исследование подходило к концу, опубликовывать результаты Генрих предоставлял Рою, у того выходило лучше.

Генрих, слушая, рассматривал брата. Невозмутимость была главным свойством Роя. О чем бы он ни говорил, какие бы чувства ни полонили его, лицо Роя не менялось. Белокурый, с массивной головой, крупно-

сый, крупногубый, он медленно, почти бесстрастно диктовал хорошо подобранными словами. И Генрих с уважением отметил, что, сокращая раз в двадцать перенасыщенный фразами следственный доклад, Рой не упустил ничего важного.

— Будем пользоваться этим конспектом. — Рой пододвинул Генриху диктофон. — А доклад останется для справок.

Генрих прокрутил плёнку. Прибор говорил голосом Роя, но вплетал свои интонации. Бесстрастность, свойственная Рою, превратилась в безличность. В таком изложении, отжатом от подробностей, трагедия на Альтоне становилась ясной. Ясной во всей своей загадочности, невесело подумал Генрих. Задание им досталось необычное.

Альтону, седьмую планету Веги, некогда населяли разумные существа, говорил прибор. Какого облика были альтонцы, каков уровень их культуры, куда они делись — тайна. Когда экспедиция Карпентера и Сидорова высадилась на планете, она обнаружила пустыни, лишенные воды и жизни, остатки городов и непонятные металлические сооружения. Жители покинули планету по крайней мере миллион земных лет назад, но и к этому времени она была совершенно безжизненной в земном смысле — ни животных, ни растений, ни бактерий... Карпентер предположил, что разумная цивилизация на Альтоне была не биологической, а какой-то иной природы. Он указывал, что в руинах городов, к тому же мало похожих на человеческие, не обнаружено ни плантаций, ни заводов, изготавляющих пищу, ни хозяйственной утвари. «Альтонцы не знали, что такое еда» — таков был вывод Карпентера. От них не осталось также ни библиотек, ни фильмотек, ни картин, ни статуй, ни иных свидетельств духовной деятельности. Вместе с тем загадочные металлические сооружения, прекрасно сохранившиеся на лишенной атмосферы планете, равно и развалины городов свидетельствуют о разумности исчезнувших обитателей. Заместитель Карпентера Василий Сидоров не согласился с его выводами. Спор их доныне не разрешен.

Сейчас на Альтоне работает вторая экспедиция, возглавляемая тем же Василием Сидоровым. В составе ее — научные работники Анна Паркер, Аркадий Замойский, Ани Шарлюс, Фред Редлих. Год назад, по земному счету, Редлих вышел наружу, одетый для дальней прогулки. Связь с ним поддерживалась по радио. Приборы дистанционно записывали его жизненные параметры — дыхание, температуру, запасы биоэнергии, потенциалы мозга и сердца. Минут через двадцать все регистрируемые параметры испытали неожиданный излом. Одновременно Редлих закричал в микрофон: «Аркадий, что ты?» Крик завершился воплем: «Меня убивает Замойский! Меня убивает...»

Все остальные члены экспедиции, включая и Замойского, находились в это время в операционном зале. Сидоров отдал приказ выходить наружу. Впереди бежали Замойский и Паркер. Редлих лежал километрах в двух от станции. Он был уже мертв — скафандр пробит чем-то острым... Никого возле трупа не было, ничьих следов в окрестностях не обнаружили, что и естественно, ибо планета необитаема, а все члены экспедиции, кроме самого Редлиха, находились на станции.

Следственная комиссия считала, что повреждения на скафандре, вызвавшие гибель Редлиха, могли произойти от случайного удара о скалу или от метеорита, а предсмертный крик ученого порожден бредовым видением гаснущего мозга. Метеорное вещество в районе гибели найдено, но давнее. Острых скал, падение на которые могло бы вызвать такое катастрофическое повреждение прочной ткани скафандра, комиссии обнаружить не удалось, а бесспорное алиби всех членов экспедиции доказывает отсутствие преступления.

— Заключение честное, — заметил Генрих, когда прибор умолк. — Искали, не нашли — и успокоились на том. Даже на след не напали, как говорили в старину.

На экране тускло засветились малые планеты Веги — самой слабой была точка, изображавшая Альтону. Когда Рой задумывался, его глаза теряли свою яркую голубизну. Сейчас они были водянисто-тусклыми.

Рой медленно заговорил:

— Детективы Управления космоса исследовали происшествие по нормам земного бытия. И в этом их ошибка. Земные нормы поведения могут оказаться неприменимыми в условиях иных планет и иных цивилизаций. Они искали наиболее вероятное земное объяснение катастрофы, а событие совершилось на Альтоне.

— Ты предлагаешь, сколько понимаю, поискать самое невероятное объяснение?

— Раз вероятное бессильно, поищем невероятное, другого не остается.

— Самое невероятное — Редлих не погибал, на Землю привезли вовсе не его труп.

Рой игнорировал насмешку. Размышая, он не возбуждался, как Генрих, а становился сдержаным.

— Самое невероятное в том, что Редлих прав и его убил Аркадий, который в момент убийства находился совсем в другом месте, в окружении своих товарищей. Вот эту гипотезу я и предлагаю в качестве отправной версии. Теперь слушаю возражения.

— А против чего возражать? Нормальное раздвоение личности! Одна ипостась Замойского мирно трудится у пульта, другая разбойничает на каменистых плоскогорьях Альтоны. — Генрих засмеялся. — Рой, в этой мысли что-то есть! Если принять твою версию, нам остается только дознаться, как физически возможно подобное раздвоение личности. Это значительно суживает круг поисков.

— Скорее, значительно его расширяет, — задумчиво отозвался Рой.

— Нет, — сказал Сидоров, — причин, объясняющих гибель Фреда, мы не открыли. Смерть его по-прежнему загадочна.

— Я говорю о метеоритах, выбросе газа из кислородного баллона... — уточнил Рой.

— И о многом прочем той же природы, — сухо закончил начальник экспедиции. — Повторяю — нет! Опасных факторов на Альтоне не существует. А если бы они и появились, их немедленно бы зафиксировали наши автоматы.

Аркадий Замойский, энергетик станции, пояснил:

— Аппараты записывают даже космическую пыль. И крохотный метеорит не остался бы необнаруженным.

Сидоров, сухонький старичок с выцветшими глазами под густыми жесткими бровями, держался агрессивно — отвечал резко, подавал язвительные реплики: появление новой следственной комиссии для него было равнозначно оскорблению — он не верил, что люди с Земли сумеют разгадать то, чего не разгадал он с помощниками. Замойский, красивый парень с умным лицом, нервными, тонкими руками, беспокойно вглядывался то в Роя, то в Генриха, голос его поминутно менялся: из спокойного становился напряженным, временами в нем слышалось смущение. Анри Шарлюс, астроном и физик, толстый, громко сопящий мужчина, не стесняясь, показывал, что ему до смерти надоели высрашивания: он чуть ли не зевал, отвечая. А всех настороженней была Анна Паркер, историк. Некрасивая, она сразу чем-то поражала. «В такую можно влюбиться», — подумал Генрих, с интересом «наблюдая, как она то вспыхивает, то бледнеет. С трудом сдерживаемой порывистостью она напоминала Альбину, его невесту, погибшую пять лет назад».

Рой хмуро возразил Замойскому:

— Смерть без причин не бывает. Если внешние случайности отпадают, остается одно: Редлих не лгал и убийца вы.

Замойский развел руками. Он все же не сдержал дрожи в голосе:

— Логично. Но тогда объясните: как я мог убить Фреда, если я находился здесь, а он — в двух километрах от меня?

— То есть одна загадка разъясняется путем создания второй загадки, не менее таинственной. — Сидоров раздраженно пожал плечами. — Между собой мы обсуждали эту гипотезу: Аркадий — убийца. Он сам попросил проанализировать ее.

— К какому же выводу вы пришли?

— К такому же, к какому вскоре придет и вы: чепуха! Между прочим, за месяц до гибели Фред спас Аркадия. Спасителей не убивают.

— Все же я ставлю гипотезу на обсуждение, — сказал Рой. — И прошу отнести к ней не как к оскорблению, а как к исходному пункту, вероятность которого надо оценить. Подойдем к проблеме смерти Редлиха как к научной, а не криминалистической загадке.

Шарлюс опять зевнул и с тоской посмотрел на стену. Беседа происходила в салоне, заставленном приборами и обзорным экраном.

— Через час мой выход на планету, прошу первым допросить меня...

— Допросов не будет. Будем совместно рассуждать. Начнем с того, что в каждом преступлении нужно различать мотивы и способ осуществления. Убийство в какой-то мере обоснованно, если убийца недолюбливал убитого. Убивают все же врагов, а не друзей.

— Убивали, — быстро поправила Анна. — Этот древний способ сведения счетов...

— Мы расследуем возможность рецидива древнего явления и будемописыватьегов древних терминах. Итак, враждовали ли вы с Фредом, Аркадий?

— Я не испытывал к нему приязни... Во всяком случае, пока он, рискуя собой, не выручил меня из беды.

— Вы с нимссорились?

— Вообще — нет.

— Что значит «вообще»? А в частности?

— В частности один раз поссорились.

— Расскажите подробней.

— Мне не хотелось бы вдаваться в подробности.

— Для анализа происшествия это важно.

— Это сугубо личное дело. И оно касается третьего человека...

— Третий человек — я! — вмешалась в допрос Анна. — И что неудобно говорить Аркадию, я могу рассказать спокойно. Фреду вздумалось поухаживать за мной. Я предупредила, что допущу лишь товарищеские отношения. Но, Фред был настойчив, чтобы не сказать сильнее...

— Нахален?

— Да. Как-то вечером он особенно бесцеремонно... мы были с ним одни в этом салоне...

— Вам трудно рассказывать?

— Нет, почему же? Я расскажу. Я позвала на помощь Аркадия. Аркадий вбежал и накричал на Фреда. Аркадий в гневе часто говорит лишнее... А Фред слушал и усмехался. Меня всегда бесила его усмешка — он усмехался так, словно давал пощечину... Потом Фред сказал: «Рыцарь приходит на помочь своей возлюбленной. Это естественно. Но у рыцаря должны быть два качества...» Впрочем, неважно, что он сказал дальше. Я объясняла — Фред порой бывал бесцеремонен.

— Анна не хочет меня обижать, — сказал Аркадий. Он побледнел, но говорил спокойно. — «Два качества эти, — сказал Фред, — бесстрашие и физическая сила». После этого он вытолкнул меня из салона и предупредил, что, если я войду, измочалит меня. Он так и выразился: «измочалю»... Надо вам сказать, Фред был очень силен, а в гневе — необуздан. Я постоял у салона, Анна больше не звала.. А вскоре вышел Фред и бросил: «Подслушиваешь? Вполне рыцарское занятие!»

— Больше у вас с Фредом недоразумений не было? — после короткого молчания спросил Рой у Анны.

— Встречались мы ежедневно. Он держался так, словно ничего и не произошло.

Рой обернулся к Аркадию:

— Что делали вы после ссоры?

— Возвратился к себе на энергостанцию, где шла проверка генераторов.

— Вы стали работать?

— Я не мог работать. Я задал генераторам программу малой мощности и размышлял о Фреде. На другой день внешне было все, как обычно. На людях мы разговаривали, даже шутили.

— Больше ссор не было?

— Нет.

— Он не извинился перед вами за грубость?

— Нет, конечно.

— И вы не просили прощения за резкие слова в салоне?

— Разумеется, нет.

— Расскажите, как Фред выручил вас?

— Мы вышли вместе наружу. Я свалился в глубокую расщелину, а на меня обрушилась глыба. Фред сбежал вниз и среди скал, которые могли свалиться на него, схватил меня и потащил наверх. Когда я очнулся, он лежал рядом и еле дышал от усталости. Один из камней ударил его по плечу, он недели две ходил с повязкой.

Рой закончил расспросы. Сидоров предложил гостям осмотреть планету. Знакомство с ней начать с общего обзора на экране. Шарлюс удалился, за Шарлюсом ушли Анна и Аркадий. В салоне погас свет и озарился обзорный экран.

4

Сперва были одни звезды, среди них далекое Солнце, крохотная звездочка, едва воспринимаемая взглядом. Вега закатилась. В темноте неясным пятном обрисовывалась Альтона, безжизненный каменный шар в космосе... Экран светел, Альтона расширялась за пределы экрана. Сидоров сказал, что стереоизображения планеты получены со спутников, запущенных над Альтоной.

— Большинство их —двигающиеся. Но над некоторыми местами мы повесили неподвижные датчики. Цель — зафиксировать изменения, если они появятся в объектах. Сейчас я покажу ближайший из городов планеты. Все они, в общем, одинаковы.

Груды мрачных камней, появившиеся на экране, сохранили лишь подобие формы — полуустертые параллелепипеды, полуразрушенные пирамиды, что-то напоминающее шары... Атмосферы на планете не было, предметы сохраняли первозданную угловатость, вечную свежесть изломов. Обширное нагромождение руин могло свидетельствовать о совершившейся некогда неведомой катастрофе или о непонятных коррозионных процессах. Рой поинтересовался, не потому ли Сидоров считает городами эти глыбы, что угадывает их прежнюю правильную геометрическую форму? Начальник экспедиции возразил, что всякий город — обиталище живых существ, а внутри странных камней имеются пустоты столь совершенных пропорций, что иначе, чем жилыми комнатами, их не назвать.

— Вы нашли там мебель или предметы обихода?

— Я сказал — пустоты! — ответил Сидоров, нахмурясь. — Это означает, что, кроме пустоты, там ничего не обнаружено. Никаких следов изделий. Что до атмосферы, то если она на Альтоне и была, то растеряна в космосе миллионы лет назад.

— И после этого вы утверждаете, что Альтону населяли живые и притом разумные существа?

— Да, утверждаю. И в этом суть моих расхождений с Карпентером. Карпентер — величайший из звездопроходцев, его призвание — наносить на карту планеты. Колумб звездных миров — вот что это за человек. Но такие мелкие объекты, как живые существа, его уже не интересовали. Если он сталкивался с жизнью на планетах, он добросовестно отмечал ее, и только. Можете мне поверить, я десять лет работал главным помощником этого великого астронавта. Мыслителем он, к сожалению, не был.

— Я все-таки не усматриваю доказательства...

— Подождите. Я не кончил о Карпентере. Он признавал жизнью лишь те ее формы, которые распространены в звездных окрестностях Солнца, мышление, только схожее с нашим. Я же допускаю жизнь, отнюдь не аналогичную нашей, и разум, отличный от человеческого.

— Вы не отвечаете на мой...

Когда начальник экспедиции раздражался, его глаза уже нельзя было считать бесцветными. А он раздражался при малейшем несогласии с ним.

— Я сказал: подождите! То, что я назвал на Альтоне городами, носит явные черты искусственности. Даже эта размытость очертаний... Ведь все остальное на планете выpires остройми гранями и углами! Города необычны для местного пейзажа, а жизнь, между прочим, везде творец необычайности. Посмотрите сами на эти сооружения, и если вы не признаете в них искусственные механизмы, то я объявлю вас слепыми.

На экране теперь громоздились сооружения, похожие на старинные машины, наполнявшие земные музеи. И их было много, гигантское кладбище машин, расставленных в каком-то своем порядке, — покинутый творцами, омертвевший завод...

— Металлический сплав, — ответил Сидоров на вопрос Роя, каков материал агрегатов. — Никель и еще восемнадцать элементов. Вот вам новое доказательство искусственности: Альтона — каменная, механизмы — металлические. И компоненты сплава нигде не варьируют даже на миллионную долю процента. Земной металлургии такая точность плавки и поныне не снилась.

— По-моему, я вижу приемные антенны, — сказал Генрих, всматриваясь в экран. — А неподалеку — отражатель радиоволн...

Начальник экспедиции усмехнулся:

— А когда пошатаешься среди этих агрегатов, то обнаружите колеса, рычаги, емкости, сопротивления, токопроводы и еще тысячи известных вам элементов машин, а заодно и десятки тысяч неизвестных. И назначение их нам непонятно, и мертвые агрегаты не могут продемонстрировать работу. Нам остается добросовестно все фотографировать и описывать и отсыпать на Землю для размышления...

Генрих задумчиво сказал:

— Гипотезы строить можно. Допустим, механизмы созданы исчезнувшими разумными существами. Но для чего они могли служить на планете, лишенной воздуха и воды?

— Очевидно, как-то обеспечивали жизнедеятельность альтонцев.

Сидоров погасил экран. Рой спросил, каковы взаимоотношения внутри экспедиции. Сидоров считал их нормальными. Когда пять человек ежедневно видятся, они порядком приедаются один другому. Но ссора Фреда и Аркадия была единственной за все годы изучения Аль-тоны. К тому же каждый сотрудник представляет собой особую отрасль науки — соперничество исключено. И, естественно, любой в своей области талантлив: людей, лишенных дарования, не послали бы в такую экспедицию.

5

Генрих, просматривавший альбом снимков Редлиха, сказал, что, будь он женщиной, он бы влюбился в такого мужчину. Редлих был красив своеобразно: на худощавом, энергичном, почти суровом лице смеялись добрые глаза. Мужественность сочеталась в Редлихе с детскостью.

Рой диктовал в прибор сводку фактов и серию предположений. Перед этим братья посетили и города и завод на планете. Городов было много, завод один. Непонятные машины казались новенькими, хотя они, несомненно, были созданы миллионы лет назад. Города, наоборот, выглядели полуразрушенными — если это и вправду были города.

— Скажи что-нибудь, — попросил Рой, окончив диктовку. — Сейчас на Альтоне самая большая загадка — ты. В салоне ты всю беседу промолчал. Ослепи новой идеей. Я истосковался по несуразностям.

— Несуразность — в твоей сводке событий, — отозвался Генрих. — И в ней — разгадка тайны.

— А яснее?

— Аркадий мог желать беды Фреду сразу после ссоры — гнев, туманящий голову, ощущение своего унижения... Но в это время он не причинил никакого зла Фреду. Потом тот спас ему жизнь, враждебные действия против спасителя немыслимы, тут я согласен с Сидоровым. А погибает Редлих во время улучшения их отношений. Здесь парадокс, и я ломаю над ним голову.

— А если Аркадий такой человек, у которого обида лишь усилилась, после того как соперник продемонстрировал превосходство, спасая его?

— Ерунда, Рой. Посмотри на Аркадия — это же очаровательный парень, мнительный, вспыльчивый, самолюбивый и душевный. И права Анна — он живет не в древние времена, когда люди сводили счеты при помощи личной мести.

— У тебя есть другой вариант гибели Редлиха?

— Нет. И потому занимаюсь твоим вариантом — беру за исходный пункт самое невероятное. Ты сказал: надо различать в преступлении мотивы и способ. Способ — загадка. Но если Аркадий и вправду убийца, то не меньшая загадка — мотивы. Почему он убил Фреда в момент, когда испытывал к нему благодарность и дружба

их вновь стала налаживаться? Фред ежедневно выходил на планету, и то, что совершилось через три месяца после ссоры, могло совершиться в любой день раньше. Если бы убийство произошло до спасения Аркадия, то мотивы преступления были бы естественней.

— Очевидно, имеются причины, почему смерть Редлиха не могла совершиться раньше.

— Именно. Иначе говоря, появляется новая загадка: слишком, так сказать, поздней расправы с Редлихом.

— И получится по Сидорову: одна загадка разъясняется путем создания другой загадки.

— Даже двух других загадок, — хладнокровно заметил Генрих. — Я имею в виду, что убийцей был Аркадий, а это физически невозможно. И что он свел счеты с Фредом в тот миг, когда уже не мог желать ему вреда, ибо был ему обязан собственным спасением.

В дверь постучали. В комнату вошла Анна. Рой, поднявшись, предложил ей сесть. Она села, положив руки на колени. Бледное лицо и неровное дыхание показывали, что она волнуется. В салоне во время общего обсуждения она держалась гораздо спокойней. Она смотрела на одного Роя. Рой учтиво ждал.

— Я не помешала? Вы, вероятно...

Она говорила с таким смущением, что Рой пришел ей на помощь:

— Вы хотите сказать нам что-то важное, друг Анна? Она справилась с голосом, но говорила медленней, чем в салоне:

— Не знаю, важное ли. Для меня, конечно, важно. Я не сказала вам о моем отношении к Фреду... Я не хотела при всех говорить о своих чувствах.

Она опять замолчала, нервно сжав руки. Рой, немного подождав, заговорил сам:

— Мы с братом, кажется, догадываемся. Вы были влюблены в Редлиха?

Она молча кивнула.

— А Аркадий влюблен в вас? И он ревновал вас к Фреду?

— Он жалел меня, — сказала она глухо.

Рой переглянулся с Генрихом. Генрих, не вмешиваясь в разговор брата с Анной, наблюдал за ней. Рой стал задавать Анне вопросы. Он не собирается вторгаться в душу, его служебная обязанность — исследовать действия, а не чувства, но в непостижимом происшествии на Альтоне чувства, вероятно, диктовали действия...

— Я не хочу ничего скрывать, — прервала Анна. — Для того я и пришла сюда. Дело в том, что я — невеста Аркадия. И уже давно, еще до командировки на Аль-тону.

Теперь она говорила свободней. Был какой-то барьер, препятствовавший признанию, она его преодолела. Она рассказывала, как познакомилась с Аркадием за месяц до отлета на Альтону, как он понравился ей, а она ему, как они колебались, объявить ли о своем решении пожениться и отказаться от интереснейшей командировки, так как на дальние планеты супружеские пары не берут, или воздержаться от близости на три года, до возвращения с Альтоны. Аркадий упрашивал остаться на Земле, решение лететь принадлежало ей. Они дали друг другу слово не переступать на Альтоне порога дружбы. Они держались этого слова. Никто бы не мог упрекнуть их, что они нарушают законы, установленные для дальних экспедиций.

А на второй год на Альтоне появился Фред Редлих, заменивший заболевшего пятого члена экспедиции...

Голос Анны снова стал глухим, она опять нервно сжимала руки. У нее попеременно вспыхивало и бледнело лицо. Фред Редлих был человеком с трудным характером. Репутация блестящего исследователя внеземных цивилизаций, вдумчивого и смелого ученого, к тому же — красивый, сильный... На Земле его избаловали, надо прямо сказать. Легкие победы над женщинами он рассматривал как что-то естественное. И, появившись на Альтоне, он дал понять, что далеко не со всеми экспедиционными запретами будет считаться. Просто дружеские отношения с Анной его не устраивали. Трудно даже назвать ухаживанием его поведение, правильней другое слово — наступление. Она как-то пригрозила, что пожалуется Сидорову. Фред язвительно расхохотался; «Как вы думаете, это меня остановит, Анна?» Она ничего не ответила и вышла. Он догнал ее в коридоре, с силой схватил за руку и прошептал: «Идите к Сидорову, прошу вас. Надо же вам знать, насколько вы для меня важней всех Сидоровых на Альтоне и в мире!» В эту ночь Анна не спала. Она поняла, что события идут к беде.

Рой мягко сказал:

— Значит, он по-серьезному влюбился в вас, Анна, если так повел себя?

Она покачала головой:

— Он не влюбился, он увлекся. Фред был неспособен на серьезные чувства, он мог увлекаться. Понстоящему он был влюблена только в археологию. Каменным богиням, найденным на Зее-2, он отдал больше страсти и времени, чем всем своим возлюбленным, вместе взятым. Открытые им изделия древних цивилизаций навсегда сохранялись в его памяти, он мог часами с восторгом говорить о них. Женщины же в его жизни появлялись и исчезали, он часто не мог правильно назвать имени той, в которую был когда-то влюблен, он смотрел на фотографии своих подруг и путал их имена. Любовь, накатывавшая на него временами, была стремительна, бурна, настойчива, но оскорбительна. Она мучила, ей было трудно противиться — радости в ней не было.

— Все это было до вас, — вдруг сказал Генрих. — Вы не допускаете мысли, что Фред переменился, встретив вас? Что чувство к вам было впервые в его жизни серьезным?

Анна повернулась к Генриху, долго всматривалась в него, словно не понимая вопроса. Она колебалась, это было явно. Генрих знал ответ на свой вопрос и не сомневался, что она его тоже знает. Он хотел определить,

какова мера искренности в ее ответах, исчерпывающая ли ее честность перед собой. И когда она заговорила, Генрих, удовлетворенный, взглядом показал Рою, что больше вмешиваться в беседу брата с Анной не будет. Она сказала то, чего он ждал.

— Посмотрите на меня, — попросила она с горечью. — Разве я похожа на тех красавиц, которым он дурил голову? В сравнении с ними я дурнушка. У него был альбом — друзья, сотрудники по прежним экспедициям, возлюбленные... Он с охотой показывал его нам, я могла определить свое место в их ряду. Да и не в одной внешности дело. Духовно я тоже проигрывала... Он вращался среди блестящих людей, мужчин и женщин. Я сразу поняла, что лет через пять, показав на мою фотографию, если она займет место в его альбоме, он скажет: «А вот эта — Таня... Нет, кажется, Мэри... Мы с ней провели отличные два года на Альтоне. Просто не могу понять, почему я так скоро охладел к ней!»

Она перевела дух, усмиряя поднявшееся волнение.

— Возвращаюсь к тому вечеру... Ну, когда Фред сказал, что он подождет... Аркадий вбежал в салон. Я рыдала, положив голову на стол, он стал на колени, успокаивал меня. Я была вне себя, не могла совладать с собой. И я наговорила лишнего. Я призналась Аркадию, что люблю Фреда, и что любовь Фреда ко мне ужасает и оскорбляет меня, и что у меня нет сил защищаться, и что, если он не оставит своих настоиний, я не смогу устоять. «Недолго ждать ему, недолго!» — прокричала я со слезами. До сих пор не могу простить себе, что впала в истерику... В моей жизни не было человека, столь же великодушного и нежного, как Аркадий. Он мог бы мне простить все проступки, и словом не упрекнуть, он такой, но разве это оправдывает, что я его так мучила? И я все говорила, все говорила, пока вдруг не взглянула на него и не испугалась того, что делаю. У него было ужасное лицо... нет, не ужасное, это не то слово, а какое-то отчаянно-отрешенное. Мне вдруг стало так страшно, что я стала оправдываться, стала умолять Аркадия о прощении. Он погладил мои волосы и сказал очень тихо: «Анна, уедем с Альтоне! Подадим рапорт и уедем. Иначе нас ждет большое горе!» Я ответила: «Подождем, Аркадий. Если ничего не изменится, подадим рапорт». Мы еще поговорили немного, и Аркадий ушел в генераторную, а я — в свою комнату.

— Рапорта вы не подавали? — уточнил Рой.

— Не было нужды. С того вечера и до своей смерти Фред вел себя безукоризненно. Мне кажется, начинались дружеские отношения. Налетевшая на него страсть ко мне оказалась недолговечной.

«Во всяком случае, меньшей, чем твоя страсть к нему», — подумал Генрих, услышав, как дрогнул ее голос от внутренней боли.

Анна встала.

— Не знаю, поможет ли вам мое признание, но я облегчила свою душу. Прошу вас, не рассказывайте Аркадию о моем приходе. Я искренне его люблю, поверьте. Ему было бы очень больно, если бы он узнал, что я призналась вам в своем отношении к Фреду. Но я не хочу огорчать его.

— Аркадий не узнает о нашем разговоре, — заверил Рой, провожая Анну до дверей.

Когда дверь закрылась, Генрих возбужденно воскликнул:

— Рой, немедленно пригласи Аркадия. С ним нужно говорить!

— Нужно ли? — с сомнением переспросил Рой. — Мы дали Анне слово...

Генрих нетерпеливо махнул рукой.

— Все твои обещания будут выполнены! На этот раз я сам буду разговаривать с ним. И речь пойдет только о нем и его поступках, а не о чувствах Анны.

Рой вызвал Аркадия. Энергетик экспедиции явился через минуту.

— Простите, что мы снова отрываем вас от дела, — начал Генрих. — Нужно выяснить одно важное обстоятельство. Можете ли вы самым точным образом вспомнить, что вы делали, когда возвратились в генераторную после ссоры с Фредом?

Аркадий пожал плечами. Нет ничего проще, чем вспомнить, что он делал тогда. Он ничего не делал. Он сидел перед пультом такой обессиленный, что даже трудно было руку поднять. Он бессмысленно смотрел на схемы управления механизмами и размышлял о разных вещах. В мыслях он продолжал нападать на Фреда, даже завязал с ним драку, повалил его — в общем, справился. Мстительные мечты вскоре угасли, ни одна не превратилась в поступок. И не потому, что он побаивался сдачи — с Фредом любая драка могла обернуться плохо, — нет, просто одно дело обидчивое воображение, другое — реальное действие.

— У меня с детства стремление рисовать себе всякие картины, — признался энергетик. — Если мама меня наказывала, я воображал, что умер от горя, а мать, раскаиваясь, убивается надо мной. А если ссорился с товарищем, то в мыслях жестоко мстил, и картина воображаемой мести быстро успокаивала меня... К сожалению, я и сейчас не отделался от этой детской привычки.

— Итак, вы сидели у пульта? — уточнил Генрих.

— Тогда как раз начались пусковые испытания генераторов. Я уже говорил, что они шли на малой мощности. Мы проверяли предположение, что непонятный завод — энергетическое сооружение, и пытались воздействовать на него электрическими полями.

— А как работали генераторы спустя три месяца, в день несчастья с Фредом?

— В тот день мы запустили их на максимальную мощность. Для наблюдения за ходом эксперимента мы и собирались все в салоне, хотя обычно работаем в отдельных комнатах. Но и мощные электрические потоки не оживили ни одного из загадочных механизмов.

— Вы сказали: собирались в салоне все?..

— Фред тоже был с нами. Но ему надоело следить за приборами, он оделся и вышел на планету. Потом раздался крик о помощи и вопль, что я его убиваю... Я это время сидел у экрана.

— Достаточно, спасибо, друг Аркадий, — сказал Ген рих.

Аркадий ушел, Генрих весело объявил Рою:

— Как ты уже догадываешься, меня полоснула осле пительная идея. Из тех, которых ты так жаждешь. И если она подтвердится, загадок больше не будет. Ты сказал Анне, что чувства диктовали действия. Если я прав, то на этой удивительной планете чувства и есть действия. Но потребуется один опасный эксперимент...

— Раньше такие эксперименты называли следственными, — с удовлетворением объявил Рой, когда Генрих изложил свою идею. — Будь покоен, я сделаю все, что ты требуешь.

6

Генрих, выходя, подбодрил Роя веселым взглядом. Генераторы работали в надежном режиме, случайностей быть не могло. Рой нервничал. В последнюю минуту он стал просить Генриха остаться в салоне, но Генрих отверг его домогательства: менять программу эксперимента было поздно, выход наружу Роя вместо Генриха мог породить новые неожиданности, отнюдь не разъясняя старых.

С Роем осталась Анна. Она следила, чтобы генераторы не сбрасывали мощность. Сидоров, Замойский и Шарлюс сопровождали Генриха. Братья им объяснили, что надеются оживить сегодня машины и что увидеть их возвращение к деятельности лучше во тьме на планете, а не на экране.

Молящие глаза Аркадия Замойского и усердие, с каким он готовил генераторы к работе на максимальном режиме, яснее слов рассказывали, сколько надежд он связывает с удачей эксперимента. Над Альтоной забушевала электрическая буря: заряды, выбрасываемые генераторами, насыщали поверхность планеты, накапливались на каменистых остриях и гранях. Четыре человеческие фигуры, двигавшиеся во тьме, превратились в своеобразные разрядники.

«Жалко, здесь нет атмосферы, — думал Генрих, всматриваясь в черноту впереди, где размещалось кладбище странных машин, — вот была бы феерическая картина, если бы такая электрическая вакханалия разразилась в земном воздухе, ионизируя его молекулы!»

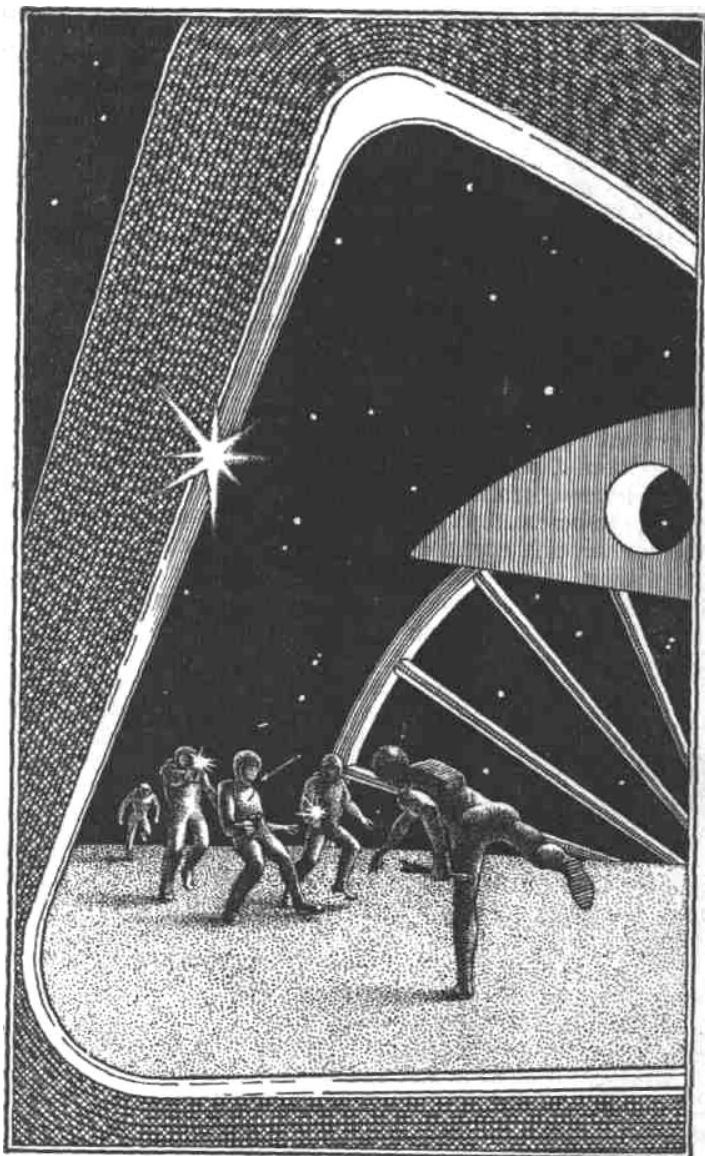
И Генрих, с нетерпением ожидавший именно такого события, первым увидел, что от машин приближается новая человеческая фигура, в скафандре, с копьем в руке. Но двигался незнакомец быстрей, чем ожидал Ген рих. Он не шагал, а мчался, почти летел.

— Да это же Рой! — с изумлением закричал Сидоров в микрофон. — Как он сумел опередить нас? Он же остался в салоне.

— Оружие! — скомандовал Генрих и выхватил электрический пистолет.

Он не успел выстрелить, как незнакомец выбросив вперед копье, ринулся на Генриха. И если бы Генрих не знал заранее, что произойдет, он не сумел бы увернуться от стремительного выпада. Генрих потом говорил, что был тот случай, когда секундное промедление могло стоить жизни. Незнакомец слишком походил на Роя, это была вторая неожиданность. Это был словно сам Рой, внезапно вынырнувший из темноты, — Генрих не осмелился разрядить пистолет.

Зато выстрелил начальник экспедиции, но промахнулся. Выстрелы Шарлюса и Замойского слились. Заряд взрывованного энергетика тоже промчался мимо, зато хладнокровный физик угодил в незнакомца. Тот пошатнулся, но, устояв, снова замахнулся копьем.

Выстрелы Шарлюса и Замойского слились.

Все остальное совершилось в считанные секунды. С той же стремительностью, с какой незнакомец налетел, он стал удирать. Сумрачный ореол уносился в сторону мертвого завода, быстро стираясь в вечной черноте планеты.

— За ним! — крикнул Сидоров и помчался за беглецом.

Генрих нагнал его и остановил.

— Пустите! — Начальник станции яростно вырыва ся. — Преступника нужно схватить!

— Вы никого не схватите. Преступника нет. Он существовал всего несколько минут.

— Выгораживаете своего коварного брата? Мы все видели, что это Рой!

— Рой мирно сидит около Анны и наблюдает, что совершается с нами на планете. Возвратимся на станцию, и сам Рой расскажет вам, в чем суть эксперимента.

7

Рой любил такие минуты — увлеченные глаза, раскрасневшиеся от волнения щеки. Сегодня он не мог пожаловаться на недостаток внимания у его слушателей.

— Нам с самого начала было ясно, что нормы древней криминалистики не подходят, — говорил он в салоне. — Земные детективы установили, что убийства в обычном смысле не произошло, и были правы. Но Редлих погиб физически, и, стало быть, существовали физические причины его гибели. Мы были уверены, что столкнулись с еще неслыханным явлением, и поэтому искали лишь таких объяснений, которые самим представлялись невероятными. Самым невероятным было, согласитесь, что на Фреда совершил нападение Аркадий. Это стало бы достоверным, если бы удалось доказать, что на Альтоне возможно физическое раздвоение личности — появление некоего материального дубля Аркадия, способного хоть на короткий миг совершать самостоятельные действия.

— И вы предположили, что механизмы, оставленные на Альтоне неведомой цивилизацией, могут телесно воспроизвести любого из нас? — уточнил начальник экспедиции.

— Идея эта появилась у Генриха. Человеческая техника способна создавать изображение любого существа и передавать это изображение на любое расстояние. Но наши изображения бестелесны, это лишь рисунки, силуэты на экране, а не тела. Цивилизация, существенно обогнавшая человеческую, могла бы не только создавать оптические изображения, но снабжать их и иными материальными характеристиками, например, телесностью, подвижностью и так далее. Дубль — смесь рисунка и скульптуры, телесное изображение, запрограммированное на некое действие, короче — роботизированная копия... Как она создается машинами Альтоны, оставляем вам в качестве проблемы для исследования. Но что дело обстоит именно так, мы доказали экспериментом: я пожелал напасть на Генриха с копьем, а механизмы осуществили желание, создав мою телесную копию. Главная трудность, кстати, была не в том, чтобы физически меня скопировать, коль скоро загадочные механизмы на Альтоне заработали, а в том, чтобы доказать, что они вообще могут работать. Была и еще трудность — мотивы преступления (применяю этот термин условно, поскольку более точного нет). И если бы не откровенность Анны, рассказавшей о ссоре с Фредом, и неискренность Аркадия, признавшегося, что было с ним в те тяжелые минуты, у нас в руках не очутилось бы путеводной нити к разгадке тайны.

— Я и понятия не имел, что мои озлобленные мечтания могут привести к таким страшным последствиям, — проговорил расстроенный Аркадий.

— Все мы привыкли думать, что разыгравшееся воображение — пустяк. Оно меньше значит, чем даже плохое слово, брошенное сгоряча. В мыслях мы зачастую позволяем себе то, чего никогда не выскажем словесно, тем более — не осуществим. На Земле такой дуализм воображения и действия не опасен, но на Альтоне любая мечта уже есть поступок. И если мечта нехороша, поступок превращается в преступок.

— Вы не объяснили, как разгадали тайну механизмов, — сказал Шарлюс. Толстого физика моральные проблемы интересовали меньше, чем инженерные.

— Разгадка пришла естественно. Аркадий, мечтая о мести Фреду, сидел у только что запущенных генераторов энергетических полей. Вполне можно было допустить, что эти поля, усилив как-то биоволны его мозга, передали его мечты механизмам на Альтоне в качестве вводной информации. Машины, восприняв сигналы, создали план осуществления мечты в образе дубликата Аркадия, нападающего во тьме на Фреда. Вероятно, среди картин, проносившихся в возбужденном мозгу Аркадия, была и похожая на эту. И если Редлих не погиб сразу после ссоры, то лишь потому, что механизмам, материализующим воображение, не хватило энергии, притекающей со станции. Впервые генераторы заработали на полную мощность в день убийства. Мы обратили внимание и на это многозначительное совпадение. Оно свидетельствовало в пользу Аркадия, ибо за эти три месяца его раздражение против Фреда превратилось в благодарность за спасение. Запоздавшее убийство было вызвано внезапно усилившимся притоком энергии.

— Стрела, летящая во тьме, как говорили древние! — Побледневшая Анна передернула плечами. — Я буду теперь бояться ходить по планете. И каждого подозревать, что он плохо думал обо мне!

Начальник экспедиции взволнованно сказал:

— Нет, Анна, бояться планеты нам нечего, тем более не придется бояться самих себя. Будем знать, что на Альтоне нужно контролировать не только действия и слова, но и тайные свои мысли. Научимся и этому, как ребенок научается, что не все позволено делать и не всякие слова можно безнаказанно прбизнести. Да и Земля, отправляя новые экспедиции, будет отныне подбирать людей, воспитанных не только в смысле внешнего поведения, но и обладающих хорошо воспитанным воображением. Все это не такая уж тяжкая проблема. Я думаю о них, о загадочных создателях этих удивительных механизмов. Вы, друзья, распутав загадку, открыли нам поистине удивительные горизонты.

Сидоров помолчал, собираясь с мыслями.

— Вы доказали, что механизмы, найденные на Альтоне, действуют и нуждаются лишь в притоке энергии извне. Вы установили, что они способны материализовать смутные мысли, проносящиеся в нашем мозгу. Вероятно, вскоре мы установим и многие другие функции этих механизмов. Но уже и сегодня ясно, что обитатели Альтоны пользовались ими для осуществления своих мысленных пожеланий. Люди на Земле придумали машины, производящие материальную продукцию, и роботов, оказывающих услуги непосредственно человеку. Как неизмеримо дальше пошли жители Альтоны! Армия слуг, возникающих, когда в них появляется надобность, и бесследно потом исчезающих! Ни ремонтировать, ни смазывать! Никакого прислужничества перед своими помощниками, в то время как люди так много времени тратят на уход за машинами... Я не могу отделаться от мысли, что цивилизация альтонцев могла бы многому нас научить — не только в материальной культуре, но и морально. Когда механизмы заработают полностью, нам придется деспотически следить за собой, чтобы неосторожная мысль, внезапная опасная фантазия снова не привела к катастрофе. И это при условии, что мы сидим заперты на станции, лишь изредка выбираясь наружу. А альтонцы жили среди своих механизмов, непосредственно общались с ними! Мне бы хотелось познакомиться с этими удивительными существами — не так позаимствовать инженерные достижения, как завоевать сердечное доверие, стать им другом. Но для этого нужно решить другую загадку: куда они подевались?

— Раскрытие тайны механизмов бросает свет и на тайну исчезновения альтонцев, — заметил Аркадий. — Механизмы работают лишь при притоке энергии извне. Органических источников энергии на Альтоне нет, а лучистая энергия Веги слишком мала. Надо поискать на планете атомные установки. Если здесь имелись энергетические руды и если запасы их истощились, то альтонцам пришлось или погибнуть, или переселиться на иные планеты.

— Мы попросим Землю послать специальные экспедиции на поиски альтонцев, — пообещал Рой.

В разговор вступил молчавший Генрих. Он не любил публичных выступлений и, если в них возникала необходимость, предоставлял их Рою.

— Разреши теперь и мое недоумение, Рой. Почему твой призрачный дубль вдруг так проворно удрал?

— Ах, это! — сказал Рой. — На экране нам с Анной было видно, что вы замешкались с отпором и отволнения плохо целитесь. Вот я и послал механизмам мысленную команду, чтобы дубль мой провалился в тартарары. Исполнители они первоклассные, это вне сомнения.

УМЕРШИЕ ЖИВУТ

1

Петр потерял нить спора. Рой и Генрих всегда спорили. Не было явления в мире, чтобы братья оценили его одинаково. Если один говорил: «да», другой откликался: «нет». Даже по виду они были не разные, а противоположные. Рой — два метра тридцать, голубоглазый, белокурый — был так обстоятелен, что отвечал речами на реплики. Генрих — всего метр девяносто восемь, черненький, непоседливый — даже на научных совещаниях ограничивался репликами вместо речей. Словоохотливость Роя раздражала Генриха, он насмехался над стремлением брата не упустить ни одной мелочи. Исследования по расшифровке слабых излучений человеческого мозга, уловленных приборами в межзвездном пространстве, они совершили совместно. Еще когда Генрих заканчивал школу — Рой был на семь лет старше, — братья стали работать вместе и с той поры не разлучались ни на день; Достаточно было одному чем-либо заинтересоваться, как другой тотчас загорался этим же. Трудно было найти еще столь близких друзей, как эти два человека.

— Ты не желаешь слушать! — упрекнул Генрих Петра.

— ...и потому надо переработать огромный фактический материал, фиксируя сразу десятки и тысячи объектов, — невозмутимо продолжал Рой какой-то сложно задуманный аргумент.

— Тумба! — с досадой продолжал Генрих. — Тумба внимательнее тебя, Петр.

— ...А на основе проделанного затем подсчета и отбора наиболее благоприятных случаев...

— Я отвлекся, — сказал Петр с раскаянием.

— ...учитывая, конечно, индивидуальные особенности каждого объекта, ибо на расстояниях в сотни светолет искажения неизбежны, и, кроме общей для всех характеристики, они будут пронизаны своими неповторимыми особенностями... — доказывал Рой.

— Твое мнение? — потребовал Генрих.

— У меня его нет, — сказал Петр. — Я наблюдатель, а не судья.

— ...вывести общее правило поиска и применить его к расшифровке уже других объектов, которые, в свою очередь...

Генрих вскочил;

— Выводи общие правила, а я начну, как все люди, с самого простого.

Генрих вышел, хлопнув дверью. Рой замолчал, не закончив фразы. Петр засмеялся. Рой с укором посмотрел на него.

— Неужели вы рассчитывали, что с первого испытания все пойдет как по маслу? — спросил Петр.

— Вторая неделя, как механизмы запущены, — пожаловался Рой, — и ни одной отчетливой картины!

Петр с сочувствием смотрел на него. Братьям, конечно, не до веселья.

Сверхсветовые волны пространства, в считанные минуты уносясь за Сириус и Капеллу, фиксировали множество сфер излучения, удалявшихся от Земли, но расшифровать их не удавалось. На экране порой вспыхивало что-то туманное, нельзя было разобрать, где лица, а где деревья, где животные, а где здания, посторонние шумы забивали голоса.

— Вы сумели разрешить самую важную часть проблемы — волны пространства оконтуривают уносящиеся мозговые излучения, — сказал Петр. — Доказано, что любой человек оставляет после себя вечный памятник своей жизни. А что буквы на памятнике так сложны...

— На Земле уже двести лет отлично расшифровывают излучения мозга, — возразил Рой. — Но что это окажется так трудно по отношению к волнам, давно запущенным в космос...

— Вот-вот! А теперь вы тщательно разберетесь в помехах и найдете способы преодолеть их.

В комнату вошел взволнованный Генрих:

— Механизмы переведены на мою систему поиска, Рой! Советую убедиться, что ничего от твоих предложений не сохранено в программах.

— Если все собрано точно по твоей схеме, то не сомневаюсь в провале. — Рой вышел.

— Устал! — сказал Генрих, опускаясь в кресло. — Две недели почти без сна... Тошнит от мысли о восстановительном душе. Рой обожает душ. А терять часы на сон жалко! Как вы обходились в своей дальней дороге?

— Мы спали, Генрих. У нас тоже имелся радиационный душ, и мы порой, особенно за Альдебараном, прибегали к нему. Но любить его — нет, это противоестественно! Когда была возможность, мы спали обычным замечательным земным сном.

— Я посплю, — пробормотал Генрих, закрывая глаза. — Минут десяток...

— Только не сейчас! — Петр потряс Генриха за плечо. — Когда вы запальчиво спорите, я никого из вас не понимаю. Объясни, пока Роя нет, чем твоя схема отличается от его.

— Схема? — сказал Генрих, открывая глаза. — У Роя нет схем. Рой педант.

Генрих вскочил и зашагал по комнате. Если приходилось объяснять, ему легче это было делать на ходу.

Петр наконец уяснил себе, что Рой настаивает на фиксации всех излучений мозга, обнаруженных в галактическом пространстве, а после изучения того, что объединяет их, хочет искать индивидуальной расшифровки. Генрих же настаивает, чтобы начали поиск с излучений выдающейся интенсивности, с резкой индивидуализацией — горных пиков своеобразия на плоской равнине схе-жестей.

— Во все времена существовали люди с особо мощной работой мозга. Пойми меня правильно, Петр, я не о признанных титанах умственного усилия... Нет, обычные люди, может, неграмотные мужики, а может, и гении, не зарекаюсь, — те, у кого мозг генерировал особо мощно...

— Мне кажется, резон в твоих рассуждениях есть.

— Скажи это Рою! Обязательно скажи!

Генрих снова опустился в кресло. Рой не шел, и Петр заговорил опять:

— Рой намекнул, что у тебя какие-то личные причины заниматься этой работой... Извини, если вторгнулся в интимное...

— Я не скрываю. Ты слыхал об Альбине?

— Знаю, что она была твоей невестой.

— И больше ничего?

— Я был в командировке на Проционе, когда она погибла при катастрофе с планетолетом. Нас всех потрясло это известие. Очаровательная, очень красивая женщина.

— К тому же — редкая умница... Гибель ее... в общем, я думал о ней ежеминутно, говорил с ней во сне и наяву. Мне захотелось возвратиться в ее жизнь, увидеть ее девчонкой, подростком, девушкой... Так явилась мысль заняться волнами мозга, излученными в мировое пространство. Конструкции механизмов разрабатывал Рой.

— А то, ради чего ты начал работу?

— С Альбиной пока не получается... Радиосфера ее мозга несется где-то между тридцатью двумя и восемью светогодами. Она умерла восемь лет назад, двадцати четырех лет от роду. Но на таком близком расстоянии — дикий хаос мозговых излучений. Слишком уж интенсивно думают наши современники...

В комнату быстро вошел Рой.

— В восьмистах пятидесяти светогодах от Земли, за Ригелем и Бетельгейзе, приемники зафиксировали мощное излучение мозга! Идемте смотреть.

2

На стереоэкране вначале прыгали цветные блики, световорот крутящихся вспышек накладывался на круговорот предметов. Потом в хаосе внезапно наступил порядок. На экране выступили цифры, знаки и буквы, они выстраивались цифра за цифрой, буква за буквой, знак за знаком.

— Формулы! — воскликнул Генрих.

— Формулы! — подтвердил Петр. — Стариннейший способ, начало алгебры. Такие формулы применялись на заре науки.

— Похоже, мы уловили мыслительную работу какого-то математика, — сказал через минуту Генрих. — Рой, ты все знаешь. Какие математики были в ту эпоху?

Расшифрованное излучение походило на доказательство теоремы. Неизвестный математик рассчитывал варианты, принимал одни, отвергал другие: некоторые буквы исчезали, словно стертые, другие выступали отчетливей — доказательство шло от посылок к следствиям.

— Нет, какая мощная мыслительная работа! — не выдержал снова Генрих. — Этот парень так погружен в вычисления, что не видит ни одного окружающего пред-ме... Что это?

На экране возникло изображение старинной улицы — кривая, круто уходящая вверх мостовая, трехэтажные красные дома с балкончиками и флюгерами, крестьянская телега, запряженная быком, в отдалении. По улице шел толстый человек в берете и темном плаще, из-под плаща выступал кружевной воротник. У человека было обрюзгшее лицо, под глазами багровые мешки, губы зло кривились. В руке он держал суковатую палку.

— Вы так задумались, господин советник Ферма, что не видите, как наталкиваетесь на прохожих, — сказал человек в берете и стукнул палкой по булыжнику. Голос у него был под стать лицу — хриплый, сварливый. — Скажите спасибо, что столкнулись со мной, а не со стеной, а не то у вас появилась бы на лбу преогромнейшая шишка!

С экрана зазвучал другой голос, растерянный и добрый:

— Простите, господин президент парламента, я временами бываю... Поверьте, я очень смущен!..

— Рад за вас, что вы смущены своей бес tactностью, Ферма, — продолжал человек в кружевном воротнике. — И что вы временами «бываете», я тоже знаю. Весь вопрос, где вы бываете. Бывать на службе вы не имеете времени. Ну-с, я слушаю. О чем вы размышляли?

— У меня сегодня счастливый день, господин президент. Я наконец осуществил давно задуманное!

— Вот как, счастливый день? Осуществили задуманное? А что вас так обрадовало, Ферма? Неужели вы задумали разобраться наконец в том ворохе дел, что накопился у вас в ратуше, и осуществили задуманное? Неужели теперь никто не будет тыкать в вас пальцами, как в лентяя? Ферма, может быть, вы задумали взяться за ум, как этого требует ваше благородное происхождение и незаурядные знания, а также общие пожелания граждан нашего города, и осуществили это? О, если это так, Ферма, я вместе с вами воскликну: «Да, он имеет право быть счастливым!» Что же вы опустили голову?

— Господин президент... Я сегодня нашел доказательство одной замечательной теоремы, и какое доказательство!

Толстяк взял за локоть невидимого на экране Ферма.

— Сделаем два шага в сторону, господин советник. Вот цирюльня нашего уважаемого Пелисье, а вот его реклама — уличное зеркало. Вглядитесь в зеркало, Ферма, и скажите, что вы видите?

— Странный вопрос, господин президент! Я вижу себя.

Теперь с экрана глядел второй собеседник — худое, удлиненное лицо, высокий, плитою, лоб, резко очерченный нос над крохотными, ниточкой, усиками, черные волнистые — свои, а не накладные — волосы, белый, платком, льняной воротничок.

— Я видел его портрет в музее, — прошептал Генрих. — Как похож!

— Какие лучистые глаза! — отозвался Петр. — И какое благородство и доброта в лице!

— Вы мешаете слушать! — пробормотал Рой. — Глаза как глаза — глядят!

А люди на экране продолжали беседу:

— Я скажу вам, что вы увидели в зеркале, Ферма. Вы увидели удивительного мужчину — не добившегося положения в обществе, теряющего любовь невесты, уважение окружающих... Вот кого вы увидели, Ферма!

. И после этого не твердите мне о дурацких доказательствах каких-то дурацких теорем. Я друг вам и как друг говорю: вы конченый человек, Ферма! Вся Тулуса издевается над вами! Арифметикой Диофанта в наше

время не завоевать ни денег, ни положения, ни любви. Оставьте это старье древним грекам, которые находили в цифрах и чертежах противоестественное наслаждение, и станьте наконец на уровень века. До свиданья, Ферма!

— Одну минуточку, господин президент!.. Я ведь шел к вам, чтобы... Я третий месяц не получаю жалованья, господин президент!

Толстяк снова стукнул тростью о булыжник.

— И еще три месяца не получите! Жалованье! Вас не за что жаловать. Подумайте над моими словами, Ферма.

Толстяк медленно поднимался по крутой улице, а дома стояли неподвижно. Потом дома пришли в движение, теперь улица опускалась. Дома уходили вверх, их сменяли новые — Ферма шел вниз. Улица стала тускнеть, сквозь кирпич стен и булыжник мостовой простили буквы и знаки — мозг Ферма снова заполнили формулы. Вскоре от внешнего мира не осталось и силузтов — на экране светило лишь сызнова повторяемое вычисление.

А потом сквозь математические знаки простила заставленная вещами комната — картины и гобелены на стенах, высокие резные шкафы по углам. В сумрачной комнате, освещенной одним узким окном, всюду виднелись книги — заваливали диван, возвышались горками на полу. Одна, огромная, в кожаном переплете, лежала на столике — на экране руки Ферма перелистывали страницы фолианта.

На пороге комнаты стояла старуха в чепце.

— Отвлекитесь от Диофанта, господин Ферма, — говорила старуха. — Удалось вам раздобыть денег? У меня не на что покупать провизию, господин Ферма. Вы меня слышите?

— Слышу, слышу, дорогая Элоиза, — донесся с экрана торопливый голос Ферма. — Я слышу тебя самым отличным... Что ты хочешь от меня?

— Я хочу вас накормить, а на это нужны деньги.

— К несчастью, Элоиза, поход был неудачен. Президент пригрозил, что еще три месяца не будет платить.

— Боже мой, что вы говорите! Еще три месяца без жалованья!

— Пустяки, Элоиза! Всего девяносто один день. Продай что-нибудь, и мы отлично проведем эти три месяца.

— А что продать? Самое ценное у вас — книги, но вы не разрешаете даже пыль с них стирать.

— И не разрешу, Элоиза! Книги святей икон.

— Не кощунствуйте! Может, продать шкаф?

— Правильно! На что нам так много шкафов?

— А куда вы будете класть свои книги? Я лучше предложу старьевщику господину Пежо наши гобелены.

— Ты умница, Элоиза! Гобелены давно мне надоели. Сейчас я их сниму со стен.

— Постойте, господин Ферма! Я вспомнила, что они закрывают места, где отлетела штукатурка. Лучше шкафы!..

— Вот видишь, я первый сказал о шкафах. Зови Пежо, а пока, пожалуйста, оставь меня. У меня важное вычисление.

— У вас всегда важные вычисления. Я должна еще кое-что сказать.

— Говори, только поскорее.

— Вчера у Мари был день ангела. Вы забыли об этом?

— Что? Я забыл о дне ангела своей дорогой невесты? Как у тебя язык повернулся сказать такое, неразумная Элоиза! Да я вчера только о Мари и думал! Весь день думал о ней.

— И не пошли ее поздравить! Вас пригласили к ней, но вы не явились.

— Ах, черт! Правильно, не пошел... Именно вчера мне явилась великолепная идея, и я немедленно сел ее разрабатывать. Поздравь меня, Элоиза, я добился необыкновенного успеха!

— Все ваши успехи в арифметике не помогут мне сварить даже постного супа. И они не восстановят потерянных надежд на устройство семьи!

— Что ты каркаешь? Какие потерянные надежды?

— Я так хотела вашего счастья, я так любила Мари!..

— Элоиза, твои слезы разрывают мне сердце! Выгни глаза! Ты сказала что-то странное о Мари, я не понял.

— Она недавно приходила, ваша Мари. И она сказала, что по настоянию родителей и по решению своего сердца освобождает вас от вашего обещания... Она раздумала связывать свою жизнь с вашей... Что с вами, господин Ферма?

— Ты что-то спросила, Элоиза? Нет, я...

— Что вы собираетесь делать?

— А что я могу?.. Если вдуматься... Правда, я люблю ее... Но еще не было на свете женщин, которые довольствовались бы одной любовью!

— Много вы знаете о женщинах! Вы свою арифметику знаете, а не женщин. Слушайте меня, господин Ферма. Мари от нас ушла к вечерне. Вечерня кончается через час. Идите к собору, объяснитесь с ней. Дайте обещание зажить по-иному. Она любит вас, поверьте старухе!

— Это, пожалуй... Пообещать с завтрашнего дня зажить по-другому!.. Элоиза, ты возвращаешь меня к жизни! Так ты говоришь, вечерня кончается через час?

— Ровно через час, не опоздайте! А я пойду упрашивать господина Пежо раскошелиться на один из ваших шкафов.

Вещи пришли в движение, перемещались — хозяин комнаты метался из угла в угол. И опять вещи стали замирать, а на экране, еще туманные, проступали математические знаки.

Теперь весь экран занимала книга, тот фолиант, что лежал на столе. Ферма перелистывал пергаментные страницы, потом схватил перо и пододвинул бумагу. Знаки и числа теснились друг к другу. Ферма заносил на бумагу вычисление, неотступно стоявшее в его мозгу. Только раз он отвлекся и, посмотрев на стенные часы, сказал:

— Я что-то должен был сделать? Ладно, придет Элоиза...

А затем, доведя вычисление до конца, он снова обратился к фолианту и торопливо, брызгая чернилами, стал писать на его полях. Это было уже не вычисление, а излияние. Ферма перекликался с великим математиком древности, умершим за полторы тысячи лет до него. Ферма сообщал ему и миру о событиях сегодняшнего дня.

— «Я нашел поистине удивительное доказательство этой теоремы, — записывал он и читал вслух свои записи, — но поля Диофанта слишком малы, и оно не уместится на них...»

Он взял листочек с вычислением, минуту любовался им — весь экран закрыли знаки, буквы и числа — и, свернув листочек, вложил его между страницами Диофанта. На экране появилось его лицо, Ферма подошел к зеркалу. В зеркале засияли огромные, чуть выпуклые, очень добрые глаза, они смеялись, все лицо смеялось.

— Ты счастливый человек, Пьер! — торжественно сказал Ферма. — Какой день! Нет, какой благословенный день! Я скажу тебе по части, Пьер: вся прожитая тобой жизнь не стоит этого одного необыкновенного, этого восхитительного дня! Говорю тебе, истинно говорю тебе — нет сегодня счастливей тебя в целом мире!

Радость так и лучилась из Ферма, и потомки, через восемьсот пятьдесят лет ставшие свидетелями его торжества, радовались вместе с ним. А потом излучения мозга Ферма стали забиваться другим и — на экране заплясали световые блики.

— Каково? — с торжеством сказал Генрих.

— Кое-что твоя схема дает, — признал Рой. — Но случай с Ферма пока единичен.

— Мы, очевидно, присутствовали при создании того знаменитого доказательства великой теоремы Ферма, которое впоследствии утеряли и которое, сколько помню, не сумели восстановить соединенные усилия математиков мира в течение многих столетий, — сказал Петр.

— Я наведу справку, доказана ли уже теорема Ферма! — крикнул Генрих и скрылся.

— Думаю, все записанное Ферма на том клочке бумаги будет теперь восстановлено полностью, — заметил Рой.

Генрих вернулся сияющий.

— Нет! До сих пор — нет! Почти девять столетий протекло с того дня, и человечество не сумело повторить его удивительное доказательство! Естественно, что он так радовался! Но вот что интересно: работы Ферма после его смерти издал его сын Семюэль. Очевидно, Ферма все-таки женился.

— Не каждый день он доказывал по великой теореме, — возразил Рой. — Нашлись свободные часы и для невесты. Важно другое: в тот знаменательный день мозг Ферма работал с такой интенсивностью, что далеко обогнал среднюю интенсивность мозга людей его поколения. Даже рассеянно оглядывая свою Тулузу и обстановку комнаты, он сохранил нам яркий рисунок ее домов и вещей, и лица, и голоса того президента и той старушки Эло...

На экране вспыхнула новая картина. Генрих нетерпеливо сказал:

— Рой, повремени с комментариями! Дешифраторы передали в зал, что на расстоянии в тысячу светолет от Земли приемники уловили еще одно излучение мозга такой четкости и силы, что оно сравнительно легко поддается переводу в образы и слова.

— Тысячу лет назад! — воскликнул Генрих. — Кто бы это мог быть?

— Твои восторженные крики не лучше моих комментариев, — сказал обиженный Рой.

3

Это была тюремная камера. На полу вповалку лежали заключенные, в квадратик окошка под потолком лился солнечный свет — сноп его не рассеивал, а лишь пронзал полумрак. Фигуры спящих людей, закутанных в рванье, были неразличимо схожи, и лишь один выделялся в сумрачной массе. Этот человек был так же скверно одет, так же скрючился на полу, чуть ли не подтягивал колени к подбородку — над спящими возносился белый парок от дыхания, в углах камеры тускло поблескивала наледь, — так же тяжело дышал, сомкнув глаза, так же стонал не то во сне, не то в забытьи. И единственным, что выделяло его среди товарищей, было то, что он выступал в полумраке отчетливо, с такими подробностями одежды и лица, словно только его кто-то пристально рассматривал со стороны, все остальное охватывая лишь как фон.

Кого-то неизвестного, чьи мозговые излучения были расшифрованы через тысячу лет, интересовал один из всех людей, лежащих на полу тюремной камеры, и он всматривался в этого заключенного со скорбью и жалостью.

Человек на полу лежал в стороне от проникшего в камеру солнечного луча, но голова его была освещена так ярко, словно свет падал на нее одну. Достаточно было взгляда на эту странную голову, чтобы выделить среди других и запомнить: круглый череп, лишенный волос, круглое безбровое лицо, очень острый тонкий нос, тонкие губы насмешника, остроконечный подбородок человека безвольного, гигантский лоб мыслителя над маленькими глазами, впалые щеки туберкулезника, окрашенные на скулах кирпичным румянцем. Человек, не открывая глаз, кашлял и прижал руку к груди, жалко морщась, — в груди болело. Так же, не открывая глаз, он взято — и грустно и насмешливо — проговорил стихами («перевод с французского на современный международный», — доложили дешифаторы):

А я уже полумертвей,
Покрыт холодным смертным потом
И чую, близок мой конец,
И душит липкая мокрота...

— Послушайте, это он себя рассматривает! — зашептал Генрих. — Он словно бы рассматривает себя со стороны!

— Стихи Франсуа Вийона, — добавил Рой. — Был такой французский поэт, и жил он как раз тысячу лет назад.

На громко произнесенные стихи поднял голову другой из лежавших на полу. И сейчас же картина переменилась. Камера сохранилась, но тот, кто читал стихи, пропал, лишь голос его слышался ясно, и все стало таким, как будто происходившее в камере рассматривалось теперь его глазами.

Человек, поднявший голову, был одноглаз и свиреп на вид.

— Плохо тебе, Франсуа? — прохрипел он. — Ну и слабенькое у тебя здоровье!

— Побыл бы ты с полгода в Менских подвалах проклятого епископа д'Оссинни Тибо, посмотрел бы я на твое здоровье, Жак! — проворчал человек, читавший стихи. — Вот уж кому не прощу! — Он снова — и неожиданно весело — заговорил стихами:

...церковь нам твердит,
Чтоб мы врагов своих прощали...
Что ж делать! Бог его простит!
Да только я прошу едва ли.

Их разговор заставил еще нескольких заключенных приподняться. Почесываясь и зевая, они приваливались один к другому плечами, чтоб сохранить тепло.

— Чёрга ему в твоем прощении! — продолжал одноглазый Жак. — Д'Оссинни живет в райском дворце, его моления прямехонько доставляются ангелами в руки всевышнему. А тебе доля — светить лысой башкой в камере. Отсюда не то чтобы скромного моления — вопля на улице не услышишь.

— Все же я буду молить и проклинать, друг мой громила Жак! — возразил Франсуа. — И если я как следует, с хорошими рифмами, со слезой, не помолюсь за нас за всех, вам же хуже будет, отверженные! Или вы надеетесь, что за вас помолятся кюре и епископы? Святая братия занята жратвой и питьем, им не до вас! Теперь послушайте, как у меня получается моление.

Изменив голос на пронзительно-скорбный, Франсуа не то пропел, не то продекламировал:

О господи, открой нам двери рая!
Мы жили на земле, в аду сгорая.

В разговор вступил третий заключенный. Этот лежал в углу, где поблескивал на стене лед, и даже голос его казался промерзшим:

— Зачем тебе молиться, Франсуа? Ровно через двое суток тебя благополучно вздернут на виселице, и ты, освобожденный от земных тягот, взмоешь на небеса. Побереги пыл для личного объяснения с господом, а в разговоре со всевышним походайствуй и за нас. Если, конечно, тебя с виселицы не доставят в лапы Вельзевулу, что вероятней.

На это Вийон насмешливо откликнулся другими стихами:

Я — Франсуа, чему не рад.
Увы, ждет смерть злодея,
И сколько весит этот зад,
Узнает скоро шея.

Камера ответила хохотом. Теперь проснулись все, и все смеялись. Заключенные глядели с экрана в зал на невидимого Франсуа и гоготали — очевидно, он скрчил очень уж умильную рожу. Лязгнули запоры, и на шум

вшел сторож — высокий, как фонарный столб, и такой же худой. В довершение сходства удлиненная голова напоминала фонарь. На багровом, словно подожженном лице тюремщика топоршились седые усы в локоть длиной.

Он с минуту укоризненно разглядывал Вийона.

— Опять шутовские куплетики? — проговорил он неодобрительно. — Разве вас засадили в лучшую тюрьму Парижа, чтобы вы хохотали? Ах, Франсуа, послезавтра тебе отдавать богу душу, а ты отвлекаешь своим весельем добрых людей от благочестивых мыслей о предстоящей им горькой участи!

С экрана раздался дерзкий голос невидимого Франсуа:

Я не могу писать без шуток,
Иначе впору помереть.

— Именно впору, — подтвердил сторож. — Говорю тебе, послезавтра. По-христиански мне жаль тебя, ибо в аду за тебя возьмутся по-настоящему. Но по-человечески я рад, ибо с твоим уходом тюрьма снова станет хорошей тюрьмой, из того легкомысленного заведения, в которое ты ее превращаешь.

— Послушай, Этьен Гарнье, я согласен, что веду себя в тюрьме не слишком серьезно, — возразил Вийон. — Но ведь вы можете избавиться от меня, не прибегая к виселице. Я не буду возражать, если ты вытолкнешь меня на волю невежливым пинком в зад.

— На волю! — Сторож захотел. — Из того, что ты мало подходишь для тюрьмы, еще не следует, что тебе будет хорошо на воле. Франсуа, ты должен вскрикивать от ужаса при мысли о воле. Воля на тебя действует плохо.

— И ты берешься доказать это?

— Разумеется. Я не бакалавр искусств, как ты, но что мое, то мое. И общение с вашим братом, отпетыми, научило меня красноречию. Думаю, мне легко удастся переубедить тебя в трех твоих заблуждениях: в любви к воле, в ненависти к тюрьме и в противоестественном отвращении к виселице.

— Что же, начнем наш диспут, любезный магистр несвободных искусств заточения Этьен Гарнье.

— Начнем, Франсуа. Мой первый тезис таков... Впрочем, нам надо раньше выбрать судью, чтобы все было, как в Сорbonне!

— Ты считаешь, что тюрьма подобна Сорbonне?

— Она выше, Франсуа. В Сорbonне ты был школьником, сюда явился бакалавром. Школьников мы не держим, зато магистры и доктора встречаются нередко. И мы кормим своих обитателей, кормим, Франсуа, кормим, а кто вас кормит в Сорbonне?.. Как же будет насчет судьи?

Камера, струдившаяся вокруг Гарнье и Франсуа, дружно загомонила:

— Жака Одноглазого! Жака в судьи!

— Пусть Жак! — согласился сторож, и Одноглазый выдвинулся вперед. — Итак, мой первый тезис: воля плохо действует на тебя, Франсуа. Она убивает тебя, друг мой. Тебе тридцать два года, а ты похож на старика. Ты лыс, у тебя выпали зубы, руки дрожат, ноги подгибаются. Ты кашляешь кровью — это от излишества воли, Франсуа Вийон! Тебя сгубили вино и женщины. Я бы добавил к этому и рифмы, но рифмами ты балуешься и в тюрьме. Чего ты добился, проведя столько лет на воле? Ты имеешь меньше, чем имел в момент, когда явился в этот мир, ибо растерял здоровье и добрые начала, заложенные в тебя девятимесячным трудом твоей матери. У тебя нет ни жилья, ни одежды, ни денег, ни еды, ни службы. Что ждет тебя, если ты вырвешься на волю? Голод, одиночество и верная смерть через месяц или даже раньше — мучительная смерть где-нибудь под забором или на лежанке какой-нибудь подружки, приотившей тебя из жалости. Я слушаю тебя, Франсуа.

— Гарнье, жестокий, бесполковый Гарнье, ты даже не подозреваешь, как прав! Все же я опровергну тебя. Да, конечно, я пострадал от излишеств воли, но я знал вволю излишества! Не всегда, но часто, очень часто я бывал до усталости сыт. Меня любили женщины, Гарнье, тебе этого не понять, тебя никто не любил, ты сам себя не любишь! А друзья? Где еще есть такие верные друзья, как на воле? Кулак за кулак, нож за нож! И я согласен, что через две недели я умру, выйдя на волю. Но что будут за две недели, Гарнье! Я напьюсь вдосталь вина, нахжуясь жирных яств, набегаюсь по кри-вушкам Парижа, насплюсь у щедрых на ласку потаскух, пожарюсь у пылающих каминов и позабуду холод твоей камеры — вот что будет со мной в отпущеные на жизнь две недели! Таков мой ответ тебе, Гарнье. А скорой смерти, так щедро обещанной тобою, я не боюсь, нет!..

...судьба одна! Я видел все — все в мире бренно,
И смерть мне больше не страшна!

— Ты губишь не одно тело, но и душу, Франсуа. Воля иссушает твою заблудшую душу, мой мальчик. А душа важнее тела, поверь мне, я много раз видел, как легко распадается тело. Сохрани свою душу для длинной жизни, Франсуа!

— На это у меня есть готовый ответ:

Легко расстанусь я с душой,
Из глины сделан, стану глиной;
Кто сыт по горло нищетой,

Тот не стремится к жизни длинной!

— Что ж, и тезис убедителен, и возражение неплохо! — объявил Жак Одноглазый. — Будем считать, что ни один не взял верх.

— Слушай теперь мой второй тезис, Франсуа. Ты должен любить, а не ненавидеть тюрьму. Ни дома, ни в монастыре, ни в церкви ты не встретишь такого воистину христианского обращения, как в тюрьме. Здесь тебя по заслугам ценят и опекают, Франсуа. Тебе предоставили место для спанья, а всегда ли ты имел на воле такое место? Тебя регулярно кормят — не жирными каплунами, конечно, но знал ли ты каплунов на воле? За тобой следят, заботятся о твоем здоровье, дают вволю спать. А если ты позовешь на помощь, разве немедленно не появлюсь я? Разве наш добрый хирург месье Бракке не пустит тебе кровь, если ты станешь задыхаться? Тюрьма — единственное место в мире, где не помирайтся с твоей болезнью, не допустят твоей преждевременной смерти. Господин судья сказал мне: «Гарнье, Вийон должен своими ногами взойти на эшафот». И можешь поверить, дорогой Франсуа, я не досплю ночей, но не допущу, чтобы болезнь осилила тебя. Такова тюрьма.

— На это я отвечу тебе: прелести воли не потускнели в моих глазах от того, что ты красноречиво расписал удобства тюрьмы.

— Тезис силен, а возражение неубедительно! — объявил Жак Одноглазый. — По второму пункту победил Гарнье.

— Тезис третий: ты должен стремиться на виселицу, а не увиливать от нее, — возгласил торжествующий Гарнье. — Нет большего счастья для тебя, чем добропорядочная виселица. Для тебя, Франсуа, виселица не кара, а избавление. Избавление от недуга, что гнетет тебя, от мук неизбежного умирания, от боли в костях и легких, от голода и холода, от неизбывных долгов, от нищеты, от коварных друзей, от всех напастей, от всего горя, что переполняет твое сердце. Виселица для тебя выход в истинную свободу из юдоли скорби и слез. Один шаг, всего полувздох — и ты в царстве вечного облегчения и радости. А если по заслугам твоим ты угодишь не в рай, а кое-куда пониже рая, то горших мук, чем твои земные, и там не узнаешь. Разве ты не орал полчаса назад в этой камере как оглашенный: «Мы жили на земле, в аду сгорая». И подумай еще о том, Франсуа, что в тех подземельях под раем тебе уже никогда не придется жаловаться на недостаток тепла, а здесь ты трясеешься даже в солнечные дни. Говорю тебе, спеши на виселицу, спеши на виселицу, Франсуа!

— Перестань, проклятый Гарнье! Чума, чума на твое злое сердце! Не хочу умирать, слышишь, не хочу умирать, проклятый Гарнье! Боже мой, жить, только жить! Любая жизнь в тысячу раз хуже этой, но жизнь, жизнь, жизнь!

— Еще минуту назад ты хвастался: смерть мне не страшна!

— Замолчи, Франсуа! — сказал Жак Одноглазый. — Не узнаю тебя. С чего ты разорался? Слушайте мое решение о споре. Восхваление виселицы меня не убедило. Истинный христианин не должен стремиться на виселицу. По этому пункту победа за Франсуа Вийоном, хоть он не удосужился подыскать дельные возражения. А в целом диспут окончен безрезультатно.

— Ты необъективен, Жак Одноглазый! — возразил уязвленный сторож. — В тебе заговорили личные антипатии, и ты заставил молчать внутренний голос справедливости. В скором времени и тебе придется подставить шею объятым волосяными рук, и ты заранее ненавидишь виселицу. Так порядочные люди не поступают, поверь мне, Жак, я опекал в моих камерах многих порядочных людей.

— Выбирай выражения поосторожней, Гарнье! — зарычал Жак. — Меня обвиняли в разбое, грабежах, насилиях и убийствах, и я не опровергал обвинений. Но в непорядочности никто не смел меня упрекнуть, и я никому не позволю...

— Успокойся, Жак! — дружелюбно сказал Гарнье. — Никто больше меня не ценит твои достоинства. Я знаю, что ты с честью носишь прозвище «Громила». Но выше всего для меня объективность и справедливость, эта неразлучная парочка понятий — мои фамильные святыне, если хочешь знать. Сейчас я покажу вам, что такое настоящая объективность, друзья. Франсуа! — обратился он к Вийону. — Ты просил передать свой письменный протест на приговор парижского суда. Лично я считаю, как уже доказывал тебе, что виселица — лучший для тебя исход. Но, скрепив свое сердце, я доставил твое обжалование по назначению. Жди скорого решения.

— Спасибо, Гарнье! — восхлинул обрадованный Франсуа. — За это я отблагодарю тебя по-королевски: я напишу балладу в твою честь, чтоб обессмертить твое имя!

— Лучше бы ты орал свои стихи не так громко, — проворчал сторож, открывая дверь. — Столько хлопот с тобой, Франсуа! В парижской тюрьме нет чиновника серьезнее меня, но и меня ты своими не потребными куплетами порою заставляешь хохотать, вот до чего ты меня доводишь, Франсуа!

Дверь захлопнулась, снаружи залязгали затворы. Солнечный сноп снова превратился в луч, луч тускнел. Один из заключенных с тоской смотрел в окошко. За окном густели тучи.

— Кажется, снег пойдет! — сказал он. — Только снега нам не хватало!

— Когда валит снег, морозы спадают, — возразил Жак. Он подошел к Вийону, положил ему руку на плечо. Половину экрана заняло его лицо, единственный глаз Жака смотрел зорко и сочувственно. — О чем задумался, Франсуа? Лучше прочти что-нибудь из Большого Завещания, что ты недавно написал.

— Прочти! Прочти, Франсуа! — раздались крики, — Что-нибудь позабористей, Франсуа!

— Я прочту балладу о дамах минувших времен, хорошо?

— Давай о минувших дамах, — согласился Жак. — Минувшие дамы — тоже неплохо.

Теперь снова был слышен один голос Вийона. Камера превратилась в нечто неопределенное и серое — Вийон, читая, закрывал глаза:

Где Элоиза, та, чьи дни
Прославил павший на колени
Пьер Абеляр из Сен-Дени?
Где Бланш, чей голос так сродни
Малиновке в кустах сирени?
Где Жанна, дева из Лорени,
В огне окончившая век?..
Мария! Где все эти тени?
Увы! Где прошлогодний снег?

— Изрядно! — сказал Жак Одноглазый. — Просто слеза прошибает, так жалко погибших дам. Но я просил стихов повеселее, Франсуа. Помнишь, ты издевался над офицерами полицейской стражи, ну, и о прекрасной оружейнице замечательно... или о толстухе Марго. Что-нибудь поострее, Франсуа!..

— Тогда я прочитаю вам стихи, написанные во время поэтического состязания в Блуа при дворе герцога Карла Орлеанского. Он сам задал нам тему — доказывать недоказуемое, сам вместе с другими поэтами писал баллады, но я его переплюнул, и, кажется, ему это понравилось.

От жажды умираю над ручьем.
Смеюсь сквозь слезы и тружусь, играя.
Куда бы ни пошел, везде мой дом,
Чужбина мне — страна моя родная.
Я знаю все, я ничего не знаю.
Мне из людей всего понятней тот,
Что лебедицу вороном зовет.
Я сомневаюсь в явном, верю чуду.
Нагой, как червь, пышнее всех господ.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.

Голос Вийона сделал остановку. Камера ответила на остановку хохотом и восклицаниями:

— Вот это да! Ах же дает, стервец! Всеми принят, изгнан отовсюду — слышал, Жак? Нет, ты послушай — лебедицу вороном!.. И над ручьем, над ручьем — от жажды, ха-ха-ха! Франсуа, нет, для тебя и виселицы слишком уж мало! Говорю вам, он может, братцы, он может!

Когда шум стал затихать, Франсуа продолжал:

Я скуп и расточителен во всем.
Я жду и ничего не ожидаю.
Я нищ, и я кичусь своим добром.
Трещит мороз — я вижу розы мая.
Долина слез мне радостнее рая.
Зажгут костер — и дрожь меня берет,
Мне сердце отогреет только лед.
Запомню шутку я и вдруг забуду,
И для меня презрение — почет.
Я всеми принят, изгнан отовсюду...

Внезапно чтение прервалось, послышалось рыданье. Экран заполнило растерянное, безобразное лицо Жака Одноглазого.

— Франсуа, что с тобой? Проклятый Гарнье, это он тебя расстроил! Да успокойся же, успокойся!

— Никто не понимает, никто! — лепетал голос Вийо-на. — Я так несчастен, Жак! И вы тоже, даже вы!..

— Перестань плакать! Кто тебя не понимает? О чем ты говоришь, Франсуа? Ты говоришь о виселице, к которой тебя...

— Я говорю об этих стихах, что я в Блуа... Это ведь правда, Жак, здесь каждое слово правда! Я плакал, когда писал их, ибо ничего более искреннего о себе... А все смеются, всем кажется, что я острю. Вы хохотали, будьте вы прокляты все!

Жак хотел что-то сказать, но его оборвал грохот дверных запоров. В камеру вошел Гарнье.

— Франсуа, — сказал он, — парижский суд помиловал тебя, лысый мальчик. Суд заменяет тебе виселицу десятилетним изгнанием из Парижа. Можешь уходить на волю. По помни, что в душе я дружески скорблю о тебе, ибо выпускаю тебя не на радость, а в лапы мучительного умирания. Ты еще скажешь мне, Франсуа, я верю в твою честность, хоть ты пишешь неприличные стихи, которые не переживут тебя, ты еще воззовешь ко мне в сердце своем: «Друг мой Гарнье, ты прав, виселица была бы мне лучше жизни!..»

Камера потускнела, страстные импульсы мозга Вий-она, уже тысячу лет, постепенно ослабевая, мчавшиеся в галактическом пространстве, забивались шумами других излучений. На минуту показался древний Париж — темный переулочек, кривые дома, смыкающиеся верхними этажами, золотарь с переполненной бочкой, распахнувший пасть в половину экрана: «Ах, Франсуа, ты ли это! Иди сюда, крошка, я тебя поцелую!» Еще на минуту запылали дрова в камине, пламя выхлестывалось наружу, оно то отдалось, то близилось — Вийон, озябший, лез к огню и, обжигаемый, отскакивал. Затем и эти видения пропали. Больше никаких картин не возникало на экране. Рой выключил механизм.

— Неужели мы не разгадаем тайну его смерти? — сказал огорченный Генрих. — Сколько помню, гибель Вийона окружает загадку.

— Давайте подведем итоги, — предложил Рой, игнорируя сетования брата. — Мне кажется, можно подискутировать и о результатах и о новых задачах.

Петр с пятого на десятое слушал, о чем говорили работники института. Его томило удивительное ощущение, он хотел разобраться в нем и уже собирался уходить, когда к нему обратился Рой:

— Разве тебя не интересуют наши предположения?

Петр заставил себя слушать внимательнее. Сотрудники института одобряли идею Генриха — искать излучения большой интенсивности, чтобы с их расшифровки начать знакомство с летописью давно умерших людей. Но этого мало. Надо усовершенствовать аппарат, чтобы читать любую волну, изданную любым человеческим мозгом. Выяснить и записать события жизни, мысли и чувства всех людей, живших когда-либо на Земле. Нет человека, от неандертальца до современника, чья жизнь не заслуживала бы изучения. То, что в прежние времена называлось наукой историей, — пока лишь каталог действий и дат отдельных выдающихся людей: сильных интеллектом ученых, инженеров, мастеров искусств и важных должностью полководцев и монархов. Их институт ныне покончит с таким унизительным обращением с людьми. Все самые простые станут равны великим. За время существования человечества на Земле жило около двухсот миллиардов человек. Составить двести миллиардов биографий, разработать новую науку о человеческой истории — такова задача.

Петр вслушивался в споры и предложения, честно старался во всем разобраться, но мысль его, прихотливая и яркая, уходила в сторону... Он видел снова крутую улицу Тулузы, холодную камеру, грязные кривушки Парижа, с ним разговаривали президенты парламентов, тюремные сторожа, беспутные бродяги и воры. И Петру хотелось, оборвав споры, отчаянно крикнуть: «Послушайте, да понимаете ли вы, что это такое! Это же иной мир, совершенно иной мир, и он отдален от нас всего одной тысячей лет!»

Да, конечно, и он, и все они, сотрудники института, и тот же Рой, и тот же Генрих, — они все учили историю, им известно по книгам, по лекциям, по стереокартинам в музеях прошлое человечества, так неожиданно зазвучавшее сегодня с экрана. Нового нет ничего, он знал все это и раньше. Все новое, все! Он раньше только знал ту эпоху спокойной мыслью, не чувством. Сегодня он ощутил ее, испытал потрясенной душой, сегодня он побывал в ней — и в ужасе отшатнулся!

И Петр думал о том, что и ему, и работникам института, и всем людям его времени, вероятно, так до конца не понять своих предков, горевавших и насмехавшихся сегодня на экране — и все дальше от Земли уносящих навеки отлитое, крепче, чем в бронзе, волновое воплощение своего горя и смеха. Три четверти их забот, девять десятых их страданий, почти все их напасти, да что таиться, и две трети их радостей чужды современному человеку. Нет уже ни советников, ни президентов парламентов, ни тюрем, ни тюремщиков, ни воров, ни бродяг, ни чахоток, ни потаскух, ни голода и холода, ни преждевременной старости, ни насилия над творчеством. Ничто, ничего теперь не объединяет их с мучительно прозябавшими на Земле предками, не за чем пытать их отпылавшим страданиям — о них нужно эрудированно рассуждать, больше ничего не требуется.

Так молчаливо твердил себе Петр, чтоб успокоиться. Но успокоение не наступало, смятение терзало все горше. Он стал сопричастен чужому страданию и боли — и сам содрогался от боли, и сам страдал за всех незнакомых, давно отстрадавших...

Генрих толкнул друга рукой:

— У тебя лицо, словно собираешься заплакать! Ответь Рою.

Петр поднялся:

— Боюсь, ничего интересного для вас не скажу. Разрешите мне уйти, я устал.

5

Была ночь, и Петр один шагал по пустому бульвару. Он мог бы вызвать авиетку, но домой не хотелось. Ему никуда сейчас не хотелось.

Он присел на скамью, поднял лицо к небу, отыскал созвездие Стрельца. Отсюда, без приборов, созвездие было маленькое и тусклое. Петр закрыл глаза. К нему вдруг вернулись чувства, томившие его во время долгой экспедиции к центру Галактики.

— Пустота, — прошептал он, вспоминая пережитые и преодоленные страхи, — Боже мой, абсолютная бездна! И мы ее вытерпели!

Вытерпели ли? Все осталось позади, все совершилось съзнова. Он сидел с закрытыми глазами на скамейке ночного бульвара — и мчался в гигантское сгущение звезд. Светило было так много, что в страшном своемдалеке они казались туманным облачком сияющее расплывчатое пятно, чуть мерцающее сквозь темные массы космической пыли... Нет, как они тогда говорили? В центре Галактики пылает звездный пожар, и пламя заволок космический дым. Да, кажется, так они говорили. Они подшучивали и трудились, надо было поддерживать себя шуткой и работой — кругом была бездна! Гигантские машины звездолета уничтожали впереди пространство, корабль вырвался в сверхсветовую область, оставил за собой релятивистские эффекты повседневного мира, но, изменяя метрику космоса, он не отменил безмерности мирового пространства, это было свыше его возможностей: кругом по-прежнему была бездна, и они падали, всё падали, всё падали в бездну, в три тысячи раз обгоняя свет, — бездне не было дна!

Да, в этом была главная мука, если уж говорить о муках. Ни один человек на Земле и окружающих Солнце звездах не способен понять те ощущения. Может, лишь первые космонавты, двигавшиеся с досветовыми скоростями, пережили это. Разве сырый поймет голодного? Кругом все близкие звезды, экспрессы твои уже третье столетие далеко оставляют за собою свет, дни, недели пути — и ты на месте. Пустота лишь разделяет светящиеся шары с планетами вокруг шаров, она не сама по себе, она легко преодолима — таков этот район Вселенной, звездная родина человечества. Здесь не заболевают болезнью бездонности, такая болезнь здесь немыслима!

А их терзал непреходящий страх перед неизмеримостью пустоты — ужас вечной, без дна, бездны. Они голодали особым голодом — томлением по вещной материи. Им казалось, что все равно, какова эта материя: звезда или пылевая туманность, планета или рой метеоритов, — только не зловещая пропасть. «Пустота для себя и в себе» — так они остирили о ней. Вот каково было их состояние во время многолетнего падения в той бездне!

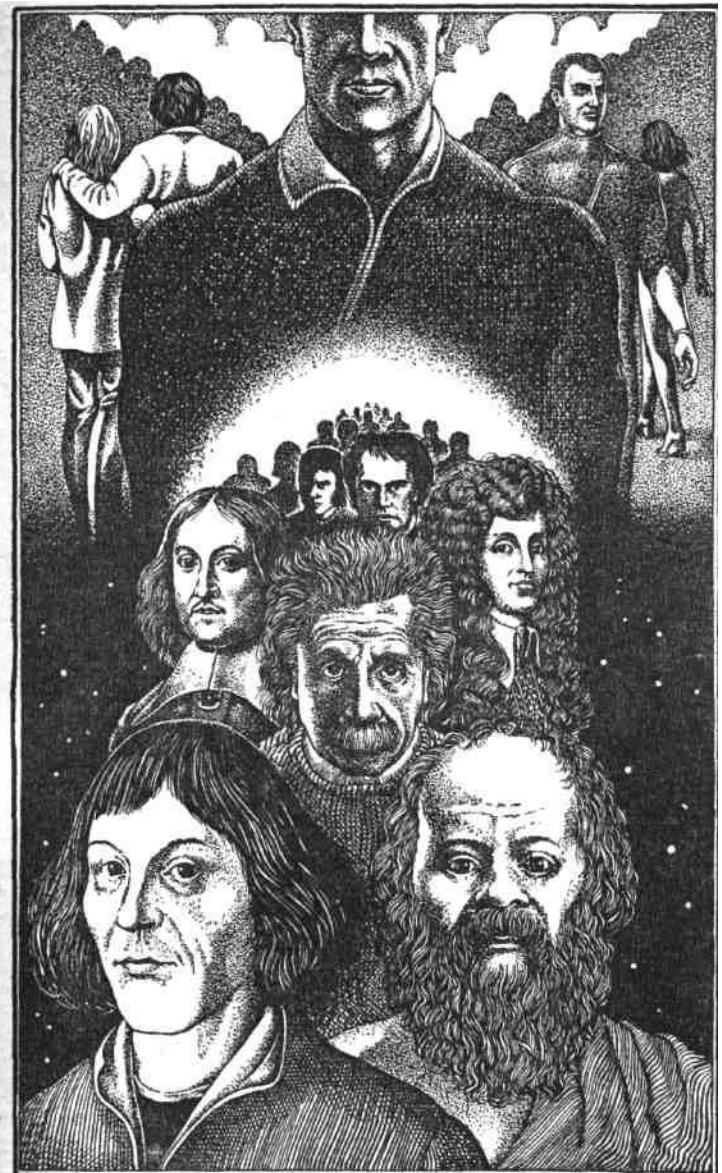
Нет, больше эти ощущения не появятся в звездном просторе, как бы далеко ни умчался он в новой экспедиции.

Беспрецедентной бездны, неизмеримого провала во Вселенной отныне не существовало. Мировая пустота была не пуста.

Петр снова поднял голову к звездному небу. В космических просторах мчались волны новооткрытых излучений. Они пересекались и сталкивались в каждой точке мира, они неслись со всех направлений и во все направления. Двести миллиардов расширяющихся волновых сфер, творение и летопись жизни когда-то существовавших людей, миллиарды миллиардов волновых облаков, созданных иными разумными существами, может, и не миллиарды миллиардов, а триллионы триллионов — все они были там, в межзвездной пустоте. Звезды рождаются и умирают, галактики образуются и распадаются, а в мировых просторах, сравнимые со звездами по долголетию, всюду несутся, слабея, но не уничтожаясь, волновые знаки жизни, что некогда народились в мире. Нет, не безмерность зловещей пустоты, но радостное соприсутствие того, что когда-либо существовало живого и разумного, — вот что суждено отныне ощущать им в межзвездных просторах!

И Петр испытал чувство еще удивительней того, в институте... Он словно посмотрел на себя со стороны и увидел: сквозь его тело мчатся — со всех направлений и во все направления — волны, порожденные давно и недавно погибшими разумными существами. Он словно стал фокусом, где переплетались эти не открытые еще излучения. В маленьком его теле, жившем своей маленькой жизнью, бушевали миллионы иных, давно отгремевших жизней.

Его пронзил озноб. Ему стало тесно от толкотни чужих жизней, наполнявших каждую клетку тела. Картина была непредставима. Засмеявшись, он мотнул головой, отбрасывая видения. И в той далекой экспедиции к центру Галактики они встречались со многим таким, что трудно было изобразить вещной картиной, но что

Бушевали миллионы давно отгремевших жизней.

отлично поддавалось научному анализу. Важно понимать. То новое, что открылось ему, было просто, в основе его лежали вещественные законы.

Он шел, радуясь новому пониманию. Больше его никогда не настигнет страх одиночества. Всюду с ним будет безмерная, разнообразная, вечная, как материя, жизнь.

К ПРОБЛЕМЕ СРЕДНЕГО

1

— Не поеду, — сказал Генрих. — Что я потерял на Леонии? И что там найду? Такие командировки не для меня. Я физик, а не социолог.

— Я тоже физик, — сдержанно заметил Рой. — И добавлю к этому, если разрешишь...

Генрих вспыхнул. Когда он выходил из себя, спорить было напрасно.

— Не разрешаю! Поехай сам. С твоего благосклонного согласия нас превращают в оракулов, важно объявляющих разгадки любых тайн. Роль пифии, даже вооруженной инструментарием двадцать пятого века, меня не устраивает. До нескорого свидания!

Рой удалился к себе. Генриху и вправду нужно было некоторое время провести в одиночестве. Исследование «пропасти без дна» отняло у брата слишком много нервных сил. И если раньше он быстро преодолевал усталость, то теперь предписанный медиками отдых смахивал на обыкновенное лечение. Рой понимал, что непрестанно возникающие задания перенапрягают душевые ресурсы брата. И Рой предложил поездку на Леонию лишь потому, что рассматривал командировку как своеобразную форму отдыха. Генрих сердился от одного упоминания о Леонии. Убеждать его было легко, переубеждать — невозможно.

Перед выездом в космопорт Рой все же зашел к брату. Электронный секретарь сообщил, что Генрих взял туристскую путевку на Меркурий. Рой покачал головой. Экскурсии по сожженному яростным светилом Меркурию много трудней прогулок по сумрачной Леонии. Вряд ли кому другому подошли бы те методы восстановления сил, которые применил для себя Генрих. С предписаниями медиков он считался еще меньше, чем с уговорами брата.

В космолете Рой завершал незаконченные земные дела — радиовал распоряжения по лаборатории, распределял задания между сотрудниками. Лишь перейдя на Марсе с космолета на звездолет, Рой передвинулся из сферы земных интересов в сферу космических загадок. В звездолете пассажиров было немного. Рой любовался в салоне сверканием светил на звездных экранах и размышлял о Леонии. Для физика Леония была малоинтересна — мир погасающей звезды, деградирующая цивилизация слабосильных существ, похожих на тысячуекратно увеличенных земных кузнецов. Генрих имел основания отказаться от поездки — Леония нуждалась, по общему мнению, в социологах, а не в физиках. Рой испытывал удовлетворение, что согласился. Просил о помощи социолог Крон Квама. Никому на Земле не пришло бы в голову усомниться в способностях Квамы. Если такой человек признавался в бессилии, значит, задача выпала трудности необычайной.

Иногда Рой включал информационный отчет Управления дальних маршрутов. В салоне звучал приглушенный голос: Квама, докладывая Большому совету о порядках на Леонии, неторопливо разматывал путаную историю междуусобных распреи и кровопролитных войн. Общество на Леонии погибало, скучное существование становилось все скучней. В преданиях леонцев сохранились воспоминания о золотом веке относительного материального благополучия, но не было и легенд о хотя бы кратковременном периоде общественного спокойствия. Группа сильных в обществе была группой хищных. Слой знатных был слоем жадных. Захватывающие власть становились захватчиками благ. Облеченные высокими правами запасались бездонными карманами. Общество распадалось на враждебные полюсы. Это постепенно приводило к деградации и обнищанию. Четырех-крылые обитатели Леонии, в преданиях своих — лихие летуны, переставали летать, лишь ползали — одни от бессилия, другие от прожорливой сытости.

Примерно сто местных лет назад власть захватил некий Карр. Диктатор отменил все права и привилегии, упразднил все общественные различия, а крылатых объединил одной священной обязанностью — поклоняться ему. После короткого, свирепо подавленного сопротивления леонцы покорились. Карр с приближенными неистовствовали в пиршествах вокруг фонтанов симбы, измывались над покорной массой. Со смертью Карра власть тихо высокользнула из пьяных лап его друзей, и ее столь же тихо подобрали средние леонцы — так стали себя называть новые правители планеты.

Правители Леонии — в точном значении средние, докладывал Земле Крон Квама, подбираются из средних слоев общества, проходят проверку на среднестатистический рост, веса, интеллекта, образа мыслей, привычек и пристрастий. Идеальными считаются особи, лишенные своеобразия. Кабинет министров — и такой имеется на Леонии — составляется из леонцев, выдержавших испытание на взаимную схожесть. Официальное

наименование правителей — «неразличимые». Жизнь протекает под лозунгом: «Никаких происшествий!» Леонцы утверждают, что история Леонии, полная ярких событий, себя исчерпала. Отныне не должно быть истории, а лишь одно непрерывно повторяющее себя существование. Только то, что уже было. Та же пища, те же жилища, те же позы, одежда, слова, краски, мысли. Полное запрещение нового. Новое равнозначно преступному. Леонец, передавший соседу новость, подлежит суду. Он будет оправдан, если докажет, что новости не было, сурово оштрафован, если в сообщении обнаружится забытая «прежность», и арестован, если суд установит, что инкриминируемое сообщение — «из небывалых». Четыре раза в сутки с вершин городских скал дикторы поют мелодичным среднегласи-ем: «Радуйтесь — новостей нет!» И извещение встречается воплем восторга точно размеченной звучности, громкости, продолжительности и душевной удовлетворенности.

Леония — рай для уставших, делился печальными наблюдениями земной социолог. Это царство нищих духом чем-то напоминает секту «безмолвия мысли», возникшую на заре человеческой цивилизации в эпоху распада Рима. Леония уродливо пытается осуществить консервацию обретенного благополучия, претворить в жизнь старинное изречение: «Остановись, мгновенье, — ты прекрасно!» Но мгновение — мгновенно. Абсолютизируя «сегодня», леонцы уничтожают свое «завтра».

Внутреннее тление сжигает ячейки леонского общества. Редкие попытки уйти от страшного конца лишь приближают его. Философия, выражаемая формулой «Только известное», возникла как глубокий, по-своему искренний протест против надвигающейся гибели. И парадоксом, недоступным разуму леонцев, является, что они такой философией лишь ускоряют бег к гибели.

«Мы стараемся помочь леонцам, — заканчивал доклад Квама. — Но любая помощь связана с нововведениями, а их категорически отвергают. Возглавляемая мной группа социологов извещает о не осуществимости разработанных проектов помощи. Прошу командировать на Леонию опытного физика».

2

— Я рад, что приехали именно вы, — сказал Квама, обнимая Роя. — Даже и не мечтал о такой удаче!

— Удача небольшая. — Рой, польщенный, засмеялся. — Не смог бы я, приехал бы другой.

— Другой — это другой! — серьезно возразил социолог. — То, что легко сделаете вы, другим может оказаться не по силам.

— Пока я не представляю себе, что должен делать... Какой унылый пейзаж на Леонии, друг Квама!

Они летели с космодрома на открытой двухместнойavietke.

Внизу простиралась гористая сумрачная планета. Красноватые мхи и трава окантовывали коричневые склоны холмов, между холмами открывались озерки — черно сверкала леонинская смоляная вода. На вершинах вспыхивали оранжевые огоньки; там размещались пещерные поселки леонцев. Ни лесов, ни кустарников на планете не водилось, а высокорослые растения, создававшиеся для Леонии на земных астроботанических станциях, еще не были конструктивно доработаны. Все было низкорослое, со стертymi очертаниями, приглушенных тонов — господствовали красный и фиолетовый.

Странное это сочетание поражало взгляд. Рой привык, что красный цвет противоположен фиолетовому; на планетах, где ему приходилось бывать, красный соседствовал с оранжевым, а фиолетовый — с синим. Законы спектра на Леонии были свои. Совершенно черная вода была совершенно прозрачной — на трехметровой глубине виднелся каждый камешек. Плотная атмосфера окрашивала предметы в фиолетовые тона. Рой хорошо знал, что Лон, животворящий Леонию, звезда типа М-6, стандартное красное светило, звездный старичок, основательно поживший и своевременно тускнеющий. Но странная атмосфера преобразила и Лон — в сумрачном небе планеты, озаренном синими облаками, сияло удивительное красно-фиолетовое солнце. Оно давало мало света и еще меньше тепла.

— Жизнь здесь возможна лишь в экваториальной области, — сказал Квама. — Кислорода впрочем, хватает.

— Вы уверены, что удастся изменить к лучшему физические условия на Леонии?

Квама пожал плечами.

— Наши астроинженеры настроены бодро. Прервать прогрессирующую старение звезды мы не в силах. Но это процесс, продолжающийся миллиарды лет. Леония слишком далеко от своего светила, в этом ее горе. По проекту аннигиляционные двигатели, заложенные в тело планеты, смогут изменить ее орбиту. Но ведь осуществление такого проекта потребует сотен лет, а что будет за это время с леонцами?

— Вы опасаетесь, что их цивилизации грозит гибель?

— Они деградируют, — грустно сказал Квама. — Вам нелегко вообразить себе, Рой, с какой скоростью идет распад общества, начавшийся еще до нашего появления. И мы его пока не можем остановить.

Авиетка опустилась на крышу здания, выстроенного людьми. Квама пригласил Роя внутрь. Рой задержался на террасе. Вдалеке поблескивало черное озерко, тускло мерцали оранжевые огоньки пещерных поселений, сумрачно светила красно-фиолетовая звезда. Здесь дышалось без труда, но воздух был лишен легкости, он тоже был какой-то сумрачный. Все здесь было сумрачно — вечер существования.

— Итак, помочь леонцам вы не можете, — сказал Рой, когда они вошли в салон. — Речь идет не о материальных благах, а о социальном устройстве, так я понял ваш доклад Земле, Крон?

— Не совсем так, — возразил социолог. — Мы упорядочили плантации питательных мхов, удобрили почвы, ввели пещерный обогрев. Материальные лишения леон-цев удалось значительно ослабить. И они это ценят.

— Я говорил о социальном устройстве.

— Оно по-своему удовлетворительно. Здесь больше нет враждующих классов, нет эксплуатации. Трагедия в том, что Леония — общество средних. Трудности здесь не столько социальные, сколько моральные, я бы даже сказал — психологические.

В салоне было светло по-земному. Самосветящиеся стены бросали мягкое сияние на лица. Квама один встречал Роя, один и беседовал с ним — сотрудники его были на дежурстве или отдыхали. Квама, плотный, широкоплечий, большегубый, был на голову ниже Роя. От негритянских предков у него сохранился черный цвет кожи; он не пожелал изменить его на солнечно-бронзовый, модный теперь на Земле. Он говорил с волнением, этот человек во все свои дела вносил страсть. Рой старался, определить для себя, какова мера объективности в анализе Квамы. И, вдумываясь в объяснения социолога, Рой размышлял о нем самом. Крон Квама не принадлежал к старожилам Леонии. Когда он появился здесь, на планете уже функционировала отлично оборудованная астронженерная станция. До Леонии Квама трудился двенадцать лет на страшном Тиболде-3. Он получил назначение в систему семи Тиболдов сразу после университета и вылетел туда с молодой женой Региной, тоже социологом. Командировка была у супругов на три года. За эти три года Крон с Региной сумели далеко продвинуть социальное развитие трудной планеты. Но полного спокойствия не установилось. В день отлета Крона с Региной в столице Тиболда-3 произошло восстание бывших господ планеты. Оно было подавлено самими жителями, но Регина в схватке погибла. Крон погрузил тело жены на звездолет и остался на планете.

Кое-кто высказывал опасение, не станет ли мстить социолог существам, убившим его жену. Крон Квама был безукоризненно справедлив. В сфере его понятий не существовало категории мести. Он девять летсовершенствовал то, что не успел закончить в годы командировки. И когда Земля затребовала Крона на Леонию, на Тиболде-3 снова чуть не вспыхнуло волнение: тибол-дяне не хотели отпускать своего друга. Они засыпали Большой совет жалобами, а покорившись, устроили Ква-ме удивительные проводы.

Крон Квама считался теперь лучшим в мире специалистом по социальному оздоровлению обществ, нуждавшихся в срочной помощи. И он принадлежал к тем представителям Земли на дальних планетах, требования которых Большой совет удовлетворял быстро и полно, даже если они вызывали огромные траты материальных ресурсов. Жителям Леонии повезло, что они заполучили такого защитника их интересов.

Но Квама мог и сгущать краски.

— Все дело в проклятой философии среднести, — со вздохом повторил социолог. — На Леонии я убедился, что среднести — самое абстрактное среди абстрактных понятий. И оно фальшивое! Ему не соответствует никакой реальный объект. Средних не существует, а убедить в этом леонцев я не могу.

— Боюсь, что и меня вы не убедили, — сдержанно заметил Рой.

Социолог нетерпеливо махнул рукой.

— Но это же проще простого! Нужно лишь вдуматься в понятие, называемое средним леонцем. Это нечто математическое, а не физическое, набор цифр, каталог размеров и весов, таблица названий! Берут всех леонцев и выводят арифметическую среднюю ста четырех показателей — роста, веса, формы и цвета крыльев, окраски глаз, характера, влечений, призваний и еще черт знает чего! И полученную груду цифр раскладывают любовно в четырехугольную матрицу и называют матрицу нормальным леонцем. Нет реально этого нормального леон-ца! Есть раса слабосильных существ, которая опускается все ниже, потому что старается сохранить свою норму. Рой, постарайтесь вдуматься! Стабильности в природе не может быть, в ней все меняется. Не будем даже говорить о мутациях, достаточно и того, что трудные условия жизни порождают уродства и болезни, значительно ухудшают расу. Но ведь и уродства включены в расчет средней нормы! Еще до нас на Леонии устраивали госпитали и с некоторым успехом подтягивали наверх выпадающих вниз от нормы. Боролись и с отклонениями вверх — чрезмерно сильными, даровитыми экземплярами, но таких было меньше, они не казались большой опасностью. Зато с уродствами и болезнями борьба ослабевала, по мере того как множились уродства и болезни.

Рой поднял брови:

— Мне кажется, должно быть наоборот — чем шире распространяются болезни, тем сильней с ними борются.

— Да, должно быть! — с досадой воскликнул социолог. — Но по нашей логике. А у них своя. В расчет нормы они включают и больных и уродливых. И чем таких больше, тем норма ниже. А чем норма ниже, тем уродства менее уродливы, болезни менее больны. Если этот кошмар продолжится дальше, полностью здоровый лео-нец станет у них социально опасным.

— Разве улучшение социальных условий не вызовет прекращение заболеваний и уменьшение уродств?

— Да, конечно! Но если резко улучшатся условия жизни, быстро появится много совершенно нормальных леонцев. И тогда их объявит чрезмерно несредними. И начнут усердно лечить от здоровья, избавлять от дарований! Вы забываете о социальной философии этой расы. Она так отличается от нашей, что кажется безумной. Быстрое улучшение условий жизни леонцев не менее опасно, чем их нынешняя медленная деградация. Их мрачная философия — главный враг на пути социального подъема.

— Вы просили на Леонию физика, а не философа.

— Да, Рой, физика. Хочу попытаться спасти леонцев в рамках их философии. Психика леонцев не справится с крутым поворотом, нужно действовать осмотрительно и неторопливо. Для начала принять категорию среднего леонца в качестве нормальной общественной единицы, но изъять из подсчета хотя бы уродства. Это сразу повысит среднюю норму. Они страшатся новшеств. Я убеждаю их, что уродства — новшества, а не обычность и что Министерству обеспечения средности — у них есть и такое — нельзя включать их в расчет нормы. Отсечение уродств дало бы возможность удержать норму от падения, и уже это одно явилось бы крупным шагом вперед. А впоследствии мы подвергли бы сомнению законность самой философии средности. Реконструированная нами экономика потом откроет путь к реконструированию психологии.

— Я должен помочь вам в этом инструментально, Крон?

— Именно, Рой. Мне нужен фильтр, автоматически отсекающий из подсчета нормы все уродливые новообразования. Нечто вроде электронной приставки к схемам расчета Министерства обеспечения средности. И такой, в которой они сами поверят, как в надежного помощника. Вы меня понимаете? Чтобы он находился в их пещерах, под их печатями, работал по их критериям. Но чтобы он вычерчивал линию на улучшение расы!

— Что ж, поработать над таким прибором можно. Ответьте мне еще на один вопрос, Крон. Я понимаю, у вас такая профессия — помогать бедствующим звездным братьям. Ну, не профессия — миссия, — поправился Рой, заметив протестующий жест Квамы. — Всем известно, что в астросоциологи выбирают людей с незаурядными душевными качествами. Но вы в службу спасения расы леонцев вносите такую страсть... Трудно объяснить ее одним чувством долга.

Квама тихо засмеялся. Его удлиненное, в резких линиях лицо стало шире и мягче. Он вдруг на мгновение превратился из сдержанного стареющего человека в доброго, по-ребяческого наивного мальчишку.

— Нет ничего легче, чем ответить на ваш вопрос. Ответ заключается в одном слове: любовь!

— Значит, не одно профессиональное сочувствие к бедствиям...

— Рой, я просто не знаю другой звездной расы, которая столь же заслуживает любви! Это очаровательные существа, вы сами убедитесь скоро. Они добры, приветливы, очень искренни, очень привязчивы. Анализаторы показывают гигантскую потенцию мозга — только человек превосходит их. Они выше в умственном отношении всех известных нам звездных народов. И они так беспомощны, Рой, у них такое трудное существование...

Рой встал.

— Я хочу отдохнуть. Когда я смогу приступить к работе?

— Я подниму вас, Рой. Вы познакомитесь с важнейшими леонцами — из самых средних, конечно. Мы вместе посетим госпитали и профилактории.

Отведенное Рою помещение совмещало в себе кабинет и спальню. Щиты с аппаратурой — отводы от экспедиционной МУМ, обзорные экраны, музыкальная приставка — соседствовали с постелью и санузлом, напротив постели возвышалась пустая стена. Это была стандартная экспедиционная комната, Рой часто жил в таких. Он уверенно нажал одну из кнопок, стена расступилась, открывая выход наружу. Рой вышел на веранду. Леония была такой же, какой увиделась с авиетки: сумрачная, тихая, фиолетово-красная, — вечер существования. Несколько блекло-фиолетовых существ пролетело вдали, неслышно и плавно махая крыльями. На вершине скалы, близко подступавшей к экспедиционному зданию, загорелся неяркий огонек. Оттуда донеслась мелодичная музыкальная фраза, ее внятно выпевал тонкий, печальный голосок: «Дзи дзинано — дзидан дзень!» Голос три раза произнес эту фразу и замолк. Рой поглядел на наручный дешифратор, оставленный на столике, но не взял его. Фраза была понятна и без перевода. «Радуйтесь — новостей нет!» — уверял печальный голосок. Рой усмехнулся. Он был уверен в своих силах. Взорвать изнутри философию леонцев было несложно. И проще простого — сконструировать прибор, выполняющий роль взрывного запала.

3

Они влетали один за другим — четыре фиолетовых кузничика, только гигантски увеличенные сравнительно с земными. Когда первый из посетителей опустился перед Роем на четыре ноги — две задние и две средние, — голова его оказалась на уровне глаз стоящего Роя. На шее каждого поблескивал гибкий дешифратор, преобразующий речь леонцев в человеческую, а человеческую — в леонскую. Тонкий голос, неразличимо схожий с тем, что вчера извещал об отсутствии новостей, пропел приветствие.

— Группа «неразличимых» в составе министра и его помощников радуется тебе, Рой! Неразличимый Иzz, министр обеспечения средности, средний до трех миллионных в периоде, допуск переменный, — услышал Рой перевод — дешифратор говорил по-человечески, но тем же мелодичным голоском леонца.

— Неразличимый Уzz, помощник по статистике, средность до одной десятитысячной, допуск плюсовый, — представился второй гость.

— Неразличимый Оzz, помощник по восстановлению нормы, средность до пяти десятитысячных, допуск плюсовый, — доложил третий.

— Неразличимый Язз, помощник по пресечению сверх и ниже нормальностей, среднестатистический до одной тысячной, допуск плюсовый, — закончил знакомство четвертый.

Рой молча кланялся, протягивал руку — ее дружески касались своими длинными усиками крылатые «неразличимые». У Роя перехватило горло. Он знал, что встретится с разумными существами, милыми и беспомощными, так их аттестовал Крон Квама, и не было причин не доверять социологу. Но Рой и помыслить не мог, что существа, внешне так непохожие на людей, будут глядеть такими умными глазами, что во всем облике их, в каждом движении и звуке, в блеске крыльев обнаружится такая грациозность, такое сдержанное благородство. И что они будут изъясняться так по-человечески ясно и так по-детски важно! Роя пронизала горячая симпатия к жителям Леонии. Теперь он знал, что, как и Квама, будет действовать не только из чувства долга.

— Пойдемте, друзья! — предложил Квама. — Знакомство продолжим в профилактории.

Леонцы вылетели в порядке ниспадающей среднестатистики — сперва сам министр, за ним Узз, Озз и Язз. Квама вызвал авиетку. В сумрачном воздухе тускло мерцали фиолетовые крылья леонцев, уносящихся к дальней горе. Рой обратился к Кваме:

— Что означает допуск переменный и плюсовый? Видимо, это важная характеристика, если они так значительно упоминают о нем.

— Допуск — характеристика существенная, — подтвердил социолог. — Он показывает отклонение от среднего леонца. Положительный допуск означает, что носитель его превосходит норму в допустимых пределах. Отрицательный — что леонец ниже нормы. А переменный — что отклонения случайны, то плюсовые, то минусовые, то есть что налицо точное совпадение с высчитанным образом среднего леонца.

— Для министра такая идеальная среднестатистическая обязательна?

— Совершенно обязательна. Между прочим, общество леонцев устроено по-своему демократично. Каждый может стать правителем, если он достаточно средний. Министры переизбираются периодически из тех, кто в данный момент наиболее средний. И они должны быть очень близки друг другу, почему и называются неразличимыми.

— Между прочим, помощники все имеют плюсовый допуск, то есть немного выше средних.

— Вы уловили суть проблемы в этом «между прочим». Плюсовый допуск у них появился после последнего подсчета. В момент избрания они были идеально средними. Изз имел минусовый допуск и был помощником Язза. После очередного обследования Язз передвинулся в плюсовики и уступил место Иззу; ставшему идеально средним. И так как норма постепенно понижается, то следующее статистическое выравнивание выведет Язза из группы правителей.

— Это чем-нибудь грозит ему?

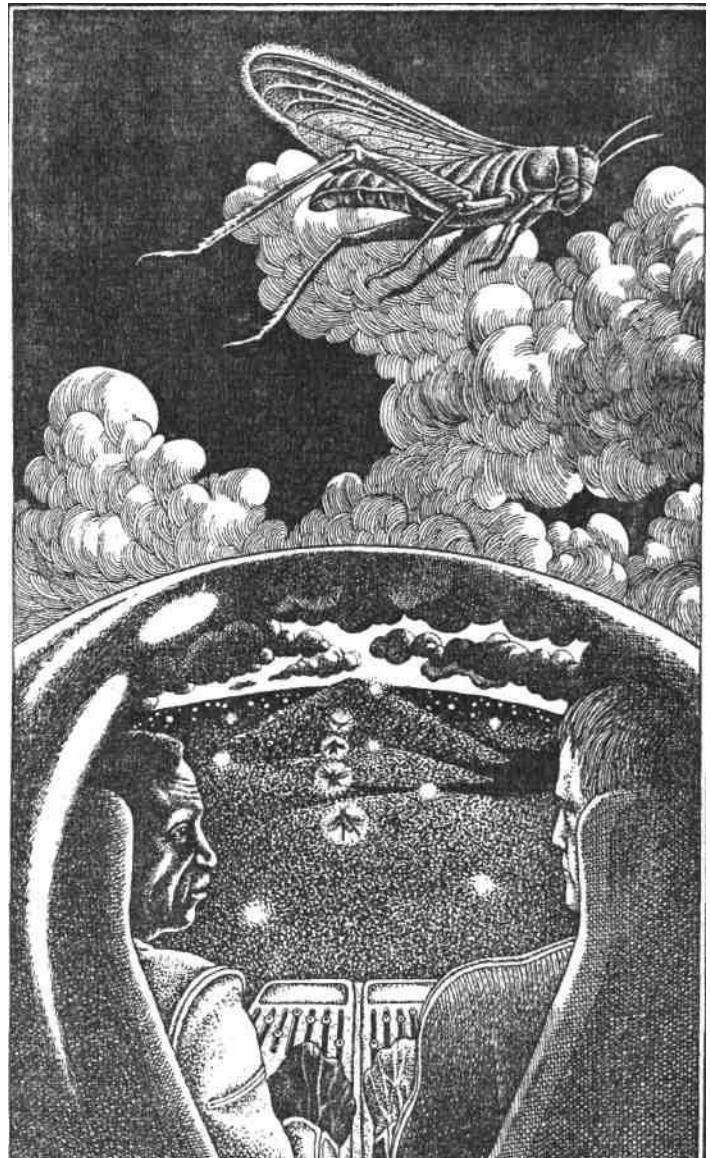
— Ничем, кроме уязвленного самолюбия. Язз превратится в обычного гражданина общества. Действующий ныне норматив — одна десятая отклонения от идеала. Яззу с его одной тысячной до предела далеко.

— Еще вопрос, Крон. Если эти милые кузнечики так ненавидят новшества, как они отнеслись к высадке людей на их планете? Были возмущения в связи с таким чрезвычайным происшествием?

— Возмущений не произошло, а смятение было. Но наши астроразведчики быстро снискали дружбу леонцев. Сейчас экспедиционная станция в глазах леонцев — обычное явление их действительности. Взаимоотношения с людьми включены в норматив среднестатистики.

— В этом есть что-то обнадеживающее, — задумчиво сказал Рой. — Было бы хуже, если бы мировоззрение леонцев исчерпалось тупой консервативностью.

— Оно консервативно, — со вздохом возразил социолог. — Просто оно тоньше и гибче обычного грубого консерватизма.

В сумрачном воздухе тускло мерцали фиолетовые крылья леонцев

Склон горы был испятнан темными отверстиями. Четверо «неразличимых» исчезли в одном из них. Социолог сказал, что надо выходить из авиетки, дальше пойдут пешком. Он первым проник в отверстие. Рой шел за ним.

«Неразличимые» поджидали людей в узком туннеле. Конец его терялся в густой черноте, но вблизи все было хорошо видно — в том же, типичном для планеты красновато-фиолетовом свете. Рой с удивлением обнаружил, что источником света являются сами леонцы — сияли их тела, их гибкие, крепкие ноги, глаза казались фонариками, особенный, мягкий свет испускали крылья. Еще на станции Рой обратил внимание, что крылья леонцев покрыты рисунками тех же фиолетовых и красноватых тонов, — теперь каждая линия, каждое пятнышко на крыльях сверкали: когда леонцы поводили крыльями, то приближая, то отдаляя их от стен, стены то озарялись, то темнели.

В туннеле «неразличимые» уже не летели, а, сложив крылья, передвигались на ногах. И было видно, что им тяжело соразмерять свой бег с неторопливым человеческим шагом. Они останавливались, распускали крылья, поджидали, снова устремлялись вперед, снова останавливались. Когда они начинали бег, в туннеле темнело, только четыре светящихся пятнышка мерцали поодаль. Зато туннель сразу озарялся сумрачным сиянием, когда они останавливались, — темнота и свет, причудливо борясь, сменялись попеременно.

— Мы в профилактории, — сказал социолог.

Рою показалось, что он попал в гигантский зал старинного земного вокзала. Сходство с вокзалом усиливалось тем, что кругом сновали леонцы: усеивали почву, летали в воздухе, пропадали в недоступной глазу высоте. И хотя гигантское помещение было щедро освещено, всюду был один и тот же свет, тот, что создавался самими леонцами, — факелами их тел, светильниками их крыльев.

Обитатели профилактория заметили, что к ним пожаловали гости. Сперва взлетели ближние леонцы и приветственно закружились над людьми, затем взмывали те, что гнездились подальше. Рою чудилось, что в пещере забушевала цветовая буря, гигантское красно-фиолетовое пламя разбегалось круговой волной. Прошла минута, и Рой с Квамой и «неразличимыми» стояли как бы в фокусе взрыва, ликующе озаряющего.

— Что же вы стоите, как истукан? — с упреком сказал социолог. — Помашите рукой, они поймут.

Рой помахал двумя руками. На первый световой взрыв наложился второй, так забушевало сияние крыльев и тел. А затем наступило успокоение, кузнечики разлетелись по своим местам, крылья складывались. «Неразличимые» все в том же субординационном порядке торопливо перебирали крепкими сухими ногами, люди двигались за ними.

— Странное для кузнечиков жилье — пещеры, — заметил Рой.

— Для земных кузнечиков странное, — возразил Ква-ма, — но леонцы не кузнечики, а особая раса мыслящих существ. На Леонии временами возникают атмосферные бури. Если бы они устраивали жилища снаружи, первый же ураган погубил бы их. Вас не удивляет, Рой, почему это помещение названо профилакторием?

— Я просто жду объяснений.

— Здесь все, кто выпадает из узаконенных допусков среднести. Те, кто выше среднести, и те, кто ниже.

— Что же делают с несчастными, уклонившимися от стандарта?

— Почему «с несчастными»? У вас чрезмерно земные критерии счастья... В профилактории всех отклонившихся от стандарта стараются возвратить в норму.

— Их лечат?

— Лечат в госпиталях. Леонцы выработали особые приемы возвращения в норму. Попавших в профилакторий окружают заботой, сердечной теплотой...

— Дом отдыха!

— В профилактории работают, так что это не дом отдыха. Но здесь особая пища, для каждого своя, физические и умственные упражнения, в общем — оздоровительный режим.

Рой пожелал узнать, кого и от чего оздоравливают. Изз вызвал дежурного, такого же леонца, только без звука «з» в имени: его звали Агг. Агг выклекал оздоравливаемых, они один за другим подлетали. У одного погнулось крыло; у другого ослабло зрение; третий жаловался на слабость в ногах; у четвертого выросли слишком большие крылья, полет его был недопустимо шумным; кто-то, по натуре меланхолик, впадал временами в беспрчинную апатию; кто-то столь же беспрчинно радовался; попадались и ленивицы, отлынивающие от труда, но с охотой поглощавшие пищу.

— Вы считаете, что не следует помогать этим существам избавиться от их недостатков? — с удивлением спросил Рой социолога.

Квама с укором посмотрел на него:

— Вы все-таки не уяснили моих намерений, Рой! Во всех цивилизованных обществах с недостатками надо бороться, недочеты исправлять. Я против того лишь, что недостатки здесь включают в расчет нормы, иначе говоря — относятся к ним, как к чему-то если и не нормальному, то нормообразующему. В госпитале, куда мы сейчас перейдем, вам это станет ясней.

Госпиталь, отделенный от профилактория новым — туннелем, представлял собой такой же обширный зал, тоже подземный, но освещенный значительно хуже. Здесь появление гостей не породило столь бурной световой радости. Тусклое сияние от копошащихся тел стало лишь немногим ярче. Изз подозревал дежурного. Его звали Апп. Он показался Рою менее услужливым, чем Агг. Он не торопился знакомить Роя с обитателями госпиталя.

Они и сами не торопились представляться. Рой переходил от одного к другому. На каждом лежала зловещая печать уродства или вырождения. Нормальные леонцы обладали четырьмя крыльями, шестью ногами, двумя глазами, гладким туловищем, звучной речью, все они были проворны, логично мыслили... А здесь перед Роем возникали однокрылые инвалиды, одноглазые полуслепцы, трехногие, со скрюченными ногами, с перекореженным туловищем, шипящие, шелестящие, смутно светящиеся, вовсе лишенные сияния, трудно мыслящие, начисто лишенные речи...

— Какая страшная больница! — восхликал побледневший Рой. — Скажите, друг Квама, все они безнадежны? Наша станция не может помочь своими лекарствами?

— Большинство не поддается излечению. Мы помогаем леонским врачам, но земные лекарства созданы против болезней, а не против вырождения. Предотвращать мутации мы пока бессильны.

К гостям приблизился один из обитателей госпиталя. Он казался совершенно нормальным, только крылья светили сильней, чем у больных и «неразличимых», стоявших компактной группкой. Рой залюбовался мощным сиянием незнамца.

Умные выпуклые глаза подошедшего были обращены на министра и его помощников.

— Язз, ты был мне другом! — прозвенел леонец. — Вспомни, Язз, ты был мне другом! И ты обещал ввести потребление осадков симбы!

— Илл, ты ведешь себя нестандартно! — вмешался App. — Возвращайся на свое место, Илл!

Дежурный махнул на Илла крылом. Тот стоял, не отрывая глаз от опустившего голову помощника министра. По телу Язза пробежала судорога, он потускнел. И без объяснений Квамы Рой догадался, что уменьшение сияния выражает смущение. Ответ Язза подтвердил это:

— Ты превзошел плюсовый допуск, Илл... Ты слишком выпал из нормы. Осадок симбы тоже выпадает... Я не могу тебе помочь!

Ничего больше не сказав, Илл унесся в полуницу. Рой следил за ним, пока он не скрылся в отдалении, потом обратился к Яззу:

— Что означает жалоба Илла, друг Язз? Чем он болен или в чем виновен?

Вместо потерявшего голос Язза Рою важно ответил Изз:

— Ты видел перед собой, друг Рой, нашего бывшего врача, нашего бедного Илла. Он лечил переломы крыльев и ног. Он обнаружил, что осадок симбы помогает сращиванию костей. В этом его единственная вина.

— Разве вина — найти хорошее лекарство?

— Симба у нас запрещена. Правда, на осадок симбы запрет не распространяется. Но осадок не только помогает сращиванию, но и усиливает сияние. Ты видел это на самом Илле. Он испытывал лекарство на себе. Допустить такое увеличение сияния мы не можем.

— Что было бы плохого, если бы все сияли сильней?

— Было бы новшество. Новшества запрещены. Мы долго терпели опыты Илла, пока сам он сохранился в плюсовом допуске. Мы его очень любили. Он хороший. Но после последнего пересчета он из-за чрезмерного сияния превзошел допуск, и его пришлось поместить в госпиталь. Когда он потускнеет, его выпустят. Озз, мой помощник по восстановлению нормы, старается, но хорошего результата пока нет.

— Теперь понимаете, Рой? — хмуро поинтересовался социолог, когда они двинулись к выходу.

— Да, кажется, теперь понятно, — отозвался Рой.

— Я не слишком много требую от вас?

— Наоборот, вы просите меньше того, что мне хотелось бы совершить!

— Быстрые меры опасны, — с грустью сказал социолог. — Мы на станции думали об этом. Психологию надо менять исподволь.

Четверо «неразличимых» двигались в новом туннеле, который вел наружу в обход профилактория. Они по-прежнему уносились вперед, останавливались, поджидали людей, снова убегали. Дорогу открывал Изз, помощники цепочкой устремлялись за ним. Рою казалось, что Язз изнемогает от усталости. Помощник по пресечению сверх и ниже нормальностей спотыкался, никак не мог восстановить прежнее сияние. Рой испытывал жалость и к нему, и к несчастному Иллу, ответившему таким гордым молчанием на безнадежный ответ бывшего друга, и к двум помощникам, молчаливо догонявшим своего руководителя, и даже к самому руководителю, самодовольному и доброму Иззу, — ко всем, кого Рой узнал и кого еще не успел увидеть на Леонии, но кто медленно вырождался на этой странной планете. Рой понимал Крона Кваму. Так, вероятно, и у Крона начиналась любовь к народу Леонии — с острой жалости.

4

Посреди салона возвышалось внушительное сооружение с двенадцатью сигнальными окошками. Техники станции потрудились на славу. Даже на Земле любой контроль принял бы этот механизм — специальную анализирующую приставку к экспедиционной МУМ.

Квама так волновался, что темная кожа его лица превратилась в серую.

— Вы уверены, друг Рой?.. — спрашивал он в сотый раз.

— Абсолютно, — сказал улыбающийся Рой. — Механизм надежен и полностью реализует заложенный в него критерий. Не знаю только, удается ли доказать леонцам выгоды разработанного вами алгоритма среднести, тем более что вы в таком возбуждении...

— Я возвожу к их логике, это единственный путь, — пробормотал социолог. — Смотрите, они уже летят!

Окно в салоне было раскрыто, и четверо «неразличимых», не утруждая себя блужданием по стационарным коридорам, влетели в окно.

Они уселись на полу в обычном порядке: впереди министр Иzz, по бокам, чуть отдаляясь, Оzz и Уzz, а позади всех Яzz.

— Мы поделились с народом вашим предложением, — церемонно сообщил Иzz. — Всем оно нравится. Упрощение подсчета среднести нам по душе. Сейчас между двумя подсчетами проходит слишком много времени, ведь надо получать сведения по ста четырем показателям.... Если непрерывный анализ будет осуществлен, мы примиримся с тем, что вводим новшество. Новшество, делающее более твердыми наши традиции, может рассматриваться как продолжение традиций. И если сама машина и является новшеством, зато она должна реализовать своей работой принцип — никаких новшеств! Таково наше главное требование. По этому вопросу мы ждем дополнительных разъяснений.

Социолог подошел к прибору.

— Дополнительные разъяснения будут кратки. Шесть световых окошек с правой стороны сигнализируют о шести градациях плюсовых допусков, шесть окошек с левой — о шести минусовых.

— Очень хорошо! — одобрил Иzz. — Но ты не ответил на вопрос о реализации основного принципа, друг Квама.

— Он полностью реализуется. Никаких новшеств — таков критерий работы машины. И смею заверить, друзья, в машине он осуществляется гораздо строже, чем в вашей житейской практике.

— Великолепно! — Иzz взмахнул передними ножками и зашевелил сложенными крыльями, выражая крайнюю степень восторга.

Сидевшие по бокам помощники тоже зашевелили крыльями и прозвенели о своей радости. Один Яzz за их спинами, молчаливый и неподвижный, не выразил довольства.

Он был слишком близок к шестой верхней степени допуска, чтобы радоваться.

— Вы вводите в машину данные о каждом леонце, — продолжал социолог. — И не только о существующем поколении, но и обо всех предшествующих, по которым сохранились подсчеты. И машина выдаст средний образ леонца. Она исключает из подсчета лишь тех, кто резко выпадает из нормы и не имеет аналогов в предшествующих поколениях.

— Исключает кого-то из подсчета? — Иzz с сомнением посмотрел на своих помощников. — До сих пор мы этого не делали.

— Не делали! — одинаковыми голосами подтвердили Оzz и Уzz.

Яzz промолчал.

— И тем, что не делали этого, вступали в противоречие с принципом — никаких новшеств! — холодно отпарировал социолог. — Ибо если попадается индивидуум, выпадающий из допусков, но повторяющий кого-то, кто уже существовал, то здесь имеется нарушение нормы, но новшества еще нет. Но если он выпадает, никого не повторяя, он образует новшество. Впрочем, если вы желаете отказаться от своего священного критерия...

— Никогда! — поспешил объявил Иzz.

— Тогда берите машину, закладывайте в нее формулировку основного принципа и загрузите ее память данными обо всех предшествующих поколениях. И машина будет непрерывно выдавать вам расчет нормы и отклонения от нее для каждого жителя Леонии.

— Отлично! — Министр поднялся и расправил крылья. — Прикажи доставить машину в пещеру правительства, друг Квама.

Он первый вылетел в окно, за ним унеслись трое помощников.

Когда машину увезли, Квама устало опустился на диван. Рой сел напротив.

— Я сделал все, что вы просили, — сказал Рой. — Но уверены ли вы сами, что теперь начнется улучшение этого народа или хоть прекратится деградация?

— Абсолютно уверен! — Социолог вскочил и стал возбужденно ходить по салону. — Вы видели леонцев в госпитале. Машина удалит их из подсчета, ибо они жертвы мутаций, которых раньше не было.

— Машина отсечет не одни уродства, но и совершенства.

— Уродств на Леонии много больше. И еще одно учтите, друг Рой: совершенства продолжают наши естественные способности, достоинства лишь усиливают и гармонизируют нас, не вступая в противоречие сатурой. А уродства опровергают сатуру! Они именно новшества, зловещие новшества! Говорят: истина одна, отклонений от истины — тьма. В какой-то степени это справедливо и для совершенства и уродств.

— Буду надеяться, что вы не ошибаетесь. Итак, мое задание выполнено, и я улетаю завтра. Меня еще одно интересует, друг Квама. Когда вы пришли к выводу, что только машина может вам помочь?

— Мысль о такой машине возникла у меня при посещении госпиталя. Там всего наглядней парадоксы Леонии. Я уже говорил вам, что леонцы мягки, отзывчивы, дружелюбны, честны, по-своему умны... А нелепо возникшая у них концепция обязательной среднести становится философией раздора и вражды. Ведь все нижесредние жаждут понижения соседей, ибо тогда им не грозит чрезмерное удаление от нормы. Каждое

излечение ухудшает шансы остальных, ибо излеченный увеличивает норму. Выпиской из госпиталей командуют статистики, а не врачи, не забывайте этого. Но теперь, не сомневаюсь, все пойдет по-другому!

Рой сказал задумчиво:

— Ситуация на Леонии вызывает у меня одно желание. Фильтр от уродств что-то вам даст, но он очень несовершенен. Хорошо бы сконструировать машину, автоматически регулирующую уровень общественного и личного благополучия для любого общества и выдающую программы его усовершенствования. На Земле такие приборы созданы давно, но они годятся лишь для человечества. Нужно бы переконструировать один из таких аппаратов на все формы разумного существования.

— И опытный экземпляр пришлите на Леонию. Здесь он наверняка понадобится.

— Будете ли вы еще на Леонии? — возразил Рой, улыбаясь. — Как виднейшего специалиста по усовершенствованию недоразвитых цивилизаций вас передвинут на какую-нибудь новую планету.

— Почему вы мне не верите, Рой? — с упреком спросил социолог. — Я везде буду выполнять возложенную на меня миссию помощи бедствующим цивилизациям. Но здесь меня задерживают не одни доводы разума. Думаю, что до конца моей жизни хватит на Леонии радостной для меня работы.

5

Рой садился в авиетку, чтобы лететь на космодром, когда примчался чрезвычайно расстроенный Изз. Он был на этот раз без помощников.

— Я протестую, друг Квама! — прозвенел он на самой высокой ноте. — Совершилось возмутительное новшество! Требую пресечения!

Квама холодно посмотрел на расстроенного министра. Изз нервно переминался на всех шести ногах и беспорядочно шевелил крыльями.

— Друг Изз, у вас есть специальный помощник по пресечению неnormalностей.

— Я вызвал моих помощников, но они задержались. Они бессильны. Требуется ваше срочное вмешательство.

— Объясните, во что я должен вмешаться.

Из зволнованной речи Изза стало ясно, что машина зыдала новый уровень среднестатистичности и что министр из абсолютной среднестатистичности передвинут в минусовый допуск и находится на опасной грани однотысячного отклонения. Он, совершеннейший из абсолютно средних, выброшен в минусовики!

Как это вытерпеть? Как с этим примириться?

Вдали показались быстро несущиеся помощники министра. Изз гневно обратился к ним:

— Вы недопустимо задержались! Ошибки в расчете найдены?

Ему ответил, вежливо склонив голову, Узз, помощник по статистике:

— Расчет подтвержден. Я с Оззом тоже передвинут в минусовики из плюсовиков. Правда, у нас не столь большое отклонение, как у тебя, Изз.

— Вы слышали, люди? — закричал Изз. — Ваша машина плохо функционирует. Срочно измените ее алгоритм. Я требую этого не только как несправедливо оскорбленный леонец, но и как облеченный высокими полномочиями министр...

Вперед выдвинулся Язз и прервал разгневанного Изза:

— Ты больше не министр, Изз. Ты слишком отошел от нормы. Министром стал я, ибо достиг совершенной среднестатистичности. Ты мой помощник, как Узз и Озз. Машина, предложенная людьми, функционирует исправно. У народа Леонии нет причин требовать изменения ее алгоритма.

У бывшего министра был такой растерянный вид, что Рой едва удержался от смеха.

Язз обратился к социологу:

— Спешу тебя порадовать, друг Квама. По новому расчету врач Илл лежит в хорошем допуске. Он выпущен из госпиталя. Употребление осадков симбы тоже вошло в приемлемость. Илл спешно готовит лекарство для излечения инвалидов. Он обещает возвратить к нормальной жизни половину больных! Я с охотой покажу пример своему народу и без страха приму осадок симбы.

— И все вы теперь будете ярче сиять, — радостно сказал социолог. — В ваших темных помещениях добавка света просто необходима!

Рой сел в авиетку и помахал рукой четырем леонцам и социологу. Ему ответили взмахами рук и крыльев. Примирившийся со своей судьбой Изз тоже приветственно взметнул крылья.

МАШИНА СЧАСТЬЯ

После расследования трагической гибели Фреда Редлиха Генрих стал жаловаться, что его с Роем превращают из физиков в космических детективов. Рой попробовал опровергнуть брата. Рой рассудительно доказывал, что детективы ищут преступников, совершивших убийства или иные крупные нарушения человеческих законов, а они исследуют загадочные явления в космосе и обществе, представляющие опасность для человека.

Доказательства Роя не убеждали, а раздражали Генриха. Генрих временами становился глух к любому разумному доводу, если тот, по словам Роя, «не попадал в жилу» настроению. Разговоры кончались тем, что Генрих начинал кричать на брата, или убегал из лаборатории, или — и это казалось Рою хуже всего — в полной прострации заваливался в кресло и часами не откликался.

Рой потерял терпение.

— Чего ты хочешь? — спросил он. — Объясни по-человечески, чего тебе надо?

«По-человечески» Генрих объясняться не умел. Ему что-то не нравилось в их новой специализации, он не способен точно сформулировать — что, пусть к нему не пристают с педантическими вопросами. У него скверно на душе, это он знает. И еще он знает, что физику не пристало наклоняться над трупами, искать на теле следы насилий и потом рысью бежать по горячему следу, ему безразлично, чей это след — злоумышленника на двух ногах или зловещего, никому еще не известного космического явления.

У других работа как работа, открытия и находки совершаются на стендах с приборами, а не на операционных столах и в моргах. Он хочет вычислять, а не копаться в следственных докладах. Ему надоело отталкиваться от изуродованных тел, как от основы для теоретических изысканий. Он будет основываться на матрицах и интегралах, отталкиваться от формул. И все, что не имеет отношения к письменному или лабораторному столу, может безмятежно ухнуть в преисподнюю. Рой обладал способностью быстро облекать смутные ощущения Генриха в одежды точных формулировок.

— Понимаю, — сказал он спокойно. — Ты хочешь разработать прибор, который автоматически разыскивал бы укрывающихся преступников и обнаруживал неведомые опасные явления;

Генрих, развалившийся в кресле, даже привскочил от удивления.

— Знаешь, Рой, в этой мысли что-то есть, — сказал он.

— Конечно, — подтвердил брат. — Это ведь твоя мысль, а на глупости ты не способен.

Рой любил изображать их отношения так, что все значительное в их работе придумано Генрихом, он же лишь помогал превратить блестящие идеи брата в практическое действие.

Генрих забегал по комнате. Он должен был выплеснуть в движении охвативший его восторг. В нем клокотал и пенился проект новых изысканий.

— Так, так, — радостно бормотал он. — Совершенно верно! Не руками, а электроникой хватать за шиворот преступников. Испытывать опасные ситуации не на живом теле, а на модели. Моделировать опасность. Создать электронную схему уголовного деяния. Но как? Вот он, вопрос вопросов: как?

Через минуту Генрих остановился перед братом, хладнокровно наблюдавшим за его метаниями, и сообщил, что у него все разработано. Уже давно открыт способ физически измерять уровень общественного счастья. Любое преступление и несчастье понижают этот уровень. Им остается отыскивать случаи падения общественного благополучия, все крохотные ямки и впадины на плавной кривой, и определять, кто и что вызвало их. Причина таких падений — преступление или непредвиденная беда. Прибор сам отыщет места падений, сам обнаружит причины, сам укажет, кто преступник или в чем состоит неизвестная опасность.

— Отлично, — одобрил Рой. — Я предлагаю назвать наш новый аппарат розыскным прибором.

— Согласен! — Когда криминалистика превращалась в разновидность электронного процесса, Генрих ничего не имел против нее.

Два месяца братья с увлечением работали над розыскным прибором. На испытании он показал неплохие результаты — удалось отыскать пропавшие несколько лет назад индукционные эталоны тихой радости, психической удовлетворенности и хорошего физического самочувствия. Исчезновение эталонов в свое время наделало много шума. Их изготовили для колонии на планете Сигма-3, с планеты долго поступали запросы и жалобы на невыполнение заказа. Институту космических проблем пришлось срочно изготавливать дубликаты уникальных катушек. Теперь они нашлись в собачьей будке в саду. Розыскной прибор указал и виновника — веселую овчарку Приму. Собака, по-видимому, проникла в лабораторию через открытое окно, и изящные катушки так ей понравились, что она утащила их к себе.

Розыск эталонов, скорее забавный, чем серьезный — катушки, основательно изгрызенные, в дело уже не годились, — показал, что прибор надежен. Генрих, однако, досадовал, что не пришлось испытать его на крупном деле. Он несколько успокоился, когда братьям сообщили, что прибор затребован на контрольную проверку в Управление общественного благополучия. Рой, наоборот, разнервничался, что с ним бывало не часто. Все испытания в Управлении общественного благополучия происходили в присутствии членов Большого совета. Это означало, что любая неудача становилась катастрофическим провалом. Правда, и любой успех превращался в триумф.

Братья привезли прибор в управление и установили его в операционном зале.

Это было одно из немногих мест, где педантично хранились традиции старины. Все здесь поражало древней примитивностью — и самосветящиеся стены, и щиты со схемами текущих общественных отправлений, и стереоэкранны связи с городами на других солнечных планетах, и допотопные пластиковые диваны.

Порывистый Генрих, забывший, что здесь нет силовых стульев, появлявшихся в момент, когда в них возникала нужда, немедленно растянулся на полу. Он поворчал, что не понимает, как жили предки; они были, очевидно, рабами вещей и не то что лечь, но и сесть не могли, если поблизости не имелось специальных приспособлений для сидения.

Точно в назначеннное время явилась, проверочная комиссия — почти все были членами Большого совета. И возглавлял ее Альберт Боячек. У Роя несколько отлегло от души. Президент Академии наук хорошо относился к братьям. О Генрихе можно было даже сказать, что он — любимец Боячека.

— Начнем, друзья! — предложил Боячек. Розыскной прибор подключили к третьему щиту.

Всего щитов было пять, они полукругом охватывали центральный пульт, тоже древнее устройство. Первый щит вмещал интеграторы общественного здоровья, на втором размещались уровнемеры наличного общественного счастья, третий показывал развитие человеческого благополучия с начала истории человечества, то есть с года объединения Земли, а четвертый суммировал положение на других планетах, заселенных людьми и звездными друзьями. Этот щит был поновее, и показатели на нем можно было бы изображать не такими архаическими приборами, как самописцы и автоматические интеграторы, но Большой совет и тут не пожелал нарушать традиции.

А на пятом щите красовался экран общественного пси- поля, это был регистратор суммарного творческого потенциала общества, механизм, разработанный самим Боячеком. Генрих подошел было к этому щиту, но Боячек показал на второй и третий.

— Нас прежде всего интересует, что мешает подъему общественного благополучия, — сказал президент.

— Подъем и падение творческого духа — явления столь сложные, что нет пока нужды вручать их исследование приборам.

У третьего щита розыскной прибор вел себя отлично.

Ему задали первобытную историю, период Древнего Рима по всем годам римской истории. Прибор с большой точностью перечислил причины, препятствовавшие в те годы общественному благополучию: малую экономическую эффективность рабовладельческого строя, войны с соседями Рима, борьбу за власть в правящей верхушке, религиозные суеверия, неурожай, болезни, стихийные бедствия... Члены комиссии только кивали головами, когда розыскной прибор выпечатывал на выходной ленте свои комментарии для каждого года римской истории.

Боячек сделал знак, чтобы прибор передвинули ко второму щиту. Рой вздохнул. Регистраторы наличного общественного счастья показывали такой ровный уровень, что поисковым лучам прибора не за что было уцепиться. И он был сконструирован вовсе не для таких случаев. Он, по расчету, исследовал особые события, нарушения и выпадения из норм, поэтому братья и назвали его розыскным, а не оценочным. Рой в унынии уже предвидел провал.

Но Боячек неожиданно остался доволен и теми маловразумительными пояснениями, какими прибор сопроводил кривую имеющегося общественного благополучия.

— Великолепный механизм! — сердечно сказал Боячек братьям. — Меня просто взволновала показанная им высокая энтропичность общественного счастья.

— Высокая энтропичность? Я правильно понял? — с опаской переспросил Рой.

— Именно высокая энтропичность. Счастье в современном обществе — категория сугубо энтропическая. Ибо счастье, как и энтропия, не может уменьшаться, но только расти. Сумма человечности и благополучия, этих главных компонентов нашего социального счастья, непрерывно увеличивается. Наша эпоха полностью исключает такие антигуманистические энтропии, как голод, эпидемии, войны, которые столь часто были в прошлом. И этому основному требованию энтропичности счастья ваше изобретение удовлетворяет полностью.

— Вот как? Я очень рад, — ошеломленно сказал Генрих.

Остальные члены комиссии единодушно присоединились к поздравлению президента Академии наук.

— Можно ли считать, что экзамен розыскной прибор выдержал? — осторожно поинтересовался Рой.

— Можно, — ответил Боячек. — В связи с этим поговорим о практическом применении вашего аппарата. Вы, кажется, назвали его розыскным? И предназначаете для обнаружения преступлений?

— И явлений, нарушающих общественное и личное благополучие, — поспешил добавил Рой. Ему не понравилось сомнение, вдруг зазвучавшее в вопросе президента.

— Второе лучше, — сказал Боячек. — Дело в том, что преступления в нашем обществе давно уже не совершаются. Мы хотим предложить вам иную специализацию изобретения. Мы хотели бы, чтобы вы занялись обратной проблемой — разысканием возможностей увеличения счастья. Осуществимо это?

Рой поглядел на Генриха. Генрих молчаливо развел руками. Рой уверенno сказал:

— Ничего трудного нет. Переменим знак минус на знак плюс в программах, только и всего.

— Тогда мы присваиваем вашему аппарату официальное название — «Машина Счастья». И просим немедленно приступить к практической работе. Задание будет такое. На планете Дельта-2 в системе Капеллы нарушены социальные энтропические законы. Нас тревожит, что в человеческой колонии на этой планете уже два поколения не растет сумма счастья. Подъем благосостояния и душевного довольства вызывается там исключительно притоком переселенцев и командировочных с Земли, а сами аборигены застыли на раз достигнутом уровне.

— А каков этот уровень? — осторожно поинтересовался Рой. — Я хочу сказать, не подошел ли он к максимальному?..

Боячек не дал Рою договорить:

— Предела для счастья не существует, как и для горя. Пути совершенствования беспредельны, как и дороги деградации. Таков основной закон социальной энтропии. Разница лишь в том, что в прогрессивном обществе энтропично счастье, а в гибнущем в образе общественной энтропии выступает горе. Вы уловили разницу? Завтра на специальном сверхсветовом звездолете ваш аппарат и вы будете направлены на Дельту-2, чтобы восстановить там здоровую энтропичность счастья. Желаю успеха.

Когда братья возвратились в свой институт, Генрих долго ходил по лаборатории, Рой молчал.

— В кого они нас превращают? — сказал Генрих, останавливаясь перед братом. — На какую дорогу мы сегодня вступили?

— Дороги изобретательства темны, — задумчиво сказал Рой. — Пошагаем немного и по этой тропке.

3

— Планетка, однако! — проворчал Рой. — Я и не подозревал, что существуют люди, столь всеобъемлюще упоенные собой.

— Не бубни! — устало попросил Генрих. — Что за скверная манера говорить под руку одно плохое! Я отказываюсь признать этого Пьера Невилля обыкновенным человеком. Второй раз машина возводит его в ранг небожителя.

— Раз он не кодируется, проверь, нет ли у него на спине ангельских крыльшечек, — посоветовал Рой. — Это будет лучше, чем перегружать машину непосильным заданием.

Генрих в отчаянии пробормотал:

— Такие душевые добродетели, что плавятся предохранители и пробивает конденсаторы! Куда ему еще повышать уровень своего счастья?

Вскочив, он вышел наружу. Домик Хранителя Туманов, отведенный для работы Машины Счастья, располагался на вершине холма. Отсюда открывался великолепный обзор города и долины. Из каменистой почвы были фонтаны тумана, город сверкал золотыми крышами домов. Генрих присел на камне. Все шло плохо, надо было успокоиться. Рядом с Роем, упрямо добивавшимся невозможного, Генрих раздражался. Только хорошая порция тумана могла возвратить утраченную ясность духа. Так недолго и пристраститься к туману, невесело подумал Генрих.

Он поднял вверх лицо. На сине-фиолетовом небе катились два светила. Капелла-А была подобна Солнцу, Капелла-Б, такая же оранжево-желтая, была чуть поменьше. Генрих расстегнул рубашку. Планета Дельта-2 находилась от звезд-близнецов раза в четыре дальше, чем Земля от Солнца, но и на полюсе здесь пекло, как в Сахаре.

— Пойду, — вслух сказал Генрих и торопливо, чтобы не передумать, заскользил вниз по крутым склону.

Вскоре около него взметнулся первый гейзер цветного ароматного тумана. С каждым шагом дымов становилось все больше, они были ярче и благоуханней. У Генриха кружилась голова. Так всегда происходило, когда он начинал вдыхать этот удивительный воздух, вырывавшийся из недр планеты.

Генрих постоял около одного гейзера. Голова понемногу прояснялась, понемногу возвращалось хорошее настроение, тело становилось легким. Минут через пять захочется петь и танцевать, с веселым удивлением определил свое состояние Генрих.

— Здравствуй, друг! — услышал он из цветного сумрака голос Хранителя Туманов.

Генрих зашагал навстречу, стараясь обходить молодые гейзеры — неосторожный шаг мог непоправимо попортить эти слабенькие создания.

Хранитель Туманов был рослый молодой мужчина, сдержанный, внутренне словно бы отсутствующий: он разговаривал, не глядя на собеседника, часто отвечал невпопад, глаза его постоянно обрыскивали окрестности, словно отыскивая гейзерок, нуждающийся в срочной помощи. В руке у него была небольшая электролопата, он держал ее клинком вперед, как боевое оружие.

— Не наглатывайся, для землян наши туманы небезопасны, — поглядев на Генриха, сказал Хранитель Туманов.

— Обойдется, — ответил Генрих. — Я человек здоровый.

Хранитель Туманов, не дослушав, отошел. Генрих последовал за ним.

Изогнувшись, Хранитель не то вглядывался, не то вслушивался во что-то на почве. Местечко было как mestечко, камень, густо пронизанный нитями золота, — обычный здешний грунт. Генрих прошел бы мимо этого mestечка, не обратив внимания. Хранитель осторожно коснулся почвы клинком лопаты и стал медленно передвигать клинок. Лопата вибрировала, вибрация то усиливалась, то уменьшалась, и там, где она показалась максимальной, Хранитель вонзил клинок в почву. Клинок запрыгал, загрохотал, в воздух полетели осколки камня и крупинки золота. Генрих заслонил ладонью лицо, чтобы шальная золотинка не вонзилась в глаз. Почва быстро разрыхлилась, Хранитель нажатием рукоятки превратил клинок в совок и стал выбирать землю. Веко-ре образовалась лунка диаметром и глубиной с полметра. Хранитель вторым нажатием превратил совок в метлу и подмел дно и бока лунки.

— Скоро народится, — предсказал он. Новорожденный гейзерок сообщил о своем появлении на свет тонким свистом, потом вырвался язычок синего пламени. Пламя устремилось вверх, разрасталось, из синего становилось зеленым и оранжевым, теряло пронзительную яркость — туманный султан заколебался над головами людей, края его размывались. Генрих шагнул вперед и жадно ухватил ртом гейзерок в том месте, где пламя было еще пламенем, а не теряющим цвет и форму туманом.

Но и здесь, в фокусе сверкания и огня, это был воздух, только воздух; правда, великолепно выделанный — ароматный, легкий, — он словно сладостно звучал, наполняя легкие: Генрих понимал, что сравнение высиренне, но оно было единствено точным.

— Не наглатывайся! — повторил Хранитель. — Переедать тумана нехорошо.

— Отличный фонтанчик! — похвалил Генрих. — И много тут нарождается таких детишек?

— Пять-шесть в сутки. Столько же иссякает старых. Горожане не жалуются на плохой воздух.

— Я их вообще здесь не вижу.

— Им хватает и того, что доносится ветром; Однако, друг, выйдем из леса.

Хранитель шел впереди, осторожно выбирая дорогу между гейзерами. Генрих честно впечатывал шаги в его следы.

Приспособиться к условиям странной планеты было нелегко. Необыкновенны были и два одинаковых солнца на фиолетовом небе, и недра каменистого шарика, порождавшие питательный воздух, — если здесь разок в два дня приходилось прибавлять еды к калориям и витаминам, вводившимся в тело при дыхании, то это уже было много. Генрих не ел здесь по неделе; он ворчал, что Рой обжора, когда тот, скорее по привычке, чем по нужде, вскрывал консервы. Но всего странней были дельтаи — рослые, неторопливые, рассудительно-уравновешенные.

— Скажи, друг, тебе ничего не хочется? — спросил Генрих, когда они поднялись над Лесом цветного тумана. — Я говорю о больших стремлениях и целях, а не о желании делать каждодневную работу получше.

— Нет, ничего, — отвечал Хранитель, подумав.

Не подумавши, здесь никто не отвечал, даже если спрашивали, какая погода на дворе или день сейчас или ночь. Рой утверждал, что местные беседы на три четверти состоят из взаимного молчания и лишь на четверть из слов.

— Значит ли это, что ты полностью счастлив? — допытывался Генрих. — Ты меня понимаешь, друг? Абсолютно счастлив!

Хранитель с удивлением взглянул на Генриха.

— Счастлив, конечно. — Он подумал с полминуты. — А насчет абсолютно... Я не уверен, что знаю, что это за штука — абсолютное счастье.

Генрих со вздохом отвернулся. Над головой жарко сияли два солнца, вдали с веркал золотыми крышами город, в долине клубились цветные султаны гейзеров.

— Я пойду, друг, — сказал Хранитель. — Вечером прибывает звездолет с Земли, надо подготовиться.

— А тебе-то что? Автоматы сами погрузят золото в трюмы.

Хранитель раздумывал больше минуты.

— Надо провести экипаж в Долину Туманов. Земляне любят принимать воздух в местах его выделения.

Генрих постоял перед домиком, потом рванул дверь. Успокоение не пришло, хоть он до дурной сытости наглотался тумана. «Поссоримся с Роем, — подумал Генрих, — обязательно поссоримся. Удивительный это человек, Рой! Обязательно он к чему-нибудь придерется, а я не выдержу, обязательно не выдержу, это уж точно!»

Рой задумчиво шагал по комнате.

— Все в порядке, Генрих, — сказал он. — Единственная возможность усовершенствования таится в том треклятом беспорочном Пьере. Теперь-то швырнем в горние высоты счастья всех этих местных ангелочеков без крыльышек... Чего ты молчишь, как истукан?

«Нельзя нам не поссориться, — думал Генрих, — обязательно начнем сейчас ссориться».

А вслух он сказал:

— Я не молчу, а размышляю. Итак, ты что-то открыл?

Рой долго глядел на Генриха. «Не хочет ссориться, — подумал Генрих. — Вот же человек — ни за что не хочет ссориться!»

— Ладно, — сказал Рой. — Ты ведь ищешь ссоры, я это вижу. Так вот условие: никаких ссор, даже если тебе не понравятся мои расчеты. Хотя до такой дури, чтоб опровергать математику, ты не дойдешь, надеюсь.

Рой, по своему обыкновению, начал с начала. Он просто не мог не быть обстоятельным. Они второй месяц, по местному счету, то есть земных, полгода, торчат на планете Дельта-2. Первую неделю они знакомились с бытом дельян, помогали грузить добытое здесь золото на звездолет и удивлялись, зачем так много золота понадобилось на Земле, там этого строительного материала и своего хватает.

— Удивлялись, — подтвердил Генрих. — Не понимаю, к чему ты клонишь.

— Ты обещал сдерживаться, — напомнил Рой. Вторую неделю они налаживали Машину Счастья и испытывали ее на холостом ходу. Лишь после этого они начали вводить в приемное устройство характеристики дельян, запрошенные у местной МУМ, серийной малой универсальной машины, впрочем достаточно точной. В объективности ее данных ни разу не возникло сомнения.

— Если ты собираешься клепать на МУМ, Рой...

— Успокойся! Я уважаю МУМ не меньше твоего. Дело не в МУМ, а в дельянах.

Итак, они стали работать с дельянами. Дельяне — неудачный материал для машин: счастье здесь на таком высоком энергетическом уровне, что не хватает емкостей и сопротивлений для его закодирования в физические величины. Похоже, что на Дельте-2 не действует основной закон социальной энтропии, столь четко сформулированный Боячеком: пути совершенствования беспредельны, верхнего предела счастья не существует. На Дельте существует верхний предел счастья, и он уже достигнут — пути совершенствования перекрыты. Так им в унынии казалось, когда они занялись Пьером Невил-лем. Парадоксально, что Пьер не только был последним объектом исследования, но и самым трудным. Этот странный человек не поддавался цифровой защифровке, все добродетели у него были лишь в превосходной степени. Но сейчас его характеристика проработана, и выяснилось, что он, единственный среди дельян, может быстро повысить свое счастье, хотя и не подозревает о том.

— Короче! — не выдержал Генрих. — Что за натура — или отвлекаешься на пустяки, или мямлишь!

— Короче так: Пьер должен встретиться со Стеллой.

Генрих изумленно взорвался на Роя:

— Стелла? Это еще что за существо?

— Дельянка. Двадцать три года, рост сто восемьдесят четыре, волосы подобраны под цвет глаз, окраску глаз меняет раз в три месяца, сейчас они салатно-зеленые. Живет в Южном полушарии, оператор на втором южном руднике, увлекается теннисом, обожает маслины — их, ты знаешь, привозят с Земли, здесь они не привились, — отличный альпинист... Что еще? Хорошо танцует. В общем, одна из трех тысяч восьмисот сорока четырех дельянок, которые не являются женами Пьера.

— Естественно, ибо его жена — некая красивая ведьма по имени Мира, что, кажется, означает: «удивительная». Ты это хотел сказать?

— Нет, другое. Если женой Пьера станет Стелла вместо Миры, не только индивидуальному счастью Пьера будет дан толчок вверх, мы ведь с тобой здесь не для того, чтобы устраивать счастливые альянсы, нет, общий уровень дельянского общественного счастья испытает подъем, которого здесь не было уже примерно полтора столетия.

— Ты это берешься доказать?

— Я это уже доказал.

Рой подал выходное отверстие Машины Счастья на экран, висевший между окон. На экране вспыхнули две кривые: оранжевая, кривая общественного счастья дельян, и над ней зеленая, личная кривая Пьера. Оранжевая шла параллельно абсциссе, это был график монотонной повторяемости, уровень счастья не рос и не падал, сегодня было так же хорошо, как и вчера, как и сто лет назад, ни на атом хуже, но и не лучше. Кривая индивидуального счастья Пьера тоже шла параллельно абсциссе и тоже монотонно возобновлялась ото дня ко дню, но уровень ее был так высок, она так близко подобралась под верхний край экрана, что вид ее изумлял. Генрих почувствовал возмущение. Рой безобразно подшучивал. Повысить личное счастье у этого невообразимо счастливого человека было невозможно не только морально, но и физически.

— Подожди! — невозмутимо сказал Рой. — Посмотри, что получится, когда я задам программу встречи Пьера со Стеллой.

Он проворно вложил в приемное устройство карточку с расчетом свидания Пьера с девушкой из Южного полушария с салатными глазами и такими же волосами. То, что произошло вслед за этим, заставило Генриха вскочить. Обе кривые, и зеленую и оранжевую, свела внезапная судорога. Концы их заплясали, изогнулись, глубокое потрясение взорвало размеренную жизнь дельянского общества: кривая Пьера полетела вниз, от высот достигнутого счастья в низины горя и отчаяния, общественная оранжевая кривая тоже испытала падение, но не такое сильное.

— Помолчи! — закричал Рой. — Молчи и смотри!

Генрих медленно опустился в кресло. После кратковременного падения обе кривые устремились вверх. Если и прежде кривая Пьера изумляла своим уровнем, то теперь ее рост ошеломлял. Кривая его счастья унеслась за пределы экрана, Рой изменил координатную сетку, но и в новом масштабе, уменьшенное вдвое,

счастье Пьера ошелело росло, безудержно распухало. Этот удивительный человек и раньше, с Мирой, был счастливей любого другого, теперь, со Стеллой, был безмерно, невероятно, нечеловечески блажен.

Но главным, что заставило Генриха промолчать, был ход общественной кривой. Она тоже устремилась вверх — с запаздыванием против кривой Пьера, не так круто, с двумя остановочками, даже крохотным падением, но в целом — на новый, куда более высокий уровень! И лишь достигнув его, кривая общественного счастья стабилизировалась, теперь она опять шла параллельно оси абсцисс, ни на миллиметр не сбрасывая степени достигнутого общественного довольства.

— Надеюсь, ты не проглотил язык, Генрих? — насмешливо поинтересовался Рой.

— Все ясно, — восторженно заговорил Генрих. — Этот Пьер повстречал Стеллу и влюбился в нее без памяти. Вначале помучился, что приходится бросать нелюбимую жену Миру...

— Ужасно сварливая особа, между прочим. Ведьма, как ты справедливо заметил!

— ...ради любимой Стеллы. Колебания и муки Пьера, естественно, понизили уровень общественного довольства, к тому же колония дельтян была возмущена неэтичным — так им, видимо, показалось вначале — поступком Пьера, и это придало кривой те зигзаги и всплески. А потом Пьер успокоился, и счастье его стало бурно расти, дельтянское общество тоже утихомирилось, и к его обычному удовлетворению добавилось новое блаженство Пьера. Соответственно умножению личного счастья Пьера повысилась и сумма общественного счастья. Так это рисуется мне в первом приближении.

— Самого важного ты не указал, Генрих.

— Правильно. Самое важное состоит в том, что взлет общественного счастья значительно превышает ту долю, что вносит личное блаженство Пьера. Чем-то соединение Пьера и Стеллы полезно обществу, настолько полезно, что революционизирует устоявшийся уклад дельтян. Что может таиться тут, по-твоему?

— Могу лишь гадать. Возможно, у них родится ребенок, который все перевернет какими-нибудь изобретениями, либо Пьер со Стеллой сотворят что-то полезное...

— Скажи мне вот что: комбинацию Стелла — Пьер придумала машина?

— Неужели же я? Когда она обсчитала Пьера, я снова задал программу усовершенствования, которая до сих пор не удавалась с другими дельтянами, и машина указала на Стеллу.

— Остается одно: осуществить рекомендацию машины.

— Сделаем это так. Вызываем под любым предлогом Пьера и Стеллу и устраиваем им здесь свидание, а машине задаем излучение, создающее в этой паре взаимное притяжение. Просто, правда?

— Та самая простота, которая хуже воровства, Рой.

— Ты разработал проект получше?

— Никаких проектов я не разрабатывал. Надо бы посмотреть в отдельности на Пьера и Стеллу, прежде чем порождать у них взаимное притяжение.

Рой думал ровно столько, сколько было нужно, чтобы обойти опасные рифы в предложении брата.

— В тебе чувствуется непонятный холодок, — объявил он. — Не спорь, я вижу тебя насквозь. К Пьеру и Стелле пойдешь ты сам. Кстати, машина указала на одну опасность. За Стеллой ухаживает превосходный парень, тоже из южных дельтян. Если мы не познакомим Стеллу с Пьером в ближайшие дни, она выйдет за того парня, и радикальное усовершенствование дельтян не осуществится. Я пробовал энергетически заблокировать парня, но он, понимаешь, слишком добивается Стеллы. Надо заблаговременно создать у Пьера со Стеллой взаимную неосознанную тоску друг по другу. — Рой протянул Генриху карманный передатчик. — Если Пьер и Стелла тебе понравятся, дай сигнал включения машины. А я пока настрою ее на их взаимную тоску, и тогда предотвратить их соединение в любящую пару не удастся самым расчудесным южным паренькам.

5

Мира оправдывала свое имя — она была удивительна.

Среди медлительных плотных дельтянок эта стройная, быстрая женщина казалась чужеродной ветвию. Чем-то она напоминала древних земных цыганок, как они сохранились на стереофильмах. Вероятно, она лихо плясала, возможно, умела и петь. Еще лучше она, несомненно, при нужде ругалась. Бой-баба или, по научному, баба-яга, подумал Генрих, представляясь Мире. Она небрежно, полуоткинувшись, сидела на почти невидимом словом диване в пустой — по последней земной моде — комнате.

— Итак, вы хотите увидеть моего мужа? — спросила Мира, жестом приглашая гостя сесть на пустое место.

На Дельте-2 земные интерьерные поля были уже внедрены: Генрих уверенно присел, зная, что под ним развернется удобное кресло. Он положил руки на радиужные прозрачные подлокотники, полуприкрыл веки. У Миры был острый взгляд, она слишком пристально вглядывалась. Неприятное лицо, размышлял Генрих, красивое, но неприятное, — сочетание, конечно, не тривиальное. Вслух он сказал:

— Да. Некоторые земные дела. Проблемы экспорта.

— Я не люблю, когда Пьера отрывают даже ради дел. Для экспортных дел я не делаю исключения. Генрих снисходительно усмехнулся:

— Сколько я знаю, друг Мира, Земля не давала гарантии, что будет делать лишь то, что вы любите.

Мира порывисто поднялась, подошла к окну. Генрих спокойно глядел на место, где недавно пропал силуэт силового дивана. Он слышал сзади шуршание длинного платья, Мира одевалась с изысканностью, давно позабытой на Земле, это было единственное немодное в ней. Женщина, жертвуяющая модой ради красоты, уже одним этим была необычайна. Шуршание платья раздавалось то справа, то слева. Мира, как пленная тигрица, ходила за спиной Генриха. Он безмятежно покоялся в кресле, снова прикрыв веки. Он и не подумает ворочаться вслед за каждым движением сумасбродной женщины.

Молчание разорвал резкий голос Мирры:

— Я не хочу вашего свидания с Пьером. Я прошу вас уйти.

Генрих медленно приподнялся. Кресло исчезло, чуть он оторвался от него. Интерьерное поле на Дельте работало безупречно.

— Попросить меня уйти вы можете, но не допустить моей встречи с Пьером не в ваших силах. Мы встретимся с ним завтра на космодроме, если свидание в вашем доме исключается.

Мира боролась с собой. В ее черных глазах появились растерянность и мольба.

— Почему Пьер? Он не занимается экспортом золота. В его ведении погрузка нерудных ископаемых.

— Именно нерудные ископаемые меня и интересуют. Золотые крыши на домах давно уже не в моде на Земле и других планетах. Лишь у вас еще увлекаются этими архитектурными излишествами.

Мира сделала жест, и в комнате появился диван.

— Садитесь. Лучше вам встретиться с Пьером в моем присутствии, чем у него на работе. Не выношу, когда он делает что-либо без меня!

Генрих присел и со скромной посматрел на Милю. Она была очень хороша. Генрих и не подозревал, что глаза, настороженные и тоскующие, вдруг могут так увеличиваться. Красота этой женщины тяготила.

— Мне кажется, друг Мира, вы и тут ошибаетесь. Я собираюсь встретиться с Пьером у вас на квартире, но вовсе не в вашем присутствии.

Только теперь, растерянная и негодующая, Мира стала похожа на дельтианку.

— Почему вы так неприязненны ко мне, друг Генрих? Я вижу вас в первый раз, но знаю, что вы пришли с недоброй целью...

— Ничего вы не знаете! У вас скверный характер, Мира. На Земле, между прочим, различают обязанности жен и няньек. Не кажется ли вам, что на Дельте-2 такого различия не делают?

Женщина так напряженно раздумывала над словами Генриха, что ему стало ее жалко. Чувство неведомой опасности у нее было развито отлично. Вообще эта Мира предстала неучтенным фактором. И Машина Счастья, и Генрих с Роем сосредоточились на Пьере со Стеллой, Мира же осталась в стороне. Ей придется несладко, думал Генрих, те всплески вниз общественной кривой счастья, очевидно, вызваны ее реакцией на потерю мужа. Хорошо, что всплески крохотные, всего лишь маленько личное горе.

Мира сказала очень медленно:

— Не знаю, что вы подразумеваете, когда говорите о жене и няньках. Я, возможно, с земной точки зрения плохая жена, тем более нянька, но, смею надеяться, Пьер мной доволен...

— Не говори не правды! — раздался громкий мужской голос.

В комнату вкатился веселый, краснолицый человечек, до того округлый, коротконогий, короткорукий, что он походил скорее на шарик, чем на дельтианина. Безбрювый, почти безволосый, на голову ниже Миры, к тому же с уродливо несимметричным лицом, он разительно отличался от красавицы жены.

— Что за нелепое слово: доволен! Я не доволен — я восхищен, я очарован, я околдован!

Лицо Миры вспыхнуло, потом побледнело. Прилила и отлила кровь, деловито оценил ее состояние Генрих.

Мира оправдывала свое имя — она была удивительна.

— Ты опоздал на сорок семь минут, — сказала она. Голос ее дрожал. — Ты опоздал на целых сорок семь минут, Пьер!

— Я опоздал на сорок семь минут! — пропел мужчина фальцетом. Он схватил жену за руки и закружился с ней по комнате. — Я опоздал на сорок семь минут! — Он отпустил ее руки и заплясал вокруг нее.

— Ты бы мог предупредить, Пьер. Ты ведь знаешь, что мой индивидуальный приемник настроен только на твое излучение. — Она кружилась с охотой, временами обгоняя мужа, тогда он смешно топотал, догоняя ее.

— Я ничего не излучал! Я ничего не излучал! — пропел мужчина еще веселее. Он катился по большому кругу вокруг жены. — Я погружал, я разгружал, я автоматы снаряжал! Я ничего не излучал! — Внезапно лицо его из веселого превратилось в озабоченное. — Постой! — сказал он, останавливаясь. — Ты опять не обедала? — Он грозно наступился. — Сколько говорить, что не надо ждать, если я запаздываю на обед! — Он опять повеселел, закружился и запел, запрокинув голову: — Меня не надо ждать к обеду! Меня не надо ждать к обеду!

— Перестань! — сказала жена. — У тебя ни голоса, ни слуха, Пьер. Я не могу больше слушать твое пение. Лучше уж танцуй. Только не упади, пожалуйста.

— «Я слушать не могу, как ты поешь! — громко пропел мужчина и еще усердней заплясал по комнате. — Я слушать не могу, как ты поешь!» — пел он с упоением. И при каждом обороте вокруг жены взгляд его падал на Генриха.

Но Генрих знал, что Пьер только глядит, но не видит его. Генрих вначале опасался, что Пьер в самозабвенном кружении налетит на стоящее посреди комнаты кресло, но Мира осмотрительно держалась подальше от гостя, а Пьер хоть и не сознавал, что в комнате кто-то третий, физически же ощущал неведомое препятствие.

— Есть! — закричал Пьер, останавливаясь. — Хорошую порцию питательного тумана. Ты, я и туман! Живо, Мира, живо!

— Мы не одни, — сказала Мира. — У нас в гостях землянин.

Только сейчас Пьер увидел Генриха.

— Прошу прощения за невнимательность! — сказал он непринужденно. — Мы с Мирой, когда танцуем, забываем все на свете. — Он плохо наступил на тускло мерцающий диван и обернулся к Генриху радостное лицо. — Счастлив познакомиться, друг! Пообедаем и поговорим.

— Раньше поговорим, потом пообедаем, — предложил Генрих.

— Можно и так, — быстро для дельтятини согласился Пьер.

— И разговор в моем присутствии, — предупредила Мира, садясь рядом с Пьером.

Генрих долгую минуту молча смотрел на них.

На Земле такая пауза была бы сочтена за вызов. Здесь можно было молчать и дольше, не рискуя вызвать недоумение и обиду. В Генрихе мутно клубилась злость на эту красивую и неприятную женщину, так ревниво оберегающую своего безобразного и веселого мужа. Генрих нашупал в кармане передатчик. Пусковая кнопка торчала сбоку, на нее можно было незаметно надавить пальцем. «Надавлю, — и кончится твоя тирания, — думал он. — С лица твоего Пьера мигом исчезнет улыбка. Пронзенный непонятной тоской, он отвратит от тебя лицо, твои заигрывания станут ему противны, твои настоящие — омерзительны. Вот как оно будет, стоит мне нажать кнопку. И я ее нажму, можешь не сомневаться!»

— Я, однако, настаиваю на разговоре наедине.

— Ничего не выйдет, раз Мира не хочет, — добродушно разъяснил Пьер. — Ужасная женщина моя Мира, вы такой еще не встречали.

«Я и такого, как ты, пожалуй, еще не встречал, — подумал Генрих. — Недаром машина так долго билась с твоей зашифровкой. У тебя, собственно, и зашифровывать нечего, ты весь на виду».

Пьер продолжал, шумно засмеявшись:

— Я открою вам страшную тайну: без меня Мира худеет за сутки на килограмм.

— А ты без меня на килограмм толстеешь, — заметила Мира.

— Худеет? — переспросил Генрих мрачно. Он недоверчиво поглядел на Пьера: — Толстеете?

— Худеем и толстеем! — воскликнул толстяк. — Она без меня ничего не ест от тоски, а я объедаюсь веселящим туманом, чтобы заглушить скорбь. Так что не заставляйте нас уединяться друг от друга, а говорите спокойно.

«Ничего я говорить не буду, — размышлял Генрих. Вот нажму на кнопку — и оборвется наша говорильня, и не понадобятся объяснения. Все равно я не скажу, какую роль ты можешь сыграть в общественном подъеме дельтян, даже о Стелле я не скажу, к Стелле ты устремишься всей душой, еще не зная ее, а узнаешь — полюбишь без памяти, куда сильнее влюбишься, чем в эту Мири, и не будет больше в твоей жизни Миры, а будет предназначеннная тебе высшей справедливостью Стелла...»

Он вынул из кармана передатчик и положил на колени кнопкой вверх. Одно нажатие пальца — и будет поставлена желанная точка на затянувшемся разговоре.

— Дело в том, что мое предложение секретное, — начал Генрих.

Начало было неудачное: секретов Генрих не имел. Пьер, подумав, опроверг Генриха:

— У вас, возможно, есть секреты от меня, но тогда зачем ими делиться со мной? А у меня секретов от Миры нет.

— И не будет, — добавила Мира с вызовом. Нажму кнопку — и точка на объяснении, вяло думал Генрих, падая духом. На уродливом лице Пьера играла беззаботная улыбка, черные глаза Миры впивались в Генриха. Интересно, думал Генрих, как она почувствовала, что над ее головой собралась гроза? Вот же дьявольская настройка души — и без специальных излучений ощущает таинственную опасность!

— Я собирался пригласить вас на Землю в командировку, — сказал Генрих. — Но одного...

— Исключено! — одинаковыми голосами воскликнули Пьер и Мира.

— Я и сам теперь вижу, что исключено, — согласился Генрих.

Он встал, и передатчик со стуком ударился о пол. Прежде чем он успел схватить его, передатчиком завладела Мира. Вскрикнув, Генрих вырвал коробочку из ее рук.

— Что с вами? — спросила Мира с испугом. — Вы так побледнели, друг!

— Вы не нажали на эту кнопочку? — волнуясь, спросил Генрих. — Вот эту кнопочку — видите? Вы случайно не нажали на нее? Только не скрывайте правды!

— Нет, не нажала! — быстро ответила Мира. Ужас Генриха мгновенно передался ей. — Даже не дотронулась, уверяю вас!

— А на кнопочку надо нажать? — поинтересовался Пьер. — Дайте-ка эту штучку мне, я отлично нажму. Генрих с грустной улыбкой спрятал передатчик в карман.

— Именно этого и не надо делать. Разрешите пожелать вам долгой жизни, друзья. Счастья вам дополнительного не желаю, у вас его хватает.

6

— Не мог я этого сделать, — оправдывался через час Генрих перед братом. — Она так на меня смотрела... Поищем других путей. Впрочем, можешь назвать меня дураком...

Рой молча переливал из бутылки в стаканы плотный цветной туман. Когда синеватый дым заклубился у краев, Рой протянул свой стакан Генриху.

— Выпьем за дураков! — сказал Рой. — Я имею в виду хороших дураков, — добавил он педантично.

— Все-таки лучше было бы специализировать нашу машину для розыска преступников и опасностей. Напрасно мы уступили Боячеку, — запоздало посетовал Генрих, после того как осушил стакан.

ЭКСПЕРИМЕНТ ПРОФЕССОРА БРАНТИНГА

1

Когда Генриха одолевала хандра — а это случалось регулярно после каждого завершенного эксперимента, — он сторонился людей. Даже сотрудники лаборатории старались в эти дни поменьше его беспокоить, а Рой вставал между ним и посетителями прямо-таки непреодолимым барьером. Любая мелочь раздражала Генриха, когда он впадал в такое состояние, общение с другими людьми становилось, по мнению Роя, слишком для брата трудным.

Собственно, Рой опасался не того, что Генрих сорвется и наговорит посетителям грубостей. Дело обстояло как раз наоборот. Генрих так боялся впасть в резкость, что становился преувеличенно мягким. Он быстро уступал, без сопротивления взваливал на себя и брата нежелательные задания, слишком легко давал отнюдь не легко выполнимые обещания. «Самая скверная твоя черга — это твоя поспешная доброта, когда ты не в духе!» — выговаривал Рой брату, и тот сокрушенно опускал голову, если был и в этот момент не в духе, или с раскаянием отшучивался, если настроение выпадало хорошее.

И странное дело Сильвестра Брантинга — Рой долго вспоминал о нем с неудовольствием — свалилось на плечи братьев как раз в момент, когда Генрих после какого-то сложного эксперимента отдыхал в тоскливом одиночестве, а Рой, срочно вызванный на Меркурий, оставил на три дня брата без опеки.

Генрих лежал на диване с закрытыми глазами и не то дремал, не то грезил в полной уверенности, что один в своей комнате. Но когда он раскрыл веки, то обнаружил, что напротив в очень неудобной позе, словно на старинном деревянном стуле, сидит в силовом кресле незнакомый мужчина.

— Что вы здесь делаете? — возмущенно спросил Генрих, вскакивая.

— Жду, пока вы проснетесь, — быстро ответил незнакомец. — Только это, только это, уверяю вас!

— Но я не сплю! С чего вы взяли, что я заснул? Генриху показалось, что незнакомец растерялся. Он выпрямился, подумал, поджал губы и нерешительно сказал:

— Тогда... Нет, наверно, не так! Лучше по-другому... Да, определенно лучше! Значит, так: наверно, я просто жду, когда вы обратите на меня внимание.

— «Наверно», «определенко»! Способны ли вы объяснить, зачем явились ко мне?

Незнакомец оживился. Во всяком случае, в его голосе пропало напряжение. И сразу стало ясно, что он словоохотлив.

— Собственно, я только этого и желаю — объясниться. Не буду скрывать: ради объяснения я сюда и явился без приглашения и разрешения. И можете не сомневаться, объяснение будет искренним и полным, таким, я бы даже выразился, всеосвещающим... Вам не придется сетовать, что я что-либо утаиваю, или недосказываю, или, говоря проще, искашаю.

Генриху страшно захотелось взять болтливого незнакомца за шиворот и добрым пинком выставить наружу. И тут Генрих, как он потом осознал, сделал первую грубую ошибку. Он испугался, что незваный гость догадается, какие пробудил в хозяине желания, и сказал с вымученной вежливостью:

— Я и не сомневаюсь и ни на что не собираюсь сетовать. Но я не совсем ясно представляю себе, чем могу быть вам полезен.

Незнакомец сделал успокаивающий жест рукой. Он был не старше двадцати пяти лет, подвижен, легко возбудим — разные выражения на его худощавом лице сменялись с такой быстротой, что начинало казаться, будто для каждого произносимого слова оно имеет особое выражение. Генрих вскоре убедился, что можно и не слушать гостя, а только смотреть на него — по одной мимике угадывалось, о чем он толкует. Еще никогда Генриху не приходилось встречать столь нервно-подвижного лица. Он подумал было, что гость просто кривляется — тело и руки он держал в послушании, не разрешая себе ни резких движений, ни чрезмерной жестикуляции. Интонации голоса тоже были гораздо беднее мимики.

— Меня зовут Джоном Цвиркуном, — представился гость. — Да, не буду скрывать — я Джон Цвиркун. Джон Цвиркун, о котором вы столько слышали. Я понимаю, вам удивительно, что я начинаю с признания, но между нами недомолвок быть не должно, этого я не допущу.

Генрих напрягал все клетки памяти, но ни из одной не выдавливалась какая-либо информация о Джоне Цвиркуне. Гость был решительно незнаком Генриху. Среди гримас, с непостижимой быстротой сменявшихся на лице Джона Цвиркуна, промелькнуло и удивление.

— Вы забыли мою фамилию? Невероятно! Но Брантинга вы помните? Профессора Сильвестра Брантинга с Марса? Того самого, что вывел калиопис, знаменитое дерево, меняющее природу Марса. А я ассистент Брантинга, его любимый ученик — не единственный из учеников Брантинга, этого я не утверждаю, нет, но единственный любимый и, так сказать, доверенный и наследник. Зовите меня просто Джоном, я не люблю, когда со мной обходятся с церемонностью, у нас на Марсе обычай проще, чем на Земле, гораздо, гораздо проще, смею вас в этом уверить. Итак, я для вас отныне Джон, а вы для меня Генрих, дорогой друг Генрих!

Лишь теперь Генрих понял, кто к нему явился. Имя Сильвестра Брантинга, директора Марсианской астроботанической станции, было известно и на Земле.

Это он десять лет назад вырастил калиопис, ветвистое дерево с толстым стволом, с могучими корнями и физиологией, разительно не похожей на физиологию всех других растений. Удивительным было уже то, что калиопис размножался спорами. И то, что он без затруднений рос в безводных пустынях, почти при полном вакууме, отсутствии освещения, при морозах, падающих ниже пятидесяти градусов.

Жизнестойкие в трудных условиях дальних планет растения выводили и другие земные ученые, кроме Брантинга, но калиопис получился уникальным, никакому ботанику еще не удавалось столь совершенное создание. Гигантская корневая система калиописа не только поглощала соки грунта, но и выделяла свою клейкую, не замерзающую при морозах жидкость, растворяющую твердые частицы почвы и разлагающую почти все соединения, где имелись кислород, водород и углерод. Из высосанных в почве элементов калиопис выстраивал свой ствол, свои ветви и листья, а излишек выбрасывал наружу: вокруг каждого дерева стояло облако водяного пара, насыщенного кислородом и углекислотой. На многих равнинах Марса уже появились леса калиописа, непрерывно обогащающие скучную атмосферу. По расчетам, лет через пятьдесят атмосфера Марса должна была сравняться с земной по содержанию в ней кислорода и углекислого газа. Специалисты по Марсу предсказывали появление в будущем столетии на безводной ныне планете рек и озер, а впоследствии и морей — так много синтезировали и выделяли водяного пара разрастающиеся калиописовые леса.

Но не одно это научное достижение сделало Сильвестра Брантинга знаменитым. На одной из сессий Академии наук Брантинг предложил внедрить калиопис и на Земле. Ученые с редким единогласием восстали против его проекта. Жадно захватывающие земную почву калиописы быстро подавили бы всякую иную растительность. И так как калиопис рос и днем и ночью, и летом и зимой, то дыхание его вскоре изменило бы состав земной атмосферы, а это могло привести к опасным последствиям. «Переселение в древние времена в Австралию кроликов покажется безобидной шуткой рядом с посевом в той же Австралии одной калиописовой рощицы», — высказался на сессии президент Академии наук Альберт Боячек. В другом выступлении старый ученый прибегнул к формуле более резкой: «Я предпочел бы, чтобы нашу милую зеленую Землю засыпали всю чумными бактериями, чем спорами калиописа, который, не отрицаю, необходим и полезен на Марсе».

Брантингу надо было отступиться, когда он встретил дружное сопротивление специалистов. Он проявил непонятное упорство. Он потребовал всенародного обсуждения. Формально он имел право выносить любое свое предложение на суд человечества, но всех поразила запальчивость, с какой он использовал свои

конституционные права. Как и следовало ожидать, обсуждение завершилось полным провалом Брантинга. Из шести миллиардов людей на Земле и на планетах лишь около ста человек поддержали Брантинга. Большой совет объявил запрет на привоз спор калиописа на Землю. С той поры о Брантинге, обиженно замкнувшемся на своей марсианской станции, никто на Земле не слыхал. Во время порожденной им шумихи часто назывались имена его помощников, среди них, вероятно, и Джона Цвиркуна...

Все эти воспоминания мигом пронеслись в голове Генриха, когда Джон Цвиркун назвал своего научного руководителя. Но они не объяснили, почему появился гость, и Генрих сказал об этом.

— Сейчас все станет ясно, до изумления ясно! — заторопился Цвиркун, еще быстрей сдергивая с лица гримасу за гримасой. — Не беспокойтесь, я ничего, абсолютно ничего... — Он вдруг окаменел, выпучил глаза, прикрыл рот и, медленно раскрывая его, снова выдавил из себя, как бы через силу: — Брантинг на Земле! Он взял отпуск.

Генрих, однако, не усмотрел криминала в поездке ученого на Землю. Каждый работник имеет право проводить свой отпуск, где ему хочется. Уважаемый Джон Цвиркун тоже, очевидно, прилетел с Марса, однако это еще не повод, чтобы Генрих рвал на себе волосы.

— Я не требую, чтобы рвали на себе волосы, отнюдь нет! — поспешил объявил гость. — Подобные экстремальные состояния, тем более совершенно бесцельные... Но вдумайтесь в ужас ситуации, вдумайтесь в ужас... Мне страшно об этом говорить, но я не могу умолчать. Гений человечества профессор Сильвестр Брантинг сошел с ума!

Генрих сделал нетерпеливый жест рукой:

— Болезнь профессора меня не касается. Я его лично не знаю и не стремлюсь завязать знакомство.

— Безумие Брантинга не может вас не касаться, друг Генрих! И вы, конечно, захотите увидеть его, когда узнаете...

— Что узнаю? Что? — чуть не закричал Генрих.

— Что Брантинг привез на Землю споры калиописа, целую коробочку спор, достаточную, впрочем... Вы и без моего пояснения понимаете всю грозную, так сказать, достаточность одной маленькой коробочки спор калиописа.

— Но ведь привоз этих спор на Землю запрещен специальным указом Большого совета, — с удивлением сказал Генрих. — Неужели Брантинг решился на преступление?

— Он помешался! Ему представляется, что он совершает подвиг, вот что ему представляется, только такое злополучное представление способно...

— Вам надо немедленно заявить в Управление государственных машин, Джон. Там установят, где находится Брантинг, и выдадут ордер на его задержание.

Все выражения, пробегавшие по непрерывно кривящемуся лицу Джона Цвиркуна, забивала теперь мина скорби.

— Там ничего не могут установить, ничего, ничего, друг Генрих. Я уже обращался туда. Вся милиция Земли поднята по тревоге, все города, все парки, все пустыни контролируются, все места, куда Брантинг может выселять споры, буквально все!..

— Надо задержать его самого и отобрать споры.

— Его нельзя задержать. Он скрылся. Он исчез. Таинственно пропал на Земле, вот что он сделал!

— Чепуха! — нетерпеливо сказал Генрих. — Вы плохо представляете себе технические возможности на Земле. Мозговые излучения Брантинга со дня его рождения закодированы в машинах. По этому энцефалопаспорту найти его проще простого, если только он жив. Кстати, у помешанных нарушается гармония мыслительной деятельности, но индивидуальный мозговой код сохраняется.

— Ах, энцефалопаспорт! Брантинг его изменил.

— Это невозможно!

— Для Сильвестра Брантинга нет ничего невозможного. Он гениален, только я один знаю, до каких поистине непредставимых пределов простирается его гениальность.

— Ваше утверждение надо доказать. Я говорю не о гениальности, хотя и это не бесспорно. С того момента, когда Брантинг сошел с космолета в земном аэропорту, его мозговые излучения введены в приемные устройства охранных машин...

— И через час выпали из машин! Его мозговая деятельность внезапно прекратилась... нет, не прекратилась, а переключилась или, возможно, заэкранирована. У профессора так много приемов самопереконструкции!

— Может быть, он просто погиб?

— Тогда бы нашли его труп, а трупа нет, ибо он живой, а не мертвый, но уже не Брантинг, а какой-то другой человек: он ведь разработал метод такого изменения черт лица, что человек становится неузнаваемым, даже голос, даже рост, даже цвет глаз и волос; это-то совсем просто: принять таблетки и блондин, не сразу, но скоро, довольно скоро превращается в брюнета, а черноглазый выцветает до голубоглазости...

Генрих подумал, что если бы сфотографировать Цвиркуна в двух разных минах, то очень трудно было бы допустить, что двое со столь непохожими лицами — в сущности, один человек. Трескотня непрошено гостя все больше раздражала Генриха, он уже едва удерживался от того, чтобы не выставить его за дверь. И хотя Генрих

понимал, что принесенные Цвиркуном известия важны, он знал также и то, что на Земле имеется множество людей, которых эти известия касаются гораздо больше, чем его. Он сказал нетерпеливо:

— Кончим на этом, Джон. Если Брантинг неуловим, нам придется примириться с тем, что на Земле скоро зашумят калиописовые леса. Думаю, правительство найдет методы борьбы с этим бедствием. Очень рад был с вами познакомиться.

Цвиркун огорчился так сильно, что на несколько секунд стал безгласен и молча, с пронзительным укором взирал на Генриха. Генрих потом признавался, что кратковременное молчание было еще тягостней, чем прежняя словомётная скороговорка.

— Вы не сделаете этого! О, вы этого не сделаете, нет! — воскликнул Цвиркун, обретя способность речи. — Я ведь сказал, я ничего не буду... Все тайны, самые секретные секреты, ибо только вы с братом можете... Вот смотрите, теперь вы все поймете!

Он торопливо вытащил из кармана и положил перед Генрихом большую золотистую пластинку. Он умолял взять пластинку в руки, осмотреть ее и оценить, ибо она даст ключ к поиску исчезнувшего профессора. Генрих взвесил пластинку на ладони, пощупал, осмотрел с двух сторон, даже понюхал.

Она была продолговатой, шесть на четыре сантиметра, пяти миллиметров толщиной и такая тяжелая, что прогибала руку. Ни один из земных материалов не обладал подобной тяжестью. И она была очень холодна. Генрих заметил, что Цвиркун вытаскивал ее из нагрудного кармана, металл не мог не принять теплоту тела, но от нее несло морозом, она дышала своим внутренним, особым холодом.

Впоследствии Генрих узнал, что сплав, из которого изготовлена пластинка, сохраняет постоянной заданную ему по расчету температуру. Пластинка оставалась бы холодной даже в пламени.

Пока Генрих знакомился с изделием, словомётный гость тараторил с удвоенной энергией. Фразы неслись с такой быстротой, что Генрих успевал разобрать не больше половины слов. Но и этого оказалось достаточно, чтобы понять существенное.

Цвиркун недавно заподозрил своего научного руководителя, что тот собирается нарушить строгий запрет Большого совета. Брантинг вел себя странно, многие замечали ненормальности его поведения. Но только Цвиркун, не единственный, но единственный любимый, доверенный ассистент профессора, понял, что тот попросту сошел с ума — стандартным, древним помешательством, какое было столь распространено в прошлые эпохи и какого уже сто лет никто не наблюдал на Земле.

Цвиркун не собирается скрывать, что в анализе состояния Брантинга ему помогли книги. Это его хобби — книги, сейчас предпочитают более совершенные методы усвоения информации, а он обожает книги, и в книгах он читал о случаях сумасшествия с признаками, в точности подобными тем, какие сотрудники марсианской астроботанической станции стали замечать у профессора. И любимому ассистенту Брантинга вскоре стало ясно, что тот замыслил преступление и что если он, Джон Цвиркун, не окажет противодействия, то станет сам невольным соучастником злодеяния.

Что было делать? Послать донесение на Землю? Брантинг легко бы опроверг обвинения, они ведь не выходили из сферы догадок. Помешать профессору провести свой отпуск на Земле? Неосуществимо! Не дать Брантингу захватить с собой некоторое количество спор? Еще менее осуществимо. Джон Цвиркун нашел блестящее решение. Он скромен, мало среди крупных ученых таких скромных людей, как он, но в данном случае он просто обязан объявить, что совершил научный подвиг, более слабая формулировка была бы нетактичной!

Дело в том, что споры калиописа испускают особые лучи, специфическое излучение, крайне слабое и такой запутанной характеристики, что никакие известные приемники не способны его обнаружить.

Три последних года в лаборатории Брантинга занимались изучением калиописовых лучей, и Джону Цвиркуну удалось разработать резонатор, воспринимающий излучение калиописа.

— Вот эта пластинка из сверхплотного пластика и есть тот единственный в мире камертон, который начинает звучать в ответ на позывные калиописовых спор! — восторженно воскликнул Цвиркун. — Ах, друг Генрих, если бы я рассказал вам, сколько муки, сколько ослепительных озарений, сколько черных провалов сопровождало мою работу!.. Но дело сделано, дело сделано! Перед вами индикатор спор калиописа, единственный в мире сыщик, гениальный детектив, способный найти ящик с губительными спорами, а при ящичке, естественно, и профессора, нашего бедного, нашего великого, нашего бесконечно дорогого и еще бесконечней, если можно так выражаться, опасного профессора! И еще добавлю: экрана для излучения спор не существует, даже Бран-тинг не сумел его сконструировать, даже Брантинг!

— Так в чем дело? Пустите вашего сыщика по следу и хватайте опасного профессора за шиворот. Простите меня, но я все меньше понимаю, зачем вы пришли ко мне!

Цвиркун ответил новой путаной речью. Он разработал индикатор, но нужен еще и анализатор самого индикатора. Он может сказать и так: им создан великолепный камертон, но без уха, воспринимающего звучание камертона, и сам камертон ни к чему. Короче, он предлагает чудодейственный приемный механизм для обнаружения спор калиописа, но к нему надо прибавить специальный прибор, делающий явными для восприятия внутренние колебания самого индикатора. Такой прибор в марсианских мастерских изготовить невозможно. Только на Земле и только в Институте космических проблем задачу эту можно решить просто и скоро. А в Институте космических проблем самая совершенная поисковая лаборатория, это каждому известно, возглавляется братьями Васильевыми. И братья Васильевы прославились распутыванием сложнейших загадок, и среди раскрытых ими тайн были и такие, что иначе, как космическим детективом, их не назовешь.

— Вот почему я здесь, вот почему! — закончил наконец свое повествование Джон Цвиркун.

— Вы ошибаетесь, мы не детективы, а физики, — попробовал возразить Генрих. — Мы и вправду порой встречаемся с криминалом, но он обнаруживается при распутывании странных физических явлений. Детективная часть нашей работы носит производный, а не основной характер.

— Вот-вот! Именно так! — восторженно закричал Цвиркун. — И в данном случае будет то же: вы разрабатываете прибор для обнаружения нового физического излучения, собственно, не обнаружения, это сделал я, а для трансформации обнаруженного в воспринимаемое... Я надеюсь, ясно, правда ведь?.. А поимка нашего бедного, нашего великого, но, к скорби нашей, преступного профессора явится побочной или, точнее, выразиться, производной функцией основного, так сказать, аргумента!

И тут Генрих почувствовал, что его нервы не выдержат, если Джон Цвиркун дотянет до точки хоть одну из своих стремительно выносящихся фраз. Генрих вообразил себе, как мстительно вышибает посетителя наружу, как, спуская вниз по лестнице, оделяет прощальными выражениями, отнюдь не предназначенными для научных дискуссий. И эта картина была так ярка, Генрих так испугался собственной несдержанности, что ослабел и потерял волю к дальнейшему сопротивлению.

Он хмуро сказал:

— Ладно, оставляйте пластинку. Завтра приезжает брат. Он руководитель нашей лаборатории, и он решит, будем ли мы вам помогать или вы обратитесь к другим физикам.

Цвиркун сотворил самую умильную из гримас.

— Нет, а вы? О, если бы вы знали, друг Генрих, как мне бесконечно, я не побоюсь и такой сильной формулировки, да, бесконечно важно, чтобы именно вы...

Генрих торопливо сказал, изнемогая:

— Я согласен. Я так и скажу брату — с моей стороны возражений нет. А теперь извините меня...

Цвиркун вскочил. Он понимает. Другу Генриху надо отдохнуть. Джон Цвиркун больше не будет занимать драгоценное время знаменитого физика Генриха Васильева. Джон Цвиркун придет завтра в лабораторию братьев в это же время, можно?

Исчезая в дверях, гость одарил Генриха такой чудовищно признательной гримасой, что Генрих содрогнулся.

2

Роя рассердила мягкотелость Генриха. Рой считал, что лаборатория Управления государственных машин отлично справится с задачей инструментального поиска преступника или сумасшедшего, ему совершенно безразлично, как называть потерявшегося на Земле марсианского деятеля. И Рой уже собирался отослать в другую лабораторию оставленную Цвиркуном пластинку вместе с кратким описанием задания. Но Генриха угнетала мысль о новых спорах с Цвиркуном. Генрих с тоской признался, что готов взвалить на себя еще два неприятных задания, только бы не выслушивать умильных просьб, сопровождаемых диковинными гримасами. Рой внимательно поглядел на брата и сказал, что обследует пластинку, а потом они еще раз поговорят о преступном профессоре и его не единственном, но единственном любимом ассистенте.

Вечер Рой провел в лаборатории без Генриха, ночью куда-то уезжал, а утром пришел к брату, когда тот еще лежал в постели — вялость, одолевавшая Генриха периодически, проявлялась и в том, что он много лежал.

— Знаешь, пластинка, оставленная надоедливым гостем, очень интересна, — сказал Рой, усаживаясь рядом с Генрихом. — Загадочен и материал и структура. В ней рождаются удивительные колебания в ответ на любое излучение извне, и каждое колебание — особого характера. Думаю, она и вправду может служить индикатором разнообразных процессов. Во всяком случае, рост древовидной герани, стоящей в моем кабинете, порождает у нее мелодичное звучание, только очень тихое. Я бы хотел раздобыть этого материала побольше.

Генрих напомнил, что пластинка вручена вовсе не для того, чтобы изучали ее разнообразные возможности. Рой невозмутимо продолжал, игнорируя возражение Генриха:

— Сегодня наши химики сделают молекулярный анализ пластинки, и тогда многое станет ясней. — Он поднял руку, предупреждая новое запальчивое возражение брата. — Теперь о Брантинге. Информация Цвиркуна подтверждается. Брантинг прибыл на Землю, машина зафиксировала его энцефалопаспорт, но вскоре излучение мозга профессора прекратилось. Трупа не найдено, новых излучений не добавилось, так что сумасшедший профессор и не думает перекодировать себя под какую-то иную личность.

— Стало быть, экranизация мозговых излучений?

— Стало быть, экранизация. И, очевидно, с недоб्रой целью, ибо при всех иных обстоятельствах профессору не понадобилось бы так скрываться от земного наблюдения. Признаться, и меня смущает это обстоятельство.

— Иначе говоря, Брантинг — преступник?

— Преступник тот, кто совершил преступление. О Брантинге этого не доказано. Но что причина его появления на Земле не может быть официально им объявлена, теперь достоверно.

— Его нужно остановить, пока он не совершил зла! — Генрих в волнении вскочил с кровати. — Рой, ты понимаешь, как важно срочно изготовить прибор, расшифровывающий колебания пластинки?

Рой кивнул.

— Вполне согласен. Прибор уже изготовлен. Один из переносных дешифраторов отлично воспринимает колебания пластинки.

— Значит, поиск Брантинга начат?

— Нет, конечно.

— Но почему, Рой?

— По твоей вине.

— Не понимаю тебя.

— Ты взял одну пластинку, но не поинтересовался, какие звучания в ней вызывает излучение спор калиопи-са. Пока у нас нет кода колебаний пластинки, мы не можем начать поиск профессора. Между прочим, ты уверен, что экрана для радиации спор калиописа не существует?

— Так утверждал Джон Цвиркун. Он, наверно, уже в лаборатории. Идем к нему.

Рой остановил схватившего пальто Генриха.

— Говорить с Джоном буду я. По твоему описанию, он человек малоприятный. Я постараюсь убедить его, что он должен приспособливаться к нам, а не мы к нему. У тебя такие разговоры не получаются.

Цвиркун, уже сидевший в лаборатории, поспешно вскочил и, сияя кривляющимся лицом, пошел навстречу братьям. Рой холодно пригласил Цвиркуна в свой кабинет, жестом показал на кресло. Цвиркун заторопился говорить. Рой оборвал его таким же молчаливым властным жестом. Гость, предчувствуя, что его ждет отказ, переводил молящий взгляд с одного брата на другого.

— Я считаю, что предложенная вами тема не соответствует профилю нашей лаборатории, — ледяным тоном начал Рой. Цвиркун побледнел так сильно, что Рой невольно заговорил быстрей: — Брат придерживается другого мнения. (Цвиркун с благодарностью посмотрел на Генриха, снова ничего не сказал, только сморщил лицо в гримасе, соединившей вместе губы, нос и глаза; возможно, он так выражал высшую степень приватности.) Мы обычно друг другу уступаем. Брат не захотел мне уступить, пришлось это сделать мне. — Цвиркун, вскочив, хотел рассыпаться в благодарностях, но Рой, повысив голос, раздраженно продолжал: — Прошу вас помолчать, я не кончил. И, пожалуйста, не кривляйтесь. Я не понимаю выражений вашего лица.

— Я постараюсь, — тихо сказал Цвиркун. — Поверьте, это непроизвольно. На Марсе мы привыкли ко многим вольностям. На Земле иные порядки...

Он с таким усердием удерживался теперь от гримас, что Генриху стало жаль его. Рой перечислял условия, необходимые для успешного поиска. Цвиркун вручает таблицу колебаний пластинки, отвечающих на излучение спор калиописа, с полным расчетом направлений на излучающий объект и расстояний до объекта.

— Да, да, пластинка укажет, в какой стороне и сколько километров до... — не удержался Цвиркун и тут же осекся под взглядом Роя.

Среди условий были и такие, что поиск совершается лишь на Земле, без вылетов на другие планеты, и что в благодарность за поимку опасного беглеца Цвиркун передает лаборатории братьев информацию о материале пластинки. Цвиркун, без спора приняв все условия, вытащил из кармана металлическую ленту и вручил ее Рою.

— Здесь записи колебаний, создаваемых спорами ка-лиописа, друг Рой. — Цвиркун так страшился чем-нибудь рассердить старшего из братьев, что даже говорил без обычной торопливости и повторений, тщательно выговаривая каждое слово.

— Достаточно ли чувствительна ваша пластинка для успешного поиска? Вы меня понимаете? За те несколько суток, что прошли с момента прибытия Брантинга, он мог значительно отдалиться от Столицы.

На это последовал уверенный ответ:

— От моего индикатора Брантингу на Земле не скрыться. Даже если он сейчас в противоположной точке земного шара! Конечно, если он всюду беспорядочно разбросал споры...

— ...то и в этом случае мы его найдем по оставленным им следам, не так ли? Идемте к испытательным стендам.

Генрих хорошо знал брата и привык ничему не удивляться. Но Цвиркун не скрывал, что поражен. Установка была уже смонтирована, в анализирующее устройство оставалось лишь ввести поисковый код. Едва Рой вложил ленту в дешифратор, комнату наполнил мелодичный звон. Аппарат выпевал тонкую мелодию из одних звонов — тысячи серебряных колокольчиков зазвучали в лаборатории. Цвиркун, выкатив глаза, окаменев, как зачарованный воспринимал музыку аппарата.

— Это... Это... — с трудом выговорил он.

— Да, — сказал Рой. — Похоже, что каждая спора создает свой отдельный звон. Вы не ошиблись, Брантинг на Земле.

Цвиркун метнулся к стенду:

— Где он? Где? Ради всего на свете, где?

Рой усиливал и уменьшал звук, на шкале плясали зеленоватые змейки, они складывались в четкие линии. Брантинг был в Столице, он летел по ее улицам. Рой быстро подал на экран, занимавший половину стены, план Столицы, сфокусировал на экран траекторию движения профессора. Брантинг выбирался из города — кривая полета пересекла центр, прошла по Кольцевому проспекту, вновь углубилась в радиальные улицы.

— Он мчится в космопорт! — прервал молчание истошный вопль Цвиркуна. — Он совершил преступление и спасается от возмездия!

Генрих встревоженно посмотрел на Роя. Рой покачал головой.

— Дешифратор настроен на споры, а не на самого Брантинга. Если семена калиописа при нем, значит, он не совершил преступления. Пусть он уезжает, для Земли это лучше.

Цвиркун умолял, хватая руки Роя:

— Задержите его, не дайте бежать! О, вы и представить не можете, какой это будет ужас, если он скроется! Дамоклов меч, вечно висящий над головой! Надо его обезвредить, а не отпускать!

Рой вызвал космопорт. На экране высветился кабинет начальника космопорта. Начальник поднял руку, приветствуя братьев — они были давние знакомые, — внимательно посмотрел на скрючившегося от волнения Цвиркуна.

— Миша, важное происшествие, — сказал Рой. — В космопорт сейчас прибудет профессор Сильвестр Брантинг с Марса. Его надо задержать. Есть подозрение, что он собирается совершить запрещенное на Земле деяние. В Столице он неуловим, так как экранировал свой мозг и изменил внешность. В ближайшее время отходят какие-либо космолеты?

— Через полчаса стартует рейсовый на Марс, — ответил начальник космопорта. — Если ваш Брантинг решил сегодня улететь с Земли, то только этим. Два лунных экспресса уже ушли, рейсовый на Меркурий перенесен на завтра.

— Отлично, Миша! Мы можем быть уверены?

— Разумеется. В космопорту Брантингу придется расстаться с экранизацией. Без сверки энцефалопаспортов мы никого не выпускаем в космос. Сейчас я затребую в Управлении государственных машин полную электронную характеристику вашего проштрафившегося профессора.

Рой погасил изображение.

— Мы тоже поедем в космопорт и прихватим с собой дешифратор.

В авиетке Цвиркун молчал, и молчание красноречивей, чем прежняя торопливая речь, выдавало, в каком он нервном возбуждении.

Авиетка опустилась у главного входа. Прибывших встретил сам начальник космопорта Михаил Ван-Вейден, высокий невозмутимый блондин.

— Задержали? — спросил Рой, выпрыгивая на землю. Ван-Вейден пожал плечами.

— Среди пассажиров Брантинга нет. Он не явился к нам.

— Но космолет ушел? — запальчиво крикнул Цвиркун. — Неужели космолет уже стартовал? Как вы могли допустить это?

— А почему, собственно, мы должны были задерживать корабль? — сухо осведомился Ван-Вейден. — Вы просили о проверке одного пассажира, а не об отмене графика межпланетных рейсов. Проверить пассажира я могу, для задержки рейса нужны обстоятельства чрезвычайные.

— Он скрылся! Он скрылся! — бормотал Цвиркун, судорожно сжимая руки. — Всех перехитрил и скрылся! Ах, я ожидал этого, я же ожидал! Итак, ничего не предотвратить!

— Сейчас мы точно будем знать, куда делся Брантинг, — сказал Рой. — Миша, отведи нам свободную комнату для установки дешифратора. И, пожалуйста, еще раз сверь все энцефалопаспорта пассажиров.

Цвиркун впал в такую апатию, что не стал помогать братьям, возвившимся у дешифратора. Лишь когда в комнате зазвучала мелодия звонов, Цвиркун вскочил, подошел к прибору. Дешифратор показывал направление в космос. Брантинг находился на корабле со своими спорами. Корабль шел с полной рейсовой скоростью, и, по мере того как он отдалялся, музыка в приборе затихала.

В комнату вошел Ван-Вейден со списком пассажиров.

— Я был прав, Рой. Главная справочная машина еще раз проверила все энцефалопаспорта пассажиров и не обнаружила среди них Сильвестра Брантинга.

Цвиркун схватил список, торопливо пробежал его глазами. Вскрикнув, он стал тыкать пальцем в одну из фамилий.

— Как это? Как это возможно? Нет, послушайте, это чудовищно!

— Джон Цвиркун, — громко прочитал Ван-Вейден. — Не понимаю, что вас смущает, друг? Справочная установила, что среди отлетевших пассажиров, согласно их энцефалопаспортам, находится некий Джон Цвиркун.

— Некий Джон Цвиркун — я! Я, я некий! И я нахожусь здесь, а не в космолете! — яростно закричал Цвиркун.

Рой обменялся с Генрихом быстрыми взглядами.

— Впервые попадаю в такую ситуацию, — растерянно сказал начальник космопорта. — Излучения мозга всех пассажиров были ясные, глубокие, все свидетельствовали о хорошем здоровье... Больных или ослабленных мы не выпускаем в космос. Значит, кто-то излучал в вашей мозговой характеристике? Но ведь это физически невозможно!

— Можете сверить мой энцефалопаспорт с фальшивкой, которую вам излучил Брантинг, и тогда вы убедитесь, что имеются возможности, которые выходят за пределы вашего понимания, вот что я вам скажу, вот что! — едко ответил Цвиркун.

Рой еще раз обменялся взглядом с Генрихом. Генрих наклонил голову, соглашаясь с тем, что ему сказал взглядом брат. Рой властно остановил беснующегося Цвиркуна.

— Интересный человек этот Брантинг, — спокойно сказал Рой. — И поступки его заслуживают, чтобы с ним познакомиться поближе. Раньше всего мы проверим, не оставил ли он все же где-нибудь на Земле опасных спор. А после проверки поспешим за ним в космос. Ближайший космолет на Марс когда отходит, Миша?

— Послезавтра, — сказал расстроенный начальник космопорта. — Внести вас троих в списки пассажиров на Марс?

3

— Нет, разумеется, его не было, — уверенно сказал дежурный диспетчер Марсианского космопорта. — Кто же не знает профессора Брантинга? Такой уважаемый ученый! А что до Джона Цвиркуна, то как, спрошу я вас, он мог бы прибыть с предыдущим рейсом, если он прилетел с вами и сидит сейчас передо мной? — И диспетчер дружески улыбнулся мрачному Цвиркуну.

Тот сделал усилие, чтобы ответить хотя бы подобием улыбки. Рой пожал плечами.

— Да, в самом деле, как? Ваша аргументация убедительна. Но все-таки если бы попросили проверить каждого, кто прибыл предыдущим рейсом, вы смогли бы это сделать? Скажем, вызвать их в космопорт. Или дать нам возможность посетить любого на дому. Видите ли, у нас имеются подозрения, что один из пассажиров, и как раз профессор Брантинг, прибыл на Марс, назвавшись другой фамилией и изменив свой облик.

— Боюсь, это неосуществимо. — Диспетчер не скрывал удивления, что его ответ не удовлетворил Роя.

О том, что кто-то может скрываться под чужой фамилией и в чужом облике, на Марсе еще не слыхали. Диспетчер старался вспомнить инструкцию по обслуживанию пассажиров космических рейсов. Он был уверен, что пункта о проверке облика там нет.

— Я хотел бы знать, почему это неосуществимо? — холодно спросил Рой. — Потому ли, что вы не желаете такой проверки, или на Марсе невозможно установить, где кто проживает? Мне странно ваше нежелание...

В диспетчеры космопортов подбирали людей энергичных, ни при каких обстоятельствах не теряющих спокойствия.

Диспетчер ответил с подкупающей вежливостью:

— Мои желания значения не имеют. Всех, кто находится на Марсе, вы можете пригласить сюда или посетить на их квартирах.

— Нам больше пока ничего и не нужно. Встречи со всеми пассажирами предыдущего рейса вполне нас удовлетворят.

— В том-то и дело, что со всеми не выйдет. Вчера семь из ста восьми пассажиров, прибывших с Земли до вас, улетело дальше...

— Дальше? Куда?

— На Нептун, — торжественно сказал диспетчер. — А там, как вы знаете, действуют особые правила. Если интересующий вас человек, — диспетчер явно не мог произнести уважаемого имени Брантинга, — если этот человек на планетолете, то он мог называться любой фамилией, и мы не имеем права доведываться, кто он реально.

Рой хорошо знал правила, установленные для Нептуна. Когда-то они имели серьезное значение, сейчас в них сквозил элемент игры, но то была игра, правила которой выполнялись с педантичной строгостью. Триста лет назад группа бежавших с Земли авантюристов, не примирившись с созданием всеземного коммунистического правительства, учредила на Нептуне свою колонию. Беглецы, вооруженные аннигиляторами, долго не подпускали к планете земные корабли. Капитулировали они, лишь когда убедились, что без помощи Земли погибнут от голода и вырождения, но поставили при этом условие, что возьмут себе выдуманные фамилии и никто не станет дознаваться, кем они были раньше. Условие это было утверждено Большим советом в качестве закона для Нептуна.

Отныне каждый поселявшийся на планете брал новую фамилию и придумывал себе прошлое, какое нравилось. У обитателей Нептуна не было биографий, только легенды. Вначале казалось, что со странным обычаем будет покончено, когда исчезнут беглецы, боявшиеся наказания за проступки перед обществом. Но вскоре обнаружилось, что многим нравится игра в инкогнито. Молодые люди, не удовлетворенные ровным течением земной жизни, нанимались на Нептун и там разыгрывали из себя тех, кого хотели бы в себе видеть. По планете, как по сцене, ходили не простые жители, но актеры. Иногда, кое-кто улетал, менял использованную и надоевшую фамилию и легенду на другие, еще красочней, и возвращался обратно на новые роли. Существование на Нептуне было трудным, работа изнурительной — игра в выдуманные существа скрашивала бытие. Теперь она была невинной, и на Земле посматривали с улыбкой на далекую планету.

Родители, отправлявшие взрослых детей на Нептун, сами с увлечением придумывали им легенды и при обмене письмами и радиограммами строго хранили святость инкогнито.

Если Брантинг бежал от розыска, то лучшего места во всей солнечной системе, чем Нептун, он найти не мог.

— Мы все-таки проверим всех оставшихся на Марсе пассажиров, — сказал Рой. — Надежда, что Брантинг здесь, небольшая, но убедиться, что Брантинга нет, мы обязаны.

Понадобилось несколько дней, чтобы такое убеждение стало твердым.

Рой вызвал в гостиницу Цвиркуна.

— Брантинг, по всем данным, бежал на Нептун, — подвел Рой итог неудачным розыскам на Марсе. — Остается, правда, возможность, что он хитро перемаскировался, а вместо него летит на Нептун кто-то, передавший ему свою внешность и биографию. Считаю такое допущение вздорным.

— Согласен, — поспешил сказать Цвиркун.

Генрих лишь молча кивнул. Рой сказал, что поиски на Марсе еще и потому бесперспективны, что здесь множество калиописовых рощ — дешифратор звенит не переставая и показывает все направления и все расстояния. Безрезультатно потрачено столько усилий! Надо решить, продолжать поиск вне Марса или отказаться. Бегство Брантинга наводит на нехорошие мысли. С Нептуна, где действует правило инкогнито, он может в любое время вернуться на Землю с гарантией, что никто не будет доведываться о его прошлом. Не открывает ли это ему более спокойную дорогу к осуществлению задуманного?

— Именно, друг Рой, точно и именно! — в страшном волнении закричал Цвиркун. — Ах, вы даже не подозреваете, даже не способны заподозрить, до чего вы правы!

— Как знать, может быть, и подозреваю. — Рой усмехнулся. — Но если мысль о возвращении на Землю с Нептуна не оставила Брантинга, то он должен взять с собой запас спор калиописа. И тогда он и на Нептуне окажется в сфере анализа нашего аппарата.

— Он взял споры с собой, он взял их, чем угодно поручусь! — воскликнул Цвиркун.

— А если он прихватил споры калиописа, чтобы рассеять их на Нептуне? — сдержанно поинтересовался Генрих.

— Совершенно исключено! — быстро сказал Цвиркун. — Даже для калиописа на Нептуне слишком низкая температура. Выделяемый калиописом кислород на Нептуне может находиться лишь в твердом состоянии. Не забывайте, что Нептун получает тепла от Солнца в триста раз меньше, чем Марс, в девятьсот раз меньше, чем Земля!

Рой вопросительно посмотрел на брата:

— Вызовем Армана? Он не очень загружен. Генрих пожал плечами.

— Как хочешь. Но мне кажется, если мы начали это дело, то мы и должны его завершить.

— Летим на Нептун, — решил Рой. — Следующий планетолет идет туда через неделю.

Генрих колебался. Преследование Брантинга лежало на его совести. Он имел достаточно причин вмешивать брата в это дело: речь шла о безопасности Земли. Но бегство профессора на Марс, а с Марса на Нептун бросало новый свет на действия Брантинга. Калиопис на дальних планетах солнечной системы не запрещен. Имеют ли они право гнаться за профессором на дальнюю планету, где в принципе исключено наведение справок и поиск?

Рой так убежденно поддержал Цвиркуна, настаивавшего на дальнейшей погоне, что Генрих оставил сомнения при себе. Лишь в полете, продолжавшемся более месяца, Генрих побеседовал с братом по душам. Роя нелегко было в чем-либо убедить, но, раз убежденный, он держался твердо. Он опроверг сомнения Генриха. Если Брантинг не замышляет ничего скверного, зачем ему скрываться? Профессор покинул марсианскую станцию, свое детище, дело всей своей жизни, — почему? Без очень уж серьезных причин серьезные ученые — а Брантинг из них — в авантюры не пускаются. Что он замыслил какую-то авантюру, неоспоримо. Его надо обезвредить, пока не совершило преступление. Чтобы его обезвредить, надо его найти. О чём, собственно, спорить?

— Неужели ты и впрямь считаешь, что Брантинг сошел с ума? Действия его по-своему разумны. Он знает, что его преследуют, и пока что отлично обводит нас вокруг пальца.

— Он хитер, верно. Говорят, безумным хитростью заменяет утерянный разум. Но разве одно его стремление обмануть нас не свидетельствует против него?

— На Нептуне никто не поможет нам в розысках, — хмуро предсказал Генрих.

— На Нептуне нам будет помогать наш прибор. — Рой уверенно показал на стоявший около него дешифратор.

Переговоры в Управлении нептунианской экспедиционной колонии вел Рой. Рою вежливо разъяснили, что администрация колонии справок о жителях Нептуна не дает, за исключением случаев, когда предъявляют официальный указ Большого совета о задержании опасного преступника, бежавшего сюда, чтобы укрыться от кары.

— Указа о задержании Брантинга у нас нет, ибо он не успел совершить преступление, — ответил Рой на поставленный прямо вопрос.

— В таком случае мы не знаем никакого Брантинга, — последовало холодное разъяснение.

— Значит ли это, что сами мы, без помощи администрации, не можем разыскивать интересующего нас человека? Будет ли запрещено побеседовать с ним, если мы его обнаружим? — допытывался Рой.

Представитель администрации ответил:

— Можете вести любые поиски и любые разговоры. Вам запрещаются лишь задержания и аресты.

— Что ж, и сердечная беседа с Брантингом может кое-что дать, — сказал Рой, когда все трое возвратились в гостиницу. — Будем налаживать прибор. У Брантинга теперь лишь один шанс уклониться от обнаружения: если он спрятал где-либо споры калиописа, а сам убрался подальше от них.

— Коробочка со спорами при нем, — с той же непоколебимой убежденностью возразил Цвиркун. — Я скорей поверю, что у меня две головы и четыре ноги, чем в то, что профессор расстанется с коробочкой хоть на минуту... нет, на секунду, на тысячную долю секунды!

Номер нептунианской гостиницы наполнил мелодичный перезвон колокольчиков, едва Рой включил аппарат. Дешифратор давал пеленг на северо-запад, указывал расстояние в сто двадцать два километра от гостиницы. Рой сверился с картой. В этом месте находился основной карьер треста «Нептунианские самоцветы» — самые крупные кристаллы зеленого нептуниана, незаменимого в производстве мощных гравитаторов, шли с этого карьера.

— Он там, он там! — бормотал Цвиркун, лихорадочно сжимая руки. — На карьер, немедленно на карьер, ни единой секунды, ни единой!..

— Торопиться не будем! Брантинг теперь от нас не уйдет! — оборвал его Рой и вызвал трехместную авиетку.

Генриху тоже не нравилось первое возбуждение Цвиркуна. Цвиркун вносил нехороший азарт в дело, требовавшее ясного ума и спокойствия духа. Он походил скорее на охотника, обнаружившего желанную дичь, чем на исследователя.

Рой сухо предупредил Цвиркуна, чтобы тот не позволил себе никаких резкостей, когда они приблизятся к Брантингу. Цвиркун, съежившись, жалко забормотал, что на него могут положиться. В доказательство готовности вести себя прилично он затих, прикорнув на заднем сиденье.

Солнце было в зените, но, крохотное и холодное, лишь немного превосходило по сиянию земную Венеру. Температура снаружи была около минус сто девяносто градусов; даже в хорошо утепленном скафандре ощущалась громадность космического мороза, навечно окаменевшего тот гигантский сгусток водорода и аммиака, который назывался Нептуном. Авиетка шла на малой скорости. В стороне показался среди сумрачно-белых просторов черный треугольник космодрома; там стоял доставивший их сюда звездолет. За космодромом засверкали сигнальные огни второго подземного города — на Нептуне их было всего три, — а потом горизонт залило сияние карьера.

Это была гигантская чаша в окаменевшем газе нептунианского грунта. Именно в этом месте редкая аномалия природы связала немногочисленные тяжелые атомы, рассеянные в веществе планеты, в то удивительно красивое, поразительное по свойствам образование, которое называлось минералом «нептуниан». Ради добычи нептуниана и была устроена экспедиционная колония на планете, все остальное на Нептуне не представляло интереса даже для энтузиастов геологии.

Рой сделал круг над карьером. Дешифратор надрывался в звоне. Внизу копошились нептунианские экскаваторы — «пауки» — машины, сконструированные для работы при морозах ниже двухсот градусов. Быстро передвигающиеся на восьми гигантских гибких ногах, они и вправду казались гигантскими пауками. Единственное внешнее отличие от пауков заключалось в том, что от кабины экскаватора отходил гибкий хобот, оканчивающийся пламенным ртом. Машина вела ртом по поверхности, мгновенно расплавляя застывшую массу, беловатое облачко вилось над ней — пары ненужного газа, истогнутые наружу и вновь на лету замерзающие. Лишь куски нептуниана, остающиеся твердыми даже в пламени, оседали в чреве машины.

На одном из «пауков» работал оператором бывший ученый, светило марсианской астроботаники, профессор Сильвестр Брантинг. Мелодия дешифратора говорила об этом яснее слов.

Рой уменьшил звучание, так легче было вести авиетку. Тихая, то усиливающаяся, то замирающая музыка вызывала на экскаватор, обрабатывавший центр площадки. Рой направил авиетку в середину карьера и сфокусировал на обзорный экран кабину паука. На экране вспыхнул прозрачный водительский колпак машины, мелькнуло чье-то испуганное лицо, чей-то голос с ужасом вскрикнул:

— Джон! Ты? Ты?

Цвиркун, перегнувшись через плечо Роя, завопил в переговорную трубку:

— Теперь ты не убежишь, преступник! Теперь не убежишь!

Его истощенный крик еще звучал в ушах братьев, когда экскаватор ринулся из карьера. Гигантский «паук» пронесся мимо других машин, стремительно выскочил на поверхность и огромными скачками уносился в морозный простор, лишь тускло просветленный заходящим крохотным Солнцем. Экскаватор убегал на восток, в ночную темноту. Он несся с такой отчаянной быстротой, что уже через минуту стал стираться в отдалении. Рой форсировал двигатель, но авиетки на Нептуне были тихоходных моделей. Мощности двигателя хватило лишь на то, чтобы не слишком отставать. Рой крикнул в трубку:

— Профессор Брантинг! Нам нужно с вами побеседовать!

В ответ донесся отчаянный вопль:

— Ни за что! Ни за что! Опыт не закончен! Я не могу...

Цвиркун снова перегнулся через плечо Роя, чтобы крикнуть что-то в трубку, но сделал это так неловко, что оборвал слишком резким движением воспринимающий контур. Связь с убегающим механическим пауком прекратилась. Генрих сердито сказал Цвиркуну:

— Вы слишком порывисты! Предоставьте действовать нам!

Цвиркун, опустившись на сиденье, что-то покаянно бормотал. Рой манипулировал питанием двигателя, Генрих, не отрывая глаз от медленно уменьшавшегося тем-много пятнышка на темнеющей равнине, включил прожектор. Пятно стало отчетливо видно, но продолжало уменьшаться.

— Похоже, что и на этот раз он скроется от нас, — со вздохом сказал Рой.

Ни Рой, ни Генрих больше не обращали внимания на прекратившего бормотание Цвиркуна. И когда вперед вдруг унесся огненный шар, до них не сразу дошло, что Цвиркун тихонько приоткрыл смотровое окно в куполе авиетки и выстрелил из плазменного пистолета. Гигантский «паук» взметнулся вверх и упал, ломая ноги. Теперь он лежал на брюхе, темный, неподвижный, все увеличивающийся, по мере того как авиетка приближалась.

— Зачем вы это сделали, Джон? — сказал пораженный Рой.

Цвиркун крикнул, задыхаясь:

— Другого выхода нет! Он может скрыться!

Рой затормозил возле поверженного паука. Генрих, следивший за Цвиркуном, успел предостерегающе воскликнуть:

— Не пускай его, Рой! — и сам вцепился в Цвиркуна, пытавшегося первым высочить из авиетки.

Рой слишком поздно отреагировал на крик Генриха, Цвиркуну удалось вырваться. Генрих побежал вслед, но Цвиркун далеко опередил его.

Рой бегал быстрее Генриха, но замешкался на несколько секунд.

Генрих мчался метрах в пятидесяти за Цвиркуном и видел, как тот рванул дверь промежуточной камеры, защищавшей кабину от наружного вакуума. Генрих вскочил в промежуточную камеру, когда Цвиркун был уже внутри. Давление в камере выравнивалось быстро, но не настолько, чтобы Генрих смог помешать тому, что увидел за прозрачной стенкой.

На полу кабине извивался и звал на помощь сухонький старичок, а Цвиркун, придевив его коленом, рвал на нем одежду.

— Прошу тебя! Очень, очень прошу! — кричал старичок, стараясь оторвать от себя руки Цвиркуна. — Будь благоразумен, препарат не доработан! — Старик увидел Генриха, в бессильном гневе ожидающего, когда откроется внутренняя дверь, и пронзительно закричал: — Помогите, я все объясню!

Цвиркун обернулся, увидел Генриха и еще сильнее затряс старичка. Голова Брантинга стучала о пол, Бран-тинг хрюпел. Автоматическая дверь распахнулась, когда Цвиркун с небольшой коробочкой в правой руке отскочил от Брантинга. Генрих кинулся к распластергому на полу телу.

Седые волосы на голове ученого стояли дыбом, в распахнутых глазах окаменел ужас. Теперь в промежуточной камере находился разъяренный Рой, ожидающий своей минуты ворваться внутрь.

— Вы убили Брантинга! — с негодованием воскликнул Генрих.

Цвиркун ответил с презрением и ненавистью:

— Я не хотел его убивать. А если и помог подохнуть, так собаке собачья смерть!

Генрих всматривался в озаренное торжеством лицо Цвиркуна. Все, что Генрих открывал в нем раньше, было маской. Генриха раздражало кривлянье Цвиркуна, калейдоскопическая смена гримас. Не было лица Цвиркуна в его кривлянье, в гримасах и минах. Все это был камуфляж, примитивная игра. Вот оно, настояще лицо, открытое во всей беспощадной четкости — сумрачное, пронзающее убийственно острыми глазами.

Рой наконец ворвался в кабину и тоже кинулся к Брантингу, потом выпрямился и сердито посмотрел на Цвиркуна.

— Может быть, объясните, что произошло? И покажите коробочку со спорами! — Он протянул руку.

На экране вспыхнул колпак машины, мелькнуло чье-то, испуганное лицо

— Стойте на своих местах! Опустите руки! — властно потребовал Цвиркун. — Я дам исчерпывающие ответы на любые вопросы, но при условии, что ни один не сделает и шага ко мне, пока я не закончу.

Рой наверняка не посчитался бы с настояниями Цвиркуна, но, как и брата, его поразила перемена в ассистенте скончавшегося профессора. Рой медленно опустился на скамью и знаком показал Генриху, чтобы тот сел рядом. Цвиркун прислонился к стенке кабинки, как если бы боялся нападения сзади. Генрих хотел поправить запрокинутую руку профессора, Рой сказал, что надо оставить все без изменений, пока не явятся медики колонии. Генрих сел возле брата. Рой нетерпеливо заговорил:

— Вы превысили свои права, Джон. На Нептуне за нападение на другого человека отвечают так же строго, как и на Земле.

— Кары я не боюсь, — спокойно сказал Цвиркун. И говорил он по-новому, без торопливости, без повторений, с каким-то почти пренебрежительным хладнокровием. — Я уже объяснил вашему брату, что не собирался приканчивать мерзкого старикашку, что, надеюсь, подтвердят местные медики, если они достаточно квалифицированы. Между прочим, больше всего я боялся, что Брантинг умрет раньше, чем я доберусь до него. Оператор на «пауке» — только на Нептуне могли придумать старому ученому такую должность! Но Брантинг дождался меня. Он умер если не на руках моих, то в моих руках. Уже одно это делает меня счастливым. Но не только это!..

— Второе, очевидно, захваченная вами коробочка со спорами?

— Да, коробочка, но не со спорами! — Цвиркун выкрикнул это с таким диким торжеством, что Генрих вздрогнул. — Никаких спор калиописа искать не нужно. Умерший был сумасброд, но чтил закон. Он мог бы взорвать весь мир, подвергнуть все человечество уродующей операции, но правил уличного движения не нарушал даже на Марсе, где они не так уж строги. Выходя, он тихонько притворял дверь и аккуратно гасил свет, а приходя, не забывал вытереть ноги.

— Стало быть, вы обманывали нас относительно этой коробочки?

— Я рад, что истина наконец дошла до вас, Рой!

— С вашей не скорой помощью, Джон! Но что же содержится в коробочке, которая, видимо, так вам нужна, что вы вцепились в нее прямо-таки мертвый хваткой?

— Да, мертвый. Вы и не догадываетесь, насколько близки к сущи! Ответьте мне на один вопрос. Сколько мне, по-вашему, лет?

Он смотрел на Генриха, и Генрих ответил первый:

— Двадцать два... Или двадцать три. Вы очень молоды.

— Двадцать четыре, плюс-минус два года, — ответил Рой.

В смехе Цвиркуна прозвучало торжество и ожесточение.

— Мне ровно шестьдесят пять. Не таращьте глаза и не пожимайте так недоверчиво плечами! На этот раз я не обманываю. В день, когда я появился у вас в лаборатории, Генрих, мое сердце отстучало именно эту круглую цифру.

— Вы довольно хорошо сохранились, — сдержанно заметил Рой.

— Не надо иронии. Не довольно хорошо — абсолютно сохранился! Боюсь, разница до вас не доходит. Сорок один год я не меняюсь, вот правда обо мне. Я таков же, каким был в тот день, когда Брантинг поставил на мне свой проклятый опыт.

— Новый вариант древней истории о некоем Дориане Гре? — Рой не удержался от недоверчивой усмешки.

— Нет, Рой, нет! — Цвиркун покачал головой. — Я тоже читал о том доисторическом Дориане Гре. Он сохранял лишь молодость, а меня сделали бессмертным. И если долгая юность Дориана была плодом его страстного желания, то мое бессмертие — плод ошибки. Да, не больше чем плод ошибки. Брантинг не рассчитал правильно силы введенного в меня препарата. Он хотел продлить мою жизнь, а взамен этого отменил мою смерть. Он намеревался сделать меня долгоживущим, вроде Дориана, а сделал бессмертным.

Рой скептически оглядел Цвиркуна.

— Вы так уверены, что тело ваше неразрушимо? Скажем, плазменный пистолет или атомная бомба наших предков...

— Даже простая дубина еще более далеких наших предков — неандертальцев! Ее тоже будет достаточно. Или камня, упавшего на голову! Я разрушаем, но не смертен. Тайна моя в том, что в себе самом я не несу зародыша своей гибели. Меня могут погубить внешние причины, но не мое собственное развитие. Я не эволюционирую. Слушайте меня внимательно, вам предстоит узнать то, о чем вы и не догадываетесь. Перед вами человек, воплотивший в себе совершенство и бесконечность. Я совершенен, ибо завершен. Я не меняюсь, ибо достиг абсолютной гармонии. Я настолько уравновешен во взаимодействии своих органов, своих тканей, своих молекул, даже атомов своих, что взорвать мою внутреннюю гармоническую уравновешенность силы, действующие внутри меня, не могут. Я способен изменяться лишь в той мере, в какой меняется природа молекул. Это значит, что эволюция моя продолжительна, как эволюция всего человечества. Я равновелик всему человечеству, хотя и остался самим собой. Я превратился из индивидуума в вид. Я стал из личности категорией. Вы все остаетесь частностями, даже ощущая в себе одну для всех нас общность. Я, став общностью, перестал быть частностью. Я — абстрактность конкретности. Я — конкретность абстрактности. Ибо я — завершенность! Воплотившееся совершенство.

Рой иронически прервал его страстную речь:

— Вы и вправду думаете, что так совершенно прекрасны? На бога вы не похожи.

Цвиркун уставил на него бешеные глаза.

— Я совершенен, но не прекрасен! Нечего путать божий дар с яичницей. — Холодная реплика Роя дала новое направление его мыслям. В его голосе послышалась горечь. — И совершенство мое не идеально, я этого не хочу сказать. Брантинг наделил меня божественным бессмертием, не переменив моей внешности, далеко не божественной, как справедливо вы заметили. И он не погасил моих человеческих страстей. Он оставил в моем ставшем вечным теле тленную душу. Я лкзбил траву и деревья, оттого и стал астроботаником — миллиарды раз умрут все травы, миллионы раз сменятся поколения деревьев, прежде чем я состарюсь. Вдумайтесь, прошу вас: миллионы, миллиарды раз возникнут и сгинут, а я все буду пребывать. Я влюбился в Аврору, чудесную девушку, на время покинул ее для марсианской командировки. А когда вернулся на Землю, увидел женщину, перешагнувшую свой лучший возраст, а я был таким же, все таким же молодым! Тысячи Аврор возникнут еще и выпадут из моей жизни, тысячи раз я буду внушать смущение своей нестираемой молодостью, столько же раз меня будут пытать ужасным одряхлением моих подруг. Вдумайтесь, вдумайтесь! Вы, каждый из вас, обретаете возлюбленных, и они с вами, они все крепче, все тесней с вами, до самой смерти с вами. А я приобретаю, чтобы потерять, ибо каждый новый день не сближает нас на день, но разделяет на день, а сколько нужно дней, чтобы все потерять, все, все!

— Трагедия ваша проистекает из вашей уникальности, — заметил Рой. — Если бы все люди обрели бессмертие...

Цвиркун раздраженно махнул рукой:

— Тысячу раз обсуждено! Говорю вам, я плод ошибки. Была какая-то небрежность в приготовлении препарата, а какая, Брантинг не запомнил. И не сумел воспроизвести ее. Бессмертие мое — результат неряшливиности эксперимента, глупейшего просчета.

— И вы возненавидели свое бессмертие?

— Да! Да! Да! Моя душа, такая своя, такая неповторимо личная, воссталла против моей бесстрастной всеобщности. Я жаждал смерти, не сиюминутной гибели, не внешней катастрофы, нет, внутренней возможности подвести жизнь к естественному уничтожению, ибо без перспективы смерти нет упоения жизнью!.. Нет, вы меня не понимаете, не можете понять! А Брантинг понимал, но я для него был лишь экспонатом, вечным памятником его гения. Из жалости ко мне он разработал нейтрализатор бессмертия, но не решился дать его мне. А когда я пытался силой завладеть препаратом, Брантинг бежал с Марса. Он знал, что я сконструировал индикатор, обнаруживающий препарат, и постарался уйти подальше. Но не ушел! — Цвиркун поднял вверх руку и восторженно выкрикнул: — А теперь из бессмертного я стану живым, просто живым, упоительно живым!

Резким движением он опрокинул в рот содержание коробочки. Генрих, вскрикнув, кинулся к нему. Рой удержал брата. Цвиркун испустил протяжный вопль, зашатался и рухнул на тело Брантинга. Глаза его закатились, на губах выступила пена.

— Зачем ты помешал мне? — горестно воскликнул Генрих. — Брантинг кричал, что препарат недоработан!..

Рой с ужасом смотрел на два распростертых тела. Он с трудом сказал:

— Я и не думал, поверь мне...

Генрих поднял и опустил руку Цвиркуна. Ассистент Брантинга коченел на глазах. Генрих задумчиво сказал:

— Пожалуй, для него лучше, что недоработанный препарат нейтрализует бессмертие, лишь одновременно прерывая жизнь. К нормальному бытию Джон Цвиркун все равно бы не вернулся. Он ненавидел бессмертие, но он вкусил вечности...

СКВОЗЬ СТЕНЫ СКОЛЬЗЯЩИЙ

Известие о гибели академика Ивана Томсона передали, когда Генрих с Роем находились в институтской столовой. Рой побледнел и на минуту потерял голос, Генрих уронил ложку. Обширный зал, всегда полный гула разговоров, мгновенно окостенила тишина. Испуганные лица дружно повернулись к репродуктору, из которого зазвучал печальный голос президента Академии наук Альберта Боячека. Президент извещал институты, что сегодня ночью во время сложного опыта взорвался главный агрегат лаборатории нестационарных полей. Дежурный оператор Арутюнян получил тяжелые повреждения черепа. Томсона, работавшего в

экспериментальной камере, пронизало короткофокусное гравитационное поле. Смерть наступила мгновенно. Расследование обстоятельств аварии ведет специальная комиссия.

— Невозможно поверить! — сказал потрясенный Генрих. — О ком угодно могу допустить, что он внезапно умрет, только не о Томсоне. И так страшно умереть — в тисках короткофокусного поля!

— Да, — сказал Рой. Бледность все не отпускала его. — Ты прав, представление о гибели не вязалось с образом Томсона.

К их столику подсел Арман. Он видел Томсона вчера. Академик проконсультировал их вариант аккумулятора гравитации и отверг его. Он сперва иронизировал, указывая на просчеты, потом набросал новый вариант механизма, более надежный, чем разработанный Роем и Арманом, и, вручая Арману эскиз, нетерпеливо потребовал, чтобы братья с сотрудниками перестали отвлекаться на расследования бытовых загадок, а сконцентрировались наконец на серьезных проектах. Он хлопнул рукой по чертежу и сердито сказал, что заждался аккумулятора гравитации. Чепуховский же механизм, а нужен позарез, вот так, и полоснул себя рукой по горлу.

— Уверен, он и вправду в это время думал, что гравитационные аккумуляторы — конструкция элементарная и только ленивый ее не разработает, — грустно делился впечатлениями Арман. — Не сомневаюсь, что, вручая мне эскиз, он тут же забыл, что это его разработка, и впоследствии вспоминал бы об аккумуляторе лишь как о нашем самостоятельном творении. Поразительна щедрость, с какой он дарил идеи и потом искренне хвалил за умные мысли тех, кому сам подсказал эти мысли!

— В нем совмещались противоположности, — задумчиво сказал Рой. — Он совмещал в себе трезвого инженера с сумасбродом, аналитика — с романтиком, стремительность — с глубиной, душевную деликатность — с резкостью. Он был всякий. Вероятно, потому так расходились мнения о нем.

— Научные его дарования никто не оспаривал, — заметил Арман. — Он был избран в Академию наук в двадцать лет — случай беспрецедентный.

— Я говорю о его характере, а не о научных работах.

Сотрудники института космоса расходились по своим секторам, продолжая взволнованно обсуждать страшное происшествие. Рой возвратился к себе, пытался сосредоточиться, но не смог. К нему пришли Генрих и Арман, у них тоже не шла работа. Кроме боли, вызванной гибелю близкого человека, Роя мучила мысль, что теперь некому будет квалифицированно консультировать их гравитационные исследования.

А Генрих, молча сидя на диване, вспоминал самого Томсона. Они были одногодки, он и Томсон, их связывала давняя дружба. И хоть жизнь их сложилась по-разному — Ваня Томсон рано стал знаменитым, быстро поднимался по лестнице научной славы, а Генрих медленно зарабатывал свой негромкий авторитет, — приязнь друг к другу оставалась неизменной. Рой мог говорить рассудительно о теориях Томсона и о том, какое они окажут влияние на последующие поколения ученых, на их собственные работы. Генрих думал о потерянном друге: из жизни вырвали большой кусок, рана кровоточила.

Арман обратил внимание на упорное молчание Генриха.

— Генрих, сумеем ли мы теперь завершить к сроку гравитационный аккумулятор? Если сконцентрируем все силы лаборатории и ты сам ни на что другое не будешь отвлекаться... Ты думаешь об этом?

Генрих хмуро усмехнулся:

— Я вспоминал первый полет Ивана над Столицей.

Его ответ придал новое направление разговору. Арман лишь слышал об этом событии, а Рой был очевидцем нашумевшего испытательного полета Томсона на первой модели антигравитационной машины. Томсон, за шесть месяцев до того избранный в академию, сконструировал гравилет в форме помела. Над Столицей в черном трико, с развевающимися длинными волосами носился на помеле самый молодой академик мира, а позади, с прутьев гравитационной антенны, срывались длинные искры: Томсон постарался, чтобы и этот побочный эффект выглядел впечатляющим.

В Академии наук испытание гравилета породило сумятицу: кто смеялся, кто возмущался. Президент академии был из тех, кто вначале смеялся. Потом Боячек вспомнил, что обязан поддерживать мир среди светил науки, и строго потребовал, чтобы Томсон переделал легкомысленную конструкцию гравилета. Томсон пообещал сделать вторую модель совсем иной. Она и была иной. Теперь Томсон летал в гигантской ступе, управляя ею при помощи метлы. Хохочущим зрителям, заполнившим площади Столицы, особенно нравилось, что метла гасит искры, ярким шлейфом тянувшись за ступой. Впечатление было такое, будто метла в энергичных руках академика сметает сияющий сор. Выступая по стереовидению, Томсон сказал, что доволен испытанием: вторая модель помогла установить важные новые закономерности. Академик Леонидов придерживался диаметрально противоположной точки зрения и высказал ее в той же передаче. Он пообещал доказать на ближайшей сессии академии, что нельзя отождествлять озорство с глубиной научного поиска.

— На сессии я был и хорошо помню триумф Томсона, — сказал Генрих. — Ты провел меня по своему пригласительному билету, Рой. Помнишь, Рой, как Иван опроверг старого педанта?

Рой не успел ответить, его вызвали к президенту академии. Генрих продолжал предаваться воспоминаниям об успехе друга на сессии. Томсон доказал, что озорство не мешает глубине. Весь зал был в ладоши, когда Томсон разъяснил, какие простые уравнения нестационарного поля управляли движением его моделей. Но даже и в этом торжественном зале он не изменил себе.

Леонидов доказывал с кафедры, что уравнения выведены не строго, а схемы гравилета некорректны и поэтому антигравитационный импульс не может иметь места в хулиганском полете его многоуважаемого друга Ивана Томсона. Именно этот патетический момент речи Леонидова Томсон и выбрал для того, чтобы взметнуть оппонента в воздух.

Старый академик, раскинув руки, жалко перекосив лицо, тихо парил над кафедрой, а с его седых волос, вдруг превратившихся в проволочный частокол, лилось дымное сияние. Обретя через минуту твердую почву под ногами, Леонидов закричал среди всеобщего смятения: «Не было! Не будет! Это не антигравитация! Вы нашли какое-то иное поле! Требую, чтобы вы извинились передо мной за то, что выдвигаете в качестве серьезных аргументов наспех придуманные цирковые трюки!»

Томсон, добившись молчания в развеселившемся зале, в свою очередь потребовал, чтобы его друг Чарльз Леонидов извинился перед ним, ибо многоуважаемый оппонент нанес Томсону тяжкое оскорбление, обвинив в придумывании наспех цирковых трюков. Ученому собранию был продемонстрирован не развлекательный трюк, а решающий опыт, подлинный «экспериментум круцис». И разрабатывался опыт не наспех, а в течение четырех месяцев. «Я могу засвидетельствовать это моими рабочими записями! — объявил Томсон. — Ровно сто девятнадцать дней назад в лабораторный журнал были внесены отправные данные эксперимента — ваш рост, ваш вес, объем туловища, ваша обычная одежда, даже то...» Конец фразы потонул в общем хохоте.

Рой возвратился, когда Генрих и Арман перешли от давних воспоминаний к впечатлениям совместной работы с Томсоном, проводившейся в течение последних двух месяцев. Генрих с испугом посмотрел на брата: Рой ушел расстроенным, вернулся подавленным. Рой умел держать в узде свои настроения. Очевидно, Боячек сообщил Рою что-то столь тяжкое, что Рой уже не мог совладать с собой.

— Ужас! — сказал он, тяжело опускаясь на диван. — Всего можно было ожидать, только не того, что произошло!

— Новые данные об аварии? — спросил Арман. Рой покачал головой.

— Новые данные, да. Но не об аварии. Аварии не было. Было преступление.

— Преступление? — Генрих вскочил. — Ты хочешь сказать, что Иван стал жертвой злого умысла?

— Его убили!

— Убийство? — недоверчиво переспросил Арман. — В наше время? На Земле? И кого? Знаменитого ученого!

— И тем не менее совершилось убийство!

— Но кто же убийца, Рой?

— Его ассистент Роберт Арутюнян. Генрих изумленно вскрикнул:

— Рорик? Этот тихоня? Это живое собрание всех школьных добродетелей? Этот сосуд вежливых фраз и приторной обходительности? Невероятно, Рой, невероятно!

— Я передаю то, о чем узнал у Боячека. Рорик пришел в себя и признался в убийстве Томсона.

— Но мотивы, Рой? Не мог же он ни с чего...

— Похоже, что Томсон отбил у своего ассистента его невесту Агнессу Антонелли. В час аварии Томсон направлялся на свидание к Агнессе, а Рорик улучил момент, чтобы беспощадно расправиться...

— Позволь, Рой, — сказал Арман. — Томсон ведь погиб в испытательной камере, а не у Агнессы. Что она по этому поводу говорит?

— Она, как и Рорик, в больнице. У нее тяжелейшее нервное потрясение.

Арман развел руками.

— Я плохо понимаю твоё объяснение, Рой.

— Я и сам мало что понимаю, — признался Рой. — Рорик, приди в себя, пробормотал то, о чем я вам сказал, и снова потерял сознание. Я слушал записанное на ленту его показание. Он путался, не договаривал фраз.

Генрих гневно ходил по комнате.

— Вот уж кого я не любил! Я раньше стеснялся своей недоброжелательности к Арутюняну, старался ее не показывать. А это было не пристрастие, а прозрение! — Он с мстительным выражением лица остановился перед Роем. — Ты знаешь, я не злой человек. Если меня вызовут в качестве свидетеля, знавшего Томсона, я расскажу обо всем, что чувствовал, когда встречался с Арутюняном.

— Ты сам будешь вызывать кого захочешь. Боячек пригласил меня, чтобы поручить нам расследование технических обстоятельств катастрофы. — Он сердито добавил, заметив протестующий жест Генриха: — Я не мог отказаться. Томсон был нашим руководителем, твоим другом. Мы не имеем морального права стоять в стороне. Но если ты все-таки не пожелаешь участвовать в расследовании, объясни мотивы самому Боячеку. Я посредником между вами быть не хочу, тем более что его любимец ты, а не я.

— Я буду участвовать в расследовании, — хмуро ответил Генрих. — Я только поставлю единственное условие: чтобы ты не говорил мне своих привычных фраз о беспристрастности и объективности! Я пристрастен и субъективен, знай это заранее. Вины обелять не буду, смягчающие обстоятельства не стану выискивать. И сделаю все, чтобы виновник преступления получил наказание максимальное!

— Ты будешь не один, мы с Арманом тоже имеем право голоса. — Рой обратился к задумавшемуся Арману: — Я, впрочем, не спросил, согласен ли ты участвовать...

— И спрашивать не надо! — Арман грустно улыбнулся. — Знаешь, о чем я думал? Убийство из ревности, конечно, отвратительный пережиток... Но если бы мы жили во времена Шекспира или Пушкина... В общем, в те доисторические эпохи, когда соперники сводили счеты при помощи оружия... Такая девушка!

— Агнесса, конечно, красавица, — согласился Рой. — Она могла бы позировать для статуи античной богини, если говорить о ее внешности. И с ней всегда интересно разговаривать. Но это не оправдывает Рорика.

2

Генрих знал, что предстоит увидеть ужасное зрелище, и настраивал себя не волноваться. Он и не волновался, когда их троих выпустили в лабораторию нестационарных полей. Он был так подавлен, что уже не мог волноваться. Трупа не было. Сгущение гравитационного поля произошло внутри Томсона. Он был сжат, а не раздавлен, но сжат с такой силой, что на какой-то миг превратился в шарик не больше футбольного. А когда губительное поле отхлынуло, ни одна клетка тела не смогла возвратиться в прежнее состояние.

— Только такой механизм аварии способен объяснить клиническую картину смерти, — сказал медицинский эксперт. — А как могло появиться подобное поле, почему произошел взрыв гравитационных сил, нам должны объяснить вы.

Рой долго стоял перед пультом. Генрих с Арманом влезли в испытательную камеру. И пульт с его контурами управления и мнемоническими схемами, и сфера-образная камера были хорошо знакомы по прежним посещениям лаборатории Томсона. Рой закрыл глаза. Он вообразил себя Робертом Арутюняном в момент гравитационного взрыва. Рорик должен был положить правую руку на тот, дальний разрешающий контур, левая рука в это время лихорадочно вращала вентиль, управляющий гравитационными конденсаторами, чудовищное поле сгущалось в центре камеры, а в камере — Томсон.

Догадался ли он в этот последний миг, какая участь ему уготована? Какие исполинские тиски сожмут его мозг и сердце? Во Вселенной нередки случаи, когда коллапсирует утратившая равновесие звезда. В течение нескольких минут гигантское светило диаметром в миллионы километров превращается в крохотный, невообразимо плотный шарик — чудовищное, взрывом, сжатие, катастрофическое падение в себя. В лаборатории нестационарных полей сколлапсировали человека — руководителя, академика, умницу и озорника, одного из талантливейших ученых современности! Зачем совершилось такое преступление? Как его сумели совершить?

Рой вопросительно посмотрел на Генриха и Армана, вылезавших из камеры.

— Стенки не повреждены, — сказал Арман. — Гравитационный взрыв был сфокусирован в центр камеры. И, очевидно, он был мгновенно погашен защитными гравитационными емкостями агрегата. Выпустили на микросекунду джинна из бутылки и мигом засосали обратно. Рой хмуро возразил:

— Рорик позаботился о том, чтобы не погибнуть вместе со своим руководителем. Гравитационные джинны куда опасней мифических.

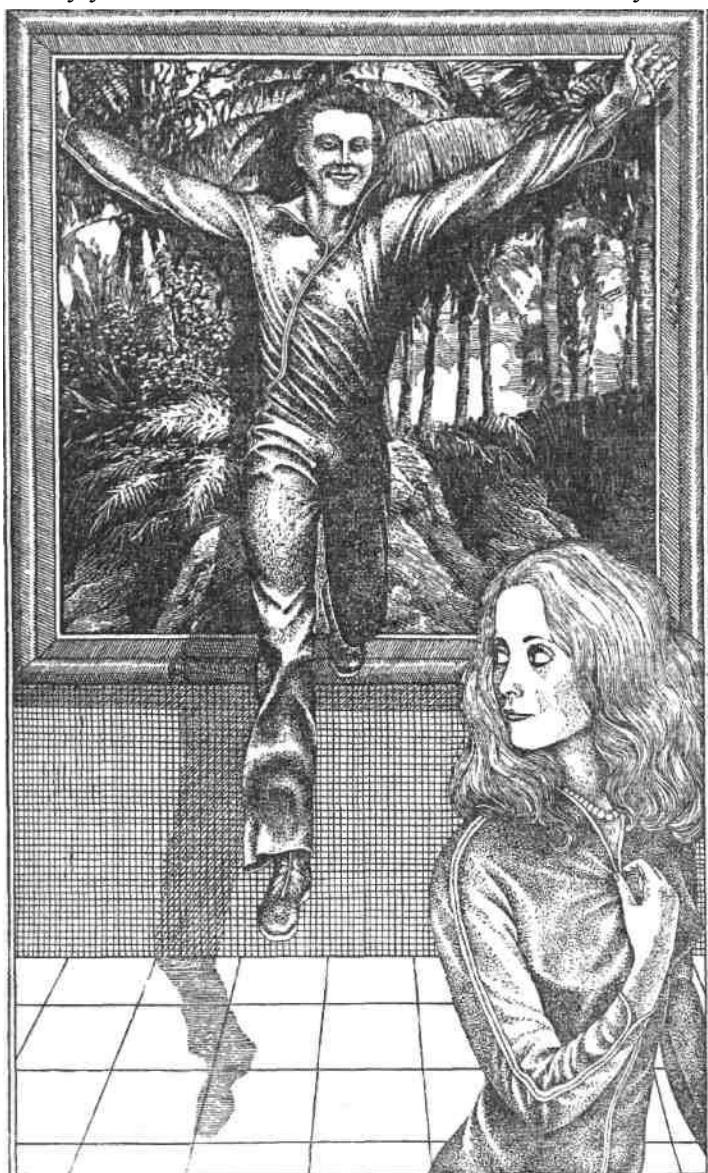
— Повреждение черепа Рорик все же получил, — заметил Арман. — Между прочим, в схеме катастрофы, которая рисуется мне после осмотра, нет места для ранения Рорика.

— Он мог намеренно поранить себя, чтобы распутывание злодеяния было затруднено, — высказал предположение Генрих.

Рой отвел эту версию.

— Я согласился бы, если бы Рорик отрицал свою вину. Но он признался сразу. Человек, намеревающийся после преступления отдать себя в руки правосудия, не будет запутывать следы.

Арман добавил:

...Он выпрыгнул из картины.

— Тем более, что удар в голову был такой силы, что вполне мог завершиться гибелью. Думаю, что все было гораздо сложней, чем нам сейчас воображается.

Арман стал собирать ленты рабочих журналов, хранившихся в сейфе Томсона. Генрих, отойдя в сторонку, долго глядел на сферическую камеру, в которой погиб его друг.

— Что-нибудь придумалось новое? — поинтересовался Рой.

Генрих медленно покачал головой.

— Я сейчас проинформирую Боячека о нашем первом впечатлении от осмотра лаборатории, а ты помоги Арману, — попросил Рой.

Рой отсутствовал достаточно долго, Арман с Генрихом успели собрать все, что им показалось нужным.

— Боячек сказал тебе что-то новое, — догадался Арман, поглядев на Роя.

Рой кивнул:

— Не просто новое, а важное новое. Имеются записи бреда Агнессы. И Агнесса заговорила.

— Она подтверждает признание Рорика? — спросил Генрих.

— Она повторяет лишь одну фразу: «Я убила Томсона!»

Арман удивленно присвистнул.

— Еще один преступник! Зачем же ей понадобилось его убивать? Девушка расправляется со своим поклонником! Даже в древние эпохи на любовь могли не обращать внимания, могли не отвечать на любовь, но за любовь к себе не мстили. Не тот повод!

Генрих недобро усмехнулся:

— Ты, конечно, большой эрудит в делах любви. Но замечу тебе, Агнесса была не просто объектом поклонения Ивана, а еще и невестой Рорика. Тебе не приходит в голову мысль, что Агнесса и ее жених попросту соучастники преступления?

— Она тогда бы сказала «мы», а не «я». И он сказал бы «мы».

Генрих опроверг возражения Армана. Влюбленный даже ценой самообвинения будет выгораживать того, кого любит. Рорик спасает Агнессу, Агнесса спасает Рорика — что может быть естественней?

Рой прервал их спор. Рой не возражал против создания любых рабочих гипотез, но их надо высказывать, а не навязывать. Ему не нравится запальчивый тон Генриха. Когда Генрих отмалчивается, его позиция убедительней, чем когда он зло нападает на несогласных.

— Буду впредь доказывать свою правоту молчанием! — сердито сказал Генрих.

3

Это было не признание, а вопль, исторгнутый в приступе отчаяния. Генрих три раза прокручивал запись. У постели Агнессы склонялись врачи, она вырывалась из их рук и кричала: «Это я! Это я убила его! Я убила!» К ее голове поспешно прикладывали вибратор. Под действием излучения она успокаивалась, замолкала, закрывала глаза. Вибратор осторожно отводили от головы, Агнесса некоторое время лежала в беспамятстве, потом сознание возвращалось к ней, она поднимала веки, осматривалась, что-то вспоминала и впадала в ту же истерику: рыдала, металась в постели, хотела вскочить и куда-то бежать: «Это я, я!»

Рой выразительно посмотрел на Генриха.

— Прокрути теперь ее бред, — попросил Генрих.

Бред был однообразен, как и вопль. В бреду повторялась одна картина. Около стены, украшенной картиной, изображавшей лес, стоял Томсон. Его голова пропадала среди тесно сгрудившихся древесных стволов, а ноги были в комнате. Он надвигался, выпятив грудь и откинув назад голову, отделялся от стены, медленно, печатая шаг, шел в комнату. Он хохотал. В зале, где сидели братья с Арманом, возникал его голос, Томсон ликующе воскликнул: «Теперь ты видишь? Теперь ты веришь?» Он падал на колени. Он стоял на полу на коленях и протягивал руки, весь экран был заполнен его двумя руками, двумя властными, настойчивыми, радостно простертymi вперед руками... И вдруг все пропадало в темноте, а потом темнота рассеивалась — и Томсон стоял у стены, как бы наполовину в стене, и медленно отделялся от нее, и снова надвигался, ликующе хохоча...

— Ничего ни до, ни после этой одной сцены, — подвел Генрих итог повторному просмотру бреда. — Есть ли смысл в такой фрагментарности видения?

— Несомненно, есть, — уверенно заявил Рой. — Запоминаются самые поразительные события. Очевидно, сцена, с такой силой врубившаяся в память Агнессы, и есть самое поразительное воспоминание.

Арман не согласился с Раем:

— В любой сцене, даже в простой картине пейзажа, имеется свой сюжет, какое-то свое важное содержание. Но нам совершенно не известно, для чего появился Иван у Агнессы, что между ними произошло. Мы видим, что он возникает в ее комнате, но как он вел себя там? А это, мне кажется, самое важное.

Генрих спросил Армана:

— Ты осматривал комнату Агнессы. Стена нормальная?

— Плотные стеновые блоки. Картина — авторский экземпляр тропического пейзажа Нормана Макмиллана, художника из средних. И, как я узнал, картина находится в комнате лет десять, Агнесса к ней,

несомненно, пригляделась. Почему же с такой жуткой отчетливостью воспроизводится в ее бреду каждая деталь на каждом дереве?

— Я настаиваю на том, что Агнесса запомнила самое важное, — продолжал Рой. — А это означает, что приход к ней Томсона был важней, чем то, что он потом у нее делал. Почему это так, а не иначе, не имею представления. Ты ничего не хочешь сказать, Генрих?

Генрих нервно дернулся, словно вопрос брата застал его врасплох.

— Что я могу сказать? Мы расследуем обстоятельства гибели Ивана. И хорошо знаем, что она совершилась в камере короткофокусного гравитационного агрегата. А бред Агнессы, обвиняющей себя в убийстве Томсона, показывает нам сценки в ее будуаре. Связать эти два события я пока не могу.

Арман обратил внимание братьев на то, что развертка бреда во времени показывает примерно тот же час, когда в лаборатории совершился гравитационный взрыв. К сожалению, анализ видений больного мозга далек от совершенства и погрешность в десять — пятнадцать минут лежит в пределах точности измерений. При любых неточностях несомненно, что оба события — появление Томсона у Агнессы и его гибель — по времени близки одно к другому. Его предположение: Томсон вызвал гнев у Агнессы своим приходом, она пожаловалась жениху, и Рорик, разозленный, расправился с академиком, едва тот вошел в испытательную камеру. При такой версии понятно, почему Рорик и его невеста признаются в преступлении оба.

— Версии, версии! — с досадой сказал Рой. — Мы сидим в кабинете и строим гипотезы, которые могут быть опровергнуты первым же словом Арутюняна или Агнессы.

— Можно попросить врачей привести больных в сознание хотя бы на краткий срок, — сказал Арман. — Что до Агнессы, то это довольно просто — у нее, кроме нервного потрясения, другого заболевания нет. С Рориком сложней, но жизнь его вне опасности, значит, можно надеяться и на возвращение сознания.

— Давайте разделим задачи, — предложил Рой. — Арман продолжит выяснение технических обстоятельств аварии, а я с Генрихом попробую получить от Рорика и Агнессы объяснения более внятные, чем покаянное бормотание и истерические вопли.

Генрих поморщился:

— Ты превращаешь меня в настоящего криминалиста, Рой! Я все-таки физик, а не следователь. Предпочитаю помогать Арману.

— Боюсь, что физика гибели Томсона тесно связана с психологией, если и не прямо определяется ею, — холодно сказал Рой. — Распутать психологические загадки трудней, чем выяснить просчеты в конструкции гравитационного агрегата. Один я тоже не хочу браться за такое дело.

4

Она молча смотрела на братьев, сидевших перед ее кроватью. Поверх одеяла лежали обнаженные, похудевшие руки, бледное лицо с впавшими щеками было повернуто к посетителям. Болезнь очень изменила Агнессу. Но даже такая, похудевшая, посеревшая, она была красива. Генрих вдруг почувствовал себя виноватым перед этой женщиной, в душу которой они собирались бесцеремонно вторгаться. Он молчаливо выругал себя и Роя. Рой должен был идти один.

Но и Рой испытывал смущение. Он закашлялся, говорил без обычной спокойной уверенности:

— Вы знаете, Агнесса, зачем мы просили привести вас в сознание?

— Да. — У нее был низкий, звучный голос.

— Вам не трудно говорить?

Она печально усмехнулась. У нее был слишком понимающий взгляд.

— Мне трудно жить. Можете задавать вопросы.

Рой снова прокашлялся. Задавать вопросы было далеко не так просто, как ему представлялось, когда он настаивал на свидании с Агнессой. Генрих, стараясь не беспокоить больную, украдкой рассматривал ее. У нее были серые глаза, опущенные длинными ресницами, очень большие, на похудевшем лице они казались неправдоподобно огромными. Генрих не сумел бы объяснить себе, что поражает в Агнессе, но знал, что не смог бы держаться с ней, как с другими красивыми женщинами. И раньше он чувствовал себя напряженно, когда встречался с Агнессой, с ней нельзя было обходиться по-приятельски просто. Она внешне напоминала Альбину, погибшую при катастрофе со звездолетом невесту Генриха, но Альбина, милая и остроумная, порой резкая, была из тех, о которых говорят: «Она — отличный парень». Невозможно было даже мысленно так назвать Агнессу.

— Как вы понимаете, мы пришли в связи... Агнесса остановила Роя слабым жестом:

— Лучше я сама начну. Вы спросите, если что останется неясным. Дайте мне только собраться с мыслями.

Врачи выполнили свое обещание: она говорила свободно, лишь часто останавливалась, отдыхая. И она ничего не таила, это было ясно. Генриха угнетала мысль, что они идут устраивать больной женщине придирчивый допрос. Допроса не было, была исповедь.

И мало-помалу, захваченный, он незаметно отдалился от самого себя, перестал быть только слушателем, обязанным оценивать меру правды и заблуждения каждого слова, вины и невиновности каждого поступка.

Он шел с ней по улице, сидел с ней в театре видел то, что видела она, думал ее мыслями, говорил ее словами. Оно было удивительным, такое слияние, он хотел одернуть себя, смести магию уговора, он сердито так и определил про себя действие ее слов — уговор. «Смешно, — сказал он себе с досадой, — я же другой, я просто не способен жить чувствами женщины, не говоря уж о том, чтобы жить ее, Агнессы, чувствами». Протест этот возник, когда она заговорила о Роберте. Он не был для нее тем Рориком, какого они видели все, — увалень, скромник, тихоня, во всем до того примерный, что тошно становится. Он был хороший, внимательный, отзывчивый, даже красивый, лучшего и желать нельзя, таким она навязывала его Генриху. Он не знал его таким, но должен был верить ей, если хотел ее понять. Влюбленная девочка, все ясно, попробовал он объяснить себе ее отношение, но не было ясно главное — почему ее любовь так слепа. Агнесса была умна, среди астроархеологов считалась крупной специалисткой; это была специальность, особенно развивающая критические способности, — по одной косточке, по отпечатку лапы нужно было воссоздать облик и поведение давно вымершего существа, — как могла она так ошибаться в близком человеке, которого воспринимала не по внешнему облику, не по отпечатку ног на земле, даже не по льстивым словам, а по делам, по всей его жизни в течение многих лет знакомства?

Рой молча кивал, ему все было понятно, он не собирался вступать в спор. «Ладно, — вяло думал Генрих, — верь во все, что она скажет, потом твою веру мы с Арманом опровергнем в каждом пункте». Он начинал утрачивать интерес к объяснениям Агнессы. Они уводили в сторону от реальности, так он их воспринимал. Они не разъясняли, а запутывали.

— Роберт сказал, что пригласит на нашу свадьбу Томсона, — говорила Агнесса. — Мне было все равно, я ведь его не знала. Роберт решил познакомить нас заранее, чтобы не было в этот день чужих для меня. Я очень жалею, что согласилась: может быть, все было бы лучше, если бы не было этого знакомства и свадьба состоялась без гостей, мы ведь могли бы и уехать в свадебное путешествие на другие планеты, я часто улетала на Марс, на Плутон... Томсон мне не понравился: некрасивый, маленький, такой быстрый, на месте не усидит, все разговаривает, интересно, конечно, но только о своих работах. Нет, он показался мне утомительным, я устала от его разговоров.

— Вы сказали Роберту о впечатлении, произведенном на вас Томсоном? — спросил Рой.

— Да. Мы друг от друга ничего не скрывали. Томсо-ну я тоже сказала, что он мне не нравится. Это было позже, когда он влюбился. Впрочем, он влюбился раньше, с первого знакомства, так он всегда говорил. Я сказала ему, что он неприятен, он клялся тогда, что без меня ему жизнь не в жизнь, я ответила, что он поступает плохо по отношению к своему помощнику, что это возмущает меня, что все в нем возмущает меня.

— Он оставил мысль завоевать вас после такого отпора?

— Нет, он вообще не был способен отступаться. Если вы его знаете... Он считал, что для больших желаний не существует ничего непреодолимого. Он сказал: Агнесса, хотите, ударю себя ножом в грудь, чтобы увидели мою кровь, кипящую страстью к вам, она будет пениться от любви, вам понравится...

— Вы, конечно, посмеялись и протянули ему ножик?

— Я испугалась. Нет, вы не знаете Томсона! Один Роберт понимал его, потом и я стала... Роберт говорил, что Томсон сделает все, что обещает, абсолютно все, он такой, раньше все взвесит, а потом пообещает. Если бы я дала ему нож, он ударил бы себя, Роберт тоже так считал и хвалил меня за осторожность.

— Странные у него создались взаимоотношения с помощником.

— Его не останавливало, что есть Роберт. Он говорил, что Роберт влюбился в меня, потому что я появилась в поле зрения, а не было бы меня, спокойно женился бы на другой. А он остался бы навек одиноким, если бы не встретил меня, я та часть его души, которой ему единствено недостает, одна среди миллионов, среди миллиардов... Он умел говорить!

— Чем же кончились ваши странные отношения?

— Он пришел как-то вечером. Я сказала, что буду женой Роберта, так обещала и выполни обещание. Том-сон поклялся, что уговорит Роберта отступиться. Я показала на дверь. Я сказала, что дверь моей комнаты навеки закрыта для него.

— Он рассердился?

— Он со смехом закричал: «А стены? Неужели и их вы замкнете от моей любви? А что значит для них какой-то камень? Стены раздвинутся, только их коснется моя любовь!»

— Объяснение в стиле развязных пареньков двадцатого века.

— Ох, как мне хотелось ударить его! Я сказала, что проучу его. «Хвастун, пустомеля, идите сквозь стены, — сказала я, — проскользните сквозь камень, сквозь вот эту стену, наружную». Я ткнула рукой в нее. Ох, какая я была безумная!.. Никогда не прощу себе!

— Ты плохо слушаешь, Генрих, — тихо сказал Рой и снова обратился к Агнессе: — Томсон продолжал дразнить вас? Я очень уважаю его научный талант, может быть, даже гений, но в обыденной жизни он вел себя, не очень заботясь о такте.

Агнесса прикрыла веки, по щеке скатилась слеза. Рой замолчал. Прошла долгая минута, прежде чем Агнесса снова заговорила:

— Он уже не хотел, когда ясыпала его насмешками, он страшно побледнел... У него срывался голос и так блестели глаза... Он медленно сказал: «Значит, договариваемся: я проскользну к вам сквозь стену, чтобы вы уверились в силе моей любви, но тогда и вы скажете, что любите меня и согласитесь быть моей женой». Я

крикнула: «Во всяком случае, я скажу это не раньше, чем вы превратитесь в призрак, для которого стены не преграды, а теперь уходите!» Он быстро ушел. Рой обменялся с братом взглядом.

— И он осуществил обещание? Сколько понимаю, именно проникновение сквозь стену мы и видели в записи вашего бреда?

— Я не знаю, о чём я бредила и что вы открыли в записи, — устало сказала Агнесса. — Прошло около месяца, я его все это время не видела, Роберта тоже, он был занят в лаборатории. Он очень огорчился, когда я рассказала о последней встрече с Томсоном. Роберт молчал и грустно качал головой... Я тогда не понимала...

— Томсон проник к вам в день своей гибели?

— Да, он выпрыгнул из картины. Я страшно перепугалась.

— Можно себе представить! Он смеялся, упал на колени, протянул к вам руки — так запечатлелось в вашем бреде.

— Да. Еще он сказал: «У меня две минуты, иначе я погибну! Скажи: люблю!»

— Что сделали вы?

— Уже не помню. Кажется, подталкивала его обратно к стене... Да, так это было. Я умоляла скорей уйти. А он твердил, что погибнет, если я не потороплюсь с ответом, и что без признания в любви не уйдет. И тут я услышала крик Роберта...

— Он тоже появился в комнате?

— Нет, нет! Он кричал из Томсона, он зазвучал из него, изнутри. Это было непостижимо! Я смотрела на Томсона. Он вдруг замолчал, а в нем раздавался отчаянный крик Роберта: «Возвращайтесь, ресурсы выработаны! Скорей! Скорей!»

— Что произошло потом?

— Томсон закричал Роберту: «Не паникуй, еще половина осталась! Держи меня в луче, держи в луче», а мне быстро сказал: «Еще минута вашего молчания — и меня не станет!» И тогда я...

— И тогда вы?..

— Да. Я обняла его, крикнула: «Люблю! Люблю!»

Он в ту же секунду пропал в стене. И в ту же секунду... нет, в то же мгновение... Это было так ужасно!

— Успокойтесь, Агнесса. К сожалению, прошлого не поправить. Если вам тяжело, не говорите.

— Я хочу досказать. Я услышала два крика, они были такие...

— Пронзительные? Отчаянные?..

— Нет... Хуже всего, что можно вообразить! Они были совершенно одинаковые. Но я знала, что кричали оба, Роберт и Томсон, только кричали одинаковыми голосами! Абсолютно, абсолютно неразличимыми... И я поняла, что оба погибли! Больше ничего не помню!

— Вам уже известно, что Роберт будет жить? — сказал Рой после краткого молчания. — Правда, ему долго придется лечиться.

Агнесса ничего не ответила, по щеке ее поползла новая слеза.

Рой долго молчал, когда они вышли из больницы, Генрих не мешал ему размышлять.

Когда они подходили к зданию Института космических проблем, Рой сказал:

— Боюсь, что твоя версия заранее обдуманного Рориком и Агнессой злоумышленения на жизнь Томсона подтверждения не получила. Впрочем, если ты не веришь Агнессе...

— Я верю ей, — сказал Генрих. Уже в коридоре он хмуро добавил:

— Но обвинения против Рорика не снимаю. То, что Агнесса слышала два совершенно одинаковых крика, еще ничего не доказывает. Мало ли какими ей могли померещиться их крики в эту ужасную минуту! Будем проверять. Будем придирчиво проверять.

— Да, ты прав, — отозвался брат. — Будем проверять. И прежде всего нужно проверить самое важное из того, о чём мы сегодня узнали: что Томсон разработал способ безопасного проникновения сквозь плотные тела. Не слишком, впрочем, безопасного, как показали последующие события, — педантично поправил себя Рой.

— Между прочим, я подозревал, что чем-то в этом роде в лаборатории нестационарных полей занимаются, — задумчиво сказал Генрих. — Иван любил поражать воображение. Научное открытие без озорства было для него — что суп без соли.

5

Арман не удивился, когда узнал о рассказе Агнессы. Ему удалось выяснить, что в лаборатории Томсона были осуществлены особые поля. Академик в рабочем журнале называл их по-разному: охранные, экранирующие, антипараллельные, скользящие.

— Название, видимо, варьировалось в зависимости от частной служебной функции полей, — объяснил Арман. — А общий смысл их в том, что они экранируют каждую материальную частицу от внешних сил, каким-то образом сохраняя внутренние связи. Я читал удивительнейшую запись, сделанную за месяц до объяснения Томсона с Агнессой... Ну, то ее требование насчет стены. Так вот, в лаборатории кусок золота величиной с кулак свободно прошел сквозь стальную плиту, не испытав даже микроскопической деформации.

— После этого ему захотелось самому выступить в роли такого проникающего куска золота, — сказал Рой. — Эффектно, конечно. Галактика свободно проходит сквозь галактику, а относительное расстояние между звездами меньше, чем между атомами и внутри атомов. Он захотел использовать этот удивительный факт.

— В одном из журналов записано определение: материальное тело — это точки вещества, разделенные гигантскими объемами пустоты и скрепленные слабыми полями, — продолжал Арман. — Здесь дана суть задуманного Томсоном опыта. Агнесса подсказала в качестве неосуществимого условия то самое действие, которое он уже разрабатывал. Заявления, что стены не устоят перед его любовью, показались ей пошлым хвастовством, а это был увлеченный рассказ об уже совершенном открытии. Она напрасно признавалась в убийстве.

Рой пожал плечами:

— Убийство, возможно, и было, но признания Агнессы силы не имеют. Мало ли что наговорит на себя потрясенная женщина! В древности некоторые женщины сознавались, что они ведьмы и летают на помеле. Думаю, что до самого Томсона никто таких полетов реально не совершил.

— Можно мне идти с вами к Рорику? — спросил Арман.

Рой вопросительно посмотрел на Генриха, Генрих утвердительно кивнул. Арман возился с механизмами охотней, чем высматривал людей. Он с удовлетворением объявил, что после расшифровки принципа действия гравитационного агрегата займется выяснением природы того луча, удержать себя в котором требовал от Рорика Томсон. Арман сказал:

— Не сомневаюсь, что этот луч создавался в фокусе испытательной камеры и обеспечивал Томсону всепроникновение. И, очевидно, луч имел ограниченное время существования. Я имею в виду крик Рорика, что ресурс выработан.

— Рорик сам скажет, о чем кричал и почему кричал. — Рой взглянул на часы. — Нам пора, Генрих.

Врачи предупредили братьев, что больной к моменту разговора будет в сознании, но физически очень слаб. Говорить с ним можно о чем угодно, но вопросы формулировать надо так, чтобы ответы могли быть короткими.

Он лежал в полутемной палате. Голова Роберта была окутана повязками, восстанавливающими поврежденные ткани и кости. Он безучастно посмотрел на братьев, не ответил на приветствие. Рой ласково коснулся руки, бессильно лежавшей на одеяле. Генрих не смог заставить сделать себя то же. Старая неприязнь — Генрих стыдился ее и скрывал, так она была беспринципна, — нахлынула с новой силой. Роберт, черноволосый, темнолицый, с неизменно скорбным взглядом, всегда напоминал Генриху образы мучеников на картинах древних мастеров; уже одно это тревожило и раздражало.

— Да, я готов отвечать, — бесстрастно произнес Роберт. — Но ведь я все сказал. Могу повторить, что я...

Рой поспешно остановил его. Они знают о самообвинении Роберта, и оно, естественно, очень волнует их. Но раньше всего они хотели бы выяснить природу эксперимента, поставленного Томсоном. Правда ли, что в их лаборатории открыты или изобретены особые поля, экранирующие материальные частицы от внешних воздействий?

— Канализирующие внешние воздействия... — сказал Роберт. — Мы назвали их скользящими...

— Да, канализующие, или скользящие, или охранные, или экранирующие, — они познакомились со всеми этими определениями в журнальных записях. Физическую природу экранирующих полей они пока выяснять не намерены, вопрос этот слишком сложен. Итак, Томсон вошел в испытательную камеру, короткофокусные генераторы облучили его, он стал всепроникающим и двинулся в свое необыкновенное путешествие, а Роберт, сидя у пульта, держал академика в луче, то есть не выпускал из фокуса излучения генераторов. Так ведь? Роберт сказал с той же безучастностью:

— И так и не так. Я тоже был в фокусе. Мы образовывали два полюса диполя.

Рой наклонил голову.

— Хорошо, диполь. Своеобразная растягивающаяся палка, один конец которой легко протыкает стены, а другой восседает в кресле перед пультом. Долго мог существовать такой диполь?

— По расчету, пятнадцать минут. Мы могли ошибиться на минуту. Но мы ошиблись гораздо больше.

— Мы к этому тоже еще вернемся, Рорик. Я хочу поговорить о самом путешествии Томсона, если позволите. Он отправился на свидание к Агнессе, и вы знали, куда он собрался. Зачем вы разрешили ему идти к Агнессе?

Печальная улыбка слабо обрисовалась на обрамленном повязками лице Арутюниана.

— Как я мог что-либо ему запрещать?

— Она — ваша невеста!

— Он полюбил ее, Рой.

— Вы ее тоже любили. И она вас любила, иначе не была бы вашей невестой. Почему вы разрешили ему отбивать у вас Агнессу?

Роберт с застывшей на лице грустной улыбкой молча глядел куда-то в пространство.

— Томсон, — сказал он тихо, — был удивительный человек. Другого такого не существовало.

— Вы сказали — он полюбил Агнессу. Но мало ли кого он мог полюбить в своей жизни.

— Он никого не любил. Агнесса была первой. И — последней.

— Он говорил это ей. Вы считаете его слова правдой?

— Он никогда не лгал.

— Признаться, его экстравагантные выходки...

— Он проказничал, да, но не лгал. Он не умел лгать.

— Простите, что я так настаиваю на трудном для вас объяснении, Рорик. Но ведь тогда правдиво и то, что он говорил Агнессе о вас. Я имею в виду, что вы влюбились в нее лишь потому, что она появилась в поле вашего зрения, а не было бы ее, была бы другая?

— Не знаю. Вероятно, так. Одиноким бы я не остался, если бы и не познакомился с Агнессой. Не успел проверить...

— Томсон в этом смысле был иной?

— Уверен, что он не женился бы, если бы не встретил Агнессу.

— Если бы вы не познакомили их, так точнее. Итак, она единственная среди всех женщин мира являлась недостающей половинкой его души. Так он сказал, и вы, сколько понимаю, согласились с ним. На этом основании вы решились отречься от нее в его пользу?

— Я не отрекался.

— Но ваши действия, Рорик...

— Нет. Вы неправильно толкуете мои действия, Рой. Мне надо было отречься...

— Надо?

— Надо, да. Я не нашел в себе такого великодушия... Я хуже, чем вы все думали обо мне...

— Не понимаю вас, Рорик.

— Я предоставил решение Агнессе. Она должна была выбрать между нами.

— И вы смирились бы, если бы она ушла от вас? Но ведь вы любили ее, Рорик!

Роберт медленно повернул лицо к братьям. Генрих в смущении отвел глаза. Он вдруг почувствовал, что напрасно всегда с раздражением посмеивался над этим странным человеком.

— И люблю, Рой.

Рой продолжал настойчиво ставить Роберту трудные вопросы:

— Вы надеялись, что она все-таки выберет вас? Вы, иначе говоря, ставили эксперимент по проверке силы ее любви к вам? Я правильно понял, Рорик?

Роберт долго смотрел на Роя, и такая тоска засветилась в его глазах, что Генриху захотелось схватить брата за ворот и поскорее увести из этой комнаты.

Больной сказал шепотом:

— Ах, как же вы все... Неужели нельзя не поверхность?...

— Я как раз хочу доискаться глубины, — осторожно возразил Рой. — И это так непросто, Рорик.

— Это так просто, Рой! Но говорить об этом! Хорошо, я скажу... Я люблю Агнессу, — значит, хочу ее счастья. Ее счастье — это также и мое счастье. И если бы она выбрала меня, значит, мне рядом с ней, всегда рядом с ней, заботиться о ней. Что здесь непонятного, что?

— Лежите, лежите, Рорик! — с испугом сказал Рой. Роберт с усилием приподнялся, схватил Роя за руку.

Рой хотел уложить больного в постель, но Арутюнян не дался.

Он говорил все быстрей — Рой не осмелился снова прервать его.

— А если бы она выбрала его... Нарколько же крепче она полюбила его, если решилась нанести мне такой удар!.. Вдумайтесь, Рой, — насколько крепче? И неужели мне мешать? Ему мешать? Ей мешать? Я мог быть счастлив с ней, да, Рой, да! Но препятствовать ее счастью — нет.

Он откинулся на подушку, обессиленный. Генрих шепнул Рою, что нужно дать время больному прийти в себя после вспышки.

Минуты две в палате тянулось молчание.

— Спрашивайте, — сказал слабым голосом Роберт. — Я уже могу отвечать.

Рой заговорил о трагедии в испытательной камере. Как Томсон отправился в свой удивительный рейс сквозь стену, они себе представляют. Но почему произошла катастрофа? Он кричал у Агнессы, что у генераторов сохранился половинный ресурс. Очевидно, он ошибся?

— Мы оба ошиблись. Нас подвели какие-то погрешности расчета.

— Как вы узнали об ошибках расчета?

— Я вдруг почувствовал, что устойчивость созданного нами диполя нарушилась. Нужно было немедленно отзывать Томсона.

— Вы и отозвали его. А он не пошел. Он, очевидно, слишком верил в расчет, который оказался ошибочным. Могли ли вы насилиственно вызволить его из опасного отдаления?

— Мог.

— И не сделали этого?

— Не сделал.

— Почему? Хотели, чтобы объяснение между ними завершилось?

— Да. Нужна была ясность...

— Но вы отчетливо представляли себе опасность промедления?

— Не знаю. Не помню, на что я надеялся... Правда, я старался...

— Что — старались?

— Старался сфокусировать разрыв диполя на себе. Схема это позволяет. Один страхует другого ценой собственной безопасности. Если бы я на секунду раньше вырвал Томсона из комнаты Агнессы!.. Во мне произошел разряд, это оттянуло на мгновение гибель Томсона, но он все-таки не успел вырваться из камеры...

Рой положил руку на плечо Роберта, с волнением сказал:

— Больше мы вас не будем расспрашивать, Рорик. От всего сердца желаем быстрого выздоровления!

Когда они вышли из палаты, Рой спросил брата:

— Ты по-прежнему настаиваешь на виновности Ро-рика?

Генрих ответил не сразу:

— Нет. Он невиновен в подлости, которую я приписал ему. Но мне кажется, он и сейчас не очень ясно отдает себе отчет в том, что реально произошло в их лаборатории.

— Об этом ты так напряженно размышлял, когда я расспрашивал его?

— И об этом.

— Ты не проронил ни одного слова в палате. Боюсь, Рорик истолкует твое молчание превратно.

— Я постараюсь потом оправдаться перед ним. А за одно извиниться и за прежнее недружелюбие.

— Ты бы все же сказал о своих новых идеях, Генрих.

Генрих усмехнулся.

— Идей нет. Разные туманные соображения. Узнаем, что нового разузнал Арман, и побеседуем о тех возможностях, которые почему-то не предвидели Иван со своим ассистентом.

6

— Вы, несомненно, ждете от меня сенсационного сообщения, — сказал Арман. — Так вот, есть! И такое, что вы и помыслить о нем не могли.

— Если оно не о том, что энергетический ресурс агрегата вовсе не был исчерпан, то я и вправду не знаю, что и думать, — спокойно сказал Генрих.

— Именно это я и обнаружил! В общем, Томсон был прав, генераторы не исчерпали своего ресурса и наполовину. Произошел пробой экранного поля по какой-то внешней причине.

Рой сказал Генриху:

— Можешь огласить туманные соображения, которые занимали тебя в палате Рорика.

— Они оглашены Арманом. Я думал именно о том, что какая-то внешняя сила спутала расчеты Ивана. Я мог допустить что угодно, только не ошибку в его вычислениях. Небрежность в экспериментах Ивана — самая невероятная версия. И если Рорику явилась мысль о таком просчете, то это объясняется лишь его смятением.

Рой согласился, что гипотеза о внешней причине аварии весьма вероятна. Но что это за причина? Где ее искать? Может быть, она в душевном состоянии Рорика? Если человек превращает себя в полюс гигантского всепроникающего диполя, то разряды нервных потенциалов в его мозгу становятся своего рода командными сигналами, а что Рорик нервничал, сомнений нет.

— Не берусь оспаривать, — сказал Генрих. — Возможно, состояние психики экспериментаторов как-то связано с равновесием поля, создающего всепроникаемость. Но только вряд ли. Иван теоретически исследовал бы такую возможность, он ведь знал, что и он и Рорик являются физическими элементами эксперимента.

— Тогда остается действие каких-то непредвиденных факторов извне. Скажем, блуждающие в космосе неизвестные нам частицы.

— Да, это вполне допустимо.

Арман тоже присоединился к такой мысли. Томсон не просто открыл неизвестные для него поля. Физические процессы, протекающие вокруг нас, отлично изучены, среди них нет «томсоновских», так бы их следовало назвать, полей. Томсон изобрел новые виды сил. И как они связываются с другими полями и частицами, нужно еще изучать. Какая-нибудь шальная космическая частица пронеслась сквозь сконструированную короткофокусную камеру и внесла трагическую поправку в его, казалось бы, безукоризненные расчеты.

— Все это и надо будет исследовать, — подытожил Рой обсуждение. — Но это уже не наша забота. Наш вывод — замечательное, но грозное открытие Томсона надо временно прикрыть, пока не появится гарантия безопасности при работе с его экранирующими полями. Еще одно. Нужно сообщить Агнессе о результатах расследования. Кто пойдет снимать с ее души ощущение собственной вины и вины Рорика?

— Ты, конечно, — поспешно сказал Генрих. — Ты ее расстраивал своими вопросами, ты теперь и успокой.

— Пойдешь ты, — строго сказал Рой. — Я ее расстраивал, верно, но вины на мне перед нею и Рориком нет. А ты подозревал их заранее, до проверки запальчиво доказывал их вину. Пусть твое объяснение будет твоим извинением.

Когда брат разговаривал таким тоном, спорить с ним было бесполезно.

Генриха ввели в палату, когда Агнесса спала. Врач хотел ее разбудить, Генрих попросил не делать этого. Он молчаливо сидел в кресле перед кроватью и терпеливо ждал, пока больная проснется. В истории болезни —

Генрих просмотрел ее — было отмечено быстро прогрессирующее выздоровление после тяжелого нервного потрясения. Генрих думал о том, до чего прогнозы расходятся с впечатлением. Болезнь так сильно переменила девушку, что он не узнал бы ее на улице или в институте. За несколько дней, что он не видел ее, она еще похудела, у нее обнажились скулы, заострился нос, кожу на лбу, прежде очень гладкую, прорезывали морщины, новорожденные морщинки разбегались от глаз. Прогноз был утешительный, вид — страшный.

И еще Генрих с удивлением думал о том, что, несмотря на все изменения, одно в Агнессе сохранилось: ее красота. Это было странно, почти непредставимо. Прежняя красота Агнессы складывалась из черт, гармонично сочетавшихся между собой, в ней было все прекрасно — глаза и губы, щеки, лоб, волосы, шея, руки, фигура... Сейчас все было искажено, каждая черта лица казалась в отдельности почти уродливой. Всего уродливей была исхудавшая шея и истончившиеся руки; тело, скрываемое одеялом, Генрих не сомневался, тоже потеряло прежнюю гибкость и стройность. Но все это, некрасивое в отдельности, складывалось в образ иной, чем прежде, но не менее совершенной красоты. Генриху стало страшно, у него гулко забилось сердце. «А ведь Иван видел ее, вероятно, такой, он предугадывал такую Агнессу в той, прежней, — подумал Генрих. — Недаром она представлялась ему единственной в целом мире...»

Веки Агнессы дрогнули. Она повернула голову к Генриху, всмотрелась в него.

— Вы опять? — прошептала она. — Для чего?

— Мне поручено информировать вас об итогах расследования, — заторопился Генрих. — И прежде всего хочу с радостью сообщить, что вам незачем винить себя в гибели Томсона. И Рорик тоже не виноват, все было по-иному, чем вам вообразилось!

Он рассказал об итогах расследования. Она стала плакать. Рыдания все сильней сотрясали ее тело, она отвернула голову, уткнулась лицом в подушку. Растряянный, Генрих замолчал.

— Зачем мне это знать? Зачем? — лепетала она сквозь слезы.

Он подождал, пока она немного успокоилась, и грустно сказал:

— Мне показалось, вам будет легче, если вы узнаете...

Она с болью прервала его:

— Как мне может быть легче? Неужели вы думаете, что я лгала, когда сказала Томсону, что люблю его? А его нет! И уже не будет! Не надо, не надо!

ПРИНУЖДЕНИЕ К ГЕНИАЛЬНОСТИ

1

Дом был как дом — трехэтажное здание в саду. Генрих включил экран карманного телесискателя. На экране появился фасад, украшенный колоннами, балкон, опоясывавший весь второй этаж, башенка, ощетинившаяся антеннами. «Особняк», — сказал себе Генрих. Он называл этим старинным словом все здания особой архитектуры. На современные дома строение в саду ни с какой стороны не походило, если не принимать во внимание частокола антенн на башенке. К тому же оно и стояло особняком.

Кто-то тронул Генриха за плечо. Генрих обернулся. Над ним возвышался насупленный верзила.

— Что вы здесь делаете? — спросил гигант, пронзая Генриха недобрый взглядом.

Генрих знал, что особняк в саду — вероятно, единственное здание в Столице — охраняется специальными людьми, для которых недавно ввели в употребление позабытое было древнее словечко «сторож». Генрих, однако, сделал вид, что не догадывается, кто этот незнакомец.

— Не понимаю, почему вы меня об этом спрашиваете! — Как ему казалось, он отлично разыграл удивление.

Провести сторожа не удалось.

— Отлично понимаете, друг Генрих! На этот раз Генрих удивился искренне:

— Вы знаете меня?

— Разве я похож на дикаря? — отпарили сторож. — По-вашему, на Земле имеются люди, которые не посещают Музей космоса и не смотрят стереопередачи? Вам с братом в последние два года не приходится жаловаться на недостаток внимания к себе.

Генрих сдался.

— Я, конечно, знаю, что Институт специальных проблем получил свою, тоже специальную, охрану. Но я думал, что рассматривать особняк издали можно, друг... друг...

— Дженнисон. Джеймс Василий Дженнисон, если не возражаете. Рассматривать, разумеется, не возбраняется, но не при помощи ближнего телесискателя марки ТИБ-812, модель 13, специальный выпуск для работников Следственного отдела Управления космоса. Лишь в том единственном случае, если вы позаботились

получить разрешение на пользование телесискателем этой модели и выпуска и там нет оговорок по пунктам 14 и 15, касающихся как раз нашего института...

Генрих рассмеялся и спрятал телесискатель в карман. Сторож Джеймс Василий Дженнисон оказался орешком не по зубам.

— Телесискатель мне дал во временное пользование следователь вами названного отдела в Управлении космоса. Я еще не работал с такими приборами, и мне было интересно...

— Фамилия вашего друга, если не секрет?

— Почему же секрет? Прохоров. Александр Платон Прохоров. Одолжив мне прибор, разрешением он меня не снабдил.

— И не снабдит, — важно подтвердил Дженнисон. — Сомневаюсь, что у него самого было разрешение. Я говорю лишь о пунктах 14 и 15, остальные меня не касаются. Эти два пункта подписывает один президент Всемирной академии наук Боячек.

— Я в хороших отношениях с Боячеком, — заявил Генрих.

Дженнисон величественным жестом остановил его:

— Попробуйте. Но сомневаюсь. Президент, сколько знаю, не раб своих дружеских чувств. Он сказал директору нашего института Павлу Эдгару Домье, что станет мощной преградой на пути всех любопытных и даже сам не будет нас излишне беспокоить. Только в том случае, если вы понадобитесь нам для работы...

Сторож, несомненно, отлично ориентировался во всех проблемах Института специальных проблем. Разговор надо было прекращать. Генрих сделал последнюю попытку чего-то добиться.

— Не буду скрывать, друг Дженнисон, пока никто в вашем институте мной не интересовался. Но зато я очень интересуюсь одним из ваших сотрудников. Вы не могли бы передать ему маленькое сообщение от меня?

Генрих вытащил из кармана блокнот, чтобы шепнуть на листок несколько слов. Дженнисон протянул руку:

— Только для вас, друг Генрих. Такому знаменитому ученому совестно отказывать. Можете быть покойны. Через десять минут ваша словечня — он со вкусом употребил жаргонное название для записанной на пленке речи — ляжет на стол Домье, а через час ее услышит ваш Друг.

— Я бы хотел, чтобы адресат получил мою запись без посредничества директора института.

— Отпадает, — с сожалением сказал Дженнисон. — Разве вы не знаете, что наши сотрудники находятся на казарменном положении? Я не имею с ними прямого контакта. Я вижу только директора и его заместителей.

— На казарменном положении? — переспросил Генрих. — Что означает это странное выражение?

В первый раз Дженнисон был в затруднении.

— Нам объясняли... Столь диковинных старинных словечек всех не запомнить! Если разрешите, я посмотрю в своем служебном словарчике. — Он вытащил пластинку с клавиатурой и набрал какое-то слово. — Казарма, казарма, — повторил он, приставив к уху пластинку, нашептывающую объяснение. — Итак, казарма — это казенное здание, общежитие для сотрудников — служащих и рабочих, живущих в условиях особого режима, обязательного для каждого жильца. Какое удивительное название — казенное название! Вам что-либо понятно, друг Генрих?

— Всё и вполне, — объявил Генрих и удалился.

2

— Вы уверены, что он в том особняке в саду? — с сомнением спросил Генрих. — Отсутствие его мозгового излучения еще ничего не доказывает. Джок Вагнер может в эту минуту спокойно лететь на Нептун, где энцефалопаспорта принципиально не фиксируются и каждый работник планеты может назвать любую фамилию вместо родной и объявить любую легенду вместо реальной биографии. Я уж не говорю о том, что он просто умер.

Александр Прохоров, молодой, энергичный следователь Управления космоса, последовательно опроверг все предположения Генриха. Бегство на Нептун, конечно, самая простая версия, и она была проверена первой. Звездолет на Нептун отправился восемь дней назад, на нем было сто семнадцать мужчин и шестьдесят девять женщин, пожелавших остаться неизвестными. Но Джока Вагнера среди них не было. Дело в том, что его мозговые излучения прекратились за сутки до отлета корабля на Нептун.

Он мог оказаться на звездолете в качестве мертвого груза, то есть трупа. Подозрительных грузов корабль не принимал.

— Вы не допускаете мысли, что Джок мог быть доставлен на звездолет без сознания? Усыплен или оглушен... Или в анабиозе...

— Невероятно. Пока человек жив, мозг хоть и слабо, но работает. Мощные анализаторы астропорта уловили бы жизнедеятельность мозга в любом грузе, опускаемом в трюмы. Без такого контроля грузы не принимаются. И не для предотвращения преступлений, а по гораздо более элементарной причине: чтобы на другие планеты тайно не вывезли животных, на экспорт которых нет лицензии.

— Вы ничего не сказали о гипотезе, что Джок мертв?

— Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть ее. Тела Джока Вагнера нет, никто не сообщал о несчастье с ним.

— Кроме него самого.

— Да, кроме него самого. И это его показание — важнейшее свидетельство в пользу моей версии, что он экранирован и находится в настоящую минуту в лабораториях Института специальных проблем. Во-первых, он упоминает Домье, а Домье — директор института. И во-вторых, институт Домье — единственное на Земле учреждение, где разрешено экранирование. Дженнисон сказал вам, что сотрудники института на казарменном положении. Его сообщение совпадает с моими данными. Работники института, входя в него, обрываются все личные связи с Землей. Они пропадают для нас. Нет, друг Генрих, нет, Джок Вагнер у Домье! Генрих задумчиво проговорил:

— Версия убедительная, хотя и удивительная. Я хотел бы еще раз услышать то обращение Джока, что вызвало необходимость расследования.

— Необходимость расследования порождена исчезновением Джока, а не его письмом, — возразил следователь. — Письмо является лишь стартовой площадкой нашего розыска.

Прохоров положил листок из блокнота в настольный дешифратор.

«Риччи, важные новости, помоги, если не хочешь меня потерять — доносился из приборчика тонкий голосок Джока. Генрих часто слышал его, когда работал на Марсе с Вагнером, голос с совершенной точностью обрисовывал самого Вагнера, такого же нервного, подвижного, неуравновешенного, вспыльчивого и очень доброго. — Меня преследуют агенты Домье. Они пристают с такой чепухой, я уже хотел жаловаться, но они предупредили, что раскрытие тайны... Нет, никого, мне показалось, что вошли! Так глупо прервался отпуск, лучше бы не прилетать на Землю. В конце концов, я мог отдохнуть и в тамошних санаториях, нет, дернул же черт помчаться сюда! Риччи, дорогой, они сейчас придут, я брошу незаметно записку. Я мог бы позвонить тебе, но боюсь, что мои разговоры блокированы, и сам я блокирован, у этих негодяев такие совершенные механизмы, какие нам с тобой и не снились. Выручай, выручай, иначе погибну, это уж как пить дать! В такую неприятность влип, ты даже представить не можешь... Какое у них требование, просто дурацкие намерения, при встрече расскажу. Риччи, милый, стукни кулаком по столу поубедительней, только это поможет, но скорей, иначе полная крышка. Говорю тебе, эти сукины дети ни перед чем не остановятся. Позови на помощь братьев Васильевых, это мои друзья, и они вызволят меня, они сумеют доказать, что другие гораздо больше, чем я... Идут, идут! Риччи, помоги, кулаком покрепче...».

Запись обрывалась гневным воплем. Генрих, улыбаясь, покачал головой.

— Воображаю, в каком неистовстве Джок выкрикивал свое послание. Вы поставили в известность Риччи Варавию о письме Джока?

— Вчера послали радиограмму вслед планетолету «Изумруд», на котором Риччи улетел на Марс. Вряд ли это разъяснит ему происшествие с Джоком.

— Риччи очень вззволновался, когда увидел, что Джока на планетолете нет?

— Он просто поставил нас в известность, что один из его сотрудников задерживается на Земле без объяснения причин. О каком-либо несчастье с Вагнером он и помыслить не мог. Он с досадой сказал мне по видеофону: «Напрасно вы всех красивых девушек стараетесь задержать на Земле, это мешает планомерно осваивать планеты». Он считает Вагнера человеком влюбчивым. Юбочником, так это, кажется, называлось в стариину.

Генрих засмеялся:

— И не ошибается, если так считает. Но в данном случае вряд ли замешана девушка.

— Я тоже так думаю. Записка Вагнера, как я уже вам говорил, была доставлена нам после отлета «Изумруда», Джок бросил ее в ящик в такой спешке, что не успел наговорить адрес, и с ней вначале не знали, что делать. А я сразу попросил вас прийти с Роем, когда ознакомился с содержанием записи и узнал, что мозговые излучения Вагнера внезапно выпали из регистрации в Оперативном архиве...

— Очень жаль, что вы опоздали на день. Рой, наверно, не улетел бы на Меркурий, если бы знал, что с Джоком какая-то передряга. Поговорим теперь об Институте специальных проблем. Что вы предлагаете делать?

— Что бы вы предложили, друг Генрих?

— По-моему, ситуация ясна. Я бы потребовал свидания с директором института.

— Я уже говорил вам, что это было первым моим помыслом. Мне ответили, что директор никого не принимает и никаких разговоров ни по каким темам не ведет и что других объяснений я требовать не должен. А как можно проникнуть на территорию института, вы сегодня сами проверили.

— В таком случае надо добиться ордера на обыск в институте и его казармах, как называл Дженнисон жилые помещения института.

Прохоров мрачно глядел на пол.

— Пробовал и это. Я напросился неделю назад к Бо-ячеку на прием.

— Боячек с вами разговаривал?

— В кабинете Боячека сидел один из его заместителей — толстый старичок...

— Хромин. Личность довольно неприятная. Что сказал Хромин?

— Он на третьем слове заорал на весь этаж: «Нечего совать нос к Домье! Дела этого института вас не касаются. Преступлений там не совершают. Уходите, да поживей!» Редкий грубиян.

— Хромин способен на резкость. Но, может быть, он прав и действительно нелепо видеть в происшествии с Джоком преступление?

Прохоров нахмурился. Его лицо вдруг приняло упрямое выражение. Генрих понял, что с этим человеком спорить не надо, ему можно лишь подсказывать пути розыска, отвечать на вопросы, но не критиковать его действия. Генрих ошибся в характере следователя. При первом знакомстве Прохоров показался добродушным парнем, изнывающим в своем отделе, где давно ничем серьезным не занимались, потому что ни на Земле, ни на планетах не случалось серьезных происшествий. Округлое, румяное лицо Прохорова, пухлые губы, крохотный подбородок, носик кнопкой внушили Генриху убеждение, что перед ним легкомысленный юноша, вызвавший его к себе для выполнения обязательной формальности: братья Васильевы упоминались в записке Вагнера, не поговорить с ними было нельзя. А Прохоров был фанатик, один из тех энтузиастов следственного искусства, которые могут и равнину заподозрить, что она неспроста ровная, и горы обвинить, что они с намерением высятся. Генриху изредка встречались такие люди, общаться с ними было не просто. Генрих удивился происшествию с Джоком, но и помыслить не мог, что в институте Домье совершаются преступления. Прохоров сразу уверовал в преступление и с несгибаемой последовательностью нагромождал одно доказательство на другое.

И даже в том, что он ответил с подчеркнутой сдержанностью, чувствовалось, как раздражают его сомнения Генриха:

— Человек исчез. Он предупреждал, что какие-то мерзавцы и сукины дети — это его слова, Генрих, — что они ни перед чем не остановятся, подразумевается — ни перед чем скверным... И напоминаю вам, что на мой официальный запрос, не находится ли Джок Вагнер в институте, мне так же официально — и бесцеремонно — ответили, что никаких объяснений от них я требовать не должен.

Генрих понимал, что нужно посочувствовать стараниям следователя.

— Думаю, что имеется управа и на руководителей института и даже на руководителей Академии наук.

— Я тоже уповал на это. Я обратился в Управление общественного порядка.

— Неудачно?

Из управления ответили, что пока я не представлю доказательств, что над Вагнером совершено насилие, и совершено именно на территории института, я допуска туда не получу.

Генрих пожал плечами. В Управлении общественного порядка, по всему, разделяли сомнения Генриха. Сознавая, что возмущает Прохорова, он все же рискнул повторить вопрос.

— Вы не ответили: следует ли ожидать преступления?

— Как вы думаете, почему существуют законы, гарантирующие общественный порядок? — сердито ответил Прохоров вопросом на вопрос.

— Вероятно, именно для того, чтобы гарантировать порядок.

— Совершенно верно: чтобы не допускать нарушения порядка. Нет закона, обязывающего нас ходить ногами, а не руками. Вы ходите ногами и без предписания о том. Когда нарушения порядка отомрут, люди позабудут и о законах, регулирующих нашу жизнь. И моя профессия следователя станет отжившим словцом. При моей жизни этого еще не будет.

Генрих молчал, размышляя. Нахмуренный Прохоров не прерывал молчания. Генрих сказал:

— Вы, между прочим, не интересовались, чем занимается институт Домье?

— Интересовался, конечно. Тематика института могла пролить определенный свет на происшествие с Вагнером.

— Что же вы узнали?

— Только то, что ничего не вправе знать. Тематика работ института имеет гриф: «Особая засекреченность».

— «Особая, особая!» — Генрих с удивлением смотрел на Прохорова. — При такой всесторонней особости, отличающей институт, я начинаю думать, что там и вправду могут твориться странные дела.

— Я в этом ни секунды не сомневаюсь!

— У вас возник какой-нибудь новый план розыска? Или вы согласны примириться с пропажей Джока?

Вспыхнувшее гневом лицо Прохорова показывало лучше слов, каковы его намерения. И опять он постарался, чтобы раздражение не очень прорвалось.

— Я хочу проникнуть в институт к Домье и вблизи по-сматретьна его сотрудников.

— Без официального разрешения?

— Я не собираюсь вникать в существование работ института — они засекречены. Но нельзя засекретить существование человека. Домье смешиивает разные понятия.

— И ему, кажется, разрешают смешивать засекречивание работ с засекречиванием людей, — напомнил Генрих.

— По отсутствию опыта. Не забывайте, что засекречивание, столь обычное в древности, с момента образования мирового правительства и прекращения межгосударственной вражды быстро отмерло. Домье почему-то возродил этот отживший обычай. Я ничего не имел бы против, если бы не подозревал, что он использует засекречивание для неблаговидных действий, а может быть, и прямого преступления. Я не могу превратить мои подозрения в убедительное доказательство для тех, кого чем-то очаровал Домье, но я привык

верить своей интуиции, она меня пока не обманывала. Домье творит грязные дела! Я выведу его на чистую воду. И вызволю бедного Вагнера.

— Если он жив.

— Уверен, что он жив, только попалив беду. Будете ли вы и дальше помогать, друг Генрих?

— Хочу знать, что вы задумали, — осторожно сказал Генрих.

— Моя профессия дает право на личное экранирование. Без этого, вы понимаете, было бы трудно вести иные розыски. Правда, не оптическое экранирование — разрешение на невидимость у нас тоже не выдается без специального ходатайства, — но, во всяком случае, гарантированная недоступность для различных поисковых лучей. В частности, защищая от инфракрасных искателей. Это дает возможность спокойно передвигаться ночью. Я могу дать вам второй костюм.

Генрих заколебался. У него много дел в своей лаборатории. Возможно, через неделю, когда вернется Рой из командировки...

— Сегодня ночью, — непреклонно сказал следователь. — Я не вправе медлить, когда речь идет о спасении человека.

3

Ночь выдалась как по заказу. Тучи еще днем заволокли небо, а с десяти часов вечера возник туман. К полуночи туман так сгустился, что в пяти шагах уже не было ничего видно. Экранирующие костюмы походили на обычные спортивные, только были значительно тяжелей. И они были теплы не по сезону. Прохоров предупредил Генриха, чтобы тот ничего не пил. Генрих для гарантии и не пообещал, но тем не менее обливался потом. Следователь с тревогой попросил почаже вытираять лицо: испарения не экранировались — охранные автоматы института могли засечь струйки пара.

— Туман нам, конечно, на руку, это тоже пар, — сказал он, — но все же, друг Генрих...

Улица, на которой располагался институт, была освещена, как все улицы Столицы, но туман поглощал свет. Прохоров все же побоялся перелезать через ограду институтского сада перед зданием, а выбрал местечко сбоку, где сад подходил почти вплотную к темному озеру. Ограда была высотой метра в два, но Прохоров легко подтянулся на руках, без шума перепрыгнул ее и подал обе руки Генриху. Генрих спортивными дарованиями не блестал. Несмотря на помощь Прохорова, он свалился на землю. Следователь минуты две напряженно вслушивался. Высокие лиственницы и липы стояли так тихо, словно уснули, в большие туманы деревья как бы цепенели. Из сада не доносилось никаких звуков.

— Теперь главное — тихо идти, — шепнул Прохоров и нажатием кнопки на поясе переменил синевато-туманный защитный цвет костюма на темный, больше соответствующий сумраку сада. — Предупреждаю: звук шагов не экранируется.

Он чуть-чуть высветил экран телесискателя. На экране появились стволы деревьев. Следователь погасил их и повел луч телесискателя дальше. Когда в глубине засветился трехэтажный особняк, Прохоров определил направление и расстояние до него и спрятал телесикателем.

Прохоров шел впереди и ступал так тихо, что Генрих не слышал его шагов. Генрих старался тоже не производить шума, но это ему удавалось гораздо хуже: шагая по дорожке, он слышал скрип гравия под подошвами, а когда сбивался в сторону, влажно шелестела затрагиваемая ногами трава. Генрих с тревогой думал о том, что человеческое ухо вряд ли услышит, как он крадется, но звуко-исследователи могут засечь. И когда они выбрались на полянку перед зданием, он облегченно вздохнул, хотя только здесь начинались настоящие опасности.

Два нижних этажа института были темны, вверху светилось несколько окон. Прохоров извлек из кармана ручной бесшумный стеклорез. Генрих усмехнулся. В незапамятные времена этот нехитрый электронный приборчик был любимым инструментом громил, сейчас им собирался орудовать следователь.

Прохоров сделал Генриху знак, чтобы он оставался на месте, и новым нажатием кнопки сменил темный цвет костюма на лунно-желтый — именно так светились дорожки у здания.

Полной невидимости смена окраски не давала, но примитивную мимикию обеспечивала.

Генрих, притаившись в кустах, лишь восхищенно покачал головой, когда Прохоров лег на землю и пополз к зданию. Следователь полз, как пыл, — легко и бесшумно. Он так проворно пересек освещенное пространство и тело его так совершенно сливалось с дорожкой, что Генрих видел лишь что-то неясно колеблющееся и передвигающееся, а не человеческую фигуру.

Следователь исчез за изгибом здания. Генрих выдвинулся из кустов. Но в это мгновение его схватили. Чьи-то могучие руки с такой силой закрыли лицо и сдавили голову, что, полуослепленный и полузадущенный, Генрих не успел ни вскрикнуть, ни вырваться. Он лишь судорожно вцепился в схватившие его руки, сделал отчаянный рывок в сторону. Вторая пара рук сдавила мертвым узлом икры, Генрих вдруг потерял почву под ногами и понял, что его подняли и несут.

Он еще пытался вырваться, но на лицо вдруг подуло что-то влажное и удушающее. «Одурманивают, ловкачи!» — мелькнула мысль, перед тем как он потерял сознание.

Очнулся он на диване в большой светлой комнате. В кресле напротив Генриха сидел ухмыляющийся Дженнисон, а рядом стояли двое, вряд ли уступающие ему по росту.

Геноух с гримасой ощупал ребра.

— Вы в цирке не пробовали бороться с медведями, друг Джеймс? Успех будет.

— В цирке не боролся, а в зоопарках приходилось, — с охотой ответил Дженнисон. — Говорят, в древности медведи считались могучими зверьми. По-моему, легенда.

— Я не иду в сравнение даже с современными слабосильными медведями, не так ли? — Генрих старался не показать, что ему больно.

— Хороший медведь обычно держится против меня две минуты. Вам о таком времени и не мечтать, друг Генрих. Между прочим, в троеборье наштанге мое лучшее достижение — семьсот двадцать килограммов. Не чемпион, но все же...

— Ваши рекорды штангиста еще не являются достаточным основанием, чтобы внезапно хватать меня и тащить, как полено! — раздраженно заметил Генрих.

— А что я должен был сделать, если вы внезапно проникли на охраняемую мной территорию? Я и мои друзья, ночные сторожа, — он показал на радостно, как и он, посмеивающихся помощников, — ужасно не любим, когда нас критируют за просчеты. От нас ждут работы по способностям. Мы способны и не на такое, будьте покойны, друг Генрих! А подробней основания для вашего ареста вам разъяснит директор института Павел Домье.

— В таком случае позвовите его! Я протестую против ареста!

— Он появится в институте утром. Вы сможете неплохо отдохнуть до его прихода.

Два новых сторожа ввели под руки еле передвигавшегося Прохорова. Истерзанный вид показывал, что захватить врасплох, как Генриха, следователя не удалось. Охранники заботливо подвели Прохорова ко второму дивану и помогли ему лечь.

Дженнисон поднялся:

— Теперь мы на время покинем вас. Не вздумайте выпрыгивать в окно. Пустой номер. Из этой комнаты не бегут.

— Разговаривать можно? — слабым голосом поинтересовался Прохоров.

— Разговоры записываются, — честно предостерег Дженнисон. — Конечно, если о погоде или комая девушка нравится...

Прохоров окатил его ненавидящим взглядом:

— Преступление, организованное по всем правилам науки!

Дженнисон пожал плечами:

— Я до сих пор думал, что преступники — те, кто нарушают запреты, лезут непрошеными на охраняемые территории, со взломом проникают в закрытые помещения... Впрочем, о философии преступления вам лучше поговорить с нашим директором, он хорошо разбирается в этом деле, как, впрочем, и во всех остальных.

Дженнисон с охранниками удалился. Генрих спросил Прохорова, что теперь надо делать. Следователь устало опустил веки.

— Я посплю. Итак, Домье примет нас утром? Что ж, хоть этого результата достигли. Без попытки насилиственно проникнуть в его загадочный институт он, конечно, нас бы не принял. Когда-то говорили в подобных случаях: не было бы счастья, да несчастье помогло.

4

О том, что наступило утро, Генрих узнал, когда в комнате появился Дженнисон.

Сторож приветствовал своих пленников легким взмахом руки.

— Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете, друг Генрих? — добродушно осведомился он.

— Я чувствую себя, как медведь, продергавшийся против вас не две, а три минуты, — проворчал Генрих.
— С такими, кажется, вы не церемонитесь.

— И мы будем жаловаться на вас, — строго добавил Прохоров. — Я потребую, чтобы вас наказали за возмутительное нападение.

— Я дам вам возможность пожаловаться, — бодро пообещал Дженнисон. — Я проведу вас к Домье. Директор ждет вас, друзья.

Когда они шли по коридору, Генрих старался побольше увидеть и запомнить, но делал это, не показывая чрезмерного внимания. Прохоров, не стесняясь, поворачивал голову вправо и влево, оглядывался, останавливался, чтобы лучше разглядеть. Разглядывать, впрочем, было нечего. Генрих плохо знал архитектуру старинных зданий, но впечатление, что они находятся в особняке, подтвердилось, он только отнес этот особняк к разряду гостиниц или общежитий — он вспомнил, что те здания точно строились по-особому и главным их признаком были длинные коридоры на каждом этаже и комнаты справа и слева.

Они как раз шли по такому коридору с комнатами справа и слева. «Особняк с коридорной системой, типа общаги, так их, кажется, называли», — окончательно определил для себя Генрих архитектуру здания. Он не очень силен был в древних терминах.

Около двери, ничем не выделявшейся среди других, Дженнисон остановился.

— Здесь. Прошу.

В глубине комнаты сидел за столом невысокий человек лет сорока. Он знаком показал вошедшем на кресла и кивнул Дженнисону:

— Вы свободны, Джеймс. Я доволен вами, отличная работа.

— Рад стараться! — гаркнул Дженнисон и прикрыл за собой дверь.

Домье обратился к пленникам:

— У меня к вам вопросов нет. С вами все ясно — пытались без разрешения проникнуть на охраняемую территорию, вас задержали. Но, вероятно, у вас имеются вопросы ко мне? Вероятно, вас интересует, почему наша территория охраняется? Почему мы вынуждены задержать вас? И какова будет ваша дальнейшая судьба? Я правильно сформулировал ваши вопросы?

Прохоров сухо сказал:

— Добавьте еще один: почему мы вообще должны были проникать к вам таким путем?

Домье высоко поднял брови.

— Вероятно, вам лучше известно, почему вы избрали такой способ.

— Нет! — сердито сказал Прохоров. — Почему мы воспользовались именно этим способом, нам ясно. Но почему мы были **должны** воспользоваться им? — Он подчеркнул голосом слово «должны». — Почему у нас не оказалось иного пути проникнуть к вам?

— Это все тот же вопрос: почему территория охраняется? — возразил Домье. — На все вопросы я дам исчерпывающий ответ. Но должен начать издалека — с работ, которые в нашем институте были поставлены ровно два года назад. Эти работы...

Следователь упрямо прервал его:

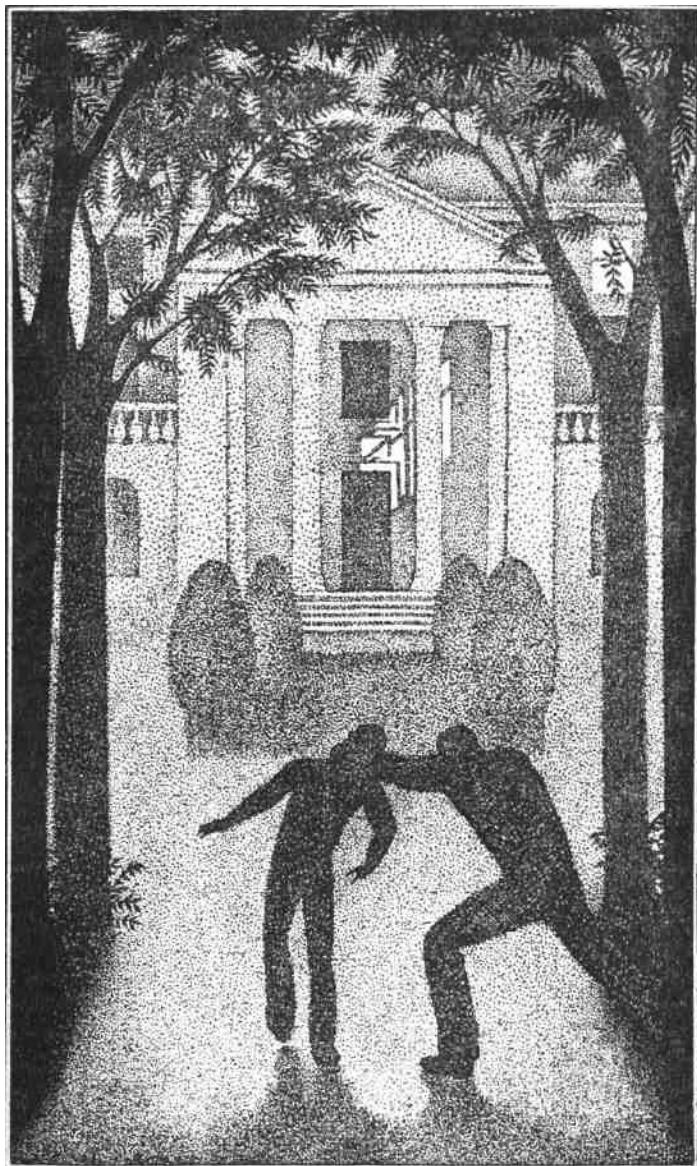
— Может быть, начнем с событий, более близких к нам, чем ваши позапрошлогодние работы? Снова формулирую основной вопрос: какие обстоятельства породили у нас нужду проникать тайно к вам?

— Сколько я понимаю, — учтиво сказал Домье, — вас интересует Джок Вагнер, астрозоолог с Марса?

— Совершенно верно! Этот человек пропал при загадочных обстоятельствах. Мы хотим знать, где он и что с ним произошло. И мы подозреваем, что если он не погиб, то находится где-то у вас! Вот на этот главный вопрос, пожалуйста,, и отвечайте.

Генрих, не вклиниваясь в перепалку между директором института и следователем, молча рассматривал Домье. Давно ему не приходилось встречать столь красочно-уродливого человека, именно такими словами Генрих охарактеризовал про себя внешность директора. Домье был из тех, кто в ширину захватывает больше пространства, чем в высоту. На тонких ногах — что они болезненно тощи, стало видно, когда Домье привстал, приветствуя вошедших, — массивно покосилось трапецеобразное туловище; ширине плеч директора мог позавидовать сам Дженнисон, хотя сторож был выше по крайней мере на полметра. А на гигантских плечах взметывалась крохотная лохматая голова с такими огромными глазами и таким исполинским, хищно изогнутым носом, что, казалось, голова состоит из этих трех частей: копны жестких седых волос, пронзительных, черно сияющих глаз и носа, похожего на небольшой хобот — кончик носа почти доходил до нижней губы.

Домье посмеивался, слушая раздраженные требования следователя. Смеялся он столь же удивительно — не раскрывающимся ртом, не суживающимися глазами, не расплывающимися щеками, как другие люди, а изменением блеска глаз и тем, что нос, вдруг становясь подвижным, начинал шевелиться. Улыбка и смех директора не порождали ответного веселья. «Когда он хохочет, собеседников, наверно, пронзает ужас», — с

Чьи-то могучие руки... с силой закрыли лицо и сдавили голову.

любопытством думал Генрих. Он любил своеобразие, даже если оно исчерпывалось одним безобразием. Директор ему нравился. От человека с такой незаурядной внешностью можно было ожидать необыкновенных поступков. Генрих вспомнил, что президент академии высоко ценит Домье. Альберт Боячек посредственности не жаловал.

— Нет ничего проще, чем удовлетворить ваше любопытство, — сказал Домье. — Вы не ошиблись, друг Александр... так, кажется, вас зовут? Джок у нас.

— Он здоров?

— Абсолютно. Никогда не был в таком отличном физическом состоянии.

— Как он попал к вам?

— Мы его похитили. Собственно, не мы, а я. Операция похищения Джока была поручена мне одному.

Следователь долго смотрел на Домье. Директор института спокойно вынес его взгляд. Кончик носа Домье шевелился. «Улыбается носом», — констатировал Генрих. Прохоров снова заговорил:

— Вы похитили Вагнера? Я не ослышался?

— Нет, не ослышались. Именно так мы и назвали операцию; насильтвенное похищение Джока.

— Лишнее словечко «насильтвенное», — тоном эксперта возразил Прохоров: — добровольных похищений не бывает. Но сама операция похищения — в двадцать пятом веке?

— Вы считаете, что в этом смысле наш двадцать пятый век хуже пятнадцатого, когда похищения были повседневностью? — язвительно поинтересовался Домье.

— Я считаю наш век лучше пятнадцатого! — Прохоров еще усилил свою гневную отповедь: — И потому для меня формула «похищение» — нелепость, анахронизм, дикая чушь.

— Тем не менее мы его похитили, — вежливо сказал директор. — К сожалению, только эта формула точно определяет совершившееся событие. Вероятно, мы просто не знали, что она считается анахронизмом и дикой чушью.

Мысли следователя пошли по иному направлению. Он явственно примирился с анахронической формулой.

— Вы сказали: «Мне поручили операцию похищения». Кто поручал вам операцию? Итак, ваше преступление является плодом коллективного замысла, хотя непосредственным исполнителем и были вы один. Я верно вас понял?

— Послушайте, друзья, — ласково сказал директор, — вы не ориентированы в сути проблемы, и поэтому все ваши вопросы — вокруг да около. Три четверти их — вообще излишни. Дайте мне наконец рассказать, что происходит у нас. Раз уж пропажа Джока породила волнение и раз уж вы применили типичные для древности методы проникновения в чужие дома, что я тоже считаю анахронизмом, если и не дикой чушью, то скрывать от вас, чем мы занимаемся и почему нам понадобился Джок, нет решительно никакого смысла.

Прохоров вопросительно посмотрел на Генриха. Генрих молча кивнул. Домье одобрительно улыбнулся Генриху — в своей манере: изменением блеска глаз и пошевеливанием кончика носа.

— Итак, наши позапрошлогодние работы, — лекторским тоном начал Домье. — Мы тогда решали астронавигационную задачу, связанную с прохождением звездолета около коллапсирующего светила... Впрочем, тематика той работы значения не имеет. Нас было тогда в лаборатории всего восемнадцать человек, в основном математики, и кого-то поразило, что когда мы сидим в старом здании, вот в этом самом, то расчеты идут быстрей, чем в новых корпусах Института космических проблем. Мы захотели проверить наблюдение. Оно подтвердилось при решении следующей задачи. Задача сводилась к разработке логики нелогичностей с математическим обоснованием возможности невозможного и достоверности невероятного. Как вы сами понимаете, проблема не из простых. И то, что она в старом здании шла легче, чем в новом, уже не могло не стать объектом нашего внимания. Мы поставили себе вопрос, и я ставлю тот же вопрос вам: чем помещения нового корпуса отличаются от наших здешних комнат?

Он смотрел на Генриха, и ему ответил Генрих:

— Я тоже работаю в Институте космических проблем. (Домье кивком подтвердил, что этот факт ему известен.) В наших помещениях предусмотрены все удобства для научного исследования. В частности, каждый кабинет и лаборатория экранированы, чтобы соседи друг другу не мешали ни шумом, ни излучением своих механизмов.

— Вот-вот — экранирование! — воскликнул Домье. — Вы уловили суть загадки, друг Генрих! Кабинеты Института космических проблем обеспечивают каждому полный покой — чересчур полный, как мы установили. Вы хорошо знаете, что существуют методы определения творческих способностей, вы сами проверялись этими методами и получали оценки. Но все это для индивидуальных исследований. А мы разработали метод определения творческих способностей коллектива, такие же точные, как и для индивидуума. И оценили наш коллективный творческий потенциал числом 9,4. Вам это что-нибудь говорит, друзья?

— Четвертая степень таланта большого, — со смесью уважения и удивления сказал Генрих. Ему еще не приходилось слышать, чтобы творческая способность, явление сугубо индивидуальное, рассматривалось в качестве свойства коллективного.

— Верно! Теперь заметьте две поразившие нас особенности. Первая такова. Среди нас имелось трое с индивидуальными оценками выше 9,4. В частности, ваш покорный слуга, как говорили в старину, оценен баллом 9,8. Но среднеарифметическая оценка коллектива — я имею в виду простое сложение наших творческих

баллов — давала лишь цифру 8,9. Иначе говоря, мы в целом вроде бы не должны были выходить за пределы высшей степени таланта простого, а мы вышли из простого таланта в талант большой.

— Очевидно, коллектив ваш подобрался так, что вы одухотворяете один другого, — заметил Генрих, все с большим интересом следивший за объяснением Домье.

— И мы так считали. И специальным экспериментом подтвердили эту гипотезу. Мы пригласили к себе известного... впрочем, называть его не буду, дело не в личности, а в явлении. Короче, этот ученый был оценен баллом 10,6 — гигантская величина, не правда ли?

— Шестая степень таланта уникального! На всей Земле имеется едва ли десяток ученых, характеризуемых такими баллами. Мне кажется, я догадываюсь, кто это.

— Не сомневаюсь, что он хорошо вам известен. Важно другое. С его приходом творческий потенциал нашего коллектива должен был, казалось бы, повыситься, а не понизиться, а он понизился. Теперь выше 9,1 мы не вытягивали. Человек этот был талант уникальный, о чем свидетельствует его балл, а нас он не зажигал, а тушил. Он подавлял нас. Он был вреден для коллектива. И когда мы избавились от него, отпустив в прежнее индивидуальное существование, наш творческий потенциал снова поднялся до 9,4.

— Не понимаю, зачем вы нам рассказываете все это! — воскликнул следователь. — Речь о Вагнере, которого вы насильственно...

— Именно о Вагнере! Все, что я говорю, имеет к Вагнеру самое непосредственное отношение. Итак, вторая поразившая нас особенность. Она вам уже известна: различие экранированного и неэкранированного корпусов. В новом здании наш творческий потенциал был 9,4, а в старом, вот в этом самом, но еще не перестроенном, 10,1. Мы становились здесь почему-то из таланта большого талантом уникальным. Здесь почему-то взаимное одухотворение делалось интенсивней. Мы объяснили это так. Не только наши беседы и споры, но и само наше соприсутствие увеличивает творческий потенциал. Мы воздействуем друг на друга нашими мозговыми излучениями. Мы составляем в целом единое умственное поле, каждый непроизвольно генерирует в него свои лучи. Мы экспериментально проверили и этот вывод. Мы, перестроив его, экранировали здание — не кабинеты, отгораживающие каждого сотрудника от других, а всех нас в целом — от остального мира. И что же? Творческий потенциал подскочил до 10,7.

— Приближение к гениальности! — заметил Генрих, усмехнувшись.

— Да, если принять, как обычно, что степени гениальности лежат между одиннадцатью и двенадцатью баллами. Еще мы открыли, что выпадение одного из работников во время разработки какой-либо проблемы — скажем, прогулка его в город, уход в отпуск — болезненно отзывается на величине творческого потенциала. Мы добровольно согласились на время работы над особо важными проблемами ввести для себя также и особый режим жизни.

— Перевели институт на казарменное положение? — насмешливо уточнил следователь.

— В словаре имелось древнее слово «казарма», мы воспользовались им. Думаем, впрочем, что придали ему иной смысл. У нас оно означает интенсивное духовное общение, не прерываемое внешними факторами. Защита от внешнего воздействия — посещений, встреч с другими людьми и прочего — становится для нас в период создания коллектива абсолютно необходимой. Это и вызвало тот режим, который характеризуется древним термином «система секретности». Кстати, могу порадовать вас, друг Александр: вскоре мы закончим создание полноценного творческого коллектива и откажемся от секретности. У нас, так сказать, пусковой период, он не может длиться долго. Смешно было бы засекречивать содержание наших научных работ, не правда ли? Сама по себе тематика наша открыта, как и во всех других институтах... Но я отвлекся от рассказа о подборе сотрудников. Продолжая самоисследование, мы установили, что наш творческий потенциал величина векториальная. Он был разным при решении разных проблем. Мы — почти гениальность при решении одной задачи, но лишь собрание способностей при переходе к другой. Мы вычислили для коллектива общую формулу творческого потенциала и назвали ее «матрицей гениальности». И вскоре обнаружили, что для решения любых проблем, если не хотим понижения творческого потенциала, нужно выводить из коллектива те или иные умы и вводить новые. И ум, порождающий в одном случае особую остроту коллективной мысли, то есть гениальность, в случае другом искусственно отупляет коллектив, как я вам показал на примере того знаменитого ученого, фамилию которого не называю. У нас имеется один сотрудник. Он доводит свою группу до инженерной гениальности, но стимулирует у нее в целом поэтическую бездарность. Матрица гениальности требовала частой перестановки членов при перемена изучаемых задач.

— Вот мы и переходим к бедному Джоку, — заметил Генрих. — Он, сколько понимаю, оказался полезным членом для вашей матрицы?

— Еще несколько слов, перед тем как займемся Джоком Вагнером. Мы обследовали многих ученых на предмет их пригодности для нашего коллектива. Разумеется, обследование шло негласно, результаты, если они неудачны, способны ударить по самолюбию... Необходимость щадить спокойствие талантливых ученых тоже явила одной из причин, почему мы выхлопотали для себя «особую секретность». Между прочим, среди проверенных были и вы с братом, друг Генрих. Не краснайте, мы вас не попросили к себе не потому, что вы понижали наш потенциал. Просто вы с братом и своими сотрудниками составляете такое гармоничное целое, что прибыль от перевода вас к нам не покрывала ущерба от развала ваших собственных работ. Сам Боячек рекомендовал мне обследовать вас и брата и утвердил наш вывод, что вас можно оставить в покое.

— Я очень рад, что он утвердил такой вывод, — с облегчением сказал Генрих. — Мне, знаете ли, почему-то совсем не улыбается перспектива дополнять кого-то до гениальности.

— Не кого-то, а также и себя как члена коллектива, ставшего гениальным. Теперь о Джоке. Мы натолкнулись на Джока случайно. У нас в лаборатории имеется прибор, суммирующий отдельные мозговые излучения и рассчитывающий степень их совместимости с коллективными. Прибор показал гигантскую пригодность Джока для нас и нас для Джока. Мы, так сказать, созданы друг для друга. Но убедить в этом Джока мы не сумели. Он был, наоборот, убежден, что создан для астрозоологии. Он объявил нам, что мечтал о Марсе с детства и не собирается менять милые марсианские пустыни на осточертевшие ему земные сады. Он послал нас к дьяволу и пригрозил размозжить голову каждому, кто станет уверять, что его голова годится еще на что-нибудь, кроме наблюдения за хлевами марсианских свиней. Вы знаете Джока и можете вообразить себе, какие он подбирал выражения.

— И тогда вы решили похитить Вагнера? — деловито осведомился следователь.

— Что нам оставалось делать? Он улетал на Марс. Это была последняя возможность приобщить его к коллективу. Боюсь, вы неясно представляете себе, чем дорог для нас Джок Вагнер. Он весь как бы струя внимания к неизвестному. Там, где для других — тусклый шум неопределенностей, для него — арена остро звучащих загадок. Шум обычно усиливает пытливость, у Джока же обостряет ее. Введение его творческих способностей в нашу коллективную матрицу повысило наш потенциал до 11,3. Сам он, как вы, вероятно, знаете, выше 8,9 никогда не поднимался. Как член нашего коллектива он почти равновелик Ньютону, вот что мы, в свою очередь, значим для него.

— Это не оправдание. Он сам, добровольным решением, должен присоединиться к вам. Никакая софистика не может оправдать такое возмутительное самоуправство, когда свободного человека схватывают, возможно, и связывают, отрывают от близких и друзей, насилием и навсегда переводят на какое-то выдуманное казарменное положение.

— Не навсегда, друг Прохоров, отнюдь не навсегда. На определенный, точно оговоренный срок, достаточный для его самопроверки.

— Когда кончится оговоренный срок? Мы хотим увидеть похищенного Джока Вагнера.

— Срок его самопроверки уже кончился. — Домье вскочил. — Идите за мной. Вы будете разговаривать с самим Джоком.

5

Домье так проворно уносил на тонких ногах свое массивное тело, что следователь и Генрих отстали. У одной из дверей Домье подождал их, затем пригласил внутрь.

В комнате, заставленной аппаратами, сидел Джок Вагнер.

Он вскочил при виде вошедших, шагнул к Генриху, восторженно обнял его.

— Я знал, что ты придешь вызволять меня! — воскликнул он с благодарностью. — Только вы с братом могли!.. Тебе сообщил Риччи о моем исчезновении?

Домье сидел в сторонке и со странной своей улыбкой — оживленно пошевеливая носом — наблюдал за встречей друзей. Прохоров церемонно протянул руку Вагнеру:

— Следователь экспедиционного отдела Управления космоса Александр Платон Прохоров. Можете звать меня просто Александром, Джок. Дело о вашем похищении веду я, поскольку Марс в компетенции моего отдела. У нас только что был весьма тяжелый разговор с директором Института специальных проблем другом Павлом...

Джок нетерпеливым жестом прервал следователя:

— Ваша беседа транслировалась во все лаборатории. Можете представить себе, как сотрудники в других комнатах надрывали животики от смеха. Они сплошь негодяи, им дай только повод для смеха!

— Рад, что вижу тебя в добром здравии и хорошем настроении, Джок, — сердечно сказал Генрих.

Следователь проговорил с предостерегающей холодностью:

— Могу ли я толковать ваше высказывание, что сотрудники института — все сплошь негодяи, в том смысле...

— Да, именно в том! Отличнейшие ребята. Генрих, я был такой идиот, что отказывался от работы в институте! Теперь я отсюда никогда не уйду. Такие проблемы, такие поиски! Как жаль, что ты не подошел при тайном обследовании, ты был бы так обрадован, если бы переместился к нам... Куда там обрадован — самым нахальным образом счастлив! А Риччи я передам, чтобы он со своим Марсом убирался ко всем чертям! Ко всем чертям!

— Негодяи — и отличнейшие ребята! — Прохоров пожал плечами. — Своебразный способ доносить до других правдивую информацию.

— Она в характере Джока, — весело возразил Домье. — Зато к тем, кого недолюбливает, он относится с изысканной вежливостью. Можно ли считать наши разногласия исчерпанными, друг Александр?

— Если не возражаете, я сделаю официальную запись, мы скрепим ее нашими голосами и поставим точку на деле о похищении астрозоолога Джока Вагнера.

Джок вдруг схватил следователя за руку и объявил, охваченный внезапным вдохновением:

— Павел, нужно испытать Александра! Вы не смотрите, что он держится дурачком, я угадываю в нем такого умничу!.. И потом, нам нужен железный тормоз против сумятицы, эдакий ледяной пресекатель пустого взлета! Короче, мыслитель с горячим внутренним накалом педантизма. Столько хаоса в наших озарениях! Ставлю свою голову против кочана капусты, что Сашка именно тот, кого нам сегодня не хватает.

Домье вопросительно посмотрел на следователя. Тот сказал, колеблясь:

— Если я и вправду окажусь полезным... Работа следователя, по-честному, мне приелась, такая все однооб-разица!.. В общем, пожалуйста, я согласен обследоваться!

СВЕРХЦЕНТР БЕССМЕРТИЯ

1

— Я пригласил тебя, Генрих, чтобы ты спас меня от ужасной опасности! — так Франц начал то, что за минуту перед тем называл «это будет моей исповедью». — На мою жизнь замышляется покушение.

— Ты лежи, лежи спокойно, — ласково сказал Генрих. — Ты слишком ворочаешься. Я медик плохой, но, мне кажется, так размахивать руками вредно.

— Ах, мне все сейчас вредно! — простонал Франц. — Ты и представить не можешь, до чего сузился спектр возможностей моего существования. Тонкий желобок жизненных допустимостей, тонкий желобок! И шаг в сторону, маленькое отклонение от желобка — неотвратимая гибель. Опусти, пожалуйста, штору — на улице светит солнце, для меня это опасно.

— Да, трудно тебе стало, Франци, — с сочувствием проговорил Генрих, возвращаясь от окна к постели больного. — Что, кстати, врачи говорят о твоей болезни?

— Они ничего не говорят. Они разводят руками. Самому гениальному из них и в голову не может прийти, чем я болен. Только я один знаю свою болезнь, потому что сам сотворил ее. И она даже не болезнь, если по-серьезному... Ох, Генрих, пожалуйста, немного приоткрой штору, этот полумрак так убийствен!.. Не сильно, не сильно... вот так, спасибо. Я ничего от тебя не скрою, будет настоящая исповедь. Дело в том, Генрих, что я захворал бессмертием. Ты понимаешь? Моя болезнь — бессмертие!

— Ты все-таки не отчайтайся, — осторожно сказал Генрих и легоночко поправил сползшее одеяло. — Теперь научилисьправляться и не с такими заболеваниями. Сама смерть отступает перед современными лекарствами и оздоровительными приемами, что же там толковать о бессмертии. Уверяю тебя, через месяц ты будешь здоров, как тяжеловес, вырывающий на штанге рекорд.

— Пожалуйста, не говори так быстро, Генрих. У меня молоты бьют в мозгу, когда я слышу торопливую речь. И медленно тоже не надо, это еще хуже. Ах, Генрих, мне так трудно стало разговаривать с людьми! Только с тобой я еще могу, ты мой старый, мой добрый друг, тебе одному я способен довериться. И только ты можешь спасти меня.

Генрих хотел было сказать, что постарается спасти от любой опасности, даже от бессмертия, но вовремя сообразил, что больной может не понять шутки. Он молча еще раз поправил одеяло.

Франц болезненно покривился. Вероятно, и молчать надо было как-то по-особому, но Генрих побоялся расспрашивать.

— Итак, ты теперь знаешь, что я хвораю бессмертием, — продолжал больной. — О, это сладостная болезнь, но такая беспокойная, такая беспокойная! Так мало возможностей жизни оставляет бессмертие, если бы ты знал! И если бы я это раньше знал! Возможно, я никогда бы не начал работ, создавших у меня бессмертие, представь я себе заранее, что оно несет с собой. И не давал бы Лоренцо углублять его исследования, вместо того чтобы подзадоривать его, как делал все эти три года с такой губительной неосторожностью... Нет, все равно бы продолжал исследования! Ах, мне так трудно говорить, Генрих!

Он в изнеможении замолчал. Генрих, стараясь не беспокоить пристальным взглядом, украдкой рассматривал *его*. Они с Францем не виделись два года. Франц и раньше не отличался ни железным здоровьем, ни физической силой, ни особенной общительностью; худенький, замедленный в движениях, застенчивый человек — таким он был в школе, таким оставался в университете, таким являлся перед студентами и сотрудниками, когда приобрел известность как крупнейший исследователь жизнедеятельности нервных клеток. О нем шутили в дружеском кругу: «Франц потому и занимается синтезом жизни, что ему самому природой отпущено мало жизни».

За те два года, что Генрих не встречался с ним, Франц прямо-таки зловеще переменился. Если бы кому-нибудь понадобилось продемонстрировать человека, вконец измученного болезнью, Франц отлично бы подошел. Его природная худоба превратилась в ужасающую костлявость, неизменная бледноватость стала мертвенно

бледностью, а щеки и лоб так сжались, что как-то и не воспринимались при первом взгляде. Когда больной поворачивался на бок, голова топориком-профилем выставлялась перед грудью. Но болезненно блестящие глаза глядели разумно, это Генрих отметил сразу и с некоторым недоумением: умный взгляд мало вязался с путаной речью.

Франц догадался, с каким чувством Генрих поглядывает на него, и постарался, чтобы слабо наметившаяся на губах улыбка выглядела насмешливой. Он прошептал:

— Да, конечно... Я упустил из виду, что тебе слова мои кажутся бредом. Через несколько минут ты убедишься, что такое впечатление ошибочно. Дай мне немного собраться с силами.

— Может быть, лучше поговорить потом? — Генрих придал голосу тон беззаботного равнодушия. — И вправду, Франци, ты немного оправишься, подкрепишься... Нам не к спеху.

Больной покачал головой:

— Мне к спеху. И я просил тебя не говорить так быстро. Это ужасно, как ты выбрасываешь слово за словом! — Он страдальчески прикрыл веками глаза, снова раскрыл их, сказал с упреком: — Не хочешь понять, Генрих... или не веришь. От бессмертия не оправляются, от бессмертия не выздоравливают. Пойми наконец! Бессмертия можно только лишиться — и лишь с жизнью, лишь с жизнью! Бессмертие и жизнь во мне неразрывны, Генрих, вот где источник ополчившихся на меня несчастий. Очень прошу тебя, выслушай меня со всем вниманием.

— Я слушаю тебя со всем вниманием, — покорно повторил Генрих.

Франц в университете, несмотря на свою болезненность, числился в десятке лучших профессоров. У него был прирожденный лекторский дар. Не прошло и минуты, как бессвязная речь превратилась в аргументированную лекцию. Генрих вскоре поймал себя на том, что слушает с интересом. Он намеревался усердно показывать внимание, чтобы не волновать обидчивого друга. Усилить не понадобилось, внимание пришло само. Если Франц серьезно задумал исповедоваться, то он позаботился облечь свою исповедь в добрые логические одежды. Будь рядом доска, он чертил бы на ней схемы. Но доски не было, это одновременно сковывало больного.

Все началось с того, что года три назад Франца Мра-винского посетил Лоренцо Нгага, уроженец Южной Африки, блестящий знаток и исследователь хромосом. Он приехал в Столицу докладывать о своих работах по физике клеточного деления. Франц запальчиво поспорил с Лоренцо, вспыльчивый Лоренцо назвал Франца завершенным образцом научного идиота. Франц презрительно бросил ему бездarya. Обмен оценками, разумеется, происходил не в зале, а в лаборатории Франца, куда Лоренцо вернулся перед официальным диспутом. Выговарившись в лаборатории, оба вели себя на диспуте со взаимной яростной вежливостью. Они так словесно расшаркивались один перед другим, что на них поглядывали с недоумением. После диспута Лоренцо снова явился к Францу.

— Вы обскурант, друг Мравинский, — сказал Лоренцо с почти дружеской откровенностью. — Из-за того, что вы не понимаете физических явлений, происходящих при делении хромосом, вы отрицаете их значимость вообще. Разве это достойно настоящего экспериментатора?

— А вы, друг Лоренцо, открыв малозначительную зависимость деления хромосом от магнитных полей, гиперболизируете ее, — отпарировал Франц. — Вы похожи на человека, изучившего свечение лампочки, но забывшего, что имеется рука, включающая и выключающая лампочку. Я уже объяснил вам, что не встречал столь совершенного пnia, как вы. Надеюсь, вы не заставите меня повторяться?

— Я открыл способ сделать клетку бессмертной! — настаивал Лоренцо. — Почему вы так страстно нападаете на меня, Франц?

— Кому нужна ваша бессмертная клетка, если умирает управляющий ею мозг? Она бессмертна лишь в колбе, но не в теле.

— По-вашему, нельзя заставить мозг так управлять делением собственных клеток, как управляет изобретенный мной прибор?

— Для этого нужно создать в мозгу наряду со множеством центров, заведующих функциями организма, еще один центр, специально ответственный за абсолютную регенерацию всех тканей. Некий сверхцентр, обеспечивающий бессмертие. Когда-нибудь, возможно, его создадут — и тогда человек обретет вечность. Но пока никакого сверхцентра в мозгу нет.

— Послушайте, Франц, а почему бы нам не вырастить такой сверхцентр? — вдруг предложил Лоренцо. — В мире не существует человека, так блестяще разбирающегося в физиологии мозга, как вы. Надеюсь, вы не будете отрицать, что сегодня ни один не сравнится со мной в понимании процессов клеточного деления? Давайте объединим усилия!

— Мы еще немного поспорили, — вспоминал Франц с неожиданной нежностью, на миг преобразившей его измученное лицо, — и кончилось тем, что Лоренцо перевел свою африканскую лабораторию в Столицу. Теперь я должен сказать о самом Лоренцо, чтобы ты понял последующую трагедию. Я не буду говорить о нем как ученом. Он гениален... был гениален, так точней. Равных ему по творческой силе интеллекта я просто не знал. Я уж не говорю о том, чтобы кто-то мог превзойти его. Но он был гениален не только в своей специфической области, нет, он был уникально, сверхвозможно одарен способностями вообще, разнонаправленными способностями, он лишь сконцентрировал их в одной области, лишь нацелил их на одно направление. С таким же успехом он мог бы стать величайшим математиком, или астрономом, или историком,

или лингвистом. Но он пожелал стать биологом, таков один из важнейших фактов всей истории человечества, и это уже не переделать.

— Мы, кажется, немного отвлеклись, Франци, — мягко заметил Генрих. — Может, все-таки...

Франц нетерпеливым жестом остановил Генриха. Он и не думает отвлекаться. Ему видней, о чем говорить, пусть Генрих помолчит. Нет, не надо так вызывающе молчать, Генрих слишком сжимает губы, это ужасно раздражает! Итак, о Лоренцо. Лоренцо разместил свою лабораторию неподалеку. Он часто забегал к Францу, они столько разговаривали и так захватывали все области знания, все уголки жизни, просто удивительно, как этого человека, Лоренцо Нгага, буквально на все хватало. А на дружную работу его не хватило. Он оказался неспособным сотрудничать, он мог только руководить. Он изрекал, а не доказывал. Вскоре стало ясно, что совместные исследования не пойдут, дело шло кссоре. Ссора, возможно, и не произошла бы, если бы исследование уперлось в тупик. Но успех обозначился сразу — и такой огромный, такой ошеломляющий успех, что голова кружилась. Успеха Лоренцо не вынес. Есть много людей, которые терпеливо сносят неудачи, но мало, очень мало таких, что выдерживают торжество. Природа не снабдила Лоренцо тормозным устройством, обеспечивающим ясность мысли при крупном успехе.

— Вы, стало быть, открыли в мозгу сверхцентр бессмертия? — с удивлением спросил Генрих. Понемногу, захваченный странным рассказом, он позабыл, что обещал хранить молчание.

Нет, сверхцентра бессмертия они не открыли. Нельзя открыть то, что реально не существует. Они изобрели, а не открыли сверхцентр, они сотворили его. В человеческом мозгу сконцентрировано пятнадцать миллиардов клеток, сколько-нибудь активна из них лишь тысячная часть, остальные — резервные. И без особого труда удалось изъять из резерва сто миллионов незагруженных клеток и поручить им новую функцию — функцию обеспечения бессмертия в организме.

Выделением этих клеток занимался Франц — структуру мозга он изучил гораздо глубже, чем Лоренцо. А переконструирование отобранных клеток на новую функцию взял на себя Лоренцо — этот человек орудовал внутри клеток лучше, чем садовник на грядке, тут ничего не скажешь.

Вначале они оперировали с бабочками и мухами, потом с кроликами и курами. И каждый раз, без единого исключения, все удавалось. И у Лоренцо и у Франца в лаборатории имеются мухи, пережившие своих праправнуров, столь же старые куры; те, возможно, переживут весь свой род, такие в них вконструированы возможности.

И тогда встал на очередь вопрос о сотворении в человеческом мозгу сверхцентра бессмертия.

— Ты согласился поставить эксперимент на себе, так? — высказал догадку Генрих. — Ты разрешил Лоренцо поэкспериментировать с тобой?

Нет, все было по-иному. Оба решили одновременно стать объектами эксперимента. И каждый переконструировал себя сам, не прибегая к помощи другого. На этом настаивал Лоренцо. Франц согласился, ибо исследование так продвинулось, что они, не вскрывая черепной коробки, могли самостоятельно прооперировать свой мозг. Ох, пусть Генрих не делает удивленного лица, нет ничего столь раздражающего, как неумеренное удивление вместо внимания! И пусть он задернет штору, ужасно, как светит солнце в саду! Сюда оно не проникает, но одна мысль, что там оно такое яркое, может свести с ума. Техника самооперации в мозгу слишком сложна, он не может на ней остановиться, он сделает это завтра, на сессии Академии наук, Генриху надо набраться терпения. И не в ней суть, в операции, а суть в том, что операций не одна, а две, и одна из них, рациональная и дальновидная, полностью разработана Францем, а вторая, искаженная, уродливая, содержит усовершенствования Лоренцо — он именно так, усовершенствованием провозглашает свое чудовищное творение.

— Иначе говоря, его операция в мозгу неудачна, то есть не создает сверхцентра бессмертия? — деловито уточнил Генрих.

Лицо Франца перекосилось от возмущения. До чего примитивны иные люди, даже считающиеся разумными! Операция, разработанная Лоренцо, неудачна, — конечно, именно поэтому Франц и не принял ее, — но о том, что она не творит сверхцентра в мозгу, не может быть и речи; так же просто и надежно творит, как и первая операция. Но только какое обеспечивает бессмертие, вот о чем спор!

— Генрих, прошу тебя, не взмахивай руками, это так ужасно, когда ни с того ни с сего размахивают руками! И не егози в кресле, неужто нельзя сидеть безмятежно, я же лежу спокойно, не вскакиваю, не действую другим на нервы своей суетливостью, почему же мои друзья не могут вести себя так же невозмутимо?

— Прости, жест вырвался случайно. Итак, две операции, создающие сверхцентры? И соответственно два разных типа бессмертия?

Да, да, наконец-то Генрих разобрался! Два сверхцентра и два типа бессмертного существования — и настолько разные, что даже мысленно их не соединить! Еще при работе с мухами они обнаружили, что существует не один, а два способа консервирования жизни. И каждый из этих способов создания бессмертия приводил к быстрой гибели подопытного организма.

В этом месте Генрих снова не удержался от жеста удивления. Бессмертие приводит к гибели? Как понять такой парадокс? Франц не видел никакого парадокса. Бессмертие осуществляется, но порождает свои особые требования к внешней среде. В одном случае сильно сужается область внешних условий, при которых бессмертие, так сказать, действительно. И смертная жизнь не функционирует при высоких и низких температурах, больших давлениях и в вакууме, в сильных электрических и гравитационных полях, при полной недвижимости,

при огромной скорости... Бессмертное существование еще придиличней к внешним условиям. Бессмертие осуществляется лишь в безмерно суженном спектре жизненных условий.

— Взгляни на меня, — потребовал Франц. — Вдумайся в меня, Генрих! Я ныне в принципе бессмертен. Я могу существовать, не меняясь, тысячелетия, десятки тысяч лет. Этого я достиг. Но бессмертие мое реально лишь тогда, когда температура воздуха не больше чем на два градуса отличается от двадцати, давление не падает и не поднимается больше чем на два процента, никто меня не толкает, не заставляет бегать, не ослепляет чрезмерным светом, не терзает темнотой... Ох, как много «если» требуется для жизнедеятельности бессмертного организма! Мне требуются особые условия, но если их обеспечить, я буду жить вечно. И это главное — я буду жить вечно!

— Живым экспонатом бессмертного организма, существующего лишь в тепличной обстановке! — не удержался Генрих, потрясенный. — Как это ужасно!

Замечание его произвело на Франца меньшее впечатление, чем мог ожидать Генрих. Франц усмехнулся. Улыбка казалась неумело нарисованной гримасой, не вязавшейся с истерзанным лицом. Он остановился на этом возражении. Что значат формулы «тепличные условия», «искусственный мир»? Вся история человечества сводится к созданию в естественном мире своего, искусственного мирка, внедрению в быт тепличной обстановки. Огонь, дар Прометея, одежда, дома, скафандры, корабли — разве все это не обеспечивает нам условий, не существующих в натуральном мире? А наши книги, музыка, стихи, танцы, картины, фильмы? Ведь это же искусственно созданный мир, и без него, вне него мы давно жить не можем! Кто осмелится утверждать, что в природе, самой по себе, существуют симфонии Бетховена, драмы Шекспира, стихи Пушкина? Нет, подбери возражение убедительней, это слабовато, Генрих! Я лишь продолжаю тенденцию создания искусственного мирка, характерную для всего человечества. Да, правда, я довожу до высокой остроты, до пронзительной узости спектр жизнеобеспечивающих условий, но зато дарю людям бессмертие! Что труднее — обеспечивать постоянство температуры в жилом помещении или сделать существование вечным? И что важнее? На иных планетах люди никогда не снимают с себя скафандров, но зато они на других, пусть неудобных для жилья планетах, а не на своей прamatери Земле, такой удобной и такой недостаточной. Непросто, непросто бессмертному среди смертных людей! Он всегда должен быть в каком-то скафандре, в коконе специально подобранных жизненных условий. Но зато он бессмертен! Но зато он бессмертен!

Франц закончил страстную тираду ликующим возгласом. Генрих некоторое время молчал, затем сказал:

— Кажется, понимаю. Бессмертие в узком желобке жизнеобеспечивающих условий. А что сделал Лоренцо?

Лицо Франца страдальчески искривилось. Генриху показалось, что друг разрыдался. Лоренцо восстал против сужения спектра условий, обеспечивающих жизнедеятельность. Он, как и Генрих, обругал полученное в экспериментах над курами существование тепличным. Он потребовал расширения, а не сужения возможностей. Он хотел просторного, как саванна, беспредельного, как море, существования, узенькие желобки его не устраивали. И он добился своего, глупец! Две недели назад он просидел на обрыве Эtnы три часа, вдыхая сернистые испарения вулкана, и даже насморка не схватил. А перед тем подверг себя месячной голодовке, неделю не уголял жажды — и все ему как с гуся вода. Он и не такое делал! Он размозжил камнем палец на левой руке — через час рана затянулась, через день палец полностью зажил. Он хвастает, что может вынуть глаз и обратно вставить его — и глаз будет видеть. А если не вставит глаза, то вскоре вырастет новый! Правда, такого эксперимента он на себе еще не ставил, но на курах они удались, отрицать это невозможно.

— Но ведь это великолепно! — не удержался Генрих от восторженного восклицания.

Франц смотрел на него с безмерной скорбью. Вот оно. суждение невежды, — великолепно! Что великолепно? Какой ценой достигается великолепие? Может быть, стоимость так чудовищно велика, что перекрывает все мелкие выгоды? Не приводят ли крохотные приобретения жизнеустойчивости к потерям иного рода, гораздо более важным? И если подойти с этой стороны, то не окажется ли жизненеустойчивое бессмертие Франца выше, неизмеримо выше тупого всесуществования Лоренцо? Дело в том, что он добился своих на поверхности взгляда столь поразительных успехов ценой прогрессирующего разжижения интеллекта!

Да, да, события поворачиваются именно такой драмой, продолжал Франц, выдержав минуту, чтобы до Генриха дошло значение его слов. Лоренцо — великий мастер операций над клеткой, но плохо разбирается в общей структуре мозга. До него не доходит высшая гармония, подчиняющая себе это величественное соединение в одно целое пятнадцати миллиардов клеток. Мозг для Лоренцо не более чем одна из тканей организма, орган, равнозначный десяткам других. И, безмерно укрепляя центры мозга, ведающие защитой организма, он одновременно ослаблял интеллектуальное поле. Он нарушил равновесие в том самом, что составляет высшую функцию мозга: его способность порождать мысль. Бессмертный идиот — вот венец творения Лоренцо. Нечто всюду существующее, всеядное, всеустойчивое, но лишенное разума!

— Ты тоже не остановился перед нарушением жизненного равновесия, — деликатно заметил Генрих. — Очевидно, без нарушения возможностей существования не обойтись при создании бессмертия. Ты только выбрал иной путь жизненной диспропорции, если можно так выразиться.

Да, так выразиться можно! Иной тип жизненной диспропорции, совершенно правильно! У Франца в лаборатории под стеклянным колпаком, в условиях, которые иначе чем тепличными не назвать, проживае бессмертный петух Кешка. Кешка будет жить тысячелетия, если хоть на часок не выйдут из строя калориферы, кондиционеры и пекарни, поставляющие белый хлеб. Зато интеллект Кешки пронзительно остор. Он уже сегодня

свободно ориентируется в четырех действиях арифметики, отлично вычитает и множит и с особым наслаждением, прямо-таки плотским наслаждением, делит. Деление — хобби бессмертного петуха Кешки. В программу обучения, составленную для Кешки, вставлены теория многоугольников, логарифмы и бином Ньютона, но это дело будущего. Лет через сто петух Кешка станет выдающимся математиком, до которого будет далеко прославленным Декартам, Гауссам и Нгоро. Так обостряет интеллект бессмертность, создаваемая по методу сужения спектра жизнеобеспечивающих условий.

— Я предвидел, что ты мне не поверишь, Генрих, — говорил Франц, все более возбуждаясь. — И я придумал эксперимент, который сможет тебя убедить. Дело в том, что не только у петуха Кешки, но и у самого себя я безмерно обострил умственные способности. Ты отлично знаешь, что математику я не терпел.

— Мало занимался ею — скажем так.

— Будем говорить точно — ненавидел. А ненавидел потому, что не имел к ней способностей. И вот, готовясь к разговору с тобой, я просмотрел твой с Роем отчет о вашей последней работе. Вы под руководством академика Томсона разрабатываете аккумулятор гравитационной энергии, так? У вас решена проблема концентрации тяготеющего поля, но вы не можете найти способы постепенного, а не взрывного высвобождения ее, правильно? Постепенно раскрывающийся кран из гравитационного бассейна — вот что вам нужно найти, по вашим словам. Читая вашу статью, я мигом нашел решение. Запиши его. Пиши, пиши.

Чтобы не спорить с больным, Генрих послушно достал записную книжку.

— Я высокого мнения о тебе и твоем интеллекте, — сказал Франц, когда Генрих рассматривая сделанную запись, — но все же он у тебя не таков, чтобы ты сразу разобрался в моем решении. Потрудишь над ним мозги позже. Дай мне отдохнуть, я устал. И раскрой немного шторы, солнце наконец ушло в тучи. Я чувствую себя хорошо только в первые минуты после заката, это так непривычно, Генрих. Посиди и помолчи, пожалуйста.

Франц закрыл глаза и минуты три лежал не шевелясь. Генрих без шума раздвинул шторы, на цыпочках возвратился в кресло. Только теперь он разглядел, что комната, в которой лежал Франц, была овальная, без острых граней и углов: полы переходили в стены плавными изгибами, такими же изгибами со стенами смыкался потолок, а перехода от стены к стене вообще нельзя было заметить, настолько они были мягко вычерченны. Мебель соответствовала комнате — округлая, зализанная, вся на мягких кривых линиях. Франц, несомненно, не выносил теперь никакой прямолинейности. В рассуждениях его, впрочем, особой округлости нет, с удивлением подумал Генрих, в мыслях он разрешает себе резкость, ставшую ему отвратительной в вещах.

— Ты не забыл, для чего я пригласил тебя? — спросил Франц, открывая глаза.

— Нет, конечно, — поспешил сказать Генрих. — На твоё существование замышляется покушение, и ты просишь спасти тебя. Догадываюсь, что опасность исходит от Лоренцо.

Франц слабо кивнул. В неярком свете, лившемся от единственного окна в комнате, сходство профиля Франца с топориком, установленным на шее, сделалось сильней. Франц еще не все тайны раскрыл, он переходит к последней. Расхождение методов творения бессмертия не исчезает проблемами устойчивости телесного бытия и остроты интеллекта. Расхождение трагически шагнуло дальше. Бессмертные по методу Франца физически несовместимы с бессмертными по методу Лоренцо. Верней, не физически, а химически. Структура их клеток претерпела такие удивительные изменения, что при соприкосновении они вступают в бурные реакции, как натрий с водой или порох с огнем.

— Это кажется невероятным, но это так, — с волнением продолжал Франц. — Впервые это стало ясным, когда Лоренцо захотелось получить потомство от своего бессмертного петуха Васьки при сочетании его браком с бессмертной курочкой Катенькой, выведенной Францем. Васька был дикарь, горлопан и забияка, Катенька — тоненькая, нежная бессмертница (такой у них в лаборатории прижился термин для выведенных насекомых и птиц: «бессмертник» и «бессмертница»). Васька, только его впустили в прозрачный баллон, где хранила свое бессмертие Катенька, ринулся прямо к ней и мигом вскочил ей на спину. Раздался взрыв, взвился столб пламени, баллон разлетелся вдребезги, а на Франца с Лоренцо просыпалось облачко горячей пыли — ничего другого не осталось от испепеленной бессмертной пары.

— Ты уверен, Франц, что нет других причин, объясняющих взаимное сожжение твоих бессмертников?

— Абсолютно! Лоренцо с его слабеющим интеллектом не способен понять эту трагическую истину, но для меня она очевидна. Я бы подтвердил ее новыми опытами, взяв для этого еще одного-двух бессмертников у Лоренцо, но, скажу откровенно, я боюсь прикоснуться к ним.

— И надо бояться, если вы химически несовместимы, благодаря... благодаря...

— Благодаря разной структуре нашей бессмертности. Теперь я могу наконец сформулировать свою просьбу. Завтра я выступаю на сессии Академии науки докладом о наших работах. После меня докладывает Лоренцо — если он сумеет: говорю тебе, интеллект его с каждым днем дегенерирует. Он, дубина, не понимает, насколько опасно для него самого прикасновение ко мне. Я ужасно боюсь, что он полезет здороваться руками или похлопает по плечу, он страшно любит такие вульгарные жесты. Охрани меня от него, Генрих! Не позволяй касаться меня! Оттесни, если он станет приближаться ко мне. Сможешь это сделать?

— О, несомненно! — сказал Генрих. — Можешь быть уверенным, Франци, я раньше всех завтра приду в академию и постараюсь тебя защитить от Лоренцо.

— «Постараюсь»... Не надо такого слова! Оно угловатое, такие резкие грани... Просто защити, Генрих! Так круглей...

— Я с самого начала был уверен, что Франц не в своем уме, — задумчиво сказал Рой. — Между прочим, все, кто общался с ним в последнее время, замечали прогрессирующую ненормальность. О Лоренцо Нгага и говорить не приходится. Мне охарактеризовали его как сумасбродка и грубияна, не лишенного некоторого таланта экспериментатора, но и не больше. Таким образом, расспросы подтвердили первоначальное впечатление. Но, видишь ли, имеется одно смущающее меня обстоятельство.

— Оно связано с решением гравитационной загадки?

— Да, Генрих. Я показал Томсону формулу «гравитационного крана», принесенную тобой от Франца. Томсон ошеломлен. Именно так он охарактеризовал свое состояние.

— Иван очень увлекающийся человек.

— Но преувеличения его не превосходят определенных границ. Он назвал решение Франца гениальным. Он считает, что нам с тобой нужно немедленно поискать конструктивное оформление идеи Франца. Согласись, такое отношение многозначительно.

— Ты будешь завтра на сессии?

— Я опаздываю к открытию. Но доклада Франца не пропущу.

Генрих пришел даже раньше, чем обещал. Приглашенных было мало. Он прогуливался по залу Истории цивилизации, это был его любимый зал, наполненный статуями и картинами. Генрих словно бы здоровался со всеми этими знаменитыми людьми, реально существовавшими и вымечтанными так рельефно, что они стали реальней множества существовавших. В уголке великих путешественников он постоял перед статуями Одиссея, Колумба и Дон-Кихота. Колумб властно показывал вдаль, Одиссей с испугом и радостью озирался, он словно бы увидел что восхитительное и страшное, Дон-Кихот дружественно протягивал освобожденную от железной перчатки руку. Обычай требовал, чтобы посетители пожали руку благородного рыцаря, Генрих всегда выполнял обычай.

Мимо несся Томсон, он всегда мчался, как на пожар, но, разглядев Генриха, академик притормозил.

— Это же черт знает что! — крикнул он взвужденно. — Что до меня, то я ночь не спал!

Сногшибательных сообщений!

Генрих догадался, что Томсон не спал ночью из-за тех открытий, какие углядел в гравитационных формулах Франца.

— Сегодня нас ожидает... — заговорил было Генрих. Но Томсон умчался: он всегда любил больше высказываться, чем прислушиваться к чужим высказываниям.

Встреча с Томсоном напомнила Генриху, что он может пропустить приезд Франца. Он поспешил к выходу. На площади одна за другой садились авиетки, из кабин вылезали академики и приглашенные. В толпе, поднимавшейся по наружной лестнице, показался президент академии Альберт Боячек. Генрих постарался, чтобы старый ученый его не заметил. Боячек мог и подозревать Генриха, он с охотой разговаривал с ним, но разговоры могли помешать наблюдению за входом.

Франц приехал в старинном электромobile с давно вышедшими из моды удобствами — просторная кабина древней машины имела фильтры воздуха и кондиционеры. Автошофер подкатил электромобиль к самому входу, распахнул дверцы, протянул услужливо рычаги, чтобы помочь Францу выбраться. Франц кутался в странный костюм, непостижимо объединявший в себе шубу со скафандром. Из-под шляпы наружу высовывался лишь острый нос, щеки прикрывали прозрачные щитки.

Франц простонал, подавая Генриху руку:

Васька был дикарь, горлопан из забияка.

Такие открытия, такие открытия!.. Ожидаю и сегодня

— Ох, как трудно было ехать! Ты не заметил, какая температура в зале? Я просил держать ровно двадцать.

— Ровно двадцать и держат, — успокоил его Генрих. Он помог Францу раздеться, проводил в зал, уселился рядом. Температура Франца устраивала, все остальное раздражало. Он жаловался, что его ранят и невыносимая угловатость помещения, и еще более нестерпимая угловатость мебели, всюду ужасающие прямые линии, которые к тому же пересекаются, образуя острые грани. Мучил его и цвет, слишком разнообразный: в одной комнате стены были зеленые при белом потолке, желтом поле и кремовых дверях, в других обнаруживалось еще более хаотическое сочетание красок, а в конференц-зале ко всей этой сумятице красок добавлялись малиновые гардины и золотые светильники. Генрих, с сочувствием выслушивавший жалобы, видел, что больше всего Франц страдает от яркого света, заливавшего зал. Франц надел темные очки, теперь он мог свободней смотреть по сторонам и здороваться со знакомыми, но облегчения не пришло.

— Я понимаю, тебе смешно, — с безнадежным смирением сказал он, и такое отчаяние зазвучало в голосе, что Генриху до боли в сердце стало жаль его. — Но меня сводит с ума мысль, что если я сниму очки, то снова меня ослепит беспощадный свет. Так тяжко сознавать, что всюду подстерегает это терзающее сияние!

На возвышении, за столом президиума, появился Боячек. Президент поднял руку, призывая гомонящий зал к тишине.

— Нам много довелось в этом зале слышать удивительных сообщений, — начал президент традиционную вступительную речь, — но сегодня вы услышите об открытии, которое поразит всех вас. Мечта о бессмертии всегда являлась одной из самых пленительных фантазий человека. Сейчас мы узнаем, каким образом можно претворить мечту о вечной жизни в реальную действительность. Нам будут докладывать о своих работах по созданию бессмертия два известных наших ученых — Франц Мравинский и Лоренцо Нгага. Почему-то Нгага задерживается, но друг Мравинский может занимать трибуну.

— Проводи меня до трибуны и останься поблизости, — шепнул Франц, вставая.

Генрих заботливо поддерживал его под руку, пока они шли к столу президиума. В раскрытую дверь торопливо вошел Рой и приветливо кивнул Францу. За спиной Роя показался Лоренцо. Франц страдальчески охнул и судорожно прижался к Генриху. В тупом лице второго бессмертного не было ни мысли, ни чувства, ошело-веселые, пронзительно светлые глаза яростно уставились на собрание.

— Здорово, ребята! — оглушительно гаркнул Лоренцо. Взгляд его упал на съежившегося от страха Франца. Лоренцо заревел еще восторженней и свирепей: — Привет, дружище!

— Держи его, Рой, держи! — крикнул Генрих. Рой кинулся между Лоренцо и Францем, но тут же отлетел к стене, таким мощным был ответный толчок Лоренцо. Генрих попытался увести Франца, у Франца подогнулись ноги, он схватился за спинку кресла, чтобы не упасть. Генрих выскочил вперед, заслоняя Франца, но попал под кулак Лоренцо и рухнул на пол.

— Слабаки! — ликующее орал Лоренцо. — Куда вам против бессмертного! Давай поцелуемся, Франци!

Генрих успел вскочить на ноги, когда Лоренцо соприкоснулся с Францем. Нгага лишь протянул руку, чтоб поздороваться, но Франц сумел отшатнуться, и Лоренцо ухватил друга за плечо. Надрывный вопль Франца и удивленный рев Лоренцо потонули в грохоте столба пламени, взметнувшегося на том месте, где они стояли. Перепуганные ученые кинулись кто куда, а на них падали быстро гаснущие огненные языки и сыпался пепел. Обоих бессмертных уже не существовало, а людям в зале все казалось, что отчаянные голоса, вырвавшиеся из пламени, звучат и звучат.

Взрывная волна снова опрокинула Генриха. Рой подскочил к брату и помог ему подняться. Генрих метнулся к месту катастрофы. Облачко пепла, взвившееся к потолку, понемногу оседало. К братьям, с ужасом взиравшим на угасающий костер, приблизился Боячек. Старый ученый был страшно бледен, руки его тряслись, губы еле шевелились. Следом за ним подскочил бледный Томсон.

— Какой финал! — едва прошептал Боячек. — Какой ужасный финал!

Он наклонился, осторожно тронул кусок несгоревшей одежды, снова выпрямился, с отчаянием поглядел на подавленных братьев и насупленного Томсона.

— Бессмертные погибли на наших глазах! — горестно сказал президент Томсону. — И мы, смертные, не могли им помочь, ничем не смогли помочь! Такие надежды возлагали мы с вами на их исследования! И вот финал!

ТЯЖЕЛАЯ КАПЛЯ ТЩЕСЛАВИЯ

Рой, конечно, не согласился бы заняться распутыванием загадки смерти Ричарда Плачека, если бы не был другом Армана. В Столице функционировали идеально оснащенные лаборатории Охраны общественного порядка, установление обстоятельств гибели любого человека являлось их прямой обязанностью. Иногда Рой с Генрихом помогали следственным лабораториям, но лишь когда имело место какое-то странное физическое явление, в природе которого работники охраны не могли разобраться. Самоубийство Плачека, как считал Рой, к таким случаям не относилось.

Но Арман, три дня дежуривший у постели Плачека, когда медики боролись за его жизнь, был так подавлен, что Рою захотелось утешить помощника. Арман сидел у пульта, не начиная подготовленного эксперимента — в лаборатории братьев в эти дни изучался гравитационный пробой пространства, — и вяло просматривал запись вчерашнего опыта. Рой понимал, что Арман не видит ни одной цифры.

Рой взял Армана за руку и потянул к дивану.

— Поговорим, — сказал Рой. — Я не собираюсь тебя утешать. Смерть есть смерть. Ричард сам захотел уйти из жизни.

Арман покачал головой:

— Он не хотел уходить из жизни, Рой. Я-то хорошо знал Ричарда. Среди моих друзей не существовало большего жизнелюба.

— Сколько я знаю, он сказал своему ассистенту: «Меня больше не будет!» — капнул в ухо какое-то снадобье и умер.

— Впал в беспамятство, Рой.

— Да, я знаю, он несколько дней бредил. Яд оказался из медленно действующих.

— Был ли это яд? — задумчиво сказал Арман. — Все дни я мучаю себя вопросом: был ли это яд?

Рой пожал плечами:

— Но ведь это проще простого определить. Снадобье, которым он отравился, сохранилось?

— Целая ампула.

— Надо сделать анализ.

— Сделали, конечно.

— И результат?

— Безвреднейшее химическое вещество! Правда, структура молекулы очень сложная, но это второстепенно, раз доказано, что токсического действия препарат Ричарда не имеет.

— На ком производились контрольные опыты?

— На животных. Собаки, кролики, обезьяны...

— То, что безвредно для животного, может оказаться смертельным для человека.

Арман странно посмотрел на Роя:

— На человеке тоже опробовали препарат.

— На ком? Неужели ассистент Плачека решился...

— Нет. Решился я. Вчера вечером я влил себе в ухо каплю препарата Ричарда.

— Ты сумасшедший. Когда ты разучишься рассматривать себя как полигон для диких экспериментов?

Ну, и каков результат?

— Как видишь, я жив.

— Полуживой. Еще не видел тебя таким вялым.

— Во всяком случае, это не следствие моего поступка. Препарат совершенно безвреден. Для меня, по крайней мере.

— Но для Ричарда он стал причиной смерти. Этого ты не будешь отрицать?

— Не буду. И вот здесь загадка. Почему безвредный для других препарат мог погубить Ричарда? Для чего он принял его? Чего хотел добиться?

Рой задумался.

— Сколько я понимаю, ты не веришь в самоубийство Ричарда?

— Я просто знаю, что самоубийства не было.

— Смелая гипотеза! Она противоречит медицинскому заключению.

— Медицинское заключение основывается на схеме поступков Ричарда: то-то сказал, то-то сделал, то-то получилось. Но это внешность. Меня занимает суть.

— Суть далеко не всегда противоречит внешности.

— В случае с Ричардом противоречит. Все во мне протестует против мысли, что Ричард покончил с собой.

— Ты уже говорил: жизнелюб и все такое. Бывают трагические ситуации, когда и жизнелюбы накладывают на себя руки.

— Такой ситуаций не было. Я тебе расскажу о последней встрече с Ричардом. Я гулял с Линой в парке, когда мимо нас пронесся Ричард. Ты знаешь, он всегда торопился. Я окликнул его, и он подошел к нам. Он был в страшном возбуждении.

— Я знал его плохо, но не помню, чтобы он бывал не возбужденным. Удивительно неуравновешенная натура.

— В тот день он был в совершенно особом состоянии. Он ликовал. Он с восторгом объявил, что поставит в ближайшие дни опыт, который опрокинет все представления об интеллектуальных возможностях человека. Я спросил, не собирается ли он поразить нас каким-либо новым талантом в себе. Я имел в виду то его замечательное достижение, когда после трех месяцев затворничества он вдруг показал себя полиглотом. Это, конечно, было ошеломляющее.

— За три месяца упорной работы при известных способностях можно изучить несколько языков.

— Я знаю Ричарда с детства. Никто не замечал в нем выдающихся лингвистических способностей. И он изучил не несколько, а ровно десять языков, и не просто изучил, а стал знатоком их. Слишком уж неожиданным и крупным был успех.

— Он не рассказывал, какой собирается ставить опыт?

— Он не любил рассказывать о своих экспериментах. Он терял интерес к своим исследованиям, когда узнавали, чем он занимается. Вероятно, это происходило оттого, что он был страшно тщеславен. Он хотел поражать, блескать, всюду занимать первые места. «Вот он я! Каков?» — по этой формуле строились все его рассказы, даже официальные отчеты. Он считал себя научным гением и очень расстраивался, когда убеждался, что не все в это верят.

— Знакомые, вероятно, недолюбливали его?

— Мало кого так любили, как его. Он с увлечением помогал каждому, кто просил о помощи, с радостью одаривал интересными мыслями, шумно радовался, если у друга получалась работа. И делался совершенно счастливым, если его благодарили за помощь словами: «Если бы не ты, то...» Тщеславие его было странно: огромно, но не эгоистично, я бы даже сказал, великодушно и щедро.

— Он исследовал микроизлучения мозга, если я не ошибаюсь?

— Да, эту странную радиацию клеток мозга. Он занялся микроизлучениями, когда они только были обнаружены. И очень досадовал, что не он автор открытия экранирующего действия черепа. Он запальчиво утверждал, что по справедливости это его открытие, он лишь замешкался с опубликованием, а в Институте мозга нашлись исследователи попговорней.

Рой некоторое время размышлял, потом задал новый вопрос:

— Ты, стало быть, считаешь, что самоубийства не было, а был...

— Да, Рой. Ричард поставил опыт на себе. И опыт оказался смертельным.

— Неудачный опыт, неудачный опыт... Давно не слыхал, чтобы в наших лабораториях ставили на себе опасные эксперименты. И еще одно, Арман. Ведь перед смертью Ричард должен был понять, что произошло несчастье, и хотя бы предостеречь от повторения неудачного опыта.

— Видишь ли, Рой, ты коснулся того, что меня самого волнует. Ричард бредил. Но бред его был радостным. Он ликовал, умирая. Ему воображалось, что он добился того, чего хотел. Он повторял: «Как удалось! Как удалось!» Он и не подозревал, что совершилась катастрофа.

— Весь его бред и состоял в подобном бессмысленном ликовании?

— Ричард воображал себя математиком. Он развивал в бреду какие-то математические теории. Видения его мозга записаны, но математики не нашли в них ничего интересного. Математический бред прерывался хриплыми выкриками: «Как удалось!» И столько в них было восторга, Рой!

— Интересно. Даже очень интересно! Ты меня убедил: в гибели Плачека таится какая-то загадка. Может быть, нам заняться ею?

Арман с благодарностью посмотрел на Роя.

— Генриха мы тоже привлечем?

— Зачем? Он не способен разрываться между двумя проблемами. Пусть он возится с аккумуляторами гравитационной энергии. Запроси, пожалуйста, все материалы о работе и обстоятельствах гибели Плачека.

2

Анализ предсмертного бреда Плачека не показался Рою интересным: хаотичные видения — переплетения кривых, фрагменты формул, геометрические фигуры и тела, вернее, обломки фигур и тел, валявшихся одно на другое в диком беспорядке. Эксперты, расшифровавшие бредовые картины, указывали, что больной как бы пытался разобраться в некоторых вопросах геометрии, но знания его были скучны и решения школьники примитивны. Типичный болезненный бред, указывали эксперты.

Рой согласился с ними, когда просмотрел записи видений. Он лишь отметил для себя, что одно удивительно в картинах бреда: именно то, что все они без исключения имели математический характер.

— Бред Плачека напоминает мне говорящую лошадь, — сказал Рой Арману, — Самым поразительным у говорящей лошади является не содержание ее слов, а тот факт, что она разговаривает. Ведь сколько я знаю, Ричард никогда не интересовался математикой?

— Не терпел математики, — подтвердил Арман. — Он говорил, что математика внушает ему отвращение. Он, конечно, знал ее в объеме, какой необходим нейрофизиологу, но этим и ограничивался.

Значительно больше заинтересовали Роя отчеты Плачека о работах его лаборатории. Они все касались микроизлучений мозговых клеток. Экранирующее действие черепа Плачек не открывал, это сделали до него, но он подробно изучил, какие именно лучи отражаются от внутренней поверхности черепной коробки и как создаются те суммарные волны, генератором которых является мозг и которые свободно уносятся в пространство. Мозг в отчетах Плачека представлял хаосом излучений, клубком переплетенных волн, а череп был вроде фильтра, выпускающего наружу нечто упорядоченное.

Рою особенно понравилась теория глаз, подробно развитая Плачеком. Глаза Ричард считал не так органом зрения, как каналами, по которым мозговое излучение истонгается наружу, почти не испытывая упорядочивающего влияния черепного фильтра. Глаза — и уши тоже, но в меньшей степени — описывались как отдушины для давящих мозг излучений, как окна, сквозь которые открывается внутреннее кипение мысли. Плачек доказывал, что можно при помощи глаз обмениваться любой информацией, особенно если разговаривающими взглядами снабдить специальными усилителями.

В одном из отчетов была описана схема прибора, определяющего по глазам не только о чем думает человек, но и в какой области он специализируется, и каков объем и характер его знаний, и велики ли его возможности в избранной отрасли работы. В приложении к отчету Плачек указал, что экспертная комиссия отвергла его прибор как ненадежный. Рой покачал головой. Эксперты требовали сразу полного совершенства. Живая мысль в предложении Плачека имелась, и она характеризовала самого Плачека, его научные интересы и методы работы, а сейчас это было для Роя главным.

— Будем разговаривать с ассистентом Плачека, — сказал Рой, когда изучил доставленные ему материалы.
— Как его зовут?

— Карл Клаусен, — ответил Арман и предупредил; — Карл человек тяжелый, несловоохотливый. Объяснения из него надо вытягивать клещами. Ричард, впрочем, говорил, что ни с кем другим ему так легко не работалось. Я не пойду с тобой. Мне тяжело в лаборатории Ричарда.

Уже после десятиминутной беседы с Клаусеном Рой понял, почему Плачеку легко работалось с ассистентом. Полный, рыхлый, неторопливый, он был из тех, кого при рождении забыли одарить железой любопытства. Он был, по-видимому, идеальным исполнителем и не более того. Он равнодушно заверил Роя, что заботился лишь о том, чтобы точней выполнить задания Плачека, а смысла их не доискивался.

— Рачард сердился, когда его спрашивали, зачем, почему? Он мог и накричать. Очень не люблю, когда кричат.

Со стены лаборатории, над столом, глядел с портрета Плачек — весело ухмыляющаяся молодая рожица, хитрые маленькие глаза, нос такой крохотный, что даже и не замечался на лице, округлый подбородок, массивные оттопыренные уши, до того несоразмерные голове, что казались приделанными, а не своими. Плачек был уродлив, но особым, жизнерадостным, дружелюбным уродством. Одного взгляда на портрет было достаточно, чтобы понять: этот человек не скрывает о своем физическом несовершенстве. У потенциальных самоубийц, подумал Рой, лица иные.

Под портретом висел небольшой прибор — указывающая шкала с делениями от одного до ста, валик регистрирующей ленты, стрелка, бегающая по шкале, перо, небольшой экран, клавиатура настройки.

— Что за аппарат? — спросил Рой.

— Высокочастотный измеритель таланта, — равнодушно сказал Клаусен.

Рой с удивлением обернулся к нему:

— Я не слышался? Вы сказали — таланта? Клаусен пожал плечами:

— Что вас удивляет? Схема элементарная. Подходите и смотрите на экран. А в это время аппарат записывает вашу энцефалохарактеристику — область интересов, глубину, широту, интенсивность...

— ...мыслительных способностей?

— Чего же еще? А после анализа, записанного на ленте, стрелка укажет, кто вы. Ричард применял десятибалльную систему классификации, десять оценок по десяти ступенек в каждой.

На шкале Рой прочитал названия над каждым из десяти интервалов:

Дурак элементарный
Дурак самодовольный
Бездарь ординарная
Бездарь агрессивная
Середняк рядовой смирный
Способность векториальная
Способность общая
Дарование
Талант
Гений.

Рой засмеялся и покачал головой.

— Интересная классификация! И многие соглашались подвергнуть себя исследованию? Одни названия уже внушают страх. Слишком обширную область на шкале занимают дураки и бездари.

Клаусен невозмутимо возразил:

— Дураки к нам не ходили. Любой считал себя талантом, а то и гением. И ведь обычно не знают, что анализ уже идет, пока рассматривают прибор.

— А когда узнают результат анализа?

— Анализ сразу не раскрывается. Вас, например, уже проанализировали, а стрелка не шелохнется, пока я не включаю резюмирующее устройство. В первой модели резюматора, правда, не было, от этого возникали неприятности. К Ричарду как-то пришел приятель из Института косможурналистики и пожелал проанализироваться. Мы два дня потом собирали осколки прибора. Во второй модели Ричард конструктивно учел недостатки человеческого характера.

Рой пожелал узнать свою оценку. Стрелка указала на восьмую ступень способности общей. Рой высказал полное удовлетворение. У Клаусена была вторая ступень способности векториальной, он считал свою классификацию вполне справедливой. Рой спросил, может ли он взять измеритель таланта к себе в лабораторию, чтобы познакомиться с ним обстоятельней. Против обследования прибора Клаусен не возражал и вручил Рою подробную схему измерителя, составленную самим Плачеком. Рой поинтересовался, пользовался ли Плачек измерителем таланта для самоанализа. Клаусен ответил, что ничто так не занимало Плачека, как этот прибор. Не было дня, чтобы он не провозился с измерителем час-полтора.

— Он знал свою оценку?

— Конечно.

— Она его удовлетворяла?

— Не она, а они. У него было много оценок.

— Как это понимать?

— Он исследовал каждый вектор своих способностей. Вы ведь знаете, что он все опыты ставил на себе. И каждый опыт должен был что-то в нем изменить. Он мог после опыта весь день просидеть перед измерителем.

— Как измеритель классифицировал Ричарда?

— Нормально он не поднимался выше девятой ступени даровитости и ни разу не попадал в середняки. Возможно, такая оценка его и огорчала, но он старался не показывать этого. Он говорил, что упреки нужно адресовать отцу и матери, которые не постарались снабдить его гениальностью. Он не унывал. Он хвалился, что прыгнет выше собственных ушей. Он разрабатывал единственно правильную теорию гениальности, это его собственные слова. Я в его теории не вникал, мне хватало своих дел.

— Вы сказали: «нормально не поднимался выше девятой ступени даровитости». А ненормально?

— Однажды он достиг седьмой степени таланта. Он выглядел очень подавленным в тот день.

— Подавленным? Так крупно повысить способности — и огорчаться!

— Видите ли, он надеялся, что достигнет хотя бы первой ступеньки гениальности. Он говорил, что эксперимент поставлен безукоризненно, гениальность обязательно должна получиться. А она не получилась. Он так расстроился, что взял двухнедельный отпуск. Я тоже отлично отдохнул в эти две недели.

— В чем заключался эксперимент?

— В конкретное содержание его работ я не вникал. Даже когда он сам рассказывал о них, я старался поменьше запоминать. Так было спокойней. А отчеты он составлял лишь по завершении исследований. Он не терпел рабочих журналов. Они фиксировали бы его ошибки. Он считал это унижением для себя.

— Неужели ничего не запомнили?

— Помню, что он тогда создавал в себе полиглотство. Арабский, английский, китайский, суахили, хинди... Разные были языки. Он трещал на них на всех со скоростью водомета. А выше таланта не вытянул. Я бы на его месте тоже огорчался. Препараты мои, впрочем, были синтезированы добросовестно, я не позволял себе никаких отклонений от заказа. Ричард сказал тогда: «Ты не виноват, дело во мне!» Он чуть не плакал.

— Какие препараты вы ему синтезировали?

— Все, какие он заказывал. У меня сохранились рабочие журналы. В отличие от него, я все записывал. Если хотите ознакомиться...

— Да, пожалуйста. Итак, вы синтезировали химические препараты, какие он заказывал. А чем определялись его заказы? Почему он хотел того, а не иного?

— Не знаю. Он бы страшно рассердился, если бы я вздумал допрашивать, почему он нуждается в данном, а не в другом препарате. Знаю лишь, что выдаче каждого заказа предшествовали месяцы работы. Он вычислял, чертил, анализировал кривые... Девять десятых его времени занимала разработка заказа на новый препарат. Проверка препарата обычно была кратковременной.

— В чем состояла проверка?

— Сначала Ричард при помощи анализаторов устанавливал, что препарат соответствует заказу. Приходилось повторять синтезирование по пять-шесть раз, прежде чем он оставался доволен. Это были тяжелые дни. Зато когда проверка заканчивалась и он садился за расчет нового препарата, я мог отдохнуть. Он не возражал, чтобы я в эти дни повалился на диване. Он только требовал, чтобы я лежал тихо. Лежать тихо я любил.

— Возвратимся к препаратам. Допустим, синтезированное вами химическое соединение его удовлетворило. Что он делал с ним?

— Как — что делал? Принимал!

— Что значит — принимал?

— Вводил себе в мозг. Впрыскивал в ухо или закапывал в глаз.
— То самое, что он сделал в последнем, гибельном эксперименте?
— Методика использования препаратов была одна. Не помню, чтоб он ее менял.
— Значит, ничего экстраординарного в последнем эксперименте не было? Попытку самоубийства вы отвергаете?

— Какое самоубийство! Нормальный эксперимент.
— Вряд ли нормальные эксперименты заканчиваются смертью экспериментатора. Вы знаете вывод медиков? Плачек ввел себе в мозг яд! Яд синтезировали вы.

Клаусен хмуро смотрел в угол лаборатории.

— Яда я не синтезировал. Ричард и не думал о ядах.

— Экспертиза приводит его фразу: «Меня больше не будет», сказанную вам перед введением себе яда.

— Препарата, а не яда! Слова его, это верно.

— Их толкуют как своеобразное уведомление о самоубийстве.

— Чепуха! Он всегда что-нибудь такое говорил. Когда он принимал лингвистический препарат, он сказал: «Ты меня теперь не узнаешь. Я вторично рождаюсь — но уже другим». Перед испытанием всё ему рисовалось в радужном свете. Когда получалось не по расчету, он сокрушенно бормотал: «Опять я, опять я!» Один раз сказал со вздохом: «Знания — еще не талант».

— Слова «опять я» можно толковать как желание переделать себя и разочарование, что он остался тем же?

— Тем же он не оставался. В чем-нибудь да менялся. Он и ставил опыты, чтобы изменить себя. Он производил в себе гениальность.

— Производил в себе гениальность! Отлично сказано. А препараты, синтезированные вами, должны были перестроить связи клеток его мозга, стимулировать за черепной коробкой иные, более интенсивные излучения. Не так ли?

Клаусен подумал.

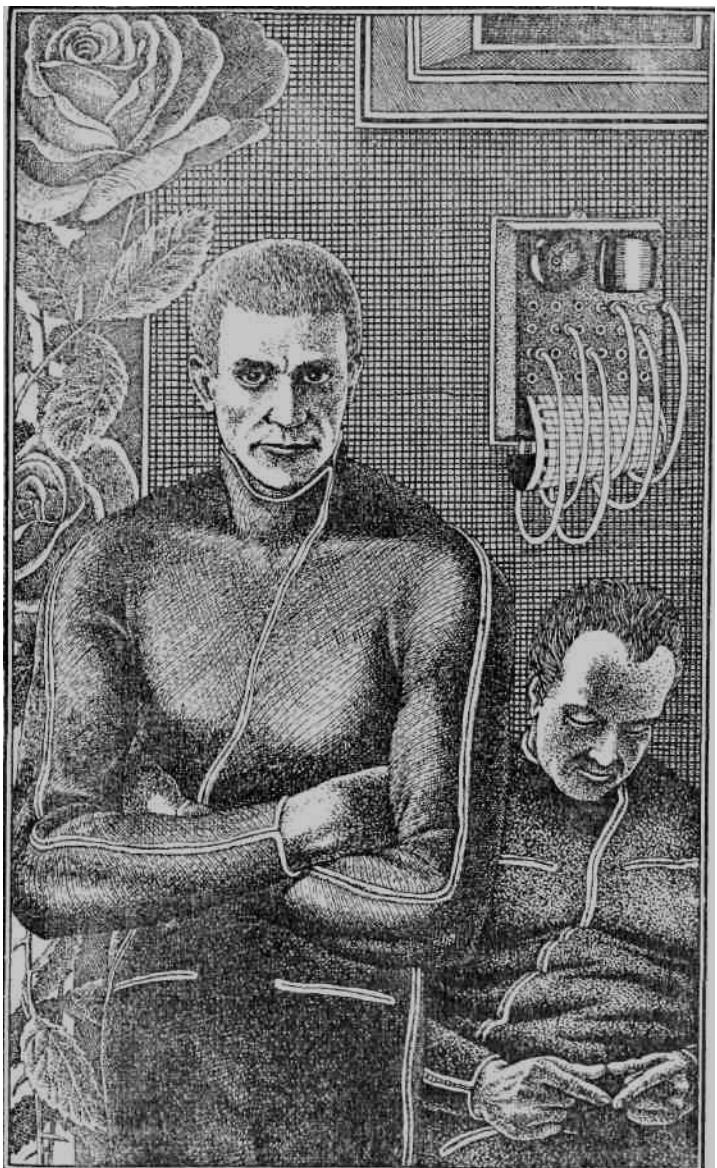
— Возможно, и так. Я раньше думал, что препараты мои являются резервуарами полезной информации. Ну, что Ричард разработал метод записи целых наук на молекулярном уровне. Я так и называл свою работу: синтезирование информационных капель. Однажды я сказал Ричарду о своих догадках. Он сперва высмеял меня, а потом рассердился. Он кричал: «Вы туписца, Карл! Не могу понять, почему измеритель приписал вам какие-то способности. Вы средство рассматриваете как цель!»

Рой пожал Клаусену руку:

— Спасибо, Карл. Арман почему-то считает, что вы необщительны. У меня создалось другое впечатление. Вы хорошо разъяснили все существенное, что связано с гибелью Ричарда Плачека.

3

Рой передал Арману прибор, измеряющий способности, и два препарата, полученные от Клаусена. Арман поинтересовался, какое мнение составил себе Рой о смерти Плачека. Рой сказал, что о самоубийстве и вправду не может быть и речи. Похоже, что Плачек изобрел новый способ усвоения знаний при помощи инъекций специальных химических соединений. Изобретение его не удовлетворило. Он, несомненно, поставил перед собой гораздо более трудную цель, чем замену долголетнего пребывания в школе впрыскиванием в мозг сразу целых наук. Он стремился усовершенствовать интеллектуальные способности человека. И раньше всего — свои собственные. И не просто усовершенствовать, а сотворить совершенство.

Приходилось повторять синтезирование по пять-шесть раз..

— Он исчерпывающе сформулировал свое намерение: прыгнуть выше собственных ушей, — сказал Рой, усмехнувшись. — На меньшем, чем гениальность, он мириться не собирался. Нам нужно выяснить, чего он достиг на этом пути и какие допустил просчеты. Отчета он за смертью не написал, а рабочие журналы не вел.

— Им, конечно, руководило тщеславие, — согласился Арман. — Но, с другой стороны, он ведь был осторожнейший экспериментатор. Без идеальной предусмотрительности нельзя и помыслить о том, чтобы превратить свой организм в испытательный полигон. Столько раз проводил на себе опыты — и ни разу не ошибался!

— Один раз все же ошибся. Я думаю, Арман, тебе надо на некоторое время отключиться от других работ нашей лаборатории.

...Арман с неделю возился с прибором Плачека и препаратами Клаусена. Когда он закончил исследование, Рой позвал Генриха. Другом Ричарда Генрих не был, но странные обстоятельства смерти Плачека не могли его не взволновать.

— Предположения подтверждаются, — доложил Арман. — Ричарду и вправду удалось разработать метод записи научной информации на молекулярном уровне. Структура молекулы первого препарата разработана так хитроумно, что хранит в переплетениях своих атомов целую библиотеку лингвистических сведений.

Он положил на стол две схемы. На одной были показаны связи атомов молекулы препарата и характеристические колебания клеток мозга самого Плачека. Каждая из связей выражала в особом коде какой-либо основной элемент языка. Колебания атомов вокруг положения равновесия образовывали слова, сочетания отдельных колебаний — фразы. Плачеку удалось записать в молекулах основной словарный фонд десяти языков, так огромно было число вариантов состояний каждой молекулы. Арман обратил внимание братьев на то, что колебания молекул препарата совпадали по характеристике с колебаниями клеток мозга Плачека.

— Это-то понятно, — сказал Рой. — Если бы совпадения не было, то и не произошло бы обогащения мозга новыми знаниями. Вся соль в этом совпадении.

— Ему с дьявольской тщательностью пришлось изучить свой мозг, чтобы разработать столь совершенно резонирующий с ним препарат, — продолжал Арман. — Еще больше поражает, что Клаусену удалось синтезировать столь сложное химическое соединение.

В разговор вступил Генрих:

— В интересной идее Плачека содержится внутренний дефект. Во-первых, прибавление знаний не равнозначно появлению таланта, что, впрочем, и сам он признал в разговоре с Клаусеном. А во-вторых, введенные в мозг посторонние вещества рано или поздно должны быть выведены из него. Это равнозначно превращению скороспелого эрудита в прежнего невежду.

— Он мог предусмотреть такой оборот событий и принять меры против него, — заметил Рой. — Медленное школьное обучение образует долго сохраняющиеся связи в мозгу, которые мы называем памятью о полученной информации. Плачек мог предполагать, что вещества, введенные в мозг, сотворят такие же связи. Тогда эрудиция, созданная простой капельницей, сохранилась бы навсегда.

Генрих скептически покачал головой. Арман продолжал:

— Между прочим, трудность, указанная Генрихом, самого Ричарда очень тревожила. Он вовсе не собирался ограничиться созданием краткосрочных эрудитов, хотя сам попал в их разряд, так как его лингвистические знания довольно быстро исчезали. Основную задачу он видел в том самом, о чем говорил Рой: в переконструировании себя в гения. Посмотрите материалы, связанные со вторым препаратом.

На молекулах второго препарата Плачеку удалось записать энциклопедию математических наук. И так как он пользовался справочниками, а не специальной схемой выборок, то было видно, с какой наивной тщательностью он переносит во внутримолекулярные связи все понятия и формулы, начиная с самых простых. Зато кривые колебаний молекул так идеально совпадали с кривыми колебаний клеток мозга, что временами нельзя было различить их.

— Резонанс совершенный, — оценил Рой находки Армана. — Мозг Плачека должен был впасть в унисон с препаратом, не только проглотить введенную ему научную пищу, но и продуцировать ее дальше сам. Не знаю, как с гениальностью, но если бы Ричард не стал математическим талантом, то я просто не знаю, что такое талант. Капля такой жидкости, введенная в мозг, должна была полностью удовлетворить его тщеславие.

— Она слишком тяжела для него, эта капля. Он перекалил клетки своего мозга, — сказал Генрих. — Он скжег свою голову. Он проглотил пищу, которая у него не переварилась.

— Кривые резонанса говорят о другом, — возразил Арман. — Я согласен с Роем — совпадение совершенное...

— Ну и что? — сказал Генрих с досадой. — Вы забываете о крепости материала, в данном случае мозга. Детская задача: при резонансе, вызываемом шагом полка, колебания моста через реку усиливаются так, что мост обрушивается. Не всякое усиление своих колебаний мозг выдерживает.

Рой, подумав, сказал:

— Но усиление своего мозга до огромной эрудиции в области языкоznания мозг Плачека все же выдержал без повреждений.

— В этом и суть! — воскликнул Генрих. — К языкам у Плачека были потенциальные способности. Он, возможно, стал бы выдающимся лингвистом, если бы с детства изучал языки. А к математике была

идиосинкразия. Обширная математическая информация превзошла возможности его мозга. Усилием математических акций мозговых клеток он разорвал их внутренние связи, так как именно в этой области интеллектуальная прочность мозга была всего меньше. Где тонко, там и рвется. Препарат, возможно для другого безвредный, Ричарду обернулся губительным ядом.

— Очень жаль, — со вздохом сказал Арман. — Жаль самого Ричарда. Жаль, что мы мало пользы извлечем из его изобретения.

Рой рассудительно возразил:

— Почему мало пользы? Он оставил нам измеритель творческих способностей. Думаю, прибор можно доработать, чтобы ввести в употребление — скажем, для экзаменов научных работников. И если наши химики смогут усовершенствовать придуманные им информационные капли, они тоже пригодятся. Есть множество ситуаций, когда даже краткосрочная эрудиция полезна. Вместо того чтобы привлекать к исследованию справочные машины, введи в мозг одну-две капли, содержащие в себе целые науки, — и разбирайся в сложнейшей проблеме, требующей бездны знаний.

— Особенно это может пригодиться в дальних путешествиях, — сказал Арман. — Не на все планеты потащишь с собой большую академическую машину.

РОЖДЕННЫЙ ПОД НЕСЧАСТНОЙ ЗВЕЗДОЙ

1

Школьный товарищ Роя, Шура Панов, говорил о себе, что родился под звездой Великих Провалов в созвездии Скорбных Путников, и друзья соглашались с ним не только из вежливости.

В школе Рой вел подробный мартиолог Шури-ньгх неудач. В длинном списке значились и приборы, вдруг сами собой распадавшиеся на составные части, когда к лабораторному стенду подходил Панов; и электронные схемы, упорно не желавшие работать, если к ним прикасались Шурины руки; и невинные химические вещества, мирно годами покоившиеся в банках, но внезапно воспламеняющиеся, едва он их брал. А завершало тот список драматическое происшествие на экзамене: машина-математик на все ответы Шуры сперва выдавала бесстрастно одну и ту же оценку: «Неверно!», а когда Шура, доведенный до отчаяния, воскликнул: «Но ведь дважды два четыре», электронный экзаменатор громовым голосом рявкнул: «Никогда не слыхал подобной чепухи!» — и перегорел.

В университете, где Шура и Рой учились на разных факультетах, Панова с прежним усердием преследовали неудачи. Курсовая работа «Математические основы телепатии» два раза возвращалась обратно, а диссертация «Физический смысл категории небывалости и элементарные приемы расчета невозможного и неисполнимого» расколола надвое ученый совет. Кандидатскую степень Шура все же получил, но Боячек, председательствовавший на защите, так сформулировал отношение ученых к его открытиям:

«Кандидатом сумасшествия соискатель Александр Панов будет не один, а на доктора безумия, осмелюсь утверждать, его труды пока не вытягивают».

В последние годы Панов изучал воздействие стереокино на зрителя. Когда до Роя дошел слух, будто Шура увлекся доказательством того, что в восприятии и нереальности реальны, Рой с усмешкой внес в свой список очередную скорбную запись: «Неудача расчета степени вещественности привидений и градуса призрачности материальных предметов».

Роя, сохранявшего чувство реальности даже в ситуациях, которые иначе, как фантастическими, и назвать было трудно, всегда раздражало, что Панов в любой обыденности выискивал парадоксы. Даже надоевшие всем трюизмы становились загадочными или экстравагантными, когда о них начинал рассуждать Шура. Насмешки Роя меньше всего свидетельствовали о злонамеренном нападении на друга, они скорей являлись своеобразной формой защиты от его необычных умозаключений.

Встреча Роя с Пановым в Музейном городке произошла случайно. Друзья не виделись уже два года, и Рой очень обрадовался.

Шура сидел на скамейке у фонтана в Садике поэтов. Он пристально глядел на мраморного Пушкина, шагавшего между Байроном и Гёте. Не было заметно, что дела Панова идут хорошо.

Он похудел и почернел за те два года, что они не виделись. Он так взглянул, словно не узнал друга. Рой присел рядом.

— Здравствуй, Шура! Добрался наконец и до древних поэтов? Что тебя не устраивает в их творениях? Уж не задумал ли ты поупражняться в уничтожении поэзии? Очередная тщетная попытка восстановить несбыточное и ввести в разговорный обиход несказанное? Могу предложить любопытную тему, касающуюся как раз этого человека, на которого ты так загадочно взираешь. Сформулируем ее в твоей манере: о пронзительном

красноречии и высокой интеллектуальности любовных признаний Пушкина в связи с его утверждением о себе: «Но я, любя, был глуп и нем».

Панов улыбнулся. В его улыбке было много печали. Он никогда не сердился, когда его высмеивали, только огорчался. Впрочем, он быстро отходил и, захваченный новой идеей, забывал о насмешках. Сдали он не давал и зла не помнил, это облегчало иронизирование над его увлечениями. К тому же он только высказывал, но не навязывал никому свои парадоксальные идеи. Он сказал задумчиво:

— Ты попал в точку, Рой. Я думал как раз о Пушкине, но только в связи с другими его стихами. Меня волнует загадка памяти. Нет, не химические реакции, протекающие в мозгу, а существо воспоминания, его огромное психическое воздействие, его способность могущественно влиять на все наши поступки. Я бы назвал эту тему так: энергетическая мощность воспоминания.

Рой не мог пропустить такой удачный случай поиронизировать:

— Великолепно! Память, измеряемая в киловаттах! Два миллиона килограммометров воспоминаний повесы о совершенных им изменениях! Ты это имеешь в виду?

Панов тихо засмеялся. Рой умел поиздеваться, зато слушал хорошо. Шура ценил в друге вдумчивого слушателя и мирился с его иронией. Иногда Рой давал и дельные советы, это тоже было немаловажно. И он по натуре был добр — шутил, не оскорбляя.

— Как ни странно, именно это. Ты вдумайся: откуда такая власть у воспоминаний? И время-то прошло невозвратно, и людей тех нет, и события те не повторяются, а ты все переживаешь заново былую радость и былую горечь. И порой переживаешь острей, чем в реальности, а главное — многократно. Событие — одноактно, воспоминание же о нем воспроизводится бесконечно.

Рой не мог не признаться, что некоторая здравая идея в рассуждении Шуры имеется. Он с удивлением отметил про себя, что Панов подошел к воспоминанию не как к тривиальному факту, а как к довольно запутанной проблеме. Скорей для уточнения, чем для иронизирования, Рой сказал:

— Воспоминание как консервант и усилитель быстротекущей реальности! Я правильно формулирую твою мысль?

Шуре показалось, что друг продолжает насмехаться, и он ответил сухо:

— Довольно поверхностно, как всегда, когда остиришь. Ты просто не хочешь понять парадокса: мир воспоминаний благодаря своей бесконечной воспроизводимости несравненно обширней мира реального. И от этого вся наша жизнь — диковинная равнодействующая давления бездны воспоминаний о прошлых событиях с крохотным импульсом, исходящим от сиюминутности. А о силе памяти — вспомни, как говорил тот же Пушкин о свитке воспоминаний в мозгу:

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

— Не хочешь ли предложить какое-нибудь снадобье, ограничивающее власть воспоминаний?

— Во всяком случае, хотел бы серьезно разобраться в природе парадокса памяти. Я намерен поработать над этой проблемой. Я поищу нетривиального решения...

Рой возразил, пожимая плечами:

— Все твои решения нетривиальны. О любом объекте можно сказать только одну правду — и она тривиальна, ибо одна у всех, кто ищет правды. А ошибиться можно бесконечным количеством способов. Ложь безмерно многообразней правды. К тому же ты не только одарен артистической способностью ошибаться, но и изумительно отыскиваешь самые далекие, самые неожиданные отклонения от истины!..

На этот раз Панов обиделся всерьез, что у него бывало редко. Он отвернулся, хмуро глядел на статуи трех великих поэтов. С деревьев падали листья. Шел третий месяц осени, пора дождей и ветра. Рой с наслаждением глубоко втянул в себя воздух.

Пахло горечью увядания, Рой любил этот терпкий запах. Липы, обступившие статуи, медленно шумели широкими ветвями. Рой понял, что перегнул палку. Он сказал мягче:

— Если не ошибаюсь, ты занимался усовершенствованием стереокино? Ну, и как?..

Панов странно посмотрел на Роя. Казалось, он раздумывал, стоит ли продолжать разговор.

— Да нет, ничего особенного... И не стереокино, а стереогеатр. Впрочем, ты на зрелищные представления не ходишь, тебе разницу не объяснить. Кое-какие открытия совершены, из ряда тех же... неожиданных! — Он опять тихо засмеялся.

Когда он смеялся вот так, шепотком, лицо у него становилось таким грустным, что Рою немедленно хотелось утешить друга. Панов, улыбаясь, продолжал, не ожидая реплики Роя:

— Как ты знаешь, я родился под магическим многоугольником созвездия Скорбных Путников, это сказалось и тут.

— Ты родился под звездой Великих Провалов, — педантично напомнил Рой и засмеялся.

— Нет, провалов не было, — задумчиво отозвался Панов. — Я уже сказал — неожиданности., Как бы это назвать?.. — Он подбирал слова так осторожно, будто каждое звучало приговором.

— Несуразности, — охотно подсказал Рой.

— Надо бы раньше условиться, что называть несуразностью, а что «суразностью», но вот значения этого последнего словца никто не знает. И вообще — с какой стороны подойти...

— Подойди с той стороны, с которой ты не мекаешь, а говоришь нормально.

Панов вскочил и потянул Роя:

— Пойдем быстренько.

— Куда? Я сейчас отдохну, Вечером у меня трудный опыт в лаборатории.

— До вечера мы управимся. В экспериментальном зале я покажу тебе стереозапись событий на Саргоне. Запись сделана по моей системе. В широкое обозрение ленту пока не пустили да и вряд ли пустят.

— Догадываюсь почему. Очередная неудача?.. Постой, ты имеешь в виду тот жуткий случай, когда Северцов попал в руки туземцев и его чуть не съели? Его кто-то спас из наших космонавтов, но я не помню кто. Кстати, правда, что саргоны нечто среднее между человеком и летучей мышью?

— Через полчаса ты увидишь Северцова и саргонов и сможешь сам определить, на кого они похожи.

2

Они сидели одни в зрительном зале, а с экрана надвигался красочный лес Саргоны — удивительные деревья с зелеными, желтыми, красными и молочно-белыми стволами и пышными кронами, сверкающими таким разнообразием красок, что хотелось их приглушить. Рой поспешно надел темные очки. Он не помнил, как они очутились в руках, но они появились вовремя, без них глазам было бы больно. В воздухе плыли резкие ароматы, запахи вызывали головокружение. Над Раем пролетела не то бесшумная птица, не то обезьянка прыгнула с дерева на другое. Рой испуганно отшатнулся и схватил рукой слетевшую шляпу.

— Тебе не кажется, что здесь слишком много правдоподобия? — недовольно сказал он Панову. — Настоящее искусство требует...

— Тише, пожалуйста! — нервно шепнул Панов. — Или ты хочешь, чтобы нас услышали саргоны? Вон они идут!

Саргоны и вправду появились в зрительном зале, перепархивая через кресла; впрочем, это были не кресла, а кусты, причудливо напоминавшие кресла, такие же яркие, всех цветов радуги, как и все здешние растения. Рой с бьющимся сердцем соскользнул с сиденья и затаился за передним кустом; теперь он сознавал, что это не кресло, как примерещилось ему, а самый настоящий куст, густой, остро пахнущий, к тому же колючий. Правда да, облекавший Роя походный костюм смягчал уколы, в земном одеянии было бы хуже. Рой порадовался, что, слезая с планетолета, натянул этот мешок, тяжелый, плотный, но оказавшийся неожиданно удобным. За соседним кустом, прильнув к рыжей, светящейся, как и всё здесь, земле, прерывисто дышал Панов. Рой догадывался, что он охвачен страхом. Шура был не из смельчаков, он брал остротой мысли, а не тяжестью кулака. Рому было не до Панова. Рой не мог оторвать глаз от поляны. На поляне стоял Павел Северцов, кинооператор экспедиции. Рой содрогался от страха за друга, от возмущения его нелепым поведением, еле удерживался, чтобы не встать и не разразиться громкими, на весь лес, проклятиями. Он не понимал Северцова. Павел ведет себя, как недоучка. Просто странно, что такого недотепу выпустили с Земли в далекий космос. Экзаменаторы определенно ошиблись, вручив ему диплом космонавта. Единственная возможность исправить ошибку — это немедленно подать Павлу сигнал бежать, поскорей бежать, во всю прыть умчаться в лес!

— Не смей! — тревожно зашептал Панов, когда Рой все-таки сделал попытку приподняться. — К нам они ближе, чем к нему, и позади него деревья, он может скрыться в лесу, а нас переловят в кустах, как зайцев.

Рой медленно опустился. Павел Северцов невозмутимо орудовал стереоаппаратом у шатра на краю полянки, где они трое — Панов, Рой и Павел — собирались устроиться на ночлег. Туземцы появились неожиданно. Ближайшее их поселение находилось отсюда километрах в ста; они просто не могли очутиться в этом лесу, таковы были данные инструментальной разведки, выяснившей, что лишь птицы и обезьянки или, точнее, зверьки, похожие на земных обезьянок, твари надоедливые, но не опасные, — что лишь эта живность имеется в лесу на берегах озера, а саргонов и в помине нет.

Они были здесь, саргоны, анализаторы возмутительно врал! Саргоны вдруг выссыпали из леса, с визгом понеслись через кустарник на полянку. Рой и Шура сумели притаиться в ветвях, а Павел, вместо того чтобы спасаться в лес, с преступной беспечностью, иного слова не подобрать, наставил на пришельцев свой аппарат и увековечивает сцену нападения на него!

Передовой туземец — наверно, предводитель отряда, он был покрупней, — промчался мимо Роя и Шуры. За предводителем торопились воины. Анализаторы не соврали лишь в том, что объявили аборигенов Саргоны существами, обладающими признаками человека и летучей мыши. От людей было туловище, две ноги, две руки, еще, может быть, оружие — мечи и колчаны со стрелами, — а от летучих мышей густая шерсть, два мешковидных крыла за спиной и морда с хищным, зубастым ртом взамен носа, ну, и, конечно, уши: странные эти существа разговаривали, быстро двигая ушами, слушали тоже ими.

Приборы установили, что осмысленные звуки исторгаются из ушей и воспринимаются ими. Роя и Шуру при первом знакомстве с саргонами удивила странная функция похожих на листья лопуха ушей, а Павел пришел

в восторг. Он доказывал, что человеческое разделение функций произнесения и восприятия речи между ртом и ушами куда менее совершенно, — надо, надо подетальней зафиксировать на пленке процесс разговора саргонов... Вот он и фиксирует на свою голову!

— Больше нельзя ждать! — гневно пробормотал Рой и вытащил карманный гравимет.

Шура протянул руку.

— Рой, я не позволю!

— Кто начальник поисковой партии, ты или я? — надменно поинтересовался Рой. — И разве я не вправе действовать по своему усмотрению в особых ситуациях?

— Мне показалось, что ты собираешься убивать туземцев, — пробормотал Шура. — Пойми, мы ведь не для убийств высадились на этой планете!

— Но и не для того, чтобы безучастно смотреть, как убивают наших товарищей.

— Мы не знаем намерений саргонов. Прошу тебя, повремени применять оружие.

Рой поглядел в сторону Павла и спрятал гравимет. Применять оружие было уже поздно: саргоны вплотную окружили Павла. Гравитационные разряды теперь были для него не менее опасны, чем для них.

Туземцы, остервенело визжа, набросились на Северцова, опрокинули наземь, скрутили, связали и подняли на крылья — Павел лежал на крыльях саргонов, как на носилках. Он и не думал сопротивляться. До последнего мгновения он так и не верил во враждебность ринувшихся к нему диковинных существ.

Предводитель завладел стереокамерой и, повторяя движения Северцова, наставлял аппарат то на одного, то на другого из воинов — те со скрежещущим визгом отшатывались, отчаянно взметывая морщинистые, кожистые, без перьев крылья. Не было сомнения, что диковинный предмет внушает им ужас. Предводитель один не боялся стереокамеры; вероятно, ему по сану не полагалось испытывать страх.

Но и он долго не искасал судьбу — положил аппарат на сияющую белую траву около огненно-рыжего дерева, там, связанный и беспомощный, уже покоился пленник.

Предводитель быстро-быстро заверещал ушами, до пригавившихся в кустах людей донеслось жужжание, похожее на усиленный в сотню раз треск цикады. Вероятно, это был приказ — саргоны, услышав, разбежались по полянке. Панов боязливо тронул рукой плечо Роя. Не следует ли им заблаговременно отступить? Саргоны могут направиться в их сторону, тогда спастись не удастся. И помочь Павлу они отсюда не сумеют; подобраться к нему можно только по лесу, не пересекая открытой полянки.

— Хороши товарищи! Оставили друга в беде! — с горечью сказал Рой, когда они укрылись за стволами деревьев. Он вынул бинокль и направил его на полянку: было хорошо видно и Павла, и снующих вокруг него саргонов. — Что будем делать? Не подошло ли время прямым нападением вызволить Павла?

Шура, бледный и подавленный, был непреклонен:

— Ты руководитель разведочной группы, ты вправе принять любое решение. Но снова напомню: мы явились сюда изучать, а не убивать саргонов. Мне отвратительна даже мысль о нападении с гравиметом в руках на бедолаг, вооруженных лишь стрелами и собственными когтями!

— Вызовем подмогу со звездолета?

— Он далеко от Саргоны. Подмога опоздает.

— У тебя есть, очевидно, какой-то иной план? Без истребления хищных туземцев?

— Саргонов нужно не истреблять, а ошеломить. И когда они растеряются, освободить Павла.

— Ахнуть дубиной предводителя? Гравиметы исключаются, лазеры тем более, а иных средств ошеломления я не вижу.

— Скоро увидишь. Мне нужен час, чтобы добраться до планетолета и вернуться обратно. Если за это время саргоны захотят что-либо плохое с Павлом... В общем, постарайся протянуть время до моего возвращения.

— Я обойду лесом полянку и выйду к месту, где лежит Павел. Ищи меня в той стороне. Но помни, что, если они покусятся на его жизнь, я церемониться с ними не буду.

Панов бесшумно скрылся. Рой потратил минут пять, чтобы, держась на безопасном расстоянии, подобраться к Павлу. Северцов лежал на том месте, куда его бросили. На поляне дымил костер. Несколько кольев, косо вбитых в землю, сходились над центром костра, на переплетении кольев висела туша. Рой с отвращением узнал в ней такого же саргона, как и те, что жарили его. Несчастный, предназначенный для шашлыка, был только без крыльев — крылья, наверно, оборвали как не представляющие гастрономической ценности. «Каннибалы! — с отвращением думал Рой, сжимая рукоять гравимета. — Вот пошло импульс в разрешающее устройство, и гравитационный удар разнесет вас облачком молекул. Обязательно это сделаю, если Шурка запаздает. Даже хочу сделать, как бы потом ни корили меня на Земле!»

Закончив с устройством одного костра, саргоны соорудили неподалеку другой. Четыре воина подошли к Павлу, взвалили его на крылья и понесли ко второму костру. Рой вздохнул и выдвинулся вперед. Шура все не появлялся. Ничего другого не оставалось, как применить оружие. Рой мысленно послал в разрешающее устройство гравимета формулу, снимающую блокировку гравитационного конденсатора. Теперь оставалось лишь нажимать на пружину. Рой медленно поднял гравимет и прицелился в предводителя, важно восседавшего в центре поляны.

И тут из леса раздался мощный рев. Саргоны в ужасе заметались по поляне, визгливо прядая ушами и судорожно треща кожистыми крыльями. Рой радостно засмеялся и опустил гравимет. На поляну вырвалось существо, напоминавшее гигантскую обезьянку. Раздутая грудная клетка зверя исторгала пламя, глаза свирепо

пылали. Пришелец, вытянув две раскаленные до синевы гофрированные лапы, снова трубно заревел. Светящийся состав, каким Панов обмазал свой скафандр, сверкал так устрашающе, что саргоны, бросив костры, устремились в лес.

Рой подбежал к Северцову, быстро перерезал веревки и крикнул:

— Беги к планетолету! Мы с Шуркой прикроем отступление... Куда ты, сумасшедший?

— Не пропадать же добру, — хладнокровно возразил Северцов и направился к стереокамере.

Панов продолжал реветь и размахивать светящимися лапами. Но саргоны быстро пришли в себя, в пылающее чудовище полетели стрелы. Северцов скрылся в чащобе, Рой схватил за руку Панова и увлек за деревья. В лесу Шура упал, поднялся, сделал несколько шагов и снова упал.

— Тебя подстрелили! — крикнул Рой и выдернул стрелу из шеи Панова. — Стрела отравлена!

Панов пытался идти и не мог. Рой взвалил его на плечи и помчался к реке, где стоял планетолет. На берегу он свалился со своей ношей. К ним подскочил Северцов.

— Скорей лекарства! — крикнул Рой. — Боюсь, это мгновенно действующий яд! Скорей, скорей!

Северцов бросился к планетолету. Панов последним усилием приподнялся, слабо улыбнулся Рою.

— Помнишь, Рой, — прошептал он. — Звезда Великих Провалов... Не везет мне...

— Все! — с отчаянием сказал через несколько минут Рой, бросая на землю бесполезные лекарства. — Он умер. Все, Павел!

3

— Все, Рой! — сказал Панов, встряхивая друга.

— Очнись. И довольно плакать. Ты же видишь, я живой.

Однако прошло немало времени, пока у Роя перестали трястись ноги и руки и восстановилось умение говорить.

— Так вот оно, твое новое изобретение! — сказал он, когда они вышли наружу.

— Да, Рой. Изображение становится реальностью, а зритель превращается в одно из действующих лиц. Скажи мне, пожалуйста, спасли ли мы Павла от сарго-нов?

— А разве ты не видел, как мы его спасали?

— На моем стереоатракте каждый может смотреть свой особый спектакль. Для себя я выбрал другую программу. Она немного связана с занимающей меня теперь проблемой воспоминаний, правда, уже не моих личных, а, так сказать, общечеловеческих... В моей стереокартине мы с тобой перенеслись в прошлое, в далекий двадцатый век, прогуливались по Москве... И где-то на окраине увидели горящий деревянный дом, откуда доносился плач девочки.

— Ну, и...

— Конечно! Я вскочил первый, за мной ты вбежал в пылающее здание. Лопались стекла, мы перепрыгивали через горящую мебель...

— Ты мне скажи, что с девочкой?

— Ее вынес ты. Она даже не обгорела, только очень перепугалась.

— А ты, Шурка?

— Я погиб в огне, — грустно сказал Панов. — Все это очень странно, но как-то всегда получается так, что во всех моих стереокартинах сам я всегда погибаю.

Больше ждать нельзя, — гневно пробормотал Рой.

ОГОНЬ, КОТОРЫЙ ВСЕГДА В ТЕБЕ

Создателем индивидуальной музыки общепризнан Михаил Потапов. На концерте Потапова — концерт состоялся первого мая 2397 года по старому летосчислению — изумленное человечество познакомилось с этой новой и такой ныне популярной формой музыкального самозвучания (сам Потапов употреблял, как известно, термин «музыкальное самопознание»). Вместе с тем не следует думать, что новая форма музыки появилась сразу готовая, как Афродита из морской пены. У великого творения Потапова есть не только история, повествующая о том, как оно заполонило в короткий срок умы и чувства, но и предыстория — и, к сожалению, трагическая.

Недавно разбирали архив известных физиков прошлого века — братьев Генриха и Роя Васильевых. Среди прочих документов нашли и материалы, бросающие свет на истоки индивидуальной музыки. Материалы эти будут опубликованы в сорок седьмом круге пленок «Классики науки», а здесь мы воспроизведем лишь речь Роя на собрании членов Общества классической музыки. Речь эта никогда не передавалась в эфир и не печаталась в официальных пленках общества. Возможно, это объясняется тем, что классическая музыка, сегодня имеющая снова немало поклонников, в те годы почти полностью была позабыта: собрания ее немногочисленных адептов не привлекали широкого внимания.

Ниже дан сохранившийся текст речи; начало, к сожалению, утрачено".

1

...Это произошло незадолго перед последней болезнью Генриха. Он уже прихварывал: ранения, полученные при загадочной аварии звездолета на Марсе — тайна, впоследствии им же с таким блеском распутанная, — были залечены, но не преодолены. Внешне Генрих оставался бодрым, красивым, быстрым, но я уже смутно догадывался, куда идет дело, и в один нехороший день — я потом объясню, почему он нехорош, — силой вытащил брата из лаборатории.

— Ты дурак, Генрих, — сказал я. — А я скотина. Не спорь. Я не терплю преувеличений и что говорю, то объективная истина.

— Я не спорю, — возразил он кротко. — Но я хотел бы знать, что тебе от меня надо?

— Сейчас мы выйдем наружу. И будем ходить по городу. И погуляем в парке. А возможно, слетаем на авиетках к морю и покувыркаемся на волне. И если мы этого не сделаем, я буду чувствовать себя уже не скотиной, равнодушно взирающей, как брат неразумно губит себя, а прямым убийцей.

Он с минуту колебался. Он глядел на приборы с грустью, словно расставался с ними надолго. Мы в это время расследовали записи второго механика звездолета «Скорпион», единственного человека, оставшегося в живых после посадки галактического корабля на планетку Аид в системе Веги. Загадок была масса, многие не разъяснены и поныне, а тогда все казалось чудовищно темным.

Генриху не хотелось бросать эту работу ради прогулок, мне тоже не хотелось, но это было необходимо, так ослабел Генрих. И я за шиворот бы оттащил его от приборов, если бы он не уступил.

Но он покорился, и мы вышли за город.

Я не буду описывать прогулку. Самым важным в ней, как вскоре выяснилось, было то, что, на общую нашу беду, мы повстречали в парке Альберта Симагина.

Он несся по пустынной аллее, словно запущенный в десять лошадиных сил. У него был полубезумный вид, рот перекосился, он молчаливо, без слез, плакал на бегу. Генрих остановил Альберта. Генрих дружил с ним еще в школе. Мне же не нравились в Альберте несдержанность, слишком громкий голос, глаза тоже были нехороши: я не люблю хмурых глаз.

— Откуда и куда? — добродушно спросил Генрих. Я особо подчеркиваю добродушные тона, с Альбертом. Генрих всегда разговаривал только так. Я и сейчас не понимаю, чем этот шальвой фангазер привлекал Генриха.

Альберт закричал, будто о несчастье:

— Из музея! Откуда же еще?

— Зачем же бежать из музея?

Как вы понимаете, это спрашивал Генрих, а не я. Я лишь молча рассматривал Альберта.

— Ничего ты не понимаешь! — произнес Альберт яростно. Просто удивительно, до чего некоторые люди бестолковы!

— Объясни — пойму.

Объяснением путаную, шумную речь Альберта можно назвать лишь условно. Я понял одно: в музее Альберт рассматривал четверку несущихся коней — недавно законченную картину Степана Рунга, не то «Фаэтон на взлете», не то «Тачанки в походе», названия не помню. Лихие лошадиные копыта сразили Альберта. Он ошелел от облика коней, его истерзала экспрессия бега, опьянила музыка напрягшихся мускулов, — именно

такими словами он описал свое состояние. Картина ему звучала, он не так видел, как слышал ее. Он сказал: «Трагическая симфония скачки». С этого и начался его спор с Генрихом. Генрих удивился:

— Весь Степана я знаю, во мне она вызывает иные ассоциации. И если уж оперировать музыкальными терминами, то я бы сказал, что картина звучит весело, а не трагически.

— Чепуха! — прогремел Альберт. Черноволосый, лохматый, с очень темным лицом, с очень быстро меняющимся выражением диковатых глаз, то вспыхивающих, то погасающих, он всегда казался мне малость свихнувшимся. Колокольно гремящий голос Альберта меня раздражал, и я опасался, что разговор взволнует Генриха, а ему было вредно волноваться. Генрих, правда, улыбался, а не сердился.

— Ты примитивен! Ты не понимаешь главного: каждый слышит в картинах свою собственную музыку.

— Ты отрицаешь объективную реальность?..

— Я не отрицаю, я утверждаю. Отрицают люди, не умеющие создавать. Я создатель. Я утверждаю, что там, где тебе послышится хохот, мне раздается плач.

— Но это и есть отрижение объективной всеобщности восприятия.

— Вздор! Это есть утверждение объективной всеобщности своеобразия. Ты проходишь мимо тысяч женщин равнодушно, а одна потрясает тебя, та самая, мимо которой равнодушно прошли все твои товарищи. Она зазвучала тебе, а другие не зазвучали. А если бы прав был ты, то все парни влюблялись бы в одних и тех же женщин, в тех, в которых больше объективных женских совершенств. Но ты ишьешь в женщине свою музыку, а не глухие объективные добродетели.

— Странный переход от картины в музее к влюблению в женщин!

— Нормально. Живопись — музыка красок, а любовь — музыка чувств и поступков.

— Короче, все звучит?

— Все звучит! Все музикально: вещи и дела, слова и чувства. И каждый человек воспринимает мир по-своему — музыка мира у каждого своя. Для тебя скачка коней на картине Рунга — веселая пляска, для меня — мрачный реквием.

Генрих радовался диковинам. Он лукаво поглядел на меня.

— Выходит, я услышу в Пятой симфонии Бетховена шаги судьбы, а ты, Рой, драку у кабака.

— Не говори о Бетховене! — зарычал Альберт. — Древние мастера писали принудительную музыку. Они бесцеремонно навязывали слушателям созданные ими мелодии. Я же толкую о свободной музыке, которая звучит в твоей душе вот от этой тучи, этого солнца, этой зелени, этих домов, этих прохожих, от самого тебя, наконец, хотя, сказать честно, ты не очень хорошо звучишь!

Запальчивость Альбера все больше веселила Генриха. В ту минуту и я порадовался, что он с увлечением спорит, я и догадаться не мог, к чему приведет этот странный спор.

— Как жаль, что твоя индивидуальная музыка — нечто абстрактное, ни на каком инструменте не услышать.

— Опять врешь! Такой инструмент есть! Я его сконструировал сам. Он записывает музыку моего восприятия. Я бежал из музея, чтобы не потерять ни одной ноты из зазвучавшей во мне мучительной симфонии бега. Встреча с тобой спутала гармонию инструментов моей души: вместо симфонии получается какофония. Идите оба к чертям! До нескорого свидания!

Генрих помахал ему рукой, я сказал:

— До свиданья, Альберт! — И это были единственые слова, произнесенные мной за все время встречи.

2

А на другой день мы узнали, что Альберт умер. И еще оказалось, что мы были последними, кого он видел перед смертью, это засвидетельствовал он сам, прокричав роботу-швейцару: «Повстречал Роя и Генриха! Вот же bestia Генрих, он жутко меня расстроил дурацкими сомнениями, но теперь я ему покажу, теперь я ему покажу!» После этого он заперся в кабинете, откуда послышались непонятные звуки, тоже запечатленные на пленке швейцара, а часа через два наступило молчание. Робот воспринял молчание Альбера как сон, но это была смерть.

Утром Генриха и меня вызвали в квартиру Альбера.

Он лежал на полу исчезнувшего силового дивана — очевидно, скатился в агонии, так и не успев ни крикнуть о помощи, ни выключить интерьерное поле. Я часто видел мертвых и на Земле и в космосе, в последние годы мне с Генрихом приходилось распутывать загадки многих непонятных смертей, но такого странного трупа мы еще не видели: Тело Альбера свела жестокая судорога, и руки и ноги были столь невозможнно выкручены, что, казалось, это немыслимо совершившь, не ломая костей, но кости были целы, так установила медицинская экспертиза: первое, что бросалось в глаза, был этот ужасный облик тела, молчаливо кричавший о безмерном страдании. И вот тут начинается странное: на лице Альбера закоченело выражение счастья, он радовался своей гибели, он ликовал, он восхищался — такое у меня создалось впечатление, и чувство, возникшее у Генриха, было такое же. И вторая странность — тело почернело: Альберт словно бы обгорел.

Я стоял с минуту около трупа, потом отошел. Мне страшно было глядеть на Альберта. Я не дружил с этим человеком, как Генрих, но неожиданная его гибель была так ужасна, что разрывалось сердце.

— У тебя трясутся губы, Рой, — сказал Генрих. Он еле держался на ногах от волнения. — Мне кажется, тебе плохо.

— Не хуже, чем тебе, — возразил я, силясь улыбнуться. — На тебе тоже лица нет. Смерть есть смерть, ничего не поделаешь.

В комнате уже были следственные врачи. Я обратился к ним:

— Что случилось с Альбертом? Один из врачей ответил:

— Похоже на отравление каким-то ядом, вызывающим гибельное повышение температуры. Ожоги на теле, по всему, произошли от внутреннего огня. Точно узнаем на вскрытии, а пока скажу: в моей практике еще не было столь загадочной смерти.

— В моей тоже, — сказал я.

Генрих молчал и осматривался. Не помню случая, чтобы Генрих сразу высказал свое мнение в трудных ситуациях: ему надо было предварительно сто вещей посмотреть, сто мыслей продумать, прежде чем он решится выговорить одну фразу.

В комнате стоял незнакомый аппарат, и вокруг него стал кружить Генрих, после того как справился с первым волнением. Труп отнесли в морг. Я отвечал и за себя и за Генриха на вопросы следователей-врачей, сам задавал им вопросы — на три четверти их они ответить не смогли, — потом поинтересовался, что обнаружил Генрих. Ничего важного он не открыл. Аппарат был усилителем электрических потенциалов, довольно сложное сооружение, но для чего он предназначен и как действует, понять из осмотра было непросто, а отпечатанной схемы ни на приборе, ни в комнате мы не нашли.

— По-моему, эта штука связана с работой мозга, — проговорил наконец Генрих. — Вот эти гибкие зажимы накладываются на руки, эти — на шею...

— А эти проглатываются, — хмуро сострил я, показывая на два шара, похожих и величиной и цветом на апельсины. — Закуска неудобоваримая, что, впрочем, Альберт доказал своей трагической гибелью.

Так мы еще некоторое время перебрасывались словами, а потом на стереоэкране зажглась картина вскрытия трупа, и мы, не выходя из комнаты Альберта, стали свидетелями того, что происходило в морге. Вывод прозектора был таков: Альберт скончался от ожога, охватившего все его тело. Это был редчайший случай внутреннего самовозгорания, гибель от пламени, промчавшегося по нервам, бурно закипевшего в артериях и венах, безжалостно обуглившего кости и мышцы. Один из медиков сказал, что в древние времена насквозь проспиртованные алкоголики, у которых в крови было больше спирта, чем кровяных шариков, вот так же воспламенялись, когда к ним подносили спичку. Другой возразил, что Альберт алкоголиком не был и горящей спички к нему не подносили. Этот медик считал, что гибель — от электрического тока: если на тело наложить электроды, подвести напряжение в несколько тысяч вольт, то сквозь ткани промчится ток такой силы, что порожденная им теплота изнутри убьет человека. Третий медик заметил, что электрической казни Альберта не подвергали, а сам он не смог бы выбрать подобный вид самоубийства, ибо у него не было высоковольтной аппаратуры. Этот рассудительный медик собственного суждения о причинах смерти Альберта не имел.

Я попросил следователя, вместе с нами наблюдавшего стереокартину вскрытия:

— Разрешите нам остаться в квартире Симагина. Мы хотели бы на месте трагедии поразмысльить о ее причинах.

Он ответил, по-моему, с большим облегчением:

— О, пожалуйста! Мы будем призательны, если вы прольете свет на загадку этой смерти.

3

— Ну? — сказал Генрих, когда мы остались одни. — Не сомневаюсь, что у тебя уже готова версия драмы, и настолько невероятная, что только она одна справедлива. Ибо ты не раз говорил, что загадки только потому и загадки, что в основе их лежат редкие причины, а мы чаще всего ищем тривиальностей. Или не так?

Он шутил с усилием, у него было грустное лицо. Вы понимаете, что и мне было не легче. Но я поддержал его иронический тон, чтобы не дать расходиться нервам. Меня все больше беспокоило состояние Генриха. Мы в свое время раскрыли тайну гибели Редлиха, были свидетелями трагической кончины Андрея Корытина, очень близкого нам человека. Все это были грустные истории, наш успех в распутывании тех тайн не доставил радости ни Генриху, ни мне. Но еще ни разу я не видел Генриха таким подавленным. Теперь я знаю, что он уже был болен, но тогда еще не понимал этого, сверхмудрые медицинские машины тоже не обнаружили проницательности. Одно я представлял себе с отчетливостью: Альберта уже не воскресить, нужно, чтоб рана, нанесенная его гибелю Генриху, не оказалась непосильной тяжестью для него.

— Искал, конечно, невероятного, но в голову лезут одни тривиальности, — сказал я.

— Ладно. Объяви свою тривиальность, если на невероятное стал неспособен.

Все было в манере наших обычных разговоров. Генрих часто издевался над моим методом работы, хотя все важные идеи, принесшие этому методу известность, принадлежали ему, а не мне. Он был такой — сперва

насмехался, потом загорался. И в тот день, начиная рассуждение, я не сомневался, что где-то в середине он, увлекаясь, прервет меня и продолжит сам — и гораздо лучше продолжит, чем мог бы сделать я.

— Альберга сжег внутренний пламень, — сказал я. — Так установили медики. Остается раскрыть, что породило губительный пламень. Алкоголь отпадает, электрический разряд тоже. Тем не менее был какой-то физический агент, породивший испепеляющий огонь.

— Иначе говоря, смерть чудом не произошла. С таким проницательным выводом согласиться можно.

Я спокойно продолжал:

— Итак, глубинное потрясение. Что могло потрясти Альберта? Он умер через несколько часов после встречи с нами. Робот свидетельствует, что, раздраженный твоими возражениями, Альберт собирался тебе что-то доказать. И оно, это пока непонятное нам «что-то», его доконало.

— Стало быть, я косвенно являюсь причиной его смерти?

— Не ты, а то, чем он собирался побить тебя в споре. Какой-то неопровергимый аргумент против тебя, который он разыскал, — вот что погубило его.

— Постой, постой! — сказал Генрих. Брошенная мной и неясная мне самому, признаюсь честно, мысль уже превращалась у него во все озаряющую идею. Так и раньше бывало, так было и в тот раз. — Давай вспомним, о чем мы спорили с Альбертом. Я утверждал, что музыку великих композиторов все люди воспринимают, в общем, одинаково, а он возражал. Говорил, что у каждого в душе творится своя особая музыка и что при помощи такой индивидуальной музыки люди познают мир. «Все звучит — вещи, слова, чувства», — разве не так он сказал?

— Именно так. Но чем он мог опровергнуть тебя? Я говорю об этом: «Теперь я ему покажу!»

— Только одним: показать физически, что вещи и события создают в его психике музыку. Он сказал, что картина Рунга воображается ему трагической симфонией, неким мрачным реквиемом. Я был бы опровергнут, если бы ему удалось записать эту симфонию, и не просто записать как нечто им сотворенное, так работают все композиторы, но и показать, что каждая нота порождена картиной, он лишь звучащий инструмент, а не творец.

— Итак, Альбера сожгла музыка, порожденная картиной Рунга. А накал ее вызван страстным желанием убедить тебя, что музыка вещей реально существует. Но как и где зазвучала убийственная музыка?

— Этого пока не знаю. Надо думать.

Генрих быстро заходил по комнате. Он всегда молчаливо, возбужденно бегал взад и вперед, когда его озаряла новая идея.

— Вот он, убийца Альбера! — сказал Генрих и показал на аппарат, возвышавшийся посреди комнаты.

4

Мне тот аппарат тоже показался подозрительным, но утверждать, что в нем корень несчастья, я бы не решился. Ни одно из моих сомнений Генрих не опроверг. Он умоляюще поднял руки:

— Не требуй от меня слишком много! Я еще не нашел, а ищу. Это пока голая идея.

— Любые идеи, голые или одетые, надо доказывать. Лишь диспетчерам, возглашающим посадку в планетолеты, верят на слово.

Мы опять с осторожностью осмотрели аппарат. Он не кусался, но и яснее не стал. В нем таилось по крайней мере две загадки: непонятно было, для чего он, и еще темнее — как он действует. Генрих стоял на своем: в аппарате материализовалась музыка, испепелившая беднягу Альбера. И до самой кончины несчастный не понимал, что гибнет, вот отчего на лице его окаменело выражение счастья, когда тело перекрутила судорога паралича.

— Я приду к тебе на помощь, — сказал я Генриху. — Я знаю, где источник питания таинственного аппарата. Если в нем творилась музыка души Альбера, то питался он жизненной энергией его тела. Не надо искать подключений к внешним энергетическим станциям. Аппарат-вампир, высасывающий тело, чтобы уладить душу.

Генрих задумчиво смотрел на гибкие провода с зажимами на концах; от аппарата шло пять таких проводов.

— Это можно проверить, Рой. Если я закреплю зажимы на своих руках, ногах и на шее...

— Ты не закрешишь их там, Генрих. Ты меня часто раздражаешь, это верно, но погибнуть на моих глазах я тебе не разрешу.

— Если это будет на твоих глазах, я не погибну. И ты должен понять, что иного способа проверки не существует.

Тут я приближалась к самому трудному пункту моего рассказа. Как я осмелился поставить такой опасный эксперимент на человека с расстроенным здоровьем, к тому же на моем брате? Ответить на этот вопрос сейчас, после известных событий, не просто, тем более что я хочу объяснить факты, а не оправдываться.

В продиктованной мной большой биографии Генриха, где я подробно рассказывал о наших совместных работах, я уже отмечал, что Генрих бывал невыносимо упрям. Он мог кричать и упрашививать, был то мучительно молчалив, то еще мучительней красноречив, умел находить такие неожиданные аргументы, что парировались они

лишь с трудом, если их вообще удавалось парировать. Об этой особенности его характера часто забывают историки наших работ, но я не мог с ней не считаться.

Но главное было все-таки не в этом. С упрямством Генриха я бы как-нибудь справился, противопоставив ему собственное упрямство. Была и другая причина, почему я согласился, и очень важная причина, смею вас уверить! Вначале мы ставили опыты над собою попеременно, даже чаще подопытным бывал я, с детства у меня здоровье крепче. Ничего хорошего из этого не вышло. Генриху не хватало хладнокровия, чтобы руководить рискованными опытами. Он то увлекался экспериментом и забывал обо мне, то, пугаясь моего состояния, раньше времени обрывал опыт. В своей выдержке я был уверен больше. Вы вскоре убедитесь, что если в общем это правильно, то в конкретном том случае я переоценил себя, и это едва не породило новую трагедию.

— Согласен, но ставлю жесткие условия, — объявил я. — Первое: мы раньше обследуем этот прибор в нашей лаборатории, и пока не получим его подробной схемы, никаких экспериментов не будет. Второе: если в этом дьявольском сооружении творится музыка, то ее должен воспринимать не ты один, но и крайней мере второй слушатель — я. Стало быть, раньше разработаем приставку, делающую явными неслышные внутренние звуки, потом начнем вызывать их к жизни или, вернее, к смерти, ибо звуки эти — убийцы. И последнее: чтобы установить, насколько музыкальна продукция этого треклятого аппарата, мы пригласим на испытание еще двух человек — толкового медика из породы тех, которые не только лечат болезни, но и привлекают к ответственности объекты, вызывающие заболевания, и настоящего музыканта, умеющего и воспроизводить музыку и критически в ней разбираться.

— Медика ты найдешь легко, — сказал Генрих, усмехаясь. — Но отыщешь ли столь разностороннего музыканта?

— Уже отыскал. И могу тебя заверить — парень что надо!

5

Так в нашей компании появился Михаил Потапов.

Мы с ним вместе учились в школе. В детстве Михаил был медлительным, молчаливым увальнем. Я не могу сказать, чтоб его тогда увлекала музыка. Его ничто по-настоящему не увлекало, а если увлечения нарождались, то они долгие годы созревали в латентном состоянии, внешних плодов созревания никто не видел. Он был в те годы до серости неприметен. А вскоре после школы он вдруг прославился как создатель своеобразной музыки, неровной и непонятной, временами вызывающей боль, а не наслаждение. Она ввергала слушателей в транс. «Гипнотическая симфония» — так он сам назвал одно из своих произведений. Не сомневаюсь, что все эти факты вам, знатокам классических мелодий — их сейчас многие «обругивают» принудительными, по несчастному словечку Альберта, получившему столь широкое распространение, — вам, повторяю, эти общеизвестные истины знакомы куда лучше, чем мне. Но я должен напомнить о них, ибо без этого не смогу вывязать рассказ о событиях, чуть не погубивших Генриха.

Итак, в нашей лаборатории в утро, когда мы возились со звучащей приставкой к аппарату Альберта, возник Михаил Потапов.

Он вошел без стука, не поздоровался, не проговорил ни слова, только хмуро и молча поглядел. Генрих его не знал, он ведь был на семь лет моложе нас с Михаилом, но догадался, кто пришел.

— Ага, это вы! — сказал Генрих приветливо.

— Да, я, — ответил Потапов и, посмотрев в мою сторону, деловито моргнул. Моргание и раньше заменяло у него кивок головой.

Я вызвал интерьерное поле и усадил гостя в кресло. Михаил всегда сидел охотнее, чем ходил, к тому же ходить в нашей заставленной механизмами лаборатории было неудобно. Он сидел и молча смотрел на меня. Он не любил говорить. Он говорил так, словно его рот набит камнями. В древности один оратор закладывал за щеку каменья, чтоб речь звучала ясней. Михаил на того оратора не походил.

— Ты уже слыхал о загадочной смерти АльBERTA Симагина, — сказал я. Он опять моргнул. — Но ты, вероятно, не знаешь, что отличный инженер Альберт увлекся музыкой — и не старинной и даже не твоей, а какой-то особой, отвергающей и опровергающей всех до него существовавших композиторов.

Потапов шевельнулся в кресле и промямлил:

— Моя музыка самая современная. Она неопровергима и неотвергаема.

— Всех вас! — повторил я. Мне захотелось его позлить. — Он утверждал, что вы своевольно навязываете слушателям свои звучания, насилиственно порождая желаемые вам эмоции. Он обругал вашу музыку принудительной. Он стремился создать музыку вольную, исполняемую для всех одновременно, но для каждого слушателя — свою.

— Интересно, — пробормотал Михаил. Глаза его оставались тусклыми. Пробить этого человека было нелегко. Он подумал и добавил: — Даже очень интересно. — Он еще подумал. — А результат?

— Альберт погиб, вот результат. А теперь сиди и смотри. Мы с Генрихом подготавливаем к испытанию созданный Альбертом аппарат, творящий у каждого свою музыку.

Потапов сидел, смотрел и молчал, временами закрывал глаза, и тогда казалось, что он засыпает, но через минуту-другую медленно приподнимал веки, снова всматривался в нашу работу, взгляд его становился понемногу осмысленным, на серых щеках забрезжил румянец. Мы с Генрихом переговаривались. Собственно, говорил я, Генрих откликался. Думаю, однако, из нашего отрывистого разговора любой мог бы уяснить себе, к чему мы готовимся, а Михаил тупицей, конечно, не был.

Через некоторое время он заволновался.

— Рой, — пробормотал он, — у меня мысль. Я хочу вместо Генриха.

— Если это мысль, то неудачная, — ответил я. — Испытание опасно. Генрих опытный экспериментатор, чего нельзя сказать о тебе.

— Моя мысль не в этом, Рой. Я не ищу этого.., опасностей. Я хочу проверить, как понимал музыку Альберт.

— Мы этого тоже хотим. И сейчас будем проверять. А ты по-прежнему молчи и слушай. Скоро музыка, вызванная к жизни Альбертом, зазвучит в твоих ушах. И твоя задача эксперта — сказать, стоит ли она чего.

После этого уже ни словом, ни движением он не прерывал подготовки к эксперименту. В лаборатории появился медик с ассистентами. Руки, ноги и шею Генриха оковали зажимы от аппарата, другие провода и теледатчики сигнализировали о состоянии жизненных параметров, а музыкальная приставка готова была уладить наш слух любыми мелодиями, рождавшимися в мозгу Генриха.

— Начинай, — сказал Генрих, и я включил аппарат.

Минуты две мы ничего не слышали. Генрих лежал с закрытыми глазами и о чем-то думал. Мы обалдело таращили один на другого глаза. Лицо Михаила стало апатичным. Могу поклясться, что в эти первые две минуты он забыл и о нас и о нашем эксперименте — вероятно, творил свои путаные симфонии. А затем музыка Генриха зазвучала в приставке, усилители доносили ее до наших ушей, аппарат же Альberta словно ожил, в нем засверкали глазки и сигнализаторы, разноцветные вспышки озаряли его изнутри. Объективности ради должен признаться, что вначале я больше следил за аппаратом, чем вслушивался, но вскоре музыка захватила меня всего, и, кроме нее, уже, казалось, ничего не было ни во мне, ни вокруг.

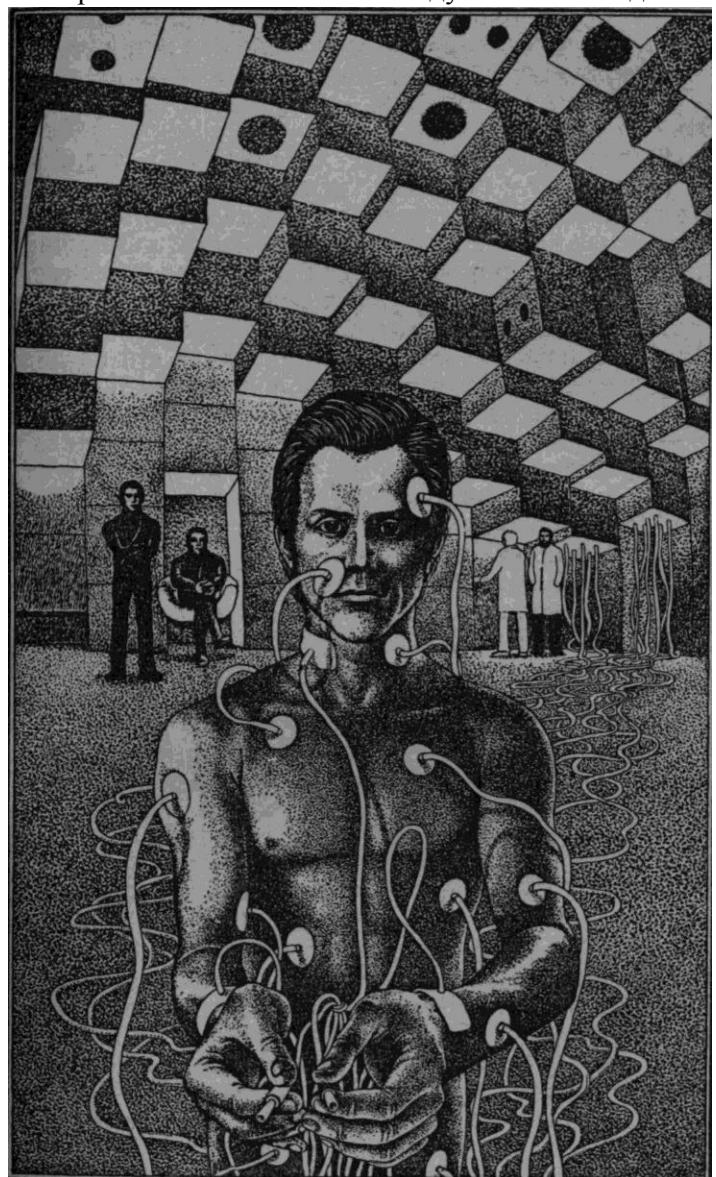
После моего доклада вы сами услышите музыку Генриха, поэтому не буду ее описывать, тем более, я не музыкант и обязательно в чем-нибудь да совру. Скажу лишь, что за всю свою жизнь я не слыхал мелодии столь красивой и столь печальной. Не знаю, какие инструменты могли порождать этот гармоничный плач, нечеловечески прекрасный, нечеловески терзающий душу плач. Он доносился отовсюду, исторгался во мне и из меня, все вокруг пленительно рыдало. Я просто не могу подобрать другого эпитета, кроме вот этого: «пленительный», он единственно точный, и я был пленен, я тоже молчаливо рыдал в такт этому плачу, это была уже не мелодия Генриха, а терзаемая душа всего мира, и она рыдала во мне, со мной, рыдала всем мною!

Чувство, захватившее меня, повторилось у каждого слушателя, все мы как ошеломленные, как бы внезапно ослепнув, уже не видели ни друг друга, ни Генриха, и всем в себе отдавались магии тоскующих звуков.

И вдруг я очнулся. Не знаю, как мне удалось прорваться сквозь коварную сеть полонящей мелодии, но я пришел в себя и увидел, что Генрих почти бездыханен и что кривые на самописцах, фиксирующих жизненные параметры, все до единой катятся вниз.

— Доктор, он умирает! — заорал я и кинулся сдирать с Генриха зажимы.

Медик, охнув, выключил аппарат. Его ассистенты сутились вокруг Генриха. Кто облучал его из живительных радиационных пистолетов, кто делал инъекции, кто прикладывал к щекам и ко лбу примочки, кто из индукционных аппаратов пронизывал нервы электрическими разрядами. Прошло минут пять, прежде чем Генрих открыл глаза. Мы подняли его и поставили на ноги, он не удержался на ногах. Мы опять положили его на диван, опять энергично обстреливали, примачивали, вводили растворы, терзали электрическими потенциалами.

— Начинай, — сказал Генрих...

— Что с тобой? Скажи, что с тобой? — спрашивал я. Он наконец откликнулся — бессвязно, на полуслове останавливался, повторялся. Даже после страшной аварии на Марсе, даже после отравления диковинным мхом, когда мы с ним открыли общественное радиационное кси-поле, он не был так ослаблен. Он объяснил, что, ожидая музыки, вспомнил Альбину и захотел опять разобраться в тайне ее гибели, но, как и раньше, ничего достоверного не установил, и его охватило отчаяние, что она умерла такой молодой, а он не сумел ей помочь и даже не понимает причин ее смерти.

Рассказ Генриха прервало громкое рыдание Михаила. Композитор скрючился на диване и заливался слезами. Я подумал было, что и ему плохо от порожденных Генрихом мелодий, но Михаил с раздражением отмахнулся от меня.

— Вы не способны понять! — лепетал он. — Самый страшный тупица — я! В мире еще не существовало человека бесталаннее меня! Был только один гений, только один — Альберт, теперь я знаю это!

— Обстреляйте его успокаивающими лучами! — приказал я медику. — А если ваши средства не помогут, я надаю этому болвану оплеух! — Нервы у меня разошлись, я и в самом деле мог полезть в драку.

Михаил вскочил. Глаза его исступленно горели. Даже не верилось, что это те сонные глаза, какими он обычно озирал мир.

— Альберт был величайшим гением, но и он ошибался! Он ошибался, я не ошибусь! Я сотворю то, чего ему не удалось!

И, продолжая что-то кричать на бегу, он ринулся вон.

6

Только через несколько дней мы с точностью установили, что вырвали Генриха из тенет смерти буквально в последний момент. Еще две-три минуты такой убийственной музыки — и он был бы испепелен. Это не словесная фиорitura, а беспощадный факт: болезнь, поразившая Генриха, больше всего напоминала внутренний ожог. И лечили его, как мне сотню раз объясняли медики, и знаменитые, и обыкновенные — они стадами паслись у постели Генриха, — от ординарного ожога внутренних тканей. Я сказал «ординарный ожог» и печально усмехаюсь: вероятно, во всей истории медицины не было болезни, удивительней той, что погубила Альберта и едва не прикончила Генриха. Я приведу лишь один факт, чтобы вам стала понятна серьезность события: за час музыкального сеанса Генрих похудел на семь килограммов, так велик был отток энергии из тела.

В эти суматошливые дни борьбы Генриха с хворью я позабыл о Михаиле, он тоже не давал знать о себе, даже не поинтересовался здоровьем Генриха. Он словно бы не ушел, а бежал и боялся снова с нами соприкоснуться.

Он появился недели через две. Генрих уже вставал на короткое время, он хотел побольше ходить, но медики сомневались, полезно ли это ему, и я не давал. Я, как вы понимаете, и работал и ночевал в комнате Генриха и если выходил из нее, то ненадолго.

— Жив? — приветствовал я Михаила. — А мы думали, тебя взяла нелегкая.

Он понял «нелегкая» в смысле «нелегкая музыка» и торжествующе засиял:

— Мелодия губительная, но я превратил ее в свою противоположность. Расскажите, как вы объясняете изобретение Альберта?

Я посмотрел на Генриха. Он прошелся:

— Говори ты.

Мы с Генрихом много размышляли о происшествии, я высказал не свое, а наше общее мнение. Я начал с того, что человек и вправду познает окружающее и себя не одним разумом, но и эмоциями, и среди них немаловажно музыкальное восприятие. Вещи мира не только видятся, не только осознаются, не только пахнут, но и звучат. Каждому предмету мира, каждой комбинации их соответствует в психике человека особое музыкальное звучание. Древние греки говорили о «гармонии сфер» — и они не были такими уж дураками. Один поэт некогда писал:

И все звучит.
На камень иль траву
Ступаешь, как на клавиши рояля.
И прислонясь к стволу, росу роня
На звезды, облепившие листву,
Звучишь и сам.

Обратное тоже верно — каждому психическому состоянию человека соответствует своя мелодия, выражаяющая это состояние. Разумеется, все эти звучания — симфонии внешнего мира, музыкальные ритмы психики — в нормальное время так слабы, что составляют лишь неопределенный шумовой фон восприятия и размышлений.

Альберту удалось — и в этом сила его изобретения — гигантски усилить внутреннюю музыку человеческого познания и страстей. Но изобретение таит в себе и угрозу. Природа недаром скрыла музыку чувств

и мыслей в микрозвучании, растворила ее в шумовом фоне. Альберт распахнул зловещий ящик Пандоры, скрывавший страсти души. И в своем натуральном виде эмоции почти всесильны, под их действием люди гневаются, рыдают, тоскуют, впадают в неистовство, бесятся, сходят с ума. Тысячекратно же музыкально увеличенные, они убивают. Любое ощущение, крохотное и неприметное, усилитель Альберта делает великим чувством. Человек не способен вынести ни великое горе, ни великую радость, человек гармоничен, такова его природа, — все чрезмерное губительно для человека. И сам Альберт, испытывая свой аппарат, был сожжен гигантским наслаждением и, уже умирая, не понимал, что гибнет, а не наслаждается. И Генриха едва не испепелила вечно тлеющая в нем печаль об Альбине, когда печаль из обычного чувства выросла в обжигающую громадную. И чтобы больше не повторялись такие трагедии, мы теперь постараемся нагло закрыть грозное открытие Альберта Симагина...

— Нет! — закричал Михаил. — Вы этого не сделаете! Я не позволю!

— Не позволишь? Между прочим, мы пригласили тебя в качестве музыкального эксперта, а не на роль верховного судии. Улавливаешь разницу?

— Выслушайте меня! — попросил он. — Только об одном прошу: выслушайте меня спокойно. Не надо так волноваться.

— Волнуешься ты, а не мы. Говори. Обещаю слушать без усиления эмоций.

Он говорил путано и торопливо, воспроизвести его бессвязную речь в ее буквальности я не сумею. Он соглашался с нами: гениальный аппарат Альберта — он так его и назвал — безмерно усиливает звучания, уже существующие в психике, они и впрямь становятся опасными. Защищать усилитель Альберта в его сегодняшнем варианте он не намерен. Но Симагин совершил великое открытие, об этом надо твердить, об этом надо кричать: окружение порождает в человеке музыку, в эти внешние звучания вплетаются мелодии психики — удивительная, но, к сожалению, почти неслышная симфония творится в душе каждого человека, индивидуальная его музыка, музыка его восприятия, его мыслей, его чувств, не навязанная волей композитора. Он, Михаил, намерен эту музыку сделать явной, не усиливая страсти души, а гармонизируя их. Душа неизменно алчет не умножения того, что есть уже в ней, а противопоставления. Если человек яростен, то все в нем жаждет усмирения, если он горюет — радости, если буйно весел — тишины.

— Гасить страсти? — сказал я. — Так, что ли? На огонь лить воду, под лед подводить пламень?

— Не так! — запротестовал он. — Не гасить, а гармонизировать, неужели вы не понимаете? Совмещать противоположности, свет отчеркивать тенью. Полная, совершенная гармония — и особая для каждого человека!

— В идее звучит неплохо. А как в осуществлении?

— Уже осуществлено! — объявил он торжественно. — Я написал изумительную вещь, никто еще до меня... С принудительной музыкой отныне покончено, только та, что создается самим слушателем... Называется «Твоя собственная симфония». Публичный концерт — через месяц, первого мая.

— Придем, — пообещал я. — К тому времени Генрих поправится. А пока извини, разговор затянулся.

— Пожалуйста, — поспешил Михаил, но не ушел. У него стало жалкое лицо.

Генрих удивленно посмотрел на меня. Всю нашу беседу он промолчал, это с ним случалось. Но если собеседником он бывал не отменным, то слушателем образцовым. Я нетерпеливо сказал:

— Говорю тебе, мы придем. Что еще?

— Без вашей помощи концерт не состоится, — промямлил Михаил. — Дело в том, что... Мне нужен аппарат Альберта. Я его немного переделаю... Знакомые конструкторы обещали... Понимаешь?

Я обернулся к Генриху. Генрих засмеялся.

— Отдай, — сказал он с облегчением. — И пусть он покрепче переделывает эту чертову машину. Сказать по совести, я боюсь смотреть на нее.

7

О первом концерте индивидуальной музыки мне говорить нечего, он у всех вас в памяти. И вы, конечно, помните речь, произнесенную Потаповым перед концертом. Я лишь добавлю, что Генрих смеялся, а я удивлялся. Михаил держался заправским оратором. Он так развязно нападал на музыку прошлых веков, что уже это одно покорило молодых буйнов, начинающих утверждение своей личности со словечка «нет», обращенного на все и на всех. Тогда впервые публично и прозвучал изобретенный Альбертом термин «принудительная музыка», отныне столь обычный, что уже не замечают его ругательной природы. Зато общепринятое сегодня название «индивидуальная музыка» Михаил употребил всего раз или два; он напирал на формулы «свободная музыка» и «музыкальное самопознание».

Что до самого концерта, то меня смешило, что в зале собралось почти двадцать тысяч человек и все молчат и чего-то ждут, а ничего не происходит: оркестра нет, наушники тоже отсутствуют и только на сцене возвышается небольшой деревянный ящик — переделанный аппарат Альберта. Во мне индивидуальная музыка всегда звучит слабо, я, вероятно, воспринимаю мир не музыкально, а рационально. Михаил не раз сетовал, что я феномен и его творения не про меня.

Но эта забавная музыка все-таки зазвучала и во мне. Я назвал ее забавной, потому что во мне она скорее была иронической, звуки смеялись, особенно когда я опять озирал сосредоточенно молчавший зал. Генрих же, когда концерт закончился, сказал мне со вздохом:

— Опять те же печальные мелодии! — Он увидел, что я обеспокоился, и добавил: — Но не было ничего страшного, на такую музыку я мог бы ходить каждый день.

Пока мы выбирались наружу, я прислушивался к разговорам вокруг нас.

— Гигантское произведение! — говорил один, растерянно улыбаясь. — Нет, это поразительно, это почти сверхъестественно! Никогда в жизни я еще не слышал такой величественной симфонии!

— Я плакал, — признавался другой. — Я ничего не мог с собой поделать, слезы лились сами. Просто невероятно, как Потапову удалось построить такую большую вещь на вариациях одного траурного мотива, правда, нежного и красивого, этого отрицать не могу.

— Вот же было веселье! — восторгался третий. — Если бы не соседи, я пустился бы в пляс, так хороши те радостные мотивчики! А тебе они понравились? — спрашивал он свою подругу, немолодую женщину.

— Веселые? — переспросила она. — Я что-то их не услышала. — Она содрогнулась. — Больше я на такие концерты не пойду. Звуки были грубы, некоторые мотивы непристойны. У меня впечатление, будто меня раздевали и освистывали. Если и слушать такую музыку, то запервшись в одиночестве.

— Этот концерт нужно слушать в постели, а не в зале, — утверждал еще один. — Удивительно успокаивающая вещь, после нее хорошо заснуть.

Впрочем, я ломлюсь в открытую дверь, вы не хуже моего знаете, как действует индивидуальная музыка. И что она теперь публично не исполняется, а стала интимным занятием, совершааемым в одиночестве, по-моему, естественно. Мы с Генрихом не раз потом говорили об этом с Михаилом. Он, как вы знаете, долго боролся против переселения его индивидуальной музыки из концертных залов в спальни, он видел в этом реванш, взятый ненавистной ему классической принудительной музыкой.

ПОСОЛ БЕЗ ВЕРИТЕЛЬНЫХ ГРАМОТ

Научно-фантастическая повесть

Глава первая. Призраки в звездолете

1

Рой спрыгнул, не дожидаясь остановки самодвижущегося трапа. Навстречу шел крупноголовый рыжий мужчина в форме звездолетчика. Рой много раз видел этого человека, Эраста Винклера, начальника звездопорта, во время телепередач с Марса. Страх, терзавший Роя все дни перелета, стал непереносим. Винклер слишком торопился, чрезмерно размахивал руками... Рой быстро проговорил:

— Скажите одно!..

— Жив, жив! Сегодня ему лучше! — ответил Винклер. — Разве вы не получили моей последней мыслеграммы, друг Рой?

Рой вздохнул, провел рукой по лицу. На трапе показались операторы следственной бригады. Большинство впервые видело Марс. Если бы впереди не шагал подавленный несчастьем начальник, они высаживали бы наружу с изумленными восклицаниями, они шумно приветствовали бы новую в их жизни планету. Так и он когда-то высаживал здесь из планетолета. Он был тогда в тяжелом скафандре, а не в легком комбинезоне, как эти, но и скафандр не помешал ему восторженно кричать, топать ногами, метаться то вправо, то влево... Они вели себя куда сдержанней, они лишь молчаливо замирали на ступенях трапа, взъерошенно осматривались.

Не отвечая Винклеру, Рой перевел взгляд с востока на юг и запад. Унылая, каменистая равнина, стертое плоскогорье. Столько раз он уже блуждал по этим однообразным полям, ничего нового не открывая, как бы далеко ни шел. Марс есть Марс, место не для жилья, перевалочная база космоса — так ее именуют в локциях, — унылый мир, не одаренный способностью к переменам, неудавшаяся модель, созданная и выброшенная природой. Что здесь искать? Чего бояться? Неожиданности на Марсе исключены — разве не так их учили в школах? Как же могла произойти катастрофа? Где угодно — на Земле, на Венере, на Плутоне, — но только не здесь!

— Он по-прежнему бредит, — сказал Винклер. — Его горячечные видения я тоже передал по мыслепроводу.

Рой молча смотрел на Винклера. Рослый, рыжеволосый, рыжеглазый, с коричнево-золотистым лицом — вене-рианского, а не марсового загара, — в новенькой, очень нарядной форме, начальник звездопорта склонился в поклоне чуть более глубоком и чуть более длительном, чем принято, его рукопожатие было чуть более почтительным, чем следовало бы. Он чувствует себя виновным. Авария произошла в зоне действия тормозных механизмов планеты. Он обязан был остановить рушащийся корабль, вышвырнуть его обратно в космос, превратить, пока подоспейт помочь, в спутника планеты. Ничего этого он не сделал! Чепуха все это! Все было бы слишком просто, если бы вина лежала на Винклере. Не стоило лететь на Марс только для того, чтобы схватить за шиворот нерадивого межпланетного диспетчера.

Маленькое Солнце заливало красным сиянием невысокие холмики. Солнце тоже было какое-то равнодушное к этому неудавшемуся миру — не столько озаряло, а словно как бы отстранялось от него. Рой вспомнил стихи Андрея Корытина о Солнце: «Терзающее Венеру, взрывающее Меркурий, ты холодно поглядываешь на Марс, ты только поглядываешь на Марс — такое всегда не наше!» Андрей провел на Марсе восемь земных лет, и половины этого срока было бы достаточно, чтобы возненавидеть эту планету. При Андрее и сейчас нельзя говорить о Марсе, он мигом приходит в дурное настроение.

— И еще я передавал, друг Рой, что не разрешил что-либо менять на месте гибели планетолета. — Голос у Винклера потускнел, он был уверен, что следственная комиссия настроена против него.

«И я бы на его месте держался не лучше, — упрекнул себя Рой. — Его нужно успокоить. Пусть дает объяснения, а не оправдывается». Рой опять оглянулся. Молодые операторы усердно разевали рты, искусственный марсианский воздух пахнул озоном, на Земле такой воздух бывал лишь после грозы.

— В прошлый мой прилет свободное дыхание было затруднено, — сказал Рой. — На прогулки мы захватывали кислородные аппараты. Сейчас можно обходиться без них.

— Мы запустили третий атмосферный завод. Он добавляет ежегодно несколько миллиардов тонн воздуха высших земных кондиций. С водой хуже, но и воды прибавляется. Кроме того, мы стали рассаживать созданное специально для Марса дерево калиопис.

— Значит, и зелень появилась?

— Мы говорим «красень»: растения здесь красноватые. Надеемся, что скоро зашумят леса.

— Марс всегда был планетой безмолвия. Андрей Корытин считал это единственной привлекательной чертой Марса.

— Думаю, что вскоре заговорят о марсианских бурях, уступающих лишь ураганам на Венере. Если вас интересуют наши метеорологические...

Рой жестом прервал Винклера:

— Я получил все ваши мыслограммы. Мы еще поговорим о них. Ведите к брату.

2

Генрих лежал с закрытыми глазами, недвижный, исхудавший, на бледном лице зловеще отчеркивались темные губы. Даже после гибели Альбины, когда Рой опасался за его жизнь и разум, Генрих не выглядел так страшно. Рой положил руку на грудь брата, стараясь уловить биение жизни в его теле. Рука была слишком слабым приемником, жизнь без усилителей не ощущалась. На самописце, висевшем у кровати, змеилась красная кривая суммарной жизненной функции больного; она была всего на три сантиметра выше черной полосы внизу — жизнь едва теплилась, она была в опасной близости от небытия.

— Двенадцать процентов нормального энергетического расхода, — сказал Винклер, заметивший взгляд, брошенный Роем на самописец. — В первые дни было три процента. Электронный медик определяет поворот на выздоровление.

— Глаза, — задумчиво сказал Рой. — Те дикие глаза... я говорю о видениях его бреда...

— Не только глаза. Вы ведь знаете, друг Рой, на планетах автоматические врачи не так совершенны, как медицинские механизмы на Земле. Боюсь, мы зафиксировали лишь часть болезненных картин, проносившихся в мозгу вашего брата.

— И, вероятно, еще проносятся.

— Да, но, к сожалению, мы их не узнаем.

— Все узнаем. Я привез аппаратуру, позволяющую перевести в открытую запись мысли и видения даже самые слабые.

— Я очень рад! — с облегчением сказал Винклер. Он старался показать, что жаждет самого тщательного расследования.

Рой невольно поморщился. Люди остаются людьми, в какую служебную форму ни обряжаются, но имеются все же проблемы куда важнее чьей-то личной ответственности. Винклер уловил настроение Роя и быстро взял себя в руки: теперь он показывал выражением лица и спокойно-держаным голосом, что готов помогать комиссии с Земли, даже если выводы обратятся против него. Иного отношения Рой, впрочем, и не ждал.

Рой поднялся. Движение на космических трассах было остановлено. Каждая минута, потраченная не на исследование, была потерянной. К тому же он ничем не мог помочь Генриху. Но Рою пришлось сделать усилие, чтобы оторвать глаза от брата. Винклер сказал с сочувствием:

— В смысле лечения на нашего электронного врача можно положиться.

— Да, конечно. Тем более, что ничего другого нам не остается. Пойдемте, друг Винклер. — Рой все же не сумел заставить себя назвать начальника звездопорта по имени, как принято у работников космослужбы.

— На место катастрофы или посмотрите еще раз записи бреда?

— Начнем с записей, пока выгружают аппаратуру.

3

Мозг Генриха работал толчками, в нем изредка вспыхивали сумбурные видения — без системы, расплывчатые, нечто без начала и конца: летела птица, таких не было ни на Земле, ни на планетах; кружились туманные облачка, временами все пропадало в тумане; кто-то, возможно пилот, пробежал по салону корабля; в темных окнах посверкивали звезды, быстро уменьшалась Земля; она становилась из яркой крупной горошины светящейся точкой, одной из многих точек неба; на диване лежал второй пассажир, тоже с Земли, Василий Арчибалд Спенсер, астроботаник, он появлялся часто и все в той же позе — лежит закинув руки за голову, глаза устремлены в потолок, ординарнейшая внешность: средний рост, средний вес, невыразительное лицо, тусклые глаза. Генрих не присматривался к Спенсеру, он просто бросал на него равнодушные взгляды. И вдруг все менялось; какие бы образы ни наполняли в эту секунду мозг Генриха — салон ли, звезды, пробегающий пилот, второй пассажир, — все вдруг пропадало в огромных глазах, пронзительно засиявших на экране. Глаза неслись из экрана в зал, они полонили все клетки мозгового вещества Генриха, в его сумеречном сознании уже ничего не было, кроме беспощадных глаз, четырехугольных, исполинских, скорее прожекторов, чем ласковых человеческих приемников внешнего света; и все-таки это были глаза, а не аппараты, память Генриха сохранила и ресницы, и взметенные в подбровные расщелины веки, и окраску радужной оболочки, и блеск роговицы, и зрачок. Нет, это были глаза, иступленно засверкавшие на чьем-то, сразу стершемся в тусклой серости лице — человеческие глаза...

Рой вздохнул. Всю неделю полета ему передавали с Марса такие же картины.

— Не густо, — словно извиняясь, сказал Винклер.

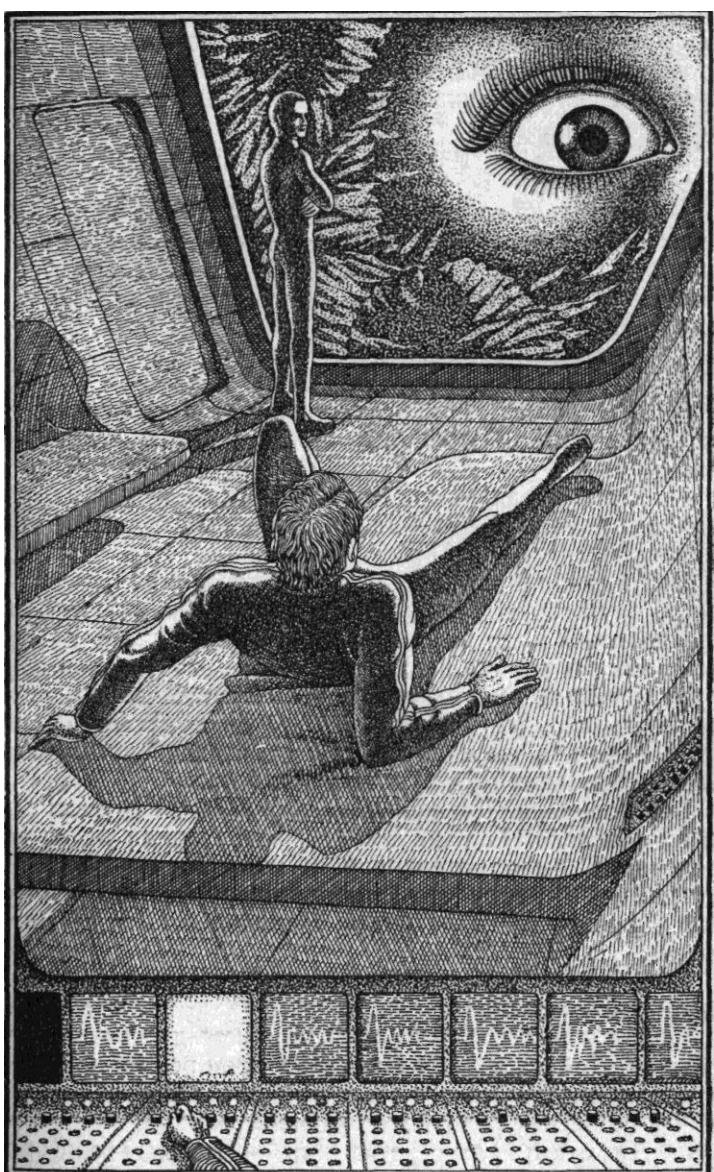
— Возможно, наша аппаратура добавит, — пробормотал Рой.

В зал вошел один из операторов.

— Мозговые излучения больного введены в приборы, улавливаются и основные волны и обертоны, — сказал он.

— Продублируйте запись сюда, — попросил Рой.

Но на экране повторились те же картины, многие были даже слабее прежних — больной мозг Генриха успокаивался, воспоминания теряли прежнюю лихорадочную яркость. Только одна картина была новой: Спенсер вдруг стал приподниматься на диване, лицо его исказилось, глаза выражали ужас — это была, вероятно, та минута, когда корабль, потерявший управление, стал рушиться на поверхность планеты и защитные поля Марса не сумели его затормозить. Новая картина не имела продолжения, она не развивалась, а прерывалась: Спенсер исчезал, пропадал салон и все, что в нем находилось; в сгустившейся темноте появились все те же глаза, и опять ничего уже не было в сознании Генриха, кроме них.

И сразу замелькали те же сумасшедшие глаза...

— Между прочим, в видениях Генриха не сохранилось облика планеты, — сказал Винклер. — А ведь мы не только отчаянно генерировали тормозные поля, но пытались всей мощностью космических маяков пробудить в пилотах сознание приближающейся катастрофы... Пассажиры не могли не кинуться к окнам, не могли не увидеть, куда их несет.

— Вы хотите сказать, что внутри корабля разыгрались события, так потрясшие людей, что никто не взглянул на несущуюся навстречу планету?

— Я не сказал — никто. Я говорю о вашем брате. Пилоты и Спенсер мертвые, и мы никогда не узнаем, что они видели.

— Пойдем же все посмотрим, что совершилось внутри планетолета, когда стали отказывать его штурманские автоматы, — предложил Рой, поднимаясь с кресла.

У Винклера озадаченно взметнулись брови.

— Не понял, друг Рой. Наши стереокамеры зафиксировали все обстоятельства аварии. Впрочем, если нужно повторить снимки обломков...

— Ваши снимки мы повторять не будем. Внутренние стенки звездолета покрыты пленкой, сохраняющей изображения всего, что совершалось в нем. Каждый внутренний кусочек звездолета — история его полетов, галерея портретов побывавших в нем людей. Проявлять эти изображения можно лишь в чрезвычайных обстоятельствах. Наш случай как раз такой. И я запасся соответствующим разрешением.

— Впервые слышу о таких пленках, — признался Винклер.

— О них не распространяются. Фиксирующие пленки предназначены лишь для расследований несчастий.

4

Операторы продолжали монтировать аппаратуру: приборов было много, среди них и громоздкие. Остатки корабля покоились в выбитой звездолетом воронке, напоминающей небольшой кратер. Охваченные паникой работники звездопорта, когда защитные поля не подействовали, использовали последнее средство — взрывной выброс нейтрального газа: только это и предохранило гибнущий корабль от превращения в пыль. Винклер в те трагические секунды действовал быстро и грамотно. Рою это становилось все очевидней. И он уже раза два обратился к начальнику космопорта со словами: «Друг Эраст!»

В рубке, единственном помещении на корабле, где возник пожар, фиксирующая пленка была уничтожена. В отделении механиков и в каютах имелись уцелевшие участки стен, но на них была зафиксирована обычная жизнь корабля, ни одно проявленное изображение не могло быть отнесено к аварии.

— Посмотрим салон, — сказал Рой.

Операторы расположили свои приемники среди обломков корабля, Рой и Винклер надели оптические дешифраторы. В общем, расшифровка пленки повторила картины болезненного сознания Генриха: в небольшом овальном помещении — два пассажира, единственные посторонние люди на небольшом грузовом корабле, обычно не берущем пассажиров. Рой увидел Генриха. Брат с любопытством смотрел в окно — звезды и приближающийся Марс интересовали его больше, чем сосед, он не оборачивался к Спенсеру. Так тянулись минуты, они казались нестерпимо долгими; двое в салоне молчали, один о чем-то думал, уставясь в потолок, другой всматривался в окно.

— Через пять секунд — начало катастрофы, — предупредил оператор, поворачивая голову от прибора.

Несчастье ворвалось внезапно изменившейся картиной салона. Генрих смятенно отпрянул от окна, где навстречу потерявшему управление планетолету уже летела его каменная могила. На диване, очень медленно для бешено убыстрившихся событий, приподнимался Спенсер; его губы свела судорога, он от чего-то отстранялся рукой... И тут же все стерлось в темной неразличимости, пленка на сохранившихся переборках не фиксировала больше предметов и людей; в черноте засияли те же сумасшедшие глаза, терзавшие Генриха в бреду: перехода от одного к другому не было. Рой подозревал оптика.

— Пленка-то сохранилась, а фиксации нет. Почему она не запечатлела и падение корабля?

— Запись вдруг обрывается, — ответил оптик. Он казался смущенным.

Рой и без объяснений понял, что оптик озадачен. Вероятно, в его практике не было случая, когда бы фиксирующая пленка не фиксировала.

К Рою подошли механик и физик с диаграммами в руках. Механик протянул свою запись:

— Это суммарная сводка команд звездопорта и ответных действий автоматов корабля. Мы искали неверных приказов с планеты, неправильных штурманских реакций.

— Что вы нашли?

— Команды с планеты были правильны, ответные действия на корабле точны.

Рой всмотрелся в схему. Причальная программа совпадала с причаливанием корабля. Все совершалось по предписанию, точно, как и десятки раз до этого, когда не происходило несчастий... Винклер вздохнул. Горестный вздох говорил: абсолютно все, что от нас требовалось, мы сделали. Нет, на тебе — совершилось...

— Мы трижды проделали измерения, — продолжал механик. — Поставили контрольную проверку, потом снова проверяли. Общих выводов я делать не могу, но, по нашим данным, катастрофы не должно было быть. Она произошла, но она остается невозможной.

Рой повернулся к физику:

— Ты тоже не нашел отклонений от нормы, Арман?

Физик пропустил мимо ушей язвительный тон вопроса. Этот человек, Арман Лалуба, сотрудник лаборатории Роя, большой друг Генриха, сам при случае любил иронизировать. Он был серьезным исследователем, поэтому Рой и взял его с собой.

— Рой, я ничего не понимаю! — Арман возбужденно помахивал записями. Все, что он чувствовал, рельефно выражалось на его смуглом, с негритянским и чертами лице. — Эти чертовские уники показывают черт знает что! Я тоже три раза перепроверял! Ты сказал — отклонений нет? Рой, это слишком мягкая формула!

— Стало быть, и у тебя получается, что корабль не разбивался? Команды с планеты правильны, ответы точны.

— Правильность команд и ответов — не моя сфера. Но я могу гарантировать, что ответы совершились мгновенно. И это непредставимо, Рой! Даже не невероятно — немыслимо! Физика навыворот. Светопреставление крупным планом!

— Спокойней, Арман! — с досадой сказал Рой. — Ответы и должны возникать мгновенно после приема сигнала. Штурманская аппаратура звездолетов работает без инерции — разве не так?

— Мгновенно после принятия сигнала — да! А она срабатывала мгновенно после отправки сигнала!

Арман подал стандартную диаграмму, развернутую по оси времени, — команды, ответы, команды на ответы... Десятки раз рассматривал Рой такие же записи — стандартный штурманский бланк, по нему можно судить и о четкой работе портов, и о надежности корабельной аппаратуры, и о квалификации диспетчеров и командиров кораблей. В школах эти бланки давались на экзаменах, чтобы по времени, отделяющему сигнал и прием, определить расстояние корабля от порта, скорость затормаживания, вычертить причальная кривую...

Там, в школах, считалось достаточным, если время измерено с точностью до миллисекунды, здесь оно было дано в микросекундах. А узлы на кривых свидетельствовали, что в момент, когда корабль находился в трехстах тысячах километров от Марса и сигналы с планеты должны были приниматься лишь через секунду, они вдруг стали приниматься точно в мгновение от правки. Даже одну миллионную этого интервала восприняла бы контрольная аппаратура, но и одной миллионной не было! Время словно перестало существовать для приемных устройств корабля. И мгновение, когда время словно исчезло, было тем мигом, когда приборы зафиксировали начало катастрофы, когда Генрих вдруг отпрянул от окна. Две минуты четырнадцать секунд летел после этого корабль, пока не врезался в коричневые камни Марса, но этих долгих минут не существовало ни для ходовых механизмов, ни, возможно, уже и для людей, ни даже для бесстрастной фиксирующей пленки на стенках салона...

— Обратите внимание, Рой. — Арман тыкал пальцем то в одну, то в другую точку. — Время перестало существовать лишь для сигналов с планеты, ответные сигналы корабля принимались точно через положенное для света время. Дикая разноголосица, полное рассогласование!.. А в итоге — гибель корабля!

— Ты веришь, что измерения показывают точную картину?

— Кем ты считаешь меня, Рой? Разве можно поверить в то, что противоречит всем законам физики?

— Значит, измерения неверны?

— А вот это — извини! Приборы показывают то, что есть. Сама реальная действительность физически невозможна — вот о чем надо поразмыслить!

Рой размышлял. Сверхсветовые скорости, мгновенная передача сигналов через пространство? Или одностороннее исчезновение времени: вперед — времени нет, назад — время есть? Да, конечно, простых решений не существует. Но разве это решение? Распутать одну локальную загадку путем нагромождения исполинской, поистине вселенской путаницы?

— Мистика какая-то! — Рой возвратил Арману записи. — Призраки в звездолете, глаза без лица... Время вдруг исчезло, сверхсветовые скорости! Фантастическая мелодрама, а не наука, вот что я скажу вам, друзья! Идемте в морг.

5

Рой с тяжелым чувством отошел от стола, где под простынями лежали тела пилотов.

— Вы знали Спенсера? — спросил Рой Винклера. — Он, кажется, летел на Марс по вашему вызову?

— Нет, мы его не знали. Мы запросили астроботаника в связи с расширением марсианской красени. Нас информировали, что посылают на Марс специалиста по внеземной растительности.

Спенсер казался уснувшим, а не умершим. На его теле не было повреждений, на бледно-желтоватое лицо почти не легла восковатость. И опять Роя поразила внешность астроботаника, до тусклости непримечательная: все рядовое, ничто не поражало, даже не привлекало внимания. Но если глаза, наполнявшие видение Генриха и так зловеще отпечатавшиеся на фиксирующей пленке переборок, принадлежали человеку, то они могли быть лишь глазами Спенсера, покончившегося сейчас на столе. И Рой всматривался и всматривался в умершего, с

напряжением понуждая себя вообразить, что могло тогда произойти: Спенсер приподнялся, что-то его потрясло, глаза его засверкали... Генрих отпрянул от окна, отшатнулся, закричал... Да, да, Спенсер мог, конечно, ужаснуть впечатлительного брата, но пленка не имеет нервов, однако она тоже запечатлела эти надвигающиеся, расширяющиеся факелы — так их назвать всего точнее.

— Знаете, друг Рой, — с удивлением сказал Винклер, — мне кажется, Спенсер как-то уменьшился. Может быть, я ошибаюсь, но тело вроде было и длинней, и массивней. Неужели оно так быстро ссыхается? И еще одно: гамма-анализаторы показали, что мозг его сильно поврежден — пепел вместо мозговых клеток...

Рой шагнул к Спенсеру приподнял одно веко, потом другое. Глаза были мертвые, маленькие, грязновато-голубой цвет оболочки размылся, они уже не отражали света, вряд ли они могли при жизни излучать какое-либо сияние. Призраков не существует, это известно каждому ребенку. Но в звездолете был призрак — не мифический фантом, а физический феномен! Вещественное, осозаемое привидение! Воистину простых решений не существовало.

— Я привез контейнеры с нейтральной атмосферой, — сказал Рой. — Распорядитесь, друг, чтоб погибших перенесли в них. Там они будут гарантированы и от ссыхания и от гниения.

6

Рой задремал у постели брата. Его пробудило осторожное прикосновение руки Винклера.

— Операторы закончили обследования. Погибшие перенесены на корабль. Вы можете отдохнуть в нашей гостинице, друг Рой.

— Отдохну на корабле, — пробормотал Рой. — Передайте ребятам, чтобы шли по каюта姆.

— Вы раскроете наш порт? — с надеждой осведомился Винклер.

— Такой приказ может отдать только Земля. Не забывайте, что в загадке мы не разобрались.

Винклер со вздохом согласился, что нельзя торопить важные решения, когда возможность повторения трагедии не предотвращена. Рой дружески положил руку на плечо Винклера. Он сочувствовал состоянию начальника звездопорта.

— Между прочим, друг Рой, Земля сегодня устраивает передачу на планеты, — сказал Винклер. — Артемьев вторично выступает с новой художественной программой «Гориллы у космопульта», а Корытин докладывает об удивительных открытиях его лаборатории.

— Я не поклонник творчества Артура Артемьева, — сказал Рой. — Что до Корытина, то у Андрея каждую неделю совершаются удивительные открытия. Не удивительных он не признает.

Рой вышел наружу. В аэробусе порта сидел Арман, уткнувшись в ленту вычислений. Рой прошел мимо. До звездолета было всего четыре километра. Солнце склонилось к горизонту, оно закатывалось на Марсе раза в два медленней земного, но Рой помнил, что сразу после его исчезновения наступала тьма, а еще до того, как Солнце пропадало за каменистой кромкой неглубокого окоёма, небо усеивали звезды, крупные, много ярче земных, безучастно неживые, как и все на этой неживой планете.

Нет, многое изменилось с его прошлого прилета! Сгустившаяся атмосфера породила не только низенькую растительность, но и сумерки. После заката наступила не ночь, а вечер, он быстро погасал, но был — на севере сгущалась тьма, запад горел, вверху переливались красновато-голубые тона, побежалые цвета проносились по небу, как по нагретому металлу. А сквозь них пробивались звезды, и они тоже уже не казались унылыми огоньками, вкрашенными в однообразную черноту, они обрели жизнь, мерцали, то словно падали, то словно вздымались.

С востока надвигалось темное пятно; оно поглотило Фобос, обволакивало Деймос. Рой остановился — это была настоящая тучка, нечто немыслимое на прежнем Марсе. Он не опускал головы, пока тучка не растворилась. Неяркие, мало похожие на огромную земную Луну, оба спутника висели над равниной, они двигались быстрее земной Луны. Рому казалось, что, оправдывая свои названия, они конвоируют его: Фобос, страх, шествует впереди, Деймос, ужас, крадется за спиной. Но и они потеряли прежнюю неприкрытую голизну и четкость, они двигались в прозрачной дымке, вокруг них, как и возле Луны, простиравшись колечко сияния. Рой вспомнил, что именно резкость очертаний, четкая граница яркости спутника и черноты неба поражали его когда-то всего больше. Скоро на Марсе нечemu будет поражаться, кроме разве того, что он так быстро превратился из каменистого мертвого шара в удобную космическую гостиницу.

Аэробус нагнал Роя. В салоне сидели операторы, Арман по-прежнему был погружен в бесконечное вычисление. Аэробус, неслышный, как летучая мышь, промчался, не притормаживая; один из операторов махнул рукой, показывая, что надо торопиться. Рой покачал головой. Они спешили на корабль, чтобы, приняв освежающий радиационный душ, насладиться выдумками Артемьева и открытиями Корытина. Рой не захотел ради фантазий Артемьева и каких-то новых находок Корытина поступиться одинокой прогулкой по каменистой саванне, озаренной двумя бегущими по небу спутниками.

Вспоминая потом эту ночь на Марсе, Рой не переставал удивляться, что по странной прихоти не пожелал узнать о событиях, имевших столь важное значение для расследования катастрофы. «Все пошло бы по-иному,

прояви я больше любознательности», — упрекал он себя, хотя, конечно, ничто не могло пойти иначе, чем оно уже шло.

Глава вторая. Два трупа одного человека

1

Генрих прислал брату письмо. Полный курс лечения в их санатории могут вынести только очень здоровые люди, он чувствует себя неважко, лечение ему не под силу. Генрих просил забрать его домой. Рой по стереопередатчику пообещал выполнить просьбу, когда врачи дадут гарантию выздоровления, а пока надо терпеть, памятуя, что предки в аналогичных ситуациях утешали себя сентенцией: лечение горше болезни. Рой постарался, чтоб отповедь звучала бодро, он говорил с улыбкой: раз уж к Генриху вернулось чувство юмора, брат не обидится, что просьба вызывает сочувствие, но остается без исполнения. Был час, когда Генриху по режиму полагалось спать, Рой с намерением выбрал эту пору: Генрих, проснувшись, выслушает Роя со стереоэкрана, а спорить будет не с кем.

В комнату быстро вошел Арман. Медленно ходить он не умел. Когда он испытывал возбуждение, в заставленных приборами лабораториях ему было трудно. А выводили его из спокойствия, как сам он признавался, только три причины: неудача, успех и отсутствие того или другого.

— Все. исполнено, Рой. Твой друг Корытин хотел выставить меня за дверь, но потом сменил гнев на милость. Скоро он будет здесь. Ты прокомментируешь расшифровку сам?

— Мне хватит забот с обхаживанием Андрея. Ты напрасно думаешь, что со мной он будет вежливее. Как с отождествлением мозговых излучений Генриха?

— Нового ничего. Ты неточно представляешь себе масштаб работы, Рой. Перебрать одиннадцать миллиардов волновых характеристик! Даже для сверхскоростной машины это непросто. И я не уверен, что твоя гипотеза правильна. Гениальное озарение все же могло посетить Генриха самостоятельно. А если и вправду кто-то стимулировал видения Генриха, передавая ему собственные открытия, то мы обязательно найдем этого человека... А вот и твой друг. Готовься к буре.

Щуплый, почти на голову ниже Роя, тонконосый, с узким костлявым лицом и большими темными, всегда блестящими глазами, Андрей Корытин не вошел, а ворвался. Бесцеремонность и доброта, грубость и доброжелательность соединялись в нем так неразделимо, что общаться с Андреем могли только люди, стерпевшие с его странностями,

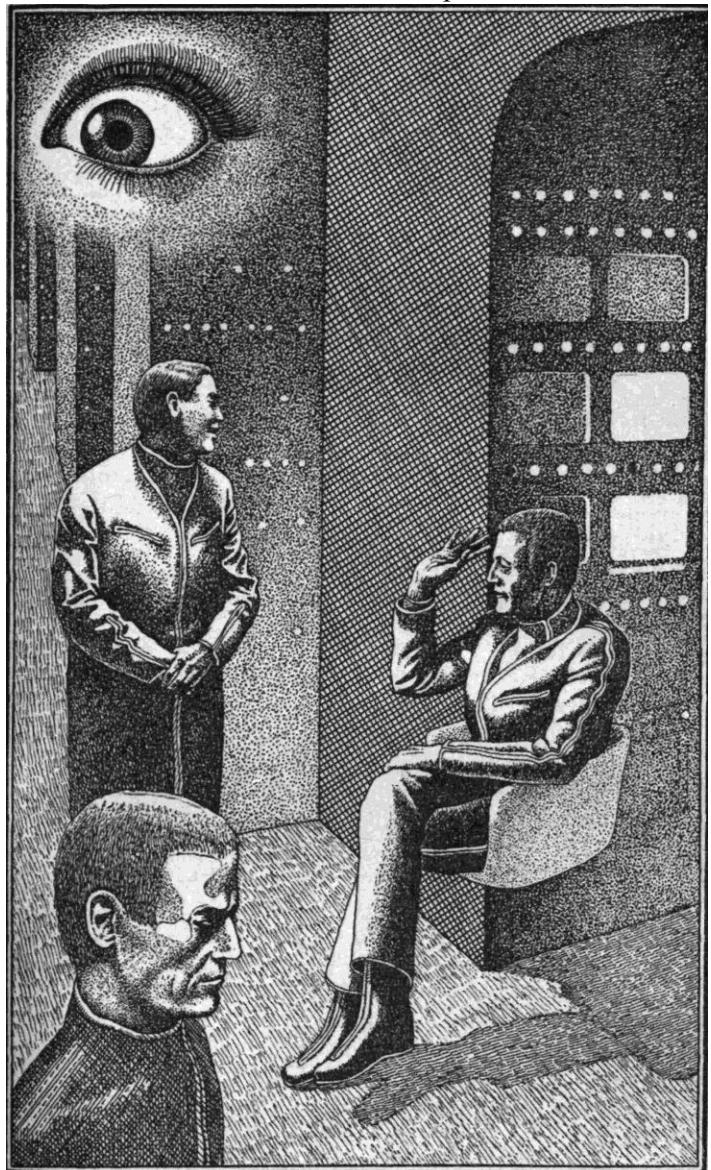
Еще в дверях он что-то сердито прокричал, погрозил кулаком, сердечно тряхнул руку Роя, свирепо покосился на Армана, не сел, а рухнул в кресло и заговорил: как обычно, запальчиво, нервно, слияя в одну фразу различные по смыслу предложения.

— Вид у тебя приличный, очень жаль, твой помощник, этот вот, — он ткнул пальцем в Армана, — врал о болезнях, иначе черга с два я пришел бы сюда. Говори же, раз вытащили, терпеть не могу, когда люди таращат глаза, это неуважение, короче, я думаю.

Рой так искренне рассмеялся, что смех остановил Андрея, Рой сказал:

— Ничего ты не думаешь, ты извергаешься! Дай мне спокойные две минуты, об одном прошу,

— Три! — великодушно разрешил Андрей. — В две ты не уложишься, вы с Генрихом дьявольски болтливы, если бы у нас на дворе был допотопный двадцатый век, не цивилизованное двадцать четвертое

Андрей прервал его нетерпеливым взмахом руки.

столетие, вы читали бы ветхие книги, разговаривали бы докладами, раздел первый, глава вторая, параграф четвертый, впрочем, Генрих молчаливей, с ним приятно, он умеет слушать, не в пример тебе, печально, что с ним такое несчастье, я ведь хотел поехать к нему, надо, надо проводить, давай полетим, я как раз свободен, ну, раз, два, встали!..

— Начинаем! — Рой сделал знак Арману.

На стереоэкране вспыхнули картины катастрофы на Марсе. Андрей, уже было вскочивший, снова опустился в кресло. Он был плохим собеседником, но отличным наблюдателем, вдумчивым аналитиком. Разглагольствования об известном или малозначительном порождали в нем раздражение, в нетерпении он старался скорее выговориться, чтобы отделаться от неинтересной темы. Но, встречаясь с неизвестным и неожиданным, он сосредоточивался, вопросы его делались четкими и сжатыми. На эту особенность Рой и рассчитывал, когда задумал привлечь Андрея к расследованию несчастья на Марсе. Загадочные физические явления, открытые Арманом, не могли не заинтересовать Андрея.

И все-таки главная причина, заставившая Роя пригласить Андрея, была совсем не в том, чтобы пробудить любознательность в друге. Мало ли чем интересовался Андрей в своей научной работе! Он был из тех, кто часто переходит от проблемы к проблеме, он сам о себе говорил с удовольствием: «Застолблю идею — это мое, а всю жилу до крох выцарапывать из породы найдутся энтузиасты и без меня!» Рою как-то пришлось сотрудничать с Андреем. Воспоминание было не из приятных. Андрей то загорался, то погасал, то на ровных местах удивлял пронзительной остротой мысли, то возмущал безучастностью, поражал равнодушием в тех поворотных линиях исследования, где — Рой твердо в этом был уверен — только, и открывался простор научному увлечению, только и становилась обоснованной придиричивая старательность.

Андрей Корытин обладал удивительной способностью покидать намеченную столбовую дорогу эксперимента ради того, чтобы нырнуть в случайно открывшиеся боковые тропки. Его захватывала непонятность как таковая, вообще непонятность, а не конкретные загадки конкретных тем. Если бы Рой мог обойтись без Андрея, он и не подумал бы о друге. Но еще в звездолете, на обратном пути с Марса на Землю, Рой понял, что Андрей необходим. Только в лаборатории Корытина можно выяснить загадки аварии. Только там имеется сложнейшая аппаратура для проверок вневременных передач, только там он с Арманом найдет человека, этого самого Корытина, несравненно лучше их разбирающегося в существе явления, породившего аварию. «Ради Андрея нам придется примириться с Андреем», — со вздохом охарактеризовал Арману ситуацию Рой.

— Рассогласование во времени команд с планеты и ответных действий корабля вполне объясняет катастрофу, — прокомментировал Арман картины на экране. — Но такое объяснение, в свою очередь, порождает столько новых и сложных проблем...

Андрей прервал его нетерпеливым взмахом руки:

— Какие новые проблемы — чепуха! Пульсирующее течение времени — вздор, плохо знают физику в вашем институте, никуда время не пропадает! А сверхсветовые скорости — не исключено, я недавно выступил в передаче, надо прислушиваться к новым идеям...

— Мы слушали ваше сообщение на Марсе, — вежливо сказал Арман. — И нас поразило, как близки ваши исследования к явлениям, с которыми столкнулись мы. Я еще на Марсе сказал об этом Рою.

— Я не слышал твоей передачи, — признался Рой. — Я был подавлен несчастьем с Генрихом, ужасной картиной в морге... И что твои работы могут пролить свет на наши загадки, я в тот момент и вообразить...

— ...не мог, знаю, иного и не ожидал: для воображения нужна работа мысли, на это тебя всегда не хватало, Рой, говорю как друг, ты мыслишь слишком медленно, это уже не подходит. Постой, дай сказать! — закричал он на протестующий жест Роя. — Я же пришел не обсуждать тебя, не отвлекай! Катастрофа на Марсе, точно, соприкасается с нашими работами, твой помощник прав, только не прерывай, ненавижу, когда прерывают!.. Мы совершили величайшее открытие века, и от такой формулировки не отрекусь, она самая точная. Я полностью потерял покой с минуты, когда узнал, что дважды два — четыре!

— А ты раньше не подозревал, что дважды два равняется четырем? — Рой знал, о чем говорит Андрей, но не удержался от насмешки.

Андрей был незаурядным математиком. Он легко оперировал рядами Нгоро, сложнейшие же суперматрицы Петровского были знакомы ему, как сам он утверждал, «не только в лицо, но и за руку».

— Ты грубиян, Рой! Или хочешь, чтобы в потоке света, мирно льющемся из скопления Кентавр-3, а оно на периферии Галактики, почти двадцать тысяч парсеков от Солнца, сразу преподнесли высшую математику? Спасибо, что и это удалось расшифровать!

И он с восторгом стал описывать, как приняли необыкновенное сообщение из далекого шарового скопления. В тот день испытывали большую шифровальную машину, разлагающую суммарный световой поток на отдельные фотоны. «Самая совершенная станция приема из созданных человечеством!» — воскликнул Андрей. Свет в ней используется как рабочее тело, но не как агент передачи. Для космической связи свет не годится, свет слишком медленно движется. Разумные цивилизации Вселенной разделяют тысячи, сотни тысяч, миллионы светолет. Человечество успеет состариться и погибнуть, а Солнце погаснет, пока от далеких собратьев придет ответ на вопрос, заданный при помощи света на заре развития человечества. Космические цивилизации не выберут в качестве агента связи медленный свет, это заведомо обречет на неудачу попытки знакомства.

— Но ты же сам говоришь... — вставил реплику Рой.

— Не говорю, нет, отвратительная привычка вторгаться с пустячными вопросами в объяснение, слушай и молчи!

Рой больше не задавал вопросов, и Андрей возвратился к большой шифровальной машине. В их лаборатории заранее решили рассматривать все виды электромагнитных излучений, поступающих из космоса, как некий канал, внутри которого распространяется несравненно более быстрый реальный агент межзвездной связи. Для ясности он приведет такой пример. Свет подобен древней железнодорожной колее. Рельсы строились медленно, они продвигались вперед на километры в сутки. Но потом по ним мчались быстрые поезда! Свет тысячелетия, миллионы лет ползет от звезды к звезде, от галактики к галактике. Но, протянувшись от светила к светилу, он становится соединяющей их колеей, по ней можно приступить скоростные агенты, самостоятельно не движущиеся в космосе. И тогда межзвездная связь становится практически мгновенной. Между прочим, волны со сверхсветовой скоростью были открыты еще в двадцатом веке, их тогда называли волнами материи. Тогда же установили, что они не несут энергии, и к ним потеряли интерес. Предки воображали, будто все виды энергии исчерпываются теми, какие им были известны. Их ошибок не повторяли. Любое чудовищное предположение принималось для проверки.

— Чего мы не делали, Рой! Но эффект дало лишь замедление света. Не изображай недоверия, Рой, знаю твои возражения. Да, свет медлителен, но когда? Пересекая космические бездны! А для пленок, на которых его фиксируют, слишком быстр! Частота световых колебаний даже в видимом спектре так велика, что можно все человеческие знания, миллиарды старинных книг, миллионы лент полностью уложить в десятиминутной передаче! А теперь вообрази в том же световом потоке информацию от агента побыстрее, да ведь тогда всю тьму человеческой премудрости впишешь в микросекундную передачу, как же уловить ее начало, ее конец, не говорю — расшифровать полностью! Вот и задача: замедлить свет, чтобы открыть в нем сверхсветовые передачи! Мы теперь принимаем излучение по фотону: свечу, зажженную на отдалении Веги, — вот такую яркость. Потом, естественно, усиливание, запись, анализ... И на диаграммах появились позывные первой внеземной цивилизации, уровнем развития, вне сомнения, превосходящей земную, наши звездные соседи, как ты знаешь, пока далеко уступают человеку. Вот эта пульсация: два-два-четыре, два-два-четыре...

Он наконец выговорился и замолчал. Рой спросил с недоверием:

— Запись одноразовая или повторяется?

— Чудак ты, Рой, разве можно быть уверенным, что дважды два — четыре, если бы непрестанно не повторялось!

— И ничего, кроме этой арифметической истины, не принято?

— Пока ничего. Это же позывные, чего еще ждать от позывных!

— Чем ты объясняешь, что основная передача не принята?

Андрей стал терять живость речи:

— Вариантов тысячи, тысячи... А самый вероятный: мало ослабляем свет. Не могут же позывные и основная передача идти в одном темпе, позывные медленнее, только тогда их уловят малочувствительные приборы, не все же цивилизации одинаково развиты! А привлеч внимание, дело сделано, на приемных станциях знают, что не просто свет, в нем информация, надо настраивать аппаратуру на тонкое улавливание!

— Готовите проверку этого предположения?

— Готовим, готовим, эксперимент будет сложным, очень! — Андрей повернулся к Арману: — Вы со мной, собираетесь-ка поживей!

Арман вопросительно посмотрел на Роя. Рой усмехнулся:

— Так сразу? И зачем он тебе нужен?

— Не мне, ему самому нужно, вам всем, вы же интересуетесь сверхсветовыми передачами, вне временными — так вы их по глупости называете, только в моей лаборатории имеется подходящая аппаратура.

— Мы воспользуемся твоим разрешением, но раньше познакомим тебя с последними болезненными видениями Генриха.

Андрей нетерпеливо дернулся:

— Мне хватит бреда Артемьева, до такой ерунды Генриху все равно не добраться. Не хочешь в лабораторию, летим в санаторий, с радостью погляжу на самого Генриха, нет времени на ваши пустые зрелища.

— Времени, потраченного на эти зрелища, ты не пожалеешь. Дело в том, что в бреду Генрих проделал удивительное математическое вычисление.

2

На стереоэкране менялись краски и контуры, зрелище походило на картину сумасшедшего художника — мир разноцветных призраков, пространство, пронизанное взрывами, фигуры, напоминающие скорее диаграммы, чем живые существа. Вскоре стало ясно, что это мысли, но закодированные не словами, не чертежами, а как-то по-иному — полуправдоподобное-полусимволическое мышление.

Арман комментировал, тыкая указкой в экран:

— Вот здесь клубится фиолетовое облачко биологических переворотов, расшифровка дала фантастическую картину диковинных существ. Обратите внимание на бурно проносящиеся силуэты, это демоны физических закономерностей; институтской машине понадобилось шесть часов, чтобы разобраться, — рейс до Сириуса она рассчитывает за два часа. Результат: школьная физика, Генрих мог бы сдать курс на четверку, но не больше. Зато те красные змеи, крадущиеся в лиловом тумане, интересней. Приглядитесь к извивам, к гребням на туловищах... Все эти обертоны мозгового излучения после расшифровки оказались ответвлениями ряда Нгоро.

— Расшифровку! — нетерпеливо потребовал Андрей. — Змеи не интересуют, давайте математику!

На стереоэкране засияла математическая структура: переплетения посылок, разброс следствий, обобщенная конструкция результата. Рой торжественно произнес:

— Ты видишь формулу движения трех тяготеющих тел вокруг общего центра. Кроме того, Генрих вывел формулы для любого числа взаимно тяготеющих тел, но они слишком сложны, чтобы показать на экране. Все вычисления правильны...

Андрей вскочил и возбужденно заходил по комнате.

— Это же значит, что Генрих совершил открытие, которое не удавалось ни Одному математику! — крикнул он, останавливаясь перед Роем. — Он самый выдающийся гений из живших на Земле!

— Никакой он не математик, — с досадой возразил Рой. — Тем более не гений. Мы со всем тщанием проверили математические способности Генриха.

— Ты хочешь сказать...

— Да, именно! Ординар. Генрих так же способен создать новую математику, как репа заколоситься.

Андрей с удивлением смотрел на Роя.

— Но тогда мозг его послужил приемником чужой мыслительной работы, стал полем, на котором разыгралась не им порожденная буря?

— Похоже, так.

— Значит, все-таки есть этот гений, этот математический титан, который добился огромного результата, но сам его не обнародовал, а навеял в мозг твоего брата! Так в чем дело? Немедля вывести его на свет! Предки выражались еще ярче: «При жизни поставить памятник!»

— Мы ищем, — невесело сказал Рой, — неведомого человека, настроившего свое сознание на мозг Генриха, или непостижимое явление, превращающее рядового жителя Земли в научного исполина... Мы ищем разгадки катастрофы на Марсе, ибо ни я, ни Арман не сомневаемся, что гибель звездолета и чудесные возникновения математических способностей у Генриха — звенья одной таинственной цепи.

3

Генрих, помогая себе палкой, ковылял по аллее парка. Когда прилетели Рой и Андрей, он радостно махнул рукой и заторопился, но ноги еще плохо слушались его. Рой, подбежав, успел поддержать брата. Он упрекнул Генриха:

— Не рано ли в бег? Тебе лежать и лежать.

— Бежать — рано, в остальном я здоров, — весело ответил Генрих.

Он опустился на скамью, Рой и Андрей сели рядом. Андрей молча глядел на друга. Генрих похудел, в нервном, раньше легко менявшем выражение лице появилась восковая оцепенелость, странно противоречившая глазам, по-прежнему живым. Генрих усмехнулся, он знал, как выглядит.

— Когда человек рассыпается на атомы, Андрей, его в старом виде трудно собрать, — сказал он.

— Да, конечно, конечно, — поспешил согласиться Андрей. — Жуткая же была авария, просто жуткая! И столько загадок, столько тайн, столько всякой удивительности!..

И он опять замолчал, не отрывая испуганных глаз от Генриха. И молчание всегда словоохотливого, импульсивно исторгающего из себя слова друга показывало яснее любых слов, каким страшным кажется Генрих. Генриху это даже понравилось. Плохой внешний вид соответствовал ужасу катастрофы. Генрих по-человечески порадовался бы, если б Андрей открыл в нем цветущую внешность: он тяготился болезнью, особенно в те первые дни на Земле, когда, возвращенный в сознание, еще не знал, хорошо ли пойдет выздоровление, и с опаской думал о будущем.

Сейчас каждая клетка тела ощущала возвращение здоровья, будущее было светло, скверный внешний вид уже не соответствовал внутреннему состоянию; он лишь свидетельствовал о глубине той ямы, из которой Генрих выбрался. Генрих, с удивлением поймав себя на этой мысли, ощутил удовольствие, что так напугал Андрея.

И он сказал шутливо:

— Насчет тайн и удивительностей промолчу. В том, что считать удивительностью, а что стандартом, ты знаток выше нас всех. Но так утомительно почти месяц бесцельно валяться на постели, когда другие...

Андрею почудилась в ответе Генриха не шутка, а жалоба, он запротестовал, чтобы не дать Генриху углубиться в жалость к себе, — жалость плохой помощник выздоровления:

— Не надо, Генрих, какие бесцельности! Ты столько во время болезни сотворил поражающего воображение!..

Генрих грустно усмехнулся:

— Ты насчет моего превращения в великого математика? Это уже прошло. Поболел гениальностью и выкарабкался в нормальность.

— Все-таки это твои открытия, — пробормотал Андрей.

— Вряд ли. Каким-то образом мой больной мозг стал приемником чужих сокровений, к тому же плохим приемником: сразу же выплеснул их наружу. А тот, кто реально генерирует великие мысли, носит их в себе. Так ведь, Рой?

Рой сдержанно сказал:

— Пока ты можешь еще претендовать на свое авторство.

— Это было бы слишком простое решение, Рой. А ты ведь сам доказывал, что самое бесплодное дело — искать простых решений. Трудно и вообразить себе, Андрей, как Рой мучил меня вопросами, расспросами, допросами и повторными запросами с той первой минуты, когда я стал способен на что-либо отвечать.

— А каков результат? — осторожно спросил Андрей. — Я имею в виду...

— Я знаю, что ты имеешь в виду. Моя память обрывается на моменте, когда Спенсер стал приподниматься на диване. Что было потом, даже и не представляю себе.

Андрей взглядом спросил Роя, не повредит ли Генриху дальнейший разговор об аварии. Рой, отвернувшись, не поймал взгляда Андрея. Поколебавшись, Андрей продолжал ставить новые вопросы, лишь постарался говорить помедленней и наблюдал при этом за лицом Генриха, чтобы прервать выспрашивания, если при каком-либо воспоминании оно болезненно исказится. Но Генрих отвечал спокойно, то пожимал плечами, то недоуменно улыбался, то задумчиво смотрел куда-то вдаль — такова была его обычная манера разговора. Андрей понемногу успокаивался, Генрих был прежним, несмотря на свой новый страшный вид.

— Твое сознание, однако, сохранило многие картины, Генрих?

— Знаю. Чьи-то дикие глаза. Они отпечатались в моем мозгу, а не в сознании. Картинки любопытные, я их сейчас с интересом рассматриваю на экране, но ощущение такое, будто ко мне они не имеют касательства.

— Что ты можешь сказать о Спенсере?

— То же, что об экипаже: практически ничего. Мы встречались в столовой и салоне, изредка перекидывались словами.

— Полет проходил нормально?

— Точно по графику. Если бы рейс закончился благополучно, я сказал бы — удивительно скучный перелет.

Рой, запрокинув голову, рассеянно глядел на листву. Лето переламывалось в осень — та особая пора, когда в воздухе глухо и сонно, листья почти не шелестят, птицы не перекликаются. В парке было пусто, выздоравливающие, видимо, отдыхали в своих комнатах. Андрей обвел глазами тронутую желтизной зелень и с удивлением сказал:

— Знаешь, Генрих, хороший же месяц сентябрь, я его всегда люблю, а тут забыл, какие погоды, мне казалось — еще весна. Нет, до чего же хорошо!

Насмешливая улыбка чуть обозначалась на лице Генриха. Улыбался он по-новому — сдержанней и суще.

— Это у нас с Роем тоже бывало — забыть, какое время на дворе. Расскажи о своих достижениях, Андрей. В эфире поминают вашу лабораторию больше, чем все другие. Значит, вы открыли новую галактическую цивилизацию? Поразительно, поразительно!

Андрей о своих работах всегда распространялся с охотой, а сейчас хотелось и отвлечь Генриха. И он знал, как интересовался и раньше Генрих всем, что совершилось в его лаборатории.

— Не новую — единственную. Внеземных цивилизаций немало, но цивилизация на Кентавре намного превосходит человеческую: еще не доступные нам методы связи, все на сверхсветовой скорости...

— Не так быстро, — попросил Генрих. — Прежней скорости восприятия я еще не восстановил.

Как ни был увлечен своим рассказом Андрей, он заметил, что Рой подает осторожные знаки. Вскочив со скамьи, Андрей оборвал себя на полуфразе:

— Остальное узнаешь, когда выйдешь, к тому времени накопим новые наблюдения. Выздоравливай! Выздоравливай!

Генрих остался в парке. Рой шел не торопясь, пока Генрих мог их видеть, потом убыстрял шаг. Андрей недовольно сказал:

— Дикая же спешка! Разве могли повредить мои объяснения, не понимаю, почему не дал досказать, он же заинтересовался...

— Скорей, скорей! — Рой уже не шел, а бежал к авиетке, оставленной у входа. — Я получил мыслограмму от Армана, что уловлены мозговые излучения такой же характеристики, что у Генриха во время болезни.

— Человек? Машина?

— Человек. И находится в Столице.

Когда Арман волновался, его смуглое лицо не краснело, а темнело. Сейчас оно казалось угольно-черным. Арман что-то раздраженно выкрикнул, увидев Роя с Андреем. Рой догадался, что Арман ругается: Арман гордился, что знает старинные клятвы, заклятия и проклятия, заговоры и наговоры; он часто, когда опыты не шли, отводил душу в странных восклицаниях. Рой считал, что так облегчать себя все же лучше, чем швырять приборы, как иногда делал вспыльчивый Генрих.

— Я же просил, просил поскорей! Неужели потом нельзя было наговориться?

— Я не хотел при Генрихе вынимать передатчик из кармана и не все отчетливо слышал. Значит, нашли?

— Не нашли, а потеряли! Засекли, стали пеленговать — вдруг замолк!

Прерывая себя раздраженными восклицаниями, Арман рассказал, что институтская МУМ — малая универсальная машина — приняла излучение той же сумбурной характеристики, что и больные видения Генриха. Электронный медик санатория информировал, что Генрих мирно беседует с другом и братом в парке и что его мозг излучает на спокойных частотах. И в этот момент излучения оборвались, генерирующий их мозг выключился так внезапно, словно погасили лампочку.

Ничего существенного в уловленных излучениях не было, обычная мозговая работа; возможно, человек читал книгу, или любовался телевидением, или с кем-то разговаривал. Но что характеристика совпадает с мозговыми записями Генриха, Рой увидел, едва взглянув на перепутанные кривые. Он часто с волнением, с тревогой, с восхищением взглядывался в точно такие же кривые — странные линии, сумятица, судорожные выплески пик, стремительность падений, одни были вызваны тяжкой болезнью, другие свидетельствовали о пронзительных озарениях...

— Если торопишься к себе, я не держу, — сказал Рой Андрею, с любопытством рассматривавшему изображения. — Завтра продолжим беседу.

Рой постарался, чтобы приглашение оставить их прозвучало достаточно убедительно. С Андреем можно было беседовать о его открытиях, но не налаживать погоню за каким-то незнакомцем, мыслительная работа которого так странно повторила болезненные видения Генриха. В сыщики Андрей не годился. Но он был иного мнения о себе. Бледноватое лицо Андрея побагровело.

— Ну нет, на самом интересном месте, вот еще что придумал — завтра! Будь покойен, не помешаю, еще похвалишь!

Рой махнул рукой:

— Тогда сиди и молчи! Будем педантично рассматривать каждый вариант, Арман. Первая возможность, по-моему...

— Да. Излучающий мозг удалился из зоны, где могут засечь его работу.

— Конкретней — источник излучений улетел из Столицы.

— Отпадает. По мере удаления излучение ослабевало бы постепенно, а кривые обрываются круто.

— Вторая: человек заснул.

— Те же возражения. Когда человек засыпает, мозг еще некоторое время работает, ты это знаешь не хуже меня.

— Смерть?

— Маловероятно. Был бы взрыв, перестройка всей картины.

— Сумбура хватает.

— Нормального сумбура, я бы так сказал. Необычная картина, которая непрерывно продолжается. Смерть все-таки обрыв непрерывности, а не ее продолжение.

— Больше я не могу ничего придумать, — сказал Рой.

— Я придумал! — воскликнул Андрей. — Есть еще возможность, теперь слушай меня, я самым простым и коротким...

— Да, пожалуйста, коротким.

— Переключился на иную мозговую генерацию, вот и все! Подробней хочешь?

Рой согласился выслушать подробней. Андрей настаивал, что от человека, умеющего переадресовать свою умственную деятельность другому, да еще внедрить в чужой мозг способность на величайшие открытия, можно ожидать и умения менять свои мозговые излучения. Правда, с такими явлениями пока не сталкивались, считается, что каждый мыслит в характеристике, созданной генами, теперь удастся углубить наши знания, только и всего.

— Хорошенько «только и всего»! — с досадой сказал Рой. — Был дураком, стал гением, снова обратился в дурака — вот чему равнодушны твои «только и всего»!

— А что? Каждое невероятное явление требует своего объяснения.

— Но вероятного, Андрей! Объяснить — значит свести странное явление к нормальным причинам. Если принять на минуту твою версию, то это значит: кто-то в Столице прогенерировал в мозговой характеристике Генриха и, сменив свой мозг — иначе я это и назвать не могу, — выпал из нашего наблюдения.

— Есть возможность проверить, был ли раньше когда-либо человек с такой характеристикой среди жителей Столицы, — сказал Арман. — Наша машина сейчас изучает мозговые паспорта, хранящиеся в архиве.

Он набрал вызов МУМ и покачал головой, получив ответ.

— Рой, машина дает справку, что среди постоянного населения города нет ни одного, кто бы генерировал в этой характеристике. Она проверила мыслительную работу нескольких миллионов человек с момента рождения — отожествление исключено!

— А переменное население? — спросил Рой. — Командировочные, гости, туристы?..

— Проверка их сложнее, но делается и она. Машина изучает архивы гостиниц.

— Мы с Андреем полетим в гостиничный городок, — Рой сделал знак Андрею, — а ты передашь нам ответ по мыслепроводу.

Андрей, опередив Роя, первым вскочил в авиетку и вынесся наверх. Рой лишь поднимался над деревьями институтского парка, когда Корытин уже парил над крышами небоскребов Большого Кольца, нетерпеливо поджидая там замешкавшегося друга. Андрей не только показывал усердие, но и захватывал инициативу. Это, впрочем, не показалось Рою неожиданным: стремление всегда первенствовать было неистребимо в Андрее; он не желал выделяться, но просто не мог не выделяться, вторые роли были не для него, за какое бы дело он ни брался. И, увидев, что Рой наконец выбрался на высоту, Андрей сердито махнул рукой, чтобы он поторопился, и умчался вперед.

Они проносились над зелеными массивами, над улицами и проспектами, внизу было много пешеходов, еще больше людей носилось в воздухе. Ни один из прогуливающихся или летящих не мог быть тем, кого они разыскивали, перемена характеристики мозга — операция невыполнимая вообще, тем более в какие-то считанные минуты. Рой понимал это, но несุразная мысль все возвращалась.

— Крепко же в меня засели невероятные вероятности Андрея! — пробормотал Рой, усмехнувшись.

Андрей, летевший метров на двести впереди, услышал в передатчике свое имя и спросил, чего Рой хочет. В это время Арман дважды по мыслепроводу выкрикнул: «Сектор шестой, корпус первый, двадцать девятый этаж, номер сто шестьдесят первый!» Рой продублировал Андрею сообщение Армана.

— Высаживаемся на причальном балконе тридцатого этажа! — крикнул Андрей.

Гостиничный городок, район самых высоких зданий Столицы, располагался на острове, возведенном в центре Восточного озера. Островок сам по себе был невелик, всего один квадратный километр, но, заселенный полукилометровой высоты домами, с воздуха казался собранием гигантских глыб, взметнувшихся над сравнительно невысоким пейзажем, — жилые дома вокруг Восточного озера не превышали сорока этажей, лишь на кольцевых проспектах были повыше. Шесть секторов разделяли гостиничный городок на равные участки, в центре каждого возвышался двухсотэтажный корпус, номер его в каждом секторе был первым — шесть гигантских малиново-белых факелов обозначали своим сиянием секторы. Особенно красочным зрелище было в夜里, когда верхние этажи, казалось, пропадали среди звезд.

К одному из высотных корпусов и устремил свою авиетку Андрей. Он подлетел к двухсотому этажу, но не остановился на его посадочной площадке, а заскользил вниз. Каждый десятый этаж опоясывал гигантский балкон, на третьем снизу балконе Андрей остановился. Рой добавил скорости и догнал Андрея, когда тот выскакивал из авиетки. Андрей, прыгая через три ступеньки, сбежал на двадцать девятый этаж и помчался по коридору к диспетчеру этажа. Диспетчер — металлический щит, на нем вспыхивали разноцветные глазки номеров и красные цифры оказываемых услуг, — выпечатал на приемном окошке лицо миловидной женщины, отвечал приветливым женским голосом: гостиничные автоматы последней модели были устроены так, что с мужчинами разговаривали в женском образе, а с женщинами — в мужском, по утверждению конструкторов, это предохраняло от многих раздражений.

— Федор Ромуальд Гаррисон, да, Федор Ромуальд Гаррисон, — учтиво говорил диспетчер.

— С ума сойти! — восторженно заорал Андрей подходившему Рою. — Знаешь, кто живет в номере, мой сотрудник Федя Гаррисон, паренек с Плутона, чудеснейший мастер по многомерной внеалгоритмике!.. Голубка, вы не ошиблись, двадцати семи лет, роста двести двенадцать, глаза голубые, холост, специалист по эн-мерным непорядкам?

Автомат подтверждал все, что выкрикивал Андрей:

— Да, с Плутона, двадцать семь лет, роста двести двенадцать, восемьдесят девять килограммов, холостой.

— Почему же он не в лаборатории? — вдруг возмутился Андрей. — Черт знает что, достаточно разок не явиться, все сотрудники разбегаются, он, правда, неделю хворал, но ведь поправился, неужели опять?.. А вы не ошиблись, милая, он у себя?

— Он выходил утром, постоял в коридоре и возвратился.

— Задам я ему, пошлите-ка вызов!

— Гаррисон не отвечает на вызовы, друг.

— Как не отвечает? Дайте-ка снова!

— Не надо! — Рой положил на приемный столик жетон, свое удостоверение: оно выдавалось лишь тем, кто имел право вести розыск в Столице. Жетон провалился в недра диспетчера и вновь вернулся.

— Слушаю, друг! — сказал автомат совсем другим голосом, такие голоса называли «информационными», в отличие от «обслуживающих».

— Ключ к Гаррисону!

На столике появился ключ, его схватил Андрей.

— Я побегу вперед!

Он мигом исчез за поворотом коридора.

Когда Рой подошел к номеру, оттуда выскочил Андрей, он что-то силился выговорить и не моп, Рой схватил друга за руку:

— Да что там? Что? Не молчи же!

— Доктора! — пролетал Андрей. — Федя.., Федя!..

Рой вбежал в номер, повернул на стене рычажок медицинского вызова — Андрей в ошеломлении забыл о нем, — огляделся. На кровати лежал прикрытый простыней человек, на столике лежала записка, Рой прочитал: «Андрей, простите меня, не могу иначе!»

— Это и вправду твой сотрудник Федор Ромуальд Гаррисон? — хмуро проговорил Рой.

Андрей с трудом прошептал:

— Он, он! Такая страшная смерть!

— Мертв?

— Пустил себе разряд в ухо. Из лабораторного разрядника, восемь тысяч вольт!.. Мгновенная смерть, абсолютно мгновенная... А твой Арман говорит — смерть маловероятна...

— Прикрыл его ты, Андрей?

— Я, я! Такой ужасный вид!.. Я набросил простыню и побежал.

Рой отдернулся от кровати. На кровати неестественно скрчился человек среднего роста. Рой сразу узнал его. Он десятки раз рассматривал этого человека, вспоминал его, размышлял о нем...

Андрей в испуге крикнул:

— Что с тобой? Как ты побледнел!

Рой опустился на диван, трясущиеся ноги не держали. С трудом выговорил:

— Андрей! Повтори — кто он?

— Федор Ромуальд Гаррисон! Разве не ясно?..

— Ты уверен? Отвечай, уверен?

— Абсолютно! Мне ли не знать Федю! Да и записка мне, разве не видишь? Он, он!

Дрожь в ногах все нарастала. Рой медленно выговорил:

— Человек этот — Василий Арчибалд Спенсер, тело которого я привез с Марса.

В номер вбежал врач с двумя санитарами.

Глава третья. Обезьянка Олли

1

Сначала надо было совершить дела, не допускавшие промедления: наскоро объяснить врачу, как они очутились здесь и что увидели в номере; вызвать в гостиницу Армана; прикрикнуть на Андрея, снова впавшего в отчаяние: этот человек, несмотря на энтузиазм, с каким вызвался в помощники, решительно не годился в следователи; объяснить Арману — все с той же косноязычной торопливостью, — что они опоздали к Гаррисону и тот успел сам распорядиться собой; попросить врача отправить умершего не в общий морг, а в институтский, а там поместить рядом с трупом Спенсера, ибо потребуется отождествление обоих погибших, а когда врач с санитарами вынесут Гаррисона в коридор и уложат в санитарный автобус, имевшийся на каждом этаже, поспешить за ними и сопровождать на авиетке медицинский аэробус.

— Можешь идти с нами, — сказал Рой Андрею, в полной пропастации следившему, как выносят из номера тело его помощника. — Но лучше вернись домой и прими радиационный душ.

Арман, взглянув на Гаррисона, тоже сразу признал в нем Спенсера. Это еще больше расстроило Андрея. Он негодующе воскликнул, что не может, как бы ему это ни доказывали, допустить, что один человек существует в двух телах. Арман хмуро возразил:

— Не существует, а погибает в двух обличьях. Андрей не нашел разницы.

— Послушай, ты пойми меня, — почти умоляюще говорил Андрей Рой, шагавшему по коридору за медиками. — Я уйду к себе, ты прав, зрелище не для меня, вы расследуете аварии и катастрофы, там везде мертвые, вы привыкли, а у меня звезды, это же совсем другое, пойми! Но как ты можешь говорить, что это не Федя, мне ли не знать Федю, это же мой лучший сотрудник, моя правая рука, артистическое понимание непорядков и сумбура, виднейший исследователь антилогик, как он может стать другим человеком, как, я тебя спрашиваю!

— Могу сказать одно: он, видимо, захотел свое артистическое понимание нелогичностей претворить в жизнь, — хмуро ответил Рой. — Ибо, согласен с тобой, нет человеческой логики в том, что один является в двух ипостасях, как говорили в старину. — Он с иронией посмотрел на Андрея. — Но для специалиста в антилогике, для теоретика сумасбродства природы все невозможное — возможно. Ибо в любом безумии есть система, и для самих безумцев она в том, что безумие — норма.

— Они близнецы! — с горячностью объявил Андрей. — Уверяю тебя, Спенсер и Гаррисон — близнецы, вот ты увидишь сам, когда прилетишь в морг, не сомневаюсь ни минуты, категорически потребуй, чтобы твой Арман немедленно запросил у Справочной...

— У меня нет охоты обижать своих сотрудников. Уверен, что Арман и без моих приказов уже послал Справочной все нужные запросы.

Когда Рой и Андрей вышли на балкон тридцатого этажа, от него отваливал медицинский аэробус. Вслед за медиками помчалась авиетка Армана. Андрей внезапно переменил, решение. Он должен собственными глазами посмотреть на единственного Спенсера, должен сравнить его с Федей Гаррисоном. Вскочив в авиетку, он помчался за Арманом.

Рой не торопился в морг. Сейчас там укладывают один загадочный труп рядом с другим загадочным трупом. Специалисты уже вызваны. Им нужно время, чтобы сформулировать свое заключение, он не хотел им мешать. Он будет думать. Выпало несколько спокойных минут: не надо ничего объяснять, командовать, принимать срочные решения, можно размышлять, а не действовать.

Итак, Гаррисон и Спенсер... Возможно, они и вправду близнецы, но маловероятно — ведь даже у близнецов не совпадают полностью мозговые излучения. И оба настолько схожи, что их не различить. И оба кончили трагически. И оба связаны с Генрихом — каждый по-особому, но связаны. Генрих и Спенсер жертвы аварии, Гаррисон через Спенсера и Генриха, с которыми связан — с каждым по-особому, — тоже, не исключено, к ней причастен. Они оба, Спенсер и Гаррисон, — звенья какой-то единой цепи. Зловещая цепь! Кто управляет ее движением? Чья злая рука вершила судьбами этих двух несчастных?

Ни на один из вопросов ответа не было. А Рой и не жаждал немедленного ответа. Еще на Марсе он убедил себя простых решений не ждать. Надо искать решений неожиданных, решений удивительных, таких, чтобы о них сказали: «Непостижимо!» Лишь они соответствовали сложности явления. Рой мрачно усмехнулся. Хорошо бы познакомиться с Гаррисоновой разработкой антилогики; возможно, там и вправду найдется что-либо более подходящее к случаю, чем в их логических построениях. Он иронизировал на эту тему с Андреем, но ограничивается ли дело одной иронией? А если природа сама иронизирует над собой? Рой покачал головой. Он заходит слишком далеко. В любом безумии имеется не только система, но и мера. А значит, и законы, управляющие безумием.

Одно несомненно: еще ни разу не приходилось сталкиваться с такой трудной проблемой. Были и раньше глубокие тайны, были запутанные загадки, были ужасные события, но все они лежали в границах реальной действительности: результат трагического столкновения известных сил и факторов, драматический плод нарушений режимов и правил, вторжение стихий в планомерную деятельность. Много, много было странного и страшного, что на спокойном языке отчетов называется «происшествиями». И гибель космических кораблей при посадках и взлетах и в рейсах, и гибель людей на дальних планетах, и гибель людей на Земле. И все то было — иное! Неудачно сложившаяся комбинация естественных причин, естественная необычность, так бы он сказал. Но два трупа одного человека, внезапное превращение обычного человека в гения и снова «падение в обычность» — где тут нормальные причины?

— Сверхъестественно, как говорили предки, когда чего-либо не понимали, — пробормотал Рой. — Ладно, ладно, не будем преждевременно делать широкие обобщения.

Он приземлил авиетку у служебного входа в университетскую клинику, отсюда был самый короткий путь в морг, помещавшийся в десятом подземном этаже.

На залитых светом столах лежали два тела, над одним склонялись эксперты. Среди них Рой увидел и Андрея с Арманом.

Андрей поспешил к Рою.

— Ужас, Рой! — воскликнул Андрей, нервно сжимая руки. — Ты прав, они не близнецы, даже не родственники, но такое удивительное сходство, такое невозможное сходство!

Рой вопросительно посмотрел на приблизившегося Армана. Арман молча подал ленту с записью ответа Справочной. Спенсер родился на Земле в 320 году нового летосчисления, в весенний день 9 мая. Гаррисон, уроженец Плутона, на той далекой планете провел детство и кончил школу, впервые на Землю попал, лишь когда подошли годы поступать в университет. Но различие между Гаррисоном и Спенсером этим и исчерпывалось, если не считать еще и различия профессий: один — математик, другой — астроботаник. Все остальное совпадало: рост, вес, цвет волос и глаз, внешний вид. Справочная педантично отмечала даже родинки на одних и тех же местах на шее и на спине. И хотя происходили они от разных родителей, родились в один и тот же день одного и того же года.

Рой молча вглядывался в запись, смутно ощущая, что держит в руках разгадку тайны. Но разгадка была закодирована непонятными символами, их надо было в свою очередь разгадывать.

Арман сказал:

— Различие между ними есть, но не физическое. Разные родители, разные места рождения, имена, образование. В общем, биографии непохожи, в остальном — полное совпадение!

Рой приблизился к группе медиков. Полного совпадения в обличье двух умерших все же не было. Спенсер был меньше Гаррисона. Это было настолько явно, что Рой обратился к справке. Там стояло: «Рост у обоих одинаков — 2 метра 12 сантиметров». Но Спенсер был меньше по крайней мере на десять сантиметров.

Один из медиков, Кон Араки, заметил, с каким недоумением переводит Рой взгляд с мертвых на запись и снова на них.

— Нас это тоже удивляет, — сказал Араки. — Спенсер мумизируется, хотя и помещен в нейтральную атмосферу. (Тело Спенсера покоилось в прозрачном саркофаге.) Мы не ожидали, что он с такой интенсивностью будет терять вес. Вероятно, это связано с неизвестными нам особенностями его гибели.

Рой вспомнил, что еще на Марсе начальника астро-порта Винклера поразило быстрое ссыхание трупа. Очевидно, и специальная атмосфера, обрывающая все реакции в клетках мертвого тела, в этом случае оказалась малоэффективной: новая странность, доказывающая необычность этого трагического происшествия. Рой сказал медику:

— Я, как и вы, не знаю, почему труп так быстро теряет вес, но мне это представляется очень важным для расследования аварии. Нельзя ли сохранить тела в таком виде, как они есть? Особенно это относится к Гаррисону.

— Попробуем. У нас имеются и более сильные консервирующие средства, чем нейтрализующая атмосфера.

— Оживление Гаррисона решительно невозможно? — на всякий случай уточнил Рой.

— Решительно, друг Рой! Тело практически не повреждено, но мозга не существует, все мозговые клетки переплавлены. Мы пришлем вам подробный доклад дня через два.

Рой кивнул головой и отошел. Арман сказал, что останется с медиками, пока они не закончат исследование трупа. Андрей бросил прощальный взгляд на Гаррисона и догнал Роя. Они молча вышли в сад. Рой ласково положил руку на плечо Андрея:

— От всей души сочувствуя тебе — потерял друга, хорошего работника...

Нервное лицо Андрея исказилось от боли.

— Нет, Рой, при чем здесь сочувствие мне, все куда страшнее! Я знаешь о чем думаю? Это ведь самоубийство, а почему, нет, объясни, зачем понадобилось Феде умирать, ведь не было причин, не было, не было, я-то ведь хорошо знал Федю!

Рой сумрачно взразил:

— Были причины, и, вероятно, важные. Боюсь, Гаррисон жил какой-то двойной жизнью, а ты об этом и не подозревал.

Андрей вызвал авиетку, сказал, что ждет Роя с Арманом к себе, и взмыл ввысь.

Рой вышел на радиальную улицу, завернул с нее на кольцевой проспект, выбрал тенистое местечко. Здесь было хорошо сидеть и размышлять. Он откинулся на спинку скамейки, но не размышлял, а отдыхал. Высоко над деревьями проносились одиночные авиетки с жителями, торопившимися по своим делам, важно проплывали туристические аэробусы, мчались спортивные машины. В воздухе была толчея, сумятица на всех разрешенных для движения уровнях. Такая же сумятица открылась бы, вероятно, и на подземных горизонтах, если бы удалось снять верхний покров и разом увидеть все эти «минусовые горизонты». А на Земле, на видимой ее поверхности, была удивительная, хватающая за душу тишина.

Рой сперва вяло удивился тишине — низовой ветер на этот день, видимо, разрешен не был, ни один листочек на ликах и кленах не подрагивал, даже всегда беспокойные тополя не шелестели листвой, и густая трава на газонах высилась надменно, — потом с удовлетворением подумал, что человечество, все дальше погружаясь в недра, все выше забираясь в воздух, оставило наконец поверхность если и не в покое, то для покоя. Сегодня первый день бабьего лета, вспомнил Рой. Инженеры Управления земной оси хорошо разбирались в значениях древних слов; они и оттенки давно изжившего себя словаря педантично переводили на язык современных метеорологических понятий, вдохновенно переводили, поправляя он себя с удивлением: до него вдруг дошла прелесть дня.

Солнце выбралось за край высотного корпуса гостиничного городка, оно шествовало по опускающейся небесной кривой, жаркое, томное, упоенное собой. Утром шел дождь, дождь всегда начинал этот знаменательный день, первый день бабьего лета. Бабье лето начиналось со свежести, свежесть лишь к полудню превращалась в жаркое дыхание, а сейчас уже шло к вечеру. Могучие соки земли струились в жилах трав и деревьев, исторгались наружу пьянящими ароматами. Рой вдыхал, как пил, дурманящий дух земли. Это было воистину бабье лето — пора созревания плодов. Он закрыл глаза, голова немного кружилась, мысли путались, уже не было мыслей, было отречение от дел, разрешение от забот, то облегчение от тягот, с какого начинается истинный покой, — ощущение завершенности.

— Хорошо, ах, до чего же хорошо! — пробормотал он.

И когда слово «хорошо» дошло до сознания и больно укололо своей несвоевременностью и напомнило, что до хорошего далеко, ничего нет пока хорошего, кроме вот этого великолепного дня, созданного не столько вольной прихотью природы, сколько запланированным старанием метеорологов, он, повысив голос, упрямо повторил себе, как заклинае:

— Хорошо, просто невозможно, как хорошо!

Генрих переходил от стенда к стенду, от прибора к прибору, до каждого с наслаждением дотрагивался, с нежностью провел рукой по схеме переключений, дружески похлопал по щиту с командными аппаратами. Остановившись в углу, он обвел растроганными глазами лабораторию.

— Здорово же ты изголодался по работе, — заметил Рой.

Генрих присел около брата.

— Ужасно, Рой! Я ведь уже потерял веру, что возвращусь к нормальной жизни.

— Медики не считали тебя безнадежным ни на Марсе, ни на Земле.

— Я сам считал себя безнадежным. Чем ты нагрузишь меня? Чем вы сейчас занимаетесь?

— Легче сказать, чем мы не занимаемся! Лаборатория особых космических проблем, а под особыми всё больше понимаются несчастья в космосе... Что до меня с Арманом, то мы заняты тобой. Отчего ты чуть не погиб?..

— И для чего выздоровел, да? — Генрих нахмурился. — Вряд ли я буду по этой проблеме хорошим тебе помощником. Древние говорили, что познать самого себя — самая трудная штука.

— Они же говорили, что самопознание — предпосылка всякого иного знания. Впрочем, ни минуты не сомневался, что ты выберешь тему сам, и обязательно не ту, какую тебе порекомендуют.

Генрих засмеялся. У него и раньше были обычны быстрые переходы от дурного настроения к веселью и от веселья к хмурости. После болезни внезапная смена настроений стала резче. Обдумывая, как держаться с братом, Рой предписал себе подтрунивать, но не противоречить. Не встречая отпора, Генрих легко «перегорал», эта черта в нем сохранилась.

— Но если деятельно участвовать в расследовании мне непосильно, то интересоваться им буду, — предупредил Генрих.

— Это не противопоказано, — согласился Рой.

— В этой связи у меня много вопросов к тебе.

— Задавай их.

— Доказано ли, что Спенсер и Гаррисон одно лицо?

— Доказано, что их нельзя различить физически.

— Как-то они все-таки различаются?

— Биографически. Анкетно, как говорили наши предки.

— А как понимать физическое тождество?

— Буквально. Совершенные близнецы, хотя и от разных родителей. Высокомудрая МУМ едва не впала в электронное безумие при обработке их данных, на третьем запросе она уже путала их.

Генрих, помолчав немного, заговорил опять:

— Зачем летел Спенсер на Марс? Ты объяснял, но я забыл.

— Изучить энергию марсианской растительности. Физики считали тему важной.

— А его двойник? Они не были знакомы? Разумеется, если не исходить из посылки, что оба — одно существо.

— Они сейчас лежат рядышком, повергая своим сходством в трепет студентов-медиков. Наличие двух тел доказывает, что существа они разные.

— Что значит предсмертная записка Гаррисона?

— Этого никто не знает.

— Это может знать Андрей, записка адресована ему.

— Он и понятия не имеет, что подразумевал Гаррисон.

Генрих опять помолчал, размышляя.

— Доказана ли сверхсветовая скорость команд Марса?

Рой пожал плечами.

— Я бы сказал осторожней: не доказано, что сигналы распространялись со скоростью света. Мгновенность передачи остается пока единственным объяснением загадки.

— Но это противоречит законам мироздания, Рой.

— Да, известным... Напомню тебе, что сама авария тоже не может быть объяснена действием известных нам законов.

— Мгновенность передачи возвращает нас к работам Андрея. Ты считаешь их обоснованными?

— Не мне судить о таких проблемах. Общее же мнение таково: условлена передача, но позывные ли это иной цивилизации или результат природного процесса, случайно приводящего к повторению арифметических азов, неведомо. Мысль, что прием идет при помощи сверхсветового агента, пока не больше чем блестящая гипотеза. Андрей подготавливает решающий опыт. Он приглашает нас познакомиться с его аппаратурой. Ты пойдешь?

— С охотой. Еще вопрос, Рой.

— Хоть сто.

— Сообщения с Марсом восстановлены?

— Только грузовые. Пассажирские — в порядке исключения, туристские на неопределенное время отменены.

— Воображаю, как тебя торопят с расследованием, Рой!

Рой сумрачно усмехнулся:

— Каждый день вызывает Боячек. Задал, задал ты работы, Генрих!

На экране засветилось улыбающееся лицо Армана.

— Приветствую с возвращением в родные места, Генрих! Рой, ты поклонник бредотворчества? Величайший сноторец нашего времени Артур Артемьев просит незамедлительно принять его.

Генрих с недоумением взглянул на брата:

— Не ожидал, что мои видения породят в тебе любовь к художественному бреду!

— Если у нас появился Артемьев, то, значит, это нужно ему, а не мне, — ответил Рой.

— Прими его повежливее, Рой, — посоветовал Ар-ман. — Он все-таки знаменитость и характер — по славе!

В лабораторию вплыл круглый, подвижный человечек. Рой учтиво пошел ему навстречу.

3

Предупреждение Армана было излишне; и Рой и Генрих хорошо знали, кого принимают. В странном роде искусства, именуемого художественным сноторечеством, Артур Артемьев давно был признан выдающимся мастером, чем-то вроде классика-сновидца. Правда, полного собрания сновидений ему не удалось выпустить, но лишь потому, что и сейчас, уже пожилой, он продолжал систематически продуцировать сны, яркие, как у ребенка, и сюжетно весьма стройные (запутанность острого сюжета была важнейшим художественным приемом Артемьева). «Мое бредовое академическое издание возможно лишь после моей смерти», — утверждал он. Зато ежегодно пополняемая катушка «Избранных бредовид-ний Артемьева» не залеживалась на полках: у молодежи, склонной к экстравагантности, Артемьев ходил в любимых авторах. К тому же техника бреда у Артемьева была столь отработана, что сновидения его транслировались непосредственно из она, без черновой записи и «доводки», он, как это говорилось у профессионалов-сновидцев, «творил завершенный бред». Даже великий Джексон Петров, создатель бредоискусства, не сумел бы похвастать таким мастерством.

И, крепко пожимая гостю руку, Рой начал разговор с того, что поблагодарил Артемьева за посещение их лаборатории.

— Правда, мы далеки от вашей отрасли техники, — честно предупредил Рой, усаживая гостя. — И если, случается, бредим сами, то относимся к этому как к браку в работе. Но, в общем, мы с Генрихом понимаем, сколь велико ваше...

Артемьев, невысокий, толстенький, с коротенькими — до бедер — руками, одутловатым лицом и такими блестящими глазами, что он, казалось, не глядел, а озарял ими, нетерпеливо оборвал Роя. Сновидец говорил отрывисто, слова его складывались скорее в лай, чем в речь.

— Чепуха! — прогавкал он. — Какая техника? Бред-искусство. Вам не понять. Собственные ваши сновидения... Вы наблюдаете, я переживаю, ясно? Я спрашиваю: ясно?

— Мы не хотели вас обидеть, — мягко сказал Рой. — И если вы изложите, что привело вас...

Артемьев со злостью попросил не прерывать его. У него путаются мысли, когда его прерывают. Прерывать человека невежливо. Он ненавидит тех, кто его прерывает. Когда шесть лет назад на Марсе, в безводной пустыне, он вытранслировал прямо из головы свой знаменитый шедевр «на тонущего в океане человека бросается акула», один из наглецов марсонавтов уронил на него угловой шест палатки и, вместо того чтобы молча поднять тот проклятый шест, не обрывая захватывающего сновидения, стал бесцеремонно извиняться. Возмутительные извинения погубили конец сна, человеку не удалось заглотать акулу, как складывалась вначале бредо-ситуация, утопающий сам угодил акуле в пасть. Вот к какому шаблону привело невежественное вмешательство в искусство!

— Я ненавижу извинения! — гневно прокричал Артемьев. — Начнете беспардонно извиняться — поставлю крест на обоих! Можете вы, наконец, ответить по-человечески: ясно?

— Ясно, — успокоил Артемьева Рой.

Братьев стала забавлять воинственная нетерпимость прославленного сновидца. Генрих, повеселев, придинулся поближе:

— Извиняться не будем. Тем более, что еще не прови...

Артемьев опять не дал договорить. Он явился в институт не для болтовни. Болтовня — способ общения у сумасшедших, именующих себя нормальными, то есть ординарными людьми. Бредовики общаются между собой лишь видениями. Сновидец клокотал минуты три, потом извилисто подобрался к теме прихода. С ним несчастье. Когда других людей постигает беда, это их личная драма, но неудачи искусного бредовика — горе для всех, ибо художественный бред — продукция, с увлечением потребляемая зрителями. Его заслуги известны каждому. После Джексона Петрова еще не существовало сноторечища, столь умелого и разнообразного, столь

широкоохватного и своеобразного, столь глубокого и увлекательного, столь, наконец... В общем, такого мастера, вот что он хочет сказать.

— Вы говорите, естественно, о себе? — деликатно уточнил Рой.

Сноторен зло сверкнул глазами.

— Не о вас же! В области бреда от вас пока еще... Оригинальность. Неповторимость. Непохожесть. Несравнимость. Особость. Своевыражаемость. Своекартинность. Своекрасочность. Своемузыкальность. Весь — свой. И потому — для всех. Ибо общий бред уже не бред, а реальность. Вы меня понимаете?

Из дальнейшего объяснения стало ясно, что несчастье сноторна как раз и состоит во внезапной утрате оригинальности. Недавно он после веселой прогулки в горах пошел не отдыхая на работу, то есть уснул. По многолетнему обычаю (а также, добавил он, в соответствии с пунктом третьим договора с Управлением телескусства), подключенный к кровати ретранслятор передал в эфир его сон. Сновидение было красочное и впечатляющее.

— Вы, очевидно, видели его? — сказал сновидец, подозрительно вглядываясь в обоих. — Не поверю, чтоб вы не... Мое творчество столь популярно... Насчет горилл во Вселенной. Было повторение на планеты.

— Я слышал об этой передаче, но мы не видели ее, — ответил Рой. — Я в это время на Марсе расследовал аварию, а брат лежал без сознания. Мне говорили, что зрелище было восхитительное.

— Да, это верно, сновидение захватывало. В лаборатории, заставленной механизмами, вот примерно такой же, как эта, исполнская горила орала человеческим голосом: «Мы вас не звали! Вы несете смерть! Вы сами погибнете! Удалитесь! Живей! Живей!» И сама горила была удивительна, и еще удивительней — загадочные механизмы, а всего поразительней — молнии, вылетавшие из мохнатой головы обезьяны при каждом жесте. К тому же она кричала не словами, а вспышками разрядов, она гремела, а не говорила, так было выполнено телезрелище. Люди отшатывались от экранов, две женщины упали в обморок, они сами написали об этом на студию. Дело не в нервных женщинах. Искусство хорошего производителя снов захватывает и терзает, печалит и радует даже флегматиков!

— Короче, вас можно поздравить с созданием нового бредового шедевра, — вежливо промолвил Рой.

Да, его можно поздравить, сам он тоже так думает об этом трижды неладном сновидении, оно ему удалось, хотя и принесло множество огорчений. Коротенькая жуткая картинка, фантастическое эссе — вот как он сам воспринимает это произведение, названное сжато и точно: «Гориллы у космопульта». А на другой день посыпались письма и зазвенели звонки на телестудии: точно такое же видение имеется и в четырнадцатой завершающей катушке полного собрания сновидений Джексона Петрова, и даже название похожее: «Обезьяны в космосе»... Нет, он спрашивает, отдают ли братья себе отчет в трагизме ситуации? Оригинальнейший сноторец сегодняшнего века эпигонски повторяет ветхий бред полуза забытого древнего мастера, гениального, конечно, но допотопного, как ихтиозавр! Что общего между ним и стариком Джексоном? Каким образом видения давно истлевшего человека могли повториться в мозгу современного бредовика? Вот какую задачу он ставит перед братьями, вот почему приехал к ним. Генрих и Рой распутали тайну гибели Фреда Редлиха, восстановили доказательства великой теоремы Ферма, а теперь могли бы потрудиться над загадкой передачи бреда из одного мозга в другой. Буквальное повторение одного и того же видения через сто лет после его первой трансляции — величайшая тайна века, он и такой формулы не побоится!

Когда сноторец умолк, Рой осторожно сказал:

— А может быть, тайны-то нет? Вы когда-то познакомились со сновидением Петрова, оно отпечаталось в вашем мозгу...

Артемьев остановил его возмущенным взмахом руки:

— Нет! Сто тысяч раз — нет! Я не хотел говорить... Будет ужасно, если телекритики узнают...

Рой со скучой пожал плечами:

— Чтобы распутать загадку, мы должны быть уверены, что она реально существует. Такой убежденности у меня нет.

Сноторец теперь запинался на каждой фразе:

— Дело в том, что... Оригинальность видений — такое бесценное качество... Любое чужое видение столь ужасно на меня влияет... Даже мастер превращается в эпигона. — Он набрался духу и выпалил: — Я никогда не видел этого сновидения Джексона Петрова! И других его сновидений не знаю. Вот полная правда о моем отношении к Джексону.

— Но можете ли вы поручиться, что его сновидения не стали вам известны иным путем, кроме стереоэкрана?

— Два миллиона раз — нет!

— Я подразумеваю книги, рассказы бредозрителей...

— Еще один миллион! Книг я не читаю, а рассказы о снах выношу, когда говорят лишь о моих собственных сновидениях. Оригинальность — нежный цветок, ее надо берегать от постороннего воздействия. Я, конечно, могу быть уверен, что вы займетесь срочным распутыванием моей загадки?

Рой развел руками:

— К сожалению, это зависит не только от меня. И боюсь...

Генрих, до этого молчавший, вмешался:

— Может не сомневаться, друг Артур, мы сегодня же приступим к выполнению вашей просьбы.

Рой, проводив сноторца до двери, упрекнул брата:

— У нас столько проблем, срочных и важных, неужели ты и вправду собираешься погрузиться в этот вздор?

— Как понимать понятие — вздор?

— Обыкновенно, нормально, общепринято, стандартно! Вздор, иначе — чепуха, ерунда, пустопорожность, вранье, околесица, бестолочь, нелепость, ахинея, галиматья, дичь, чушь, мутра... Еще уточнения требуются?

— Что-то в этом человеке поражает, — задумчиво сказал Генрих. — Я тоже не любитель сновидений на публику, но ведь многие этим увлекаются, а почему? Что их захватывает? И ведь странно, согласись, неожиданное возобновление через сотню лет отнюдь не стандартного зреища, каких-нибудь облетов планет, встреч с пришельцами из космоса, в общем, распространенных сюжетов...

— Ничего странного. Врет сноторец.

Плагиатор! Знает он Джексона.

— А если не плагиатор?

Рой раздраженно махнул рукой:

— Ты, кажется, заявил, что не присоединяешься к расследованию аварии? Вот и занимайся сноторечеством, а нас с Арманом не отвлекай.

— Я хотел предложить как раз такое разделение тем, — миролюбиво сказал Генрих.

Рой ответил сердитым взглядом. Он гораздо лучше брата знал древнюю историю и нередко ввертывал в свою речь старинные словечки. Больше других старинных словечек он любил слово «вещий». Он говорил, что слово это пахнет секретами, что в нем таится загадочность, что оно возбуждает любознательность, погружает во вдумчивость. Рой и не подозревал во время спора с братом после ухода Артемьева, что не так уж много времени пройдет до момента, когда он сам охарактеризует внезапное желание Генриха помочь сновидцу именно этим ёмким словцом: вещее!

4

Дня через три Генрих попросил Роя и Армана прийти к нему.

— Хочу продемонстрировать сновидения Джексона и Артемьева, чтобы вы сравнили их. Рассматривайте это как отдых, если по-прежнему не пожелаете принять участие, — сказал Генрих.

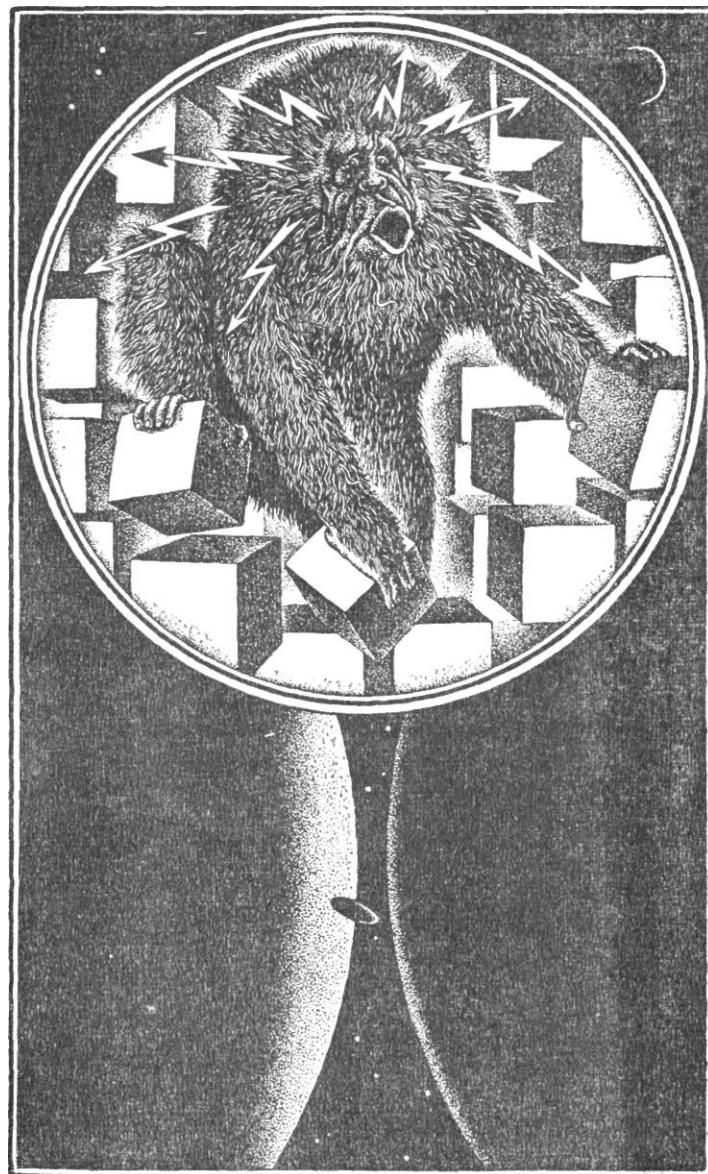
На стереоэкране последовательно сменились два зреища: покерпнутое из четырнадцатой катушки полного собрания сновидений Петрова и то, о котором говорил Артемьев.

— Ваше мнение? — спросил Генрих, выключив экран.

— Они прежде всего разные, — первым отозвался Арман. — Артемьев преднамеренно видит забавные сны, он тешит нас кошмарами, но и во сне не верит в свой сон. Бред у Артемьева — хорошо отработанное ремесло. А видения Джексона художественно убедительны.

— Покажи Джексона еще разок, — попросил Рой!

Среди кубических механизмов, чудовищно несоразмерных, скорее силуэтов, чем вещей, металась и ворила безобразная обезьяна с искаженной мордой и кроткими, испуганными глазами. С головы ее срывались молнии, ударявшие в кубики механизмов и погасавшие в них, грохот разрядов складывался в слова; слова не грозили, а умоляли. Старая обезьяна, сновавшая меж диковинных аппаратов, кого-то тревожно предупреждала об опасности, руки ее хватались то за один кубик, то за другой, лихорадочно их перетасовывали, потом вдруг всеми когтями впивались в лохмы головы, и обезьяна безвольно качала потупленной головой, из глаз ее катились слезы... Плач обрывался внезапно, как и начинался, и снова обезьяна бросалась то к одному, то к другому нагромождению кубиков, энергично с чем-то сражаясь, чему-то из всей мочи противодействуя...

...И снова обезьяна бросалась то к одному, то к другому нагромождению кубиков.

— И вправду не очень развлекательно, — заметил Рой. — Для чего Джексон продуцировал такие сны, Генрих?

— Я бы поставил вопрос по-другому. Не для чего, а почему? Какие мысли, какие чувства, какое душевное состояние порождало в его мозгу эти фантастические картины?

— Все-таки я хочу разобраться, — сказал Рой.

Генрих спорил слишком запальчиво. Сновидения, даже художественно отработанные, не заслуживали такой пылкой защиты.

— Ты хочешь понять, что означает эта странная картина?

— Нет, хочу понять, для чего ты вызвал нас.

— Я вчера изучал биографию Петрова и столкнулся с некоторыми странностями. Дело в том, что у Петрова была обезьяна, и очень любимая.

— Домашняя обезьяна?

— Раньше бы надо усповиться, как толковать этот термин — домашняя. Шимпазенок Нелли. Джексон, впрочем, звал ее Олли. Эту Нелли, или Олли, он получил в дар от галактического штурмана Михаила Борна, когда тот умирал.

— Михаил Борн? — переспросил Рой. — Не тот ли, что один вернулся на Землю после аварии звездолета «Цефей» неподалеку от Ригеля?

— Он самый. Но он вернулся не один.

— Сколько знаю историю звездоплавания, весь экипаж «Цефея» погиб. Посланный на помощь галактический курьер «Орион» обнаружил на «Цефее» двадцать три трупа и одного полумертвца — Михаила Борна. Его выходили лишь на Земле. Так?

— Так, Рой, но не совсем. Борн остался парализованным и немым. Понимал его лишь Джексон, они были друзьями с детства. Никаких сведений о трагической гибели экипажа у Борна выведать не удалось. Суть не в этом.

— В чем же?

— Я уже сказал, Михаил вернулся не один. С ним был шимпанзенок Нелли, тоже член экипажа. Нелли, как и Михаил, не погибла. Самое интересное было знаешь в чем? Джексон разобрал одну фразу, часто повторявшуюся Борном, не знаю уж, как он ее произносил: губами ли, руками или движением глаз. Фраза такая: «Олли нас всех спасла». Джексон объяснил, что Михаил назвал обезьянку Олли, а не Нелли, как она значилась в судовых списках.

— Всех спасла, в то время как все погибли? Обезьянка удивительная!..

— Многое в ней еще удивительней! Олли прожила на Земле несколько лет и ничего не ела и не пила.

— Это установлено?

— Я вчера был в Музее Джексона Петрова и побеседовал с роботом-хранителем, слугой Джексона. Вы знаете этих старинных забавных человекообразных, фиксирующих на пленке каждое слово хозяина. Так вот, я прослушал все распоряжения Джексона относительно Олли. Он никогда не требовал для нее еды и питья, никогда не брал ее в столовую. Добавлю, что он редко показывал ее гостям.

— Но ее видели другие? — спросил Арман.

— Да, конечно. Она иногда выбиралась из комнатушки и сидела на диване, очень смиренная и тихая. Гости ее не любили. Им казалось, что она прислушивается к разговору... О чем ты думаешь, Рой?

Рой не сразу вышел из задумчивости.

— Интересно! Но по-прежнему не вижу, какой можно сделать конкретный вывод из твоего розыска.

— И я не вижу, — признался Генрих. — Но мне все больше кажется, что делом этим следует заняться поглубже. Если вы оба не переменили отношения к развлекательным зрелищам...

— Ты внимательно осмотрел квартиру Джексона, Генрих?

— Я ее не осматривал, музей был уже закрыт. Я поговорил с роботом и обещал зайти сегодня. Хочу вам предложить пойти со мной.

Арман покачал головой;

— Через час меня ждет Андрей. Контрольная проверка аппаратуры перед экспериментом. Идите вдвоем.

5

Робот был старый, замшелый, только антикоррозийный лак спасал его от проржавления; он разговаривал тем скрипучим голосом, что появляется у всех дряхлых роботов перед отправкой на перемонтировку. И если Чарли — так звали робота — еще существовал, то лишь потому, что принадлежал Джексону: он был уже не слугой, а музейным экспонатом. И стоял он на своем обычном месте в прихожей квартиры Джексона и, хоть по-прежнему мог ходить по всем шести комнатам, уже семьдесят лет не двигался с этого поста. Табличка на стене извещала, что первые тридцать лет после смерти хозяина Чарли непрерывно, днем и ночью, медленно, безнадежно слонялся по квартире, всматривался тоскующим красным глазом в вещи, вслушивался в шорохи и

прокручивал старые свои пленки с голосом хозяина — людям, входившим в музей, казалось, что сам Джексон бродит по квартире, отдает приказания Чарли, разговаривает с друзьями.

— Старина! — сказал Генрих дряхлому роботу. — Ты знаешь о Джексоне Петрове больше всех на Земле. Нам нужно познакомиться подробней с его жизнью.

На лбу Чарли тускло засветился красный глазок. Потеряв подвижность, робот не утратил разума. Он прохрипел, голос доносился словно бы издалека:

— Если это не повредит хозяину...

— Твой хозяин давно умер, — мягко сказал Генрих.

— Он жив. Он во мне. Он со мной. Он со всеми нами.

— Да, в памяти твоей и человеческой.

— Слушайте! — торжественно сказал робот. — Живой голос моего живого хозяина.

Из недр Чарли доносилось лишь потрескивание, неясный шум, всегда сопровождающий работу разложенного электронного механизма. Потом из сумятицы помех вынесся молодой, звучный голос «Чарли! Чарли! Где ты? Я ухожу поесть, а ты последи, чтоб не падало напряжение! Шесть тысяч триста семнадцать вольт, такое сегодня задание! И никого не пускай к Олли!»

— Вы слышали живого Джексона Петрова! — торжественно возвестил робот. — Не смейте говорить, что он умер.

— Генрих, я поражен! — пробормотал Рой. — Такой голос!..

— Друг, повтори этот разговор, — попросил Генрих. — И, пожалуйста, вспомни другие приказания. Мой брат никогда не слыхал голоса своего хозяина.

Генрих, хоть он любил ходить по комнате и временами этим раздражал медлительного брата, поспешно Сел на диван и закрыл глаза. В Музее Джексона, только впав во временную неподвижность, можно было слушать со вниманием. Ни в одной из комнат не действовали ин-терьерные поля, здесь всё оставили, как было при владельце, — громоздкая постоянная мебель, постоянные картины, вещественные, а не силовые ковры. Ходить было неудобно, даже опасно — забыв на минуту, что двигаешься среди мебели, легко удариться о столик, о шкаф, о диван и кресла, споткнуться о ковер, запутаться в портьере, зацепиться за дверную ручку. Двери в этих архаических комнатах не втягивались в стены при приближении человека, их надо было рукой тянуть на себя или отталкивать.

Рой подумал, что жить в такой квартире можно лишь на свету, в темноте человек становится беспомощным, а вещи, загромождавшие комнаты, всесильны и враждебны, они перестают обслуживать, превращаются в притаившиеся помехи.

В комнате, куда их ввел робот, имелись три огромных окна для дневного света, а с потолка свисала люстра с электрическими светильниками; уже по крайней мере сто лет ни в одной квартире не существовало ни окон, ни специальных светильников, ни тем более постоянной мебели.

Робот с минуту поскрипывал — прочищал голосовые контакты, — потом комнату снова наполнил голос Джексона Петрова.

Хозяин квартиры смеялся и сердился, он выговаривал роботу и хвалил его, он напевал, расхаживая по комнате, вслух читал стихи, вслух разговаривал с собой. Сквозь помехи — несовершенство старинной записи да и дряхлость пленки — прорвался обрывок его разговора с каким-то другом, клочок беседы с телестудией, раза два заглушенный — видимо, услышанный через стену, — прозвучал призыв: «Олли, Олли, хорошая моя, это я, выходи!»

И о чем бы ни говорил Джексон, как бы ни менялись его интонации, был ли сам Джексон весел или печален, устал или бодр, раздражен или счастлив, воспроизведенный механическим слугою голос хозяина создавал одну картину, звукописал один образ. По квартире расхаживал молодой, энергичный, жизнерадостный человек, он был остроумен и добр, он был удивительно, до нежности, до самозабвения добр, это было главное в нем: наполнявшая все его существо доброта. И что было, может быть, всего удивительней — о доброте этого человека свидетельствовали не слова, а голос; слова порождались обстановкой и соответствовали ей, такие слова мог бы говорить любой другой, голос принадлежал одному Джексону, голос был своеобразен неповторимо — волновал и тревожил, покорял и очаровывал...

И когда голос Джексона умолк, Рой ответил на восхищенный взгляд молчаливого Генриха, словно на высказанную мысль:

— Ты прав — человек поразительный! Жаль, что мы так мало о нем знаем.

— Сегодня узнаем больше. — Генрих обратился к роботу: — Твой хозяин чаще всего сидел в библиотеке, так?

— Да, он любил библиотеку, — сказал робот.

— Проведи нас в библиотеку, — приказал Генрих. — И поторопись, у нас мало времени!

Робот тяжело зашагал в последнюю комнату; за ним, подталкивая его в спину рукой, пошел Генрих. Рой удивился, но промолчал.

Не так уж часто бывало, чтобы деликатный Генрих властно кому-то повелевал и кого-то бесцеремонно потопталивал.

Библиотека в этом музее старого быта была самой музейной комнатой. Ее тоже наполняла стационарная мебель — диван, два кресла, свисающая с потолка люстра, гардины на неизбежных окнах. Кроме мебели, в ней были еще книги, обязательная принадлежность старых квартир, — сотни книг на застекленных стеллажах:

маленькие и большие, тоненькие и толстые, с яркими иллюстрациями и заполненные одними буквами.

Рой не любил книг, это был несовершенный способ передачи информации, медлительный, с малым коэффициентом полезного действия. Он бросил на них скучающий взгляд и устроился как мог в неудобном постоянном кресле. Зато Генрих обошел стеллажи, взглядался в корешки, некоторые книги вынимал.

В библиотеке Джексона была одна принадлежность, роднившая его архаическое обиталище с современными жилыми помещениями: между стеллажами втеснился стереоэкран. Рой вспомнил, что во времена Джексона стереоэкраны только входили в быт и с ними еще конкурировало кино, а Джексону в признательность за сюжеторческое мастерство поставили лучшую из тогдашних стереомоделей. В сравнении с теперешними эта диковина, поражавшая воображение современников, казалась убогой. Рой скользнул по экрану взглядом. Генриха тоже не заинтересовал дедушка нынешних стереоэкранов, он лишь задержался у рукоятей управления, одну из них, чему-то усмехнувшись, осмотрел.

В углу комнаты стояло странное сооружение, и на него засмотрелся Рой. Это был лакированный цилиндр в рост человека, с проводами и сигнальными приборами. Небольшой барьерчик отгораживал аппарат от комнаты.

Рой кивнул Генриху на цилиндр с проводами:

— Забавное сооружение! Для чего оно могло служить?

— Ты говоришь о высоковольтном аппарате?

Олли пользовалась им для подзарядки. — Генрих говорил так уверенно, словно годы работал с аппаратом. Он с такой же уверенностью властно потребовал от робота подтверждения: — Два раза в день, так? Утром и вечером?

— Утром, — ответил робот. — Хозяин в это время уходил поесть.

— Естественно. Воздух слишком ионизировался, к тому же возможность разряда... Напряжение регулировал ты?

— Потом и Олли научилась.

— Она говорила тебе, когда выключить аппарат?

— Я знал и без нее. Мне объяснил хозяин.

— Но она разговаривала с тобой?

— Очень мало.

— А сидела она чаще всего здесь?

— Да, здесь.

— Твой хозяин беседовать с ней приходил сюда?

— Чаще сюда, иногда в гостиной. Я не понимаю...

— Это неважно, понимаешь ты или не понимаешь. Спрашивать буду я, ты — отвечать. Так ты говоришь, Олли любила читать? Какие же книги она читала?

— По астрономии и физике, еще — по биологии и

по... — Единственный глаз робота вдруг налился малиновой яростью. Он прохрипел с угрозой: — Вы — недруги. Я не говорил, что Олли любила читать, вы сами... Вы сделаете Олли зло. Вам нужно уйти.

Генрих засмеялся и похлопал старого робота по плечу. Теперь Генрих говорил своим обычным голосом:

— Не сердись, милый. Мы знаем, что Джексон запретил тебе говорить об Олли. И мы не хотим ей делать зло, даже мертвый. Поверь, я отношусь к ней с не меньшим уважением, чем он.

— Вам нужно уйти, — повторил робот хрипло. Голосовые контакты опять отказали, и он уже не старался их продуть. — Вы заставили меня нарушить запрет хозяина.

Не сделав и трех шагов к двери, Генрих опять остановился. В узком промежутке между двумя стеллажами висела фотография — хозяин квартиры со своей обезьянкой. Джексон на снимке стоял у окна. Это был человек среднего роста, он соответствовал своему голосу — улыбающееся лицо, веселые глаза. На его плече лежала рука обезьянки — перед ней-то и замер Генрих. Олли не доставала бы Джексону и до плеча и очень напоминала

Это был человек среднего роста.

шимпанзенка — длиннорукая, рыжеволосая, широко-комордая, со ртом до ушей, с синими губами, выпирающими челюстями...

Но была одна странность в облике обезьянки. Всякому, кто внимательно вглядывался в фотографию, просто нельзя было не заметить печали на мордочке Олли: пронзительно умными, бесконечно скорбными глазами всматривалась обезьянка в остановившихся перед нею людей.

Генрих снова повернулся к работе.

— Друг мой! Старина! Не сомневаюсь, что Джексон запрещал тебе записывать голос Олли, но если хоть звук ее речи сохранился, хоть один звук!..

Ответ робота донесся как бы из-за десяти дверей: — Если вы знаете, что хозяин запрещал мне сохранять голос Олли, то должны также знать, что я ежедневно стирал с пленок все, что случайно она запечатлевала на них...

6

На улице Рой с улыбкой посмотрел на брата:

— Не мыгнем, так катаньем ты приобщаешь меня к анализу сновидений. Согласись все же, что прямого отношения к терзающим меня загадкам жизнь Джексона Петрова не имеет.

— Самое прямое, — убежденно ответил Генрих. — После вторичного посещения музея я в этом уверен. Послушай доказательства...

— Если ты о том, что Олли не имеет ничего общего с шимпанзенком Нелли и вовсе не обезьянка, а великолепно исполненный робот с электрическим питанием, так не стоит трудиться.

— Разве я давал тебе повод считать меня глупцом, Рой? Что между Нелли и Олли нет ничего общего, не требует доказательств.

— Тогда что же ты хотел сообщить?

— Ты узнал бы об этом две минуты назад, если бы не перебивал. Помнишь, в какой катушке напечатано бредовое эссе «Обезьяны в космосе»?

— Помню. Четырнадцатая катушка.

— А чем она отличается от других?

— Она последняя. По словам Артемьева, она завершает полное собрание сновидений Джексона Петрова.

— Вот тут ты ошибаешься. Четырнадцатая катушка — дополнительная к собранию, а не просто последняя. В ней посмертно собраны все ранние вещи Джексона, которые он не хотел вносить в свои сборники, считая их художественно слабыми.

— Ты хочешь сказать, что сновидение «Обезьяны в космосе» — из ранних произведений Джексона?

— Я хочу сказать, что это было первое сновидение Джексона, передавшееся в эфир. Именно с «Обезьян в космосе» начался этот странный вид искусства.

Рой даже остановился от удивления.

— Генрих, ты и не подозреваешь, как это важно!

— Может быть, все-таки подозреваю? — Генрих потянул брата за руку. — Терпеть не могу, когда ты ни с того ни с сего каменеешь на ходу.

— Куда мы идем?

— Ты не догадываешься?

— В Музей космоса, наверно?

— Куда же еще?

7

В огромных залах Музея космоса всегда было полно посетителей. На стенде экспедиции «Цефея» цветные фотографии показывали экипаж галактического корабля. На одной была изображена и Нелли рядом с командиром Сергеевым и штурманом Борном.

Рослая шимпанзе положила руки на плечи астронавтов, уродливая морда ее была вровень с головами людей,

— Ты знаешь, что меня удивляет? — сказал Рой. — Что эту тупую рожу спутали с тонким и умным лицом Олли, я еще могу объяснить — людям все обезьяны на одно лицо, — но заметить, что молодая шимпанзе в экспедиции не подросла, а стала меньше, это, согласись, не требовало особой наблюдательности.

— Возможно, кто-нибудь и заметил эту несуразность. И, может быть, узрел в ней новый закон природы: обстановка в космосе, в частности авария «Цефея», вызывает уменьшение тел животных.

Во всех музеях около человека, надолго задержавшегося у какого-нибудь экспоната, вскоре собирается кучка любопытных. Рой с Генрихом не обошли и трети стенда «Цефея», как им стали мешать толкающиеся

посетители: «Скажите, а что здесь показывают?», «Что-нибудь новое есть?», «Да ничего интересного, старая катастрофа. И чего люди толпятся!».

— Уйдем, — сказал Генрих.

Рой показал дежурному по залу карточку института. В музее, впрочем, братьев узнавали и без документов: в одном из помещений среди портретов исследователей космоса висели и их фотографии. Дежурный посоветовал посмотреть в демонстрационном зале фильм о «Цефее» и выслушать заключение экспертов, расследовавших трагедию.

На стереоэкране вспыхивали знакомые еще по школьному курсу кадры: первые звездолеты с аннигиляторами пространства, позволяющими развивать сверхсветовые скорости, портреты великих завоевателей космоса, отлеты, причаливания к незнакомым небесным телам, снова отлеты, торжественные возвращения...

«Цефей» в семействе сверхсветовых кораблей не был уникален, рядовой галактический лайнер. Задание, врученное команде, тоже не показалось необычайным. Отклониться от освоенных космических трасс, посмотреть еще не изученные уголки всюду, в общем, одинакового галактического пространства — что тут особенного? Десятки кораблей бороздили межзвездные просторы, везде было как возле родного, хорошо изученного Солнца, трудность представлялась одна: чем дальше от Солнца, тем больше надо брать активного вещества для двигателей.

Уже через полстолетия такой наивный расчет, восторженное опьянение от первых успехов безвозвратно прошли: космос был не только обширен, но и грозен, каждый неизученный район таил опасные непредвиденности. И трагедия «Цефея» была одним из событий, что привели человечество к трезвому пониманию своих возможностей и величины опасностей.

Астронавты, поднимаясь на корабль, весело прощались с Землей. И обезьянка Нелли визжала, металась меж людей, повисала на перилах трапа — забавная хлопотунья, существо в рост мужчины, с умом годовалого ребенка.

Все четыре года полета к Ригелю регистраторы, фиксирующие жизнь в отсеках, изображали одни и те же, без изменений повторяющиеся картины. Первая неожиданность совершилась, когда внезапно и все сразу отказали корабельные автоматы: штурманские и бытовые приборы, командные аппараты аннигиляторов. Все связанное с электричеством полностью замерло.

Уже не могущественный корабль, свободно меняющий структуру пространства и тем создающий себе сверхсветовую скорость, а безжизненный ящик мчался в темной пустоте. О панике экипажа свидетельствовали записи в бортовом журнале: и командир Сергеев и штурман Борн пытались аварийным способом — чернильной пастой на бумаге — передать человечеству известие о беде. Но паста испарялась с листа, неведомая сила стирала назавтра все написанное сегодня, лишь по вмятинам на страницах можно было как-то разобрать, о чем стремились поведать миру командир и штурман.

На экране появились журнальные записи, торжественный голос диктора скорбно читал обрывки фраз: «Дьявольское поле, все автоматы... Вероятно, электрическое... Только в телескоп... Две планетки, назвали Сциллой... несет на Харибду... Каждая молекула тела пронизана... Вручную люк очень трудно... Так удивительно похожа!.. Бедная Нелли... Мы пока...»

— Дальше идут страницы несомненно заполненные, но даже вмятин не разобрать, — комментировал диктор показанные чистые листы журнала. — И только на обратном пути, когда звездолет, по-видимому, обогнул опасную планетку, названную Харибдой, снова появляются записи, и снова они свидетельствуют о смятении и отчаянии.

На экране загорались и погасали отдельные разобраные буквы, диктор читал наилуче вероятную расшифровку: «...терпеть две недели, когда каждая минута ужасна... Борн возражает, он уверовал... Убежден, что аннигиляция не усилит... Почему верить!.. Аннигиляторы теперь можно... спрашиваю — почему... общее мнение — да!.. Борн... однажды спасенные, снова... я очень резко... Убежал с обезьянкой... последнюю запись — включаем...»

— Это и точно последняя запись, — сообщил диктор. — Посмотрите теперь, как галактический курьер «Орион» обнаружил «Цефей».

Навстречу зрителям летел мертвый корабль с безжизненными аннигиляторами, с погашенными ходовыми огнями. Он не откликался на запросы, не менял скорости. К нему устремился с «Ориона» разведывательный космолет, спасатели вскрывали аварийные люки, с осторожностью проникали внутрь. И то, что они увидели на «Цефее», страшными картинами разворачивалось на экране. Сергеев и старший механик лежали бездыханными в рубке, их руки впивались в рычаги — командир с помощником, уже умирая, судорожно выключали запущенные аннигиляторы. Весь экипаж, кроме Борна, был на рабочих местах — и все мертвые. Борн расплакался на полу в салоне, на нем, обхватив его руками, лежала обезьянка. И Борн и обезьянка были живы, но без сознания.

Врач с «Ориона» высказал предположение, что гибель экипажа совершилась от электрического поражения нервных клеток, диагноз подтвердили на Земле. Эксперты единогласно сошлись, что «Цефей» попал в гигантское электрическое поле между загадочными планетами Харибда и Сцилла и что оно заблокировало механизмы корабля. Описав траекторию вокруг Харибды, звездолет вынесся в открытый космос. Экипаж, измученный электрической пыткой, постановил, когда появилась такая возможность, запустить аннигиляторы, чтобы поскорее отсюда выбраться. Против преждевременного включения механизмов возражал один Борн. Не

исключено, что в момент уничтожения пространства произошло гигантское сгущение электрических потенциалов внутри корабля.

Вывод экспертов был таков: пока взаимодействие пространства и полей всесторонне не выяснено, новых звездолетов в опасные районы не посыпать.

— Именно тот вывод, которого, по-видимому, желала Олли, — сказал Генрих. Экран погас. — Выйдем, Рой.

— Ты хочешь возвратиться в институт?

— Я бы погулял по парку. Не знаю, как чувствуешь себя ты, а мне сегодня не до работы.

— Я тоже не машина, и у меня тоже нервы, — хмуро ответил Рой.

8

В центральном парке Столицы всегда можно было найти пустынную аллею. Нарядно окрашенные клены понемногу сбрасывали листья, хотя до Недели листопада оставалось около трех недель. Генрих поймал в воздухе малиновый листочек, зажал его в руке. Давно Рой не видел брата таким грустным.

— Эта ужасная картина — парализованный штурман и так беззаботно спасающая его обезьянка Нелли... — сказал Генрих.

— Олли, Генрих. Нелли погибла задолго до этого, и труп ее, вероятно, доныне вращается где-то вокруг злополучной Харибы.

— Да, Олли. Разве я назвал ее Нелли? И вот я пытаюсь связать мысль в логическую цепь, но вспоминаю об этой картине, и цепь обрывается. И я начинаю жалеть, что не жил сто лет назад и что меня не было на «Цефее». Вдвоем с Борном мы отговорили бы экипаж от безрассудного решения — еще не выбравшись из электрических полей, включать аннигиляторы пространства.

— Ты переоцениваешь свое красноречие, Генрих. Тебе пришлось бы иметь дело с людьми, обезумевшими от страданий. И сам ты тоже был бы истерзан до полусмерти. Вряд ли такое состояние помогает вывязыванию логических цепей.

— Борн, наверное, и сам не знал полностью, что им грозит. Как ты думаешь, Олли уже овладела тогда человеческой речью? Она могла с ними беседовать, как беседовала потом с Джексоном?

— Вряд ли. Но какой-то способ передачи информации у нее с экипажем, наверно, установился, иначе они не выбрались бы так далеко от Харибы, что стало возможно включение аннигиляторов. По словам Джексона, штурман сообщал, что Олли спасла их всех. Последующая трагедия явно стерлась из его памяти, но начало ее — как Олли выводила корабль из электрических полей — он запомнил.

— Об этом, кстати, свидетельствует запись: «Борн... однажды спасенные, снова...» Борн, похоже, доказывал, что, уже раз спасенные, они снова собираются играть ва-банк с гибелью.

— Эта-то часть трагедии не самая темная.

— Что тебе темно, Рой?

— Лучше расскажу, что ясно, чтоб отделить факты от гипотез. Первый твердый факт — «Цефей» попал в электрическое поле, генерируемое Харибдой или Сцил-лой. На Харибде обитает цивилизация разумных существ, похожих на наших обезьян. Их отличает от нас то, что они, выражаясь фигурально, питаются электричеством. Диковинное существование Олли у Джексона — доказательство. Правильно?

— Я бы добавил, что харибдяне существа не биологической, а какой-то иной природы.

— Как рабочую гипотезу можно принять и это. Бесспорен важный вывод: прямое общение между людьми и харибдянами исключено. Что человеку здорово, то жителю Харибы смерть. Контакт между этими двумя цивилизациями затруднен, хотя и возможен: Олли некоторое время прожила среди людей. Между прочим, харибдяне ясней, чем люди, понимали опасность прямого контакта. В сновидении Джексона харибдянин — по-видимому, оператор на космической станции — рвет на себе волосы от отчаяния, когда приближается корабль людей. К твердым фактам я отношу и высокую моральную культуру электрических обезьян. Харибдяне пытались спасти людей ценой жизни своего гражданина. Усилиением поля они могли уничтожить не прощенных гостей, но взамен этого всемерно, до угрозы собственному существованию, ослабляли гибельные для людей электрические потенциалы.

— Что они ослабляли свои поля, не доказано, Рой.

— Зато доказано, что они послали на звездолет ха-рибдянина — эту самую Олли. Запись «Вручную люк очень трудно...» говорит о том, что астронавты впустили Олли на корабль, а она пыталась вывести потерявший управление корабль из опасной зоны. И если бы экипаж не изнемог от терзаний, ей удалось бы это, и в историю человечества была бы вписана новая яркая страница — установление контакта с цивилизацией развитых, рыцарски благородных существ.

— А как ты объясняешь, что Олли нашли распластертой на теле Борна?

— Думаю, она знала о всплеске напряженности поля, когда заработают аннигиляторы, и пыталась своим телом защитить штурмана. Возможно, харибдяне обладают свойствами электрических экранов. А дальше все просто. Увидели погибший экипаж, парализованного штурмана, обезьянку, вспомнили, что на звездолете имелся

шимпанзенок, и без долгих раздумий отождествили харибдянина с животным. А сама Олли не захотела раскрывать свою природу и так, неизвестная человечеством, окончила свой недолгий век на Земле. У тебя имеются возражения против такой концепции?

— Давай присядем, — сказал Генрих. Несильный ветер раскачивал ветви, деревья шумели.

Генрих рассеянно любовался яркими листьями, сыпавшимися на землю. После короткого молчания он заговорил:

— Мне кажется, против твоей концепции могла бы возразить сама Олли. Что значит — неизвестная человечеством? Джексон знал, что она не обезьяна. Мне кажется, разгадка последующей жизни Олли у Джексона много драматичней. Это печальная история, Рой. Не могу сказать, чтобы люди того времени вели себя наилучшим образом.

— Мы, выходит, дошли до обвинения всего человечества? Как назовем это судебное дело: «Харида против Земли»?

— Не надо насмешек, Рой. Я не хочу обвинять. Я хочу разобраться в событиях столетней давности. И я не согласен, что Олли послали, только чтобы вызволить попавший в беду звездолет. Она была полномочным послом, а не техником по авариям. Она должна была завязать отношения с людьми, так безрассудно вторгшимися в их электрическое царство. Поэтому она и не покинула звездолет, когда он стал удаляться от Харибы.

— Но почему же она тогда не раскрыла себя на Земле?

— Много было причин. Еще на звездолете Олли узнала, что люди — существа иной физической природы, чем харибдяне. Нужно было не просто вступить в контакт, а предварительно разработать систему безопасности, чтоб общение не стало для обеих сторон гибельным. А экипажу было не до контактов, они жаждали одного — спастись! И умная электрическая обезьянка с грустью убедилась, что новыми ее знакомыми — Борн был единственным исключением — страсти души руководят сильнее логики разума.

— А на Земле, Генрих? Человечество в целом ведь не погибало, не впадало в панику, как экипаж звездолета.

— Вероятно, она хотела раньше изучить людей, потом лишь раскрыться. Она, конечно, знала, что электрические бури стирали все журнальные записи и что диктофоны не работали, — догадаться, кто она, было непросто. Не сомневаюсь также, что Джексону она объявилась сразу и что все ее последующее поведение — плод взаимного согласия.

— Так ли, Генрих?

— А вспомни голос Джексона, его лицо, вспомни все, что знаем о нем. Это был обаятельный человек, добрый, увлекающийся, обуреваемый фантазиями... Он, не сомневаюсь, пылко сочувствовал бедственному положению Олли, он сделал все, чтобы скрасить ее существование на Земле. И он уступил ее настоящию — никому не раскрывать, что за существо у него обитает.

— Но почему, Генрих, почему?

— Помнишь книги, которые читала Олли? Она пыталась сама изучить возможности безопасного общения между людьми и харибдянами. Ей было ясно, что люди на Харибе жить не могут. Сама она на Земле чахла. А что было бы, если бы человечество узнало тогда о цивилизации на Харибе? Одно космическое открытие сменялось в те годы другим, мироздание становилось своим, близким. Немедленно были бы снаряжены новые экспедиции на Харибу, и, плохо подготовленные, а в те времена их и нельзя было готовить лучше, они стали бы источником бед для нас и харибдян. Изучая людей и нашу науку, Олли поняла, что не пришло еще время для тесного общения ее народа с нами, и обрекла себя на добровольное затворничество. И если бы я сегодня так сурово не разговаривал со старым роботом, мы и не узнали бы, что Олли умела объясняться по-человечески, что она читала книги и любовалась телезрелищами, что гостям Джексона казалось, будто забавная обезьянка прислушивается к их беседе...

— И сновидение Джексона, переданное в эфир, было единственной информацией, которую она разрешила дать человечеству?

— Совершенно верно. Прия к выводу, что информировать человечество о реальной обстановке на Харибе рано, Джексон Петров изобретательно нашел такой неслыханный еще способ сообщения, а может, его подсказала Олли — не исключено, что на Харибе сновидения включены в сферу общественной информации. Но на Земле ориентация была на потомков, странные видения Джексона Петрова могли оценить лишь в будущие века. Именно для такой далекой цели он и воспользовался только что изобретенной записью сновидений. Джексон, возможно, и не подозревал, что этой передачей кладет основание новой отрасли искусства — художественному сноторочеству. Он мог и не видеть того сна, все это были рассказы Олли, выданные за художественный бред. Сноторочцем он стал после триумфального успеха его первой телепередачи.

— Вероятно, все-таки это был сон, — сказал Рой. — Замечательной особенностью Джексона было как раз то, что мозг его непрерывно рождал поразительно яркие сны. Захваченный событиями на Харибе, он думал о них и наяву и в постели. Но почему он потом не включал это сновидение в свои сборники?

— А потому, что Олли интересовалась телезрелищами. Я видел на регуляторах стереоэкрана следы ее коготков. Она, конечно, внимательней всех на Земле смотрела ту передачу.

— Логика тут есть: неожиданный успех сновидения грозил преждевременным раскрытием тайны, и она упросила Джексона больше не транслировать эту картину. А он, чтоб отвлечь внимание от первой передачи,

согласился и дальние опубликовывать свои сны и, можно сказать, поневоле стал создателем нового художественного жанра.

— Да, наверно, так.

Братья замолчали. Ветер усиливаясь, липы и клены шумели. Небо потемнело, в гуще листвы загорались светильники. Генрих больше всех времен года любил сухую, холодную осень и такие вот вечера на аллеях, освещенных призрачно сияющими деревьями.

Рой вернул брата к теме разговора:

— Мы не все выяснили, Генрих. Я бы даже сказал, тьма сгустилась. Правильно, мы узнали много нового о Джексоне Петрове, созданном им искусстве и обезьянке Олли. Анализом полузабытых фактов мы доказали существование в ближних районах Галактики некой разумной цивилизации, и с ней можно будет возобновить связи, основанные на взаимной безопасности.

— По-твоему, это не значительно?

— Значительно. Но эти факты — попутные открытия. А то, ради чего ты предпринял поиск, не выяснено.

— Ты говоришь о сновидении Артемьева?

— Да. Почему очень важная, как мы теперь понимаем, информация Джексона, нечто вроде закодированной межзвездной ноты, возобновилась через сто лет в путаном сознании какого-то...

— А разве ты не предложил заранее решение этой загадки? — Генрих зевнул; он после болезни быстро уставал. — Врет Артур, знает он Джексона.

— Я теперь отказываюсь от такой упрощенной гипотезы. В сновидении содержится столь важная информация, что любая поверхность опасна. Существуют особые причины, почему человечеству напомнили о давнем событии.

— Если бы Олли была жива... Что, если она не умерла, Рой?

— Можно проверить. Место ее захоронения, наверно, известно. Но я бы обследовал Артемьева.

— Зачем?

— Получить полную картину его мозговой деятельности — структуру излучений, подсознательную сферу...

— Попросить его, конечно, можно. Если сноторец по-серезному заинтересован, он даст согласие на любое обследование... Что случилось, Рой?

— Мыслепередача от Армана! — Рой выхватил из кармана передатчик.

— Да что там? — Генрих в испуге вскочил. Рой побледнел, передатчик в его руке дрожал.

— С Андреем беда! Нас просят немедленно прилететь.

Глава четвертая. Далекое шаровое скопление...

1

Лаборатория Андрея занимала один из корпусов Института космической физики. Здесь размещались командные механизмы, операционные залы, центральная щитовая. Шифровальные аппараты были вынесены в отдельное здание, на девятьдесятых погруженное в землю. Когда Рой с Генрихом подбежали к щитовой, где Андрей устроил свой рабочий кабинет, около нее стояла группа работников лаборатории, среди них директор института и Арман.

— Андрей жив, но плох, его сейчас вынесут, — сказал Арман. Он еще не оправился от перенесенного потрясения, темное его лицо было пепельно-серым.

Никто толком не знал, что произошло. Арман находился в операционном зале, когда в щитовой грохнуло. Взрыв был несильный, его покрыл вопль Андрея: «Какой ужас!» Сотрудники ринулись в щитовую. Андрей лежал на полу без сознания. Вызванные врачи удалили всех из помещения.

К щитовой подошел президент Академии наук Боя-чек и отвел Роя в сторону.

— Несчастья одно за другим, — сказал он, очень расстроенный. — Попали в полосу невезений. С Марсом еще не прояснилось?

Рой хмуро смотрел на подавленного президента, тому приходилось нелегко: от него требовали ясных результатов, а он все надежды возлагал на исследование,вшедшее в тупик.

— Нет ли связи между этими событиями? — продолжал Боячек. — Я не физик, но мне кажется, одно происшествие как-то корреспондирует другому.

— Возможно, связь есть, — сдержанно ответил Рой, — но мы ее пока не открыли. Правда, мы нашли интересные факты о незнакомых иноземных цивилизациях, о них я вас информирую позднее.

Из щитовой выкатилась койка, на ней лежал Андрей. Президент остановил врача, шедшего позади.

— Сильное нервное потрясение, таков предварительный диагноз, — ответил врач. — Я бы сказал — нервный взрыв.

— Корытин будет жить?

— Пока удается поддержать жизнь — и это уже хорошо.

Койка покатилась дальше. Боячек спросил директора, можно ли входить в щитовую или подождать, пока произведут фотографирование. Директор ответил, что во всех помещениях установлены обзорные теледатчики. Корытин, правда, свой выключал, он объяснял, что не может сосредоточиться, когда за ним наблюдают. Но сейчас каждая мелочь многократно зафиксирована на пленке. Президент первый шагнул внутрь.

— Повреждений не вижу, — сказал он, осматриваясь. Щитовая получила название от щитов с приборами, дублирующими командные аппараты операционных залов. В отличие от лаборатории Роя с ее множеством механизмов, у Андрея не было ничего, кроме стола, стереоэкрана над ним и самописцев на щитах да еще стоявшего посреди комнаты четырехугольного сооружения с телескопическим глазом и врачающимся креслом.

— Корытин редко прибегал к экрану, он предпочитал оптический искатель. — Директор показал на аппарат с телескопическим глазом. — Несчастье произошло во время расшифровки сигналов из скопления Кентавр-3.

— Здесь все? — Боячек обвел глазами вошедших сотрудников лаборатории. — Давайте восстанавливать картину происшествия.

— Прослушаем запись, — предложил директор. Обзор щитовой был выключен, но звуковая связь поддерживалась. Корытин голосом давал распоряжения.

Генрих присел около щита, рядом стали Рой и Арман. На экране появилось изображение операционного зала, сотрудники работали за пультами. Изредка голос невидимого Андрея требовал, чтобы ослабили или усилили сигналы. В четыре часа тридцать две минуты, когда шла интенсивная обработка непрерывно принимаемого светоизлучения Кентавра-3, внезапно раздался восхищенный голос Андрея: «Наконец-то!», еще через минуту. «Вот это да!», почти непосредственно за этим новое восклицание, в нем слышалась досада: «Нет, не успели!», и еще после трех минут молчания вопль: «Какой ужас! Помогите же!» Вопль был полон отчаяния и так невнятен, словно рот Андрея что-то зажало.

Генрих приподнялся и вновь опустился — все в нем рванулось бежать на этот прорыдавший короткий призыв. Рой молча положил руку на плечо брата.

— И это все, — хмуро сказал директор. — Первый же расшифрованный сигнал оказался гибельным. К счастью для остальных, Корытин вел расшифровку один. Он недавно подал мне рапорт, что, пока не убедится в безопасности приема, никого в щитовую не допустит.

— Запись сигнала, расшифровка которого привела к катастрофе, сохранилась? — спросил Боячек.

— Да, конечно.

— И ее можно снова попытаться расшифровать?

— Да, конечно.

— В той же последовательности, в том же темпе?

— В той же последовательности, в том же темпе. И, вероятно, с теми же результатами: новый наблюдатель пострадает так же загадочно, как Корытин.

Президент задумался.

— И, однако, нужно повторить расшифровку. Сигналы, судя по всему, генерирует высокоразвитая цивилизация. Возможно, она враждебна всему живому и, как сказочный джинн, платит гибелью каждому, кто пытается с ней познакомиться. Но даже в этом случае мы должны знать характер опасности, угрожающей человечеству.

Он посмотрел на Роя. Рой нахмурился:

— Вы хотите поручить эту задачу нашей лаборатории? Не много ли заданий?

— А кто другой может провести такие исследования? — спросил президент. — Вы как-то специализировались на неожиданностях космоса, другие лаборатории работают по заранее определенной тематике.

Рой колебался недолго.

— Хорошо, мы займемся этим. Андрей наш друг, несчастье с ним касается нас близко. И я согласен, что беды последнего времени имеют какую-то общую основу.

Вскоре Рой попросил разрешения удалиться. Арман пошел с Роем.

— Не могу сосредоточиваться на людях, — пожаловался Рой Арману. — Временами я завидую Генриху: он способен размышлять в любой обстановке, ему нужно только увлечься. И размышляет он легко и стремительно, а я тугодум.

Арман поинтересовался, что обнаружено в Музее Джексона.

— Надо проверить труп обезьянки, — сказал он, выслушав Роя. — Это сделаем гамма-искателями, не вскрывая могилы. Думаю, что Артемьева удастся уговорить на обследование. Если не возражаешь, этим займусь я.

В сознании Андрея не возникало ни четких мыслей, ни бредовых картин: мозг то пробуждался, слабенько пульсирующее излучение свидетельствовало, что клетки живут, то снова погружался в дремоту. Жизнь на самом низком энергетическом уровне — такой формулою определил состояние электронный медик.

— Почти начисто сгорел парень, — отвечал главный врач университетской клиники Кон Араки на запросы о пострадавшем. Араки был человек, он высказывался с обычной человеческой неточностью.

И если вначале у Роя была надежда, что Андрей очнется и поможет распутыванию нового происшествия, то скоро он с этой надеждой расстался. Он так сумрачно и объявил Генриху и Арману, явившимся после его очередного разговора с врачами.

— Зато есть новости об обезьянке! — сказал Арман. — И не только о ней, друг Рой, но и о Спенсере с Гаррисоном, и о сноторце Артемьеве!

— Начинайте с обезьянки, — сказал Рой. — В каком состоянии труп? Труха? Сто лет все-таки прошло после ее смерти.

— Обезьянки нет. В гробу, в котором ее хоронили, нет никаких останков.

Рой с недоумением посмотрел на Генриха. Улыбающийся брат молчал. Это было его любимое состояние во время общего разговора: внимательно всех слушать, улыбаться каким-то своим мыслям, а если вступать в беседу, то лишь при вопросах, от которых нельзя отмолчаться.

— Выходит, Джексон похоронил пустой гроб?

— Тело было, но за сто лет оно испарилось.

— Сгнило, так говорили когда-то, Арман. Словечко грубое, но точное. Не вижу причин, почему надо от него отказываться.

— Есть такие причины. Не гниение, а испарение или возгонка. Если тебе нравится больше другое словечко, пожалуйста, — сублимация. На стенках гроба образовался налет, плотный, как эмаль, и это все, что сохранилось от Олли. Но это лишь часть новости, Рой, и не самая важная. Химический анализ осадка показал, что Олли была не углеродо-водородо-кислородного строения, как земные существа, а кобальто-стронциево-гелиевого.

— Что ж, мы и раньше предполагали, что Олли — внеземной гость, — сказал Рой. — А что о Спенсере и Гаррисоне?

Было ясно, что Арман выкладывает главную новость:

— Помнишь странное явление, замеченное Винклером на Марсе?

— Тело Спенсера там быстро ссыхалось. Неужели и в консервирующей атмосфере...

— Да, Рой, точно такое же явление, как с Олли.

Тело Спенсера испарялось и оседало на внутренних стенках его саркофага. И если бы Араки не принял более действенные меры консервации, Спенсер скоро превратился бы в куколку.

— А Гаррисон? — с волнением спросил Рой. — Ты понимаешь, как нам важно сохранить в полной сохранности хотя бы Гаррисона!

Арман успокоил Роя. Тело Гаррисона не подвергалось возгонке, теперь прекратилось и высыхание Спенсера. Кстати, высыхание или мумизирование, как называл это явление Араки, термин неточный, он характеризует лишь начало процесса, когда испаряется вода из клеток тела.

— Такой воды девяносто процентов в теле, — возразил Рой. — Вполне достаточно, чтобы потеря ее непоправимо изменила облик...

Арман подтвердил кивком, что именно так. Пример Олли показывает — процесс на испарении не закончится. Нет сомнения, что без мощных консервирующих средств Спенсер, а вероятно, и Гаррисон сублимируют без остатка, то есть превратятся в конечном итоге в плотный, как эмаль, осадок, равномерно покрывший внутренние стенки их гробов.

— Подожди, Рой! — закричал Арман на протестующий жест Роя. — Все знаю, что скажешь: Олли не человек, с ней это возможно, а Спенсер и Гаррисон люди, твердая основа человеческого тела рассыпается в прах, но не испаряется. Так вот, слушай самое поразительное. Клеточная структура Спенсера и Гаррисона во многом отличается от человеческой!

И Арман с торжеством объявил, что, не ограничившись установлением возгонки Спенсера и Гаррисона, он проделал химический анализ. До детального изучения клеток не дошло, такое исследование наспех не провести, но составлено общее представление о том, из каких элементов состоят тела погибших. Так вот, химический состав тела Спенсера и Гаррисона существенно отличается от состава кобальто-стронциевой Олли, но не совпадает и с человеческим. И главное отличие — в теле Спенсера раза в три больше гелия, раза в четыре больше стронция, в восемь раз больше кобальта и фосфора, чем у нормального человека. Те же отличия, только количественно более слабые, найдены и у Гаррисона.

Рой пристально глядел на излагающего свои открытия Армана.

— Ты все свои новости выложил? Я жду самой потрясающей. Неужели и Артемьев...

— Человек, человек! — Арман захохотал: мысль, что сновиц не земной структуры, показалась ему забавной. — Между прочим, он с охотой согласился подвергнуться исследованию. Но и тут есть новость:

волновая характеристика «Горилл у космопульта» резко отличалась от типичной для Артемьева, но зато всеми волнами и обертонами...

Рой прервал Армана:

— Догадываюсь. Совпада с характеристикой бреда Генриха и с излучением, которое генерировал мозг Гаррисона?

— Совершенно верно! — Арман воскликнул с восторгом: — Наконец-то ситуация проясняется! Что ж не радуешься, Рой?

Рой нажал на кнопку. Глухая наружная стена стала прозрачной для света, проницаемой для звуков. Рой подошел к стене, превратившейся в исполинское окно.

С двадцать четвертого этажа был хорошо виден северный сектор Большого бульварного кольца — разноцветные многоэтажные здания, мосты над улицами и площадями, причальные пятаки для авиеток на крыщах и террасах. По мостовым переходам ходили люди, бегали веселые мальчишки и девчонки; эти дороги, проложенные на головокружительной высоте, издавна служили для беготни и прогулок, их любили больше, чем пустынные аллеи парков и бульваров, — с них открывался величественный пейзаж огромного города.

И всюду, куда Рой ни обращал взгляд, в воздухе мелькали авиетки, сотни, тысячи авиеток, многокрасочных, ярких, бесшумных, стремительных, надежных. За безопасностью их полетов следили автоматические диспетчеры. В Столице люди привыкли жить в трех измерениях, они предпочитали высоту поверхности, они лишь касались земли, чтобы тут же взмыть ввысь. А между ними, между пятнадцатью миллионами веселых, энергичных, трудолюбивых жителей Столицы, еще недавно ходили странные существа, псевдолюди, маски среди лиц... Зачем они появились? Что они несли с собой?

Даже сюда, на восьмидесятиметровую высоту, доносились птичьи голоса, шум деревьев бульвара — над ним поднималось здание института. Вчера метеорологи объявили в Столице осеннюю пору, ветры пока запущены небольшие, «пейзажные, а не деловые» — так их с иронией именуют. Через неделю, в первый день Недели листопада, приятное совместят с полезным: будет дан старт осенним штормам, над землей ошалело взметнутся пожухлые листья, на водах разыгаются бури, миллионы людей поднимутся над лесами и морем, наслаждаясь посвежевшим воздухом, любуясь сыплющими яркое уранство кронами, белыми валами прибоев. Обычная осенняя картина, о ней в подробностях заранее объявлено в метеографике, так происходит уже почти сорок лет, так будет и в этом году.

А после живописного листопада хлынут дожди, тоже запланированная сырость. Столько было просьб иных сибаритов поумерить хляби небесные, раз уж не принята просьба сделать весну вечной, — нет, человечество не захотело менять традиции; раз уж осень, так холод и слякоть, многим нравятся и такие погоды. Все будет в этом году, как и в прошлые годы, жизнь на Земле устоялась, крупные изменения совершаются теперь лишь на планетах, туда перенесена основная активность человечества, там же можно ожидать и непредвиденостей, на Земле все спланировано до деталей.

Но вот она, абсолютно неожиданная неизвестность: псевдолюди среди людей! Да, конечно, ситуация прояснялась. Но свет, озаривший тьму, таил в себе больше загадок, чем сама тьма. Арману свойственна горячность мысли, он с убежденностью отстаивает все, что логично вытекает из посылок или фактов, его не останавливает невероятность следствий, неожиданность выводов.

Нет, но почему невероятность и неожиданность? Произошло лишь то, чего давно ожидали. Уже в древней литературе описывались встречи с иноземными существами, это была любимая тема — вторжение звездожителей на Землю, появление среди людей лазутчиков иных цивилизаций. Реально совершалось по-иному — лишь в прошлом веке космонавты человечества открыли разумные общества в ближайших районах Галактики, но все это были существа, далеко уступавшие людям по развитию. Правда, Андрей доказывает, что найдена цивилизация, безмерно превосходящая нас по могуществу, но та цивилизация отчаянно далеко отнюдь не звездный сосед...

Генрих негромко сказал:

— Чему ты так поражаешься? Знакомство с Олли доказывает, что еще сто лет назад нас посещали звездожители.

Рой возвратился на свое место, выключил прозрачную стену и хмуро возразил:

— Ее мы привезли на Землю. Спенсера и Гаррисона мы не привозили. Псевдолюди появились сами. В стихийность их явления верить неразумно. Должна быть какая-то цель в их пребывании на Земле.

— И твое мнение, Рой?

— Зло! — твердо ответил Рой. — Присутствие Спенсера привело к аварии корабля. Гаррисон проник в лабораторию Андрея — Андрей едва не погиб.

— Гаррисон покончил с собой, однако, — заметил Арман. Он явно не разделял мнения Роя. — И перед смертью внедрил в болезненное сознание Генриха важнейшие для человечества математические истины.

— Я не знаю, почему он покончил с собой. А насчет истин — ты сам сказал: в болезненное сознание. А почему не в здоровое? Почему сам не опубликовал своих открытий? Твой пример как раз и доказывает, Арман, что добро совершилось в форме болезни, что оно несет в себе ненормальность. А это значит, что в нормальном бытии и Спенсер и Гаррисон — вестники зла, в отличие от Олли, о которой я этого сказать не могу.

— Ты считаешь, что Олли и они — посланцы одной цивилизации?

— Ни утверждать, ни отрицать не берусь. Арман, тебе особое задание. Мы с Генрихом будем выяснять, какие все-таки депеши отправляет таинственная цивилизация на Кентавре, а ты займись поисками новых псевдо-людей. Продолжай проверку мозговых излучений. И особенно выискивай те, которые по характеристике...»

— ...совпадают с видениями Генриха и снами Артемьева, так? Будет исполнено! — Арман, получая четкие задания, любил говорить четко.

3

Директор положил фотографию на стол:

— Расшифровка будет проецироваться на экран. Вот снимок Кентавра-3.

Это было обычное шаровое скопление, каких больше сотни на границах Галактики: диаметр около сорока парсеков, а в этом сравнительно небольшом объеме подсчитано почти сто пятьдесят тысяч ярчайших звезд.

— На вас работают все механизмы института, — повторил директор. — Все ваши требования будут немедленно исполняться.

Он ушел, и Рой занял место за пультом. Пульт стоял вплотную к одноглазому аппарату, с которым работал Андрей, — сейчас на него был натянут чехол. Рой обернулся к Генриху:

— Начнем?

— Покажи дешифратор, — попросил Генрих.

Рой подал изображение дешифратора. Сложная металлическая решетка отделяла экран от людей, между прутьями пульсировало защитное поле. При опасности защитное поле, усиливаясь, становилось непроницаемым. Решетка была нововведением, Андрей работал без нее.

На экране показался приземистый купол, чья-то невидимая рука раскрыла его, засветились механизмы, смонтированные в подземелье. Их было множество, больших и малых, похожих на чаны и вытянувшихся трубами, — гигантский энергетический завод, заполнивший площадь в тридцать гектаров: порция фотонов, уловленная во время почти мгновенной съемки шарового скопления Кентавр-3, должна была пробежать по внутренностям всех этих механизмов, здесь фотоны классифицировали, подвергали действию гравитационных, ротонных и многих иных, уже известных, а возможно, одновременно с ними и еще неизвестных, сопутствующих полей.

Генрих размышлял о том, что Андрей перебрал тысячи вариаций полей в дешифраторе, пытаясь уловить присутствие предугаданного им сверхсветового агента. Андрей провел за пультом, где сейчас сидит Рой, несколько лет, проверил, вероятно, миллионы комбинаций, пока какая-то одна удалась. Что удалось? Каким образом загадочный сверхсветовой агент вступил во взаимодействие с полями в дешифраторе? Какие при этом были порождены явления? Какова мера их важности и их опасности?

— Может быть, оторвешься от своих мыслей? — спросил Рой.

— Начинай, — сказал Генрих.

На экране шаровое скопление Кентавр-3 было больше и ярче, чем на снимке, но отдельные звезды по-прежнему терялись в светящемся месиве. А затем скопление пришло в движение, разбухало, распадалось на тысячи светил — и вдруг погасло. Темнота, окутавшая экран, через доли секунды уступила место ночному пейзажу, звездному небу до того красивому, что Генрих вскрикнул от восторга, даже Рой что-то восхищенно пробормотал. Ни на Земле, ни в космических странствиях по окрестностям Солнца братья еще не встречались с таким великолепным зрелищем.

Небо пылало десятками тысяч сверкающих точек, среди них мятежно сияли светила величиною с орех, белые, зеленоватые, красные, темно-фиолетовые... А звезд величиной с земную Луну Генрих насчитал сорок три, четырнадцать образовывали причудливое многоцветное созвездие.

— Рой, поглядеть бы! — дрогнувшим голосом прошептал Генрих.

— А ты и так глядишь, — отозвался Рой. — И глядишь изнутри. Передача, по-видимому, совершается с одной из внутренних звезд.

Картина скопления опять изменилась, звезды тускнели и пропадали. Лишь одна продолжала сиять, ординарная звездочка, не больше горошины; она терялась рядом с другими светилами, хоть была ярче Сириуса на земном небе. Вскоре сияние ее стало зыбким, она то сжималась, то расширялась, то ярко вспыхивала, то почти погасала. А на экране возникла шифrogramma: светящиеся пики прерывались долинами, снова вздымались пики — чередование их складывалось в фразу: два-два — четыре; два-два — четыре... Затем экран погас.

— Сделаем остановку, — попросил Генрих. — Формула дважды два — четыре и вправду похожа на позывные. Не кажется ли тебе, что передающая станция — это и есть та меняющая свою светимость звезда?

— Я тоже подумал об этом. И пока ты любовался звездой, запросил расшифровку ее пульсации. Дешифраторы не нашли разумной информации в колебаниях яркости.

— Я не говорю, что передача информации осуществляется колебаниями яркости звезды — это противоречило бы теории Андрея о сверхсветовом агенте телесвязи, — но не являются ли попутным следствием передачи перемены ее яркости? Иначе зачем нам показывают звезду то в спокойном, то в возбужденном состоянии?

— Мысль тут имеется. Но тогда как же должна быть могущественна цивилизация, если она способна превратить звезду в сигнальный фонарь!

Несколько минут прошло в темноте, затем засветилась новая картина.

Это было, несомненно, искусственное сооружение, но размером с планету. Сперва его изобразили в схеме: в центре та же пульсирующая звезда, а вокруг нее вращались семь планет — шесть круглых тел и одно дискообразное, шесть естественных, одно искусственное.

— Показывают масштаб, — сказал Рой. Искусственная планета выросла во всю площадь экрана, теперь она была похожа на исполнский человеческий дом с надстройками, флигелями, крытыми переходами из корпуса в корпус. Рой заметил, что если здесь и обигают живые существа, то каждое должно быть высотой километров в пять.

Жители этой планеты-дома были длинны, а не высоки. Из одной башни что-то потекло и зазмеилось меж надстройками и флигелями — меж искусственных сооружений бежала река. Когда существо выпекло все, стало видно, что оно начинается ярко поблескивающей головой, а завершается сверкающим хвостом. На голове возвышались острия короны, срывающиеся с них молнии сумрачно озаряли темную поверхность планеты-дома. На хвосте тоже виднелись острия, но поменьше, и они не исторгали молний. Рой сказал, что корона — энергетическое устройство, а хвост — приемно-передающая станция.

Рекообразное существо подтекло к шару, стоящему на крыше приземистого флигеля, потекло вверх по стене — молнии чаще срывались с гребней, теперь они были толще и ярче — и стало влияться в шар: сперва пропала голова с короной, потом втянулись туловище и хвост. Вскоре на крыше опять стоял один шар, и было ясно, что он металлический, так он сильно отражал свет.

Вскоре шар унесся в пространство. И по мере того как он отдался от странной планеты, менялись вид и масштабы: снова появились другие планеты, шар огибал то одну, то другую — Рой восхищенно прошептал, что управление космическими аппаратами в этом мире совершенно, — и причалил на ту, что была ближе к центральному светилу. Теперь и оно было видно — звезда класса В, синевато-белая, как Вега, по облику — из породы ранних гигантов, лишь начинающая звездную эволюцию.

Шар опустился на поверхность новой планеты, рядом были другие шары; всего на видимой стороне около полусотни, но, очевидно, имелись и на невидимой, шары нигде не скучивались.

Планетка напоминала Марс — желтая каменистая пустыня. Но было и отличие от Марса: на поверхности, правильно расставленные, возвышались башни, похожие на гигантские рога.

Из шара стала выливаться живая река — голова с короной, извивающееся туловище, хвост с частоколом антенн. И еще не успело диковинное существо полностью выпеть, как голова влилась в какое-то отверстие на поверхности планеты, и вслед за головой туда стало низвергаться туловище. Рой начал длинную шутку, что кентавриане на родной планетке — реки, в своих космических кораблях-шарах — озёра, а на станции приземления превращаются в водопады, но не успел закончить ее. Все башни вдруг запульсировали. Они расширялись, превращаясь в подобие бочек, вытягивались, снова расширялись. И, как бы под действием их пульсации, стала накаливаться звезда. И до этого она была огромной светимости — в тысячи раз ярче Солнца, — сейчас светимость ее увеличивалась в миллионы раз, звезда распухала, летела к своим планетам, из ореха, какой предстала, превратилась в тарелку, летела дальше... Рой усилил защитное поле, так нестерпимо ярок стал мертвенно-синий пожар, запылавший на экране.

Вдруг вся картина разительно переменилась. Зрелице звезды и планеты пропало. Взамен на экране снова заплясали черные пики, складывающиеся в прежнюю формулу: дважды два — четыре. Генрих взволнованно прошептал, что теперь-то начинается настоящая передача, все остальное было своеобразной визитной карточкой, простым уведомлением далеких корреспондентов, что в недрах одного из звездных скоплений существует высокоразвитая цивилизация и что она выглядит так-то, а ведет себя так-то. Рой пробормотал, что осмысленной передачи пока нет, картинки на экране скорей напоминают хаотическое переплетение случайно возникающих геометрических фигуруок.

Но уже через минуту он признал, что какой то смысл в пляшущих на экране фигурах все же есть. Среди них возникали отчетливые треугольники и эллипсы, ломаные линии; быстро проносились светящиеся шары, весь экран внезапно заполнило что-то мутное, очень похожее на гигантскую каракатицу. Генрих восхликал, что мутное пятно напоминает обыкновенную клетку. Рой хотел возразить, но не успел, мутное пятностерлось; на экране пульсировало новообразование, подобное обыкновенному и очень простому кристаллу, но едва братья согласились, что оно — кристалл, как из него посыпались лучи, кристалл взрывался, пропадал в черном дыму, прорезанном искрами; он стал теперь эпицентром взрыва, расширявшегося на все стороны, рвавшегося с экрана в зал.

Передача эта оборвалась так же внезапно, как началась. Экран потускнел. Бесстрастный электронный голос дешифратора доложил, что расшифрована одна миллиардная секунды светового потока, прошедшего обработку в аппаратах. Следующий интервал, примерно в две секунды, настолько сложен, что никакой расшифровке пока не поддается, а завершается он теми же позывными: дважды два — четыре, дважды два — четыре.

Рой выключил экран и с удивлением посмотрел на брата:

— Знаешь, что напоминает показанная нам чертовщина? Видения, томившие тебя во время болезни!

Генрих с сомнением взглянул на белый экран.

— Я своих видений не помню.

— Зато в мою память они врезались. Я говорю, конечно, не о том видении, когда ты вдруг объявил себя выдающимся математиком, а о бессмысленных образах, проносившихся в твоем мозгу.

— Любой сумбур, на экране или в мозгу, кажется нам одинаковым. Лишь специалист по антилогикам Гаррисон смог бы классифицировать разные роды сумбура, но Гаррисон мертв. Включай экран, Рой.

Рой медлил. Он вспомнил восклицание Андрея: «Какой ужас!» Не к следующей ли стадии расшифровки относился его крик? Если это так, то картины, которые предстоит им увидеть, несут в себе опасность. Недаром же он сразу закричал: «Помогите же!»

— Не они! — нетерпеливо бросил Генрих.

— Ты уверен?

— Уверен. Андрей кричал не о себе. Он, конечно, узрел в своем приборе что-то страшное, почему и выкрикнул: «Какой ужас!» Но призыв «Помогите!» был непроизвольным, так кричат люди, когда с кем-то совершается беда, а сами помочь не могут. Андрей не бежал от аппарата, а всем лицом прильнул к нему, потому крик и прозвучал так глухо. Не беспокойся, мы будем осторожней Андрея. Включай, включай!

4

И сразу же на экране вспыхнула картина катастрофы, разразившейся где-то в недрах шарового скопления.

Звезда, шарик величиной с орех, расширялась, накаливаясь до нестерпимости. И на этот раз было что-то зловещее в ее разбухании. В нем отсутствовала мера, это уже была не гармоничная пульсация — работа космической передающей станции, — а нечто стихийное. Звезда вышла из повиновения. Она мчалась на свои планеты, чтоб превратить их в облачко плазмы. Движение больше не возвещало, что некая цивилизация делится с другими богатством знаний: это был пейзаж гибели.

На экране опять появилась планета-здание — ярко запылавшая, безжалостно разрушаемая. Из недр сжигаемой планеты выбрасывались наружу огненными фонтанами еще недавно величаво струившиеся кентавряне. Погибая, они стремились к своим транспортным шарам, кое-кому удавалось влиться туда, полностью или частью, шары взлетали, отдалялись от планеты, но и в отдалении гибли — жадное пламя превращало их в факел, несущийся в темной пустоте, затем факел гаснул, лишь тусклое плазменное облачко продолжало мчаться в космосе. А на поверхность выбрасывались все новые кентавряне; их было много больше, чем шаров, ни один не дотекал до корабля. А еще через какое-то время — для зрелица на экране это был интервал лишь в несколько секунд — уже ни один не появлялся, только облачка пара вырывались то здесь, то там из глубин, плотные, разноцветные, быстро рассеивающиеся... И люди, осталбенело впившиеся глазами в страшную картину, понимали, что каждое облачко, взвившееся вверх, — еще один погибший в недрах житель.

— Какой ужас! — потрясенно пробормотал Генрих.

И, словно отвечая ему, космическое здание исчезло с экрана и опять возникла планета с башнями-рогами. Взорвавшееся светило неслось на нее, борьба между разумом и стихией продолжалась. Звезда разлеталась, управляющая планета отчаянно пыталась ввести ее в режим. Все башни пульсировали, быстро меняли форму. Какое-то мгновение казалось, что победа останется за разумом и на распоясавшуюся стихию будут наконец накинуты узы. Пульсация башен достигла предела — и все явственнее, продолжая разлетаться, пульсировала ответно звезда. Она еще расширялась, но медленнее и толчками; толчки постепенно впадали в ритм башен, это была уже синхронизация. Вероятно, в этот миг Андрей и крикнул: «Помогите!»

Минутная надежда исчезла, новый взрыв оборвал пульсацию. Братья увидели, как распадается регулирующая планета, как вся она становится пламенем, дымом и газом. А в пламени и дыму, медленно наклоняясь и падая, продолжали пульсировать рушащиеся башни...

Экран погас. Больше не было расшифрованных передач.

Глава пятая. Проблема Семелы и Зевса

1

Рой с волнением всматривался в бледное лицо Андрея. Семь дней, семь долгих дней оно было лишь безжизненной маской, муляжем, окостенившим одно из тысяч непрестанно сменяющихся выражений этого прежде удивительно подвижного лица, — окаменевшая гримаса страдания и боли. Сейчас к щекам возвращалась кровь, затрепетали веки, дыхание делалось глубже.

Араки предостерегающе положил руку на плечо Роя, властно шепнул:

— Соблюдайте спокойствие! Он не должен видеть, как вы волнуетесь.

Рой откинулся в кресле, постарался, чтобы с усилием вызванная улыбка не выглядела вымученной. Андрей безучастно смотрел на потолок. Во взгляде была пустота, отрешенность от внешнего. Больной был уже в сознании, но еще погружен в себя. Он вяло привыкал к своему телу. Он должен был раньше осознать, что существует, потом лишь дознаваться — как и среди кого? Все шло, как предсказывал Араки. Минут через пять Андрей повернется и узнает Роя, нужно терпеливо ждать.

Андрей повернул голову уже через минуту, поглядел на Роя — с той же безучастностью вначале, с постепенно нарастающим интересом потом. В пустом взгляде внезапно зажглось удивление — первое осмысленное выражение, оно знаменовало возвращение к сознанию. Сознание пробудилось скачком. Андрей приподнялся на кровати, Рой и Араки поспешили схватили его за плечи, принудили снова лечь — он не должен был делать резких движений.

Андрей с радостным удивлением прошептал слабо и сипло, но внятно:

— Вот те раз, жив! Я-то ведь думал, погиб!

— Если б погиб, то ни о чем бы и не думал, — радостно возразил Рой.

Араки сделал предостерегающий жест. Рой глазами показал, что будет соблюдать объявленные ему условия. Араки хмуро усмехнулся, покачал головой. Условия не выполнялись, слишком много радости звучало в словах Роя, дальше не будет лучше. Араки, впрочем, уже и сам не был уверен, лучше ли то, что раньше представлялось лучшим: возвращение больного в сознание было неожиданно быстрым.

— Рой, аппаратура?.. Не пострадала? Такой удар! — шептал Андрей.

— Удар нанесен страшный, — подтвердил Рой. — Трудно оценить его силу. Но аппаратура в целости. И расшифровка сигналов продолжается. Хотя ничего тебе неизвестного пока не получено, — поспешил добавил он, заметив, что Андрей сделал новую попытку приподняться.

Больной некоторое время отдыхал. Слабая улыбка оживила его лицо. В глаза Андрея возвращался прежний блеск.

— Не было извне удара, — внятно проговорил он. — Разряд в мозгу... Вот отчего аппаратура... Что-то случилось со мной... Со мной одним, так?

Рой взглядом посоветовался с Араки. Тот решил, что настал его черед разговаривать:

— Вы совершенно правы, произошло сильное внутриклеточное потрясение мозга. Причины неясны, сразу хочу вас информировать. И еще одно: разрыва клеток не было, вы скоро вернетесь в нормальное свое состояние.

Андрей опустил веки. Рою показалось, что он засыпает. Рой тихонько приподнялся, чтобы уйти, но Андрей снова раскрыл глаза. Теперь он глядел на Араки.

— Не надо быстро возвращать здоровье, — произнес он. С каждой новой фразой он говорил ясней и уверже. — Хочу поболеть...

— Не волнуйтесь, все в порядке, — поспешил сказать Араки. — Мы свое дело знаем, можете не сомневаться. И все, что потребуется...

— Нет. Не понимаете... — Он посмотрел с мольбой на Роя. — Ведь больше не повторится!.. Рой, пойми!

Рой знал теперь, что ничего от Андрея скрывать не нужно.

— Все твои видения записываются, Андрей. И могу тебя заверить, что мы делаем это гораздо тщательнее, чем когда болел Генрих. Ни одна минута твоей болезни не была для нас потеряна, — Я ничего не открыл в бреду? — с надеждой прошептал Андрей. — Помнишь математические откровения Генриха...

— Нет, открытий не было, но выяснено много интересных закономерностей. Мы познакомим тебя с ними, когда ты окрепнешь. Этого уже не так долго ждать.

Лицо Андрея снова выразило неудовольствие. Он по-прежнему не хотел быстрого возвращения здоровья. Из его то ослабевающего, то возвращающегося к внятности шепота Араки и Рой уловили, что Андрей просит лекарства, не подавляющего, а усиливающего бред. Он все снова повторял, что такой редкостный случай терять нельзя: видения его порождены мощными силами, в природу которых надо обязательно проникнуть. Его личная неудача может явиться счастливым событием. Он требовал, чтобы ему ввели стимулятор безумия, усиливающий болезнь, — без угрозы конечному выздоровлению, погибать он отнюдь не хочет.

— Ни о каких специальных стимуляторах безумия и речи быть не может! — категорически заявил Араки. — Любой препарат такого рода станет для вас смертельным ядом. Повторяю, не беспокойтесь, вы с самой первой минуты явились для нас не только объектом лечения, но и объектом изучения.

Андрей снова повернул лицо к Рою и горестно прошептал:

— Рой, та цивилизация... Неужто погибла?

— Новых передач нет, старые повторно изучаются.

Андрей снова впал в беспамятство. Араки, поднявшись, попросил Роя идти с ним. Рой молча прошагал несколько помещений, примыкавших к палате, где лежал Андрей. Приборы, записывающие работу мозга больного, были размещены в кабинете Араки. Добрую треть стены занимал экран, изображавший расшифрованные картинки недавнего бреда Андрея. Рой, бросив рассеянный взгляд на пульсирующие фигуры и линии, подошел ко второму экрану, установленному в стену несколько поодаль.

Он долго стоял перед этим небольшим, два метра на полтора, полуупрозрачным, полутемным листом в рамке из светлого пластика. Посредине экрана струилась широкая серебристо-золотая река. Она бежала справа налево, то вспыхивала яркими точками, то приглушалась, края ее изгибались, из общего потока выдвигались

заливчики, вызмевались тонкие параллельные ручейки, снова возвращались в главное русло. Река неслась как бы в постоянно меняющейся бахроме и кружевах. Удивительный поток: его открыли три столетия назад, но долго не могли выразить формулами и кривыми; он оставался логической категорией, общественным понятием, несомненным, но неизученным, скорее психическим, чем физическим полем, его так и называли: общественное пси-поле. Не прошло и двух десятилетий с того дня, как Альберт Боячек продемонстрировал найденные им математические формулы для пси- поля, и стало возможным моделировать творческий уровень общества. Духовный потенциал человечества, прежде нечто неосознанное, превратился в предмет точного измерения. Картина на экране в кабинете Араки была копией непрерывно фиксируемого в Управлении государственных машин потенциала пси- поля — Араки разрешили продублировать его у себя для исследований психики Андрея.

И сейчас Роя привлек к себе неподвижный пейзаж духовных возможностей человечества. Он на экране мало менялся, лишь в масштабе десятилетий обнаруживались изменения; прежде довольно частые, скачки гениальных открытий становились все реже, подъем творческого потенциала все больше определялся суммарным старанием всего человечества, а не вдохновенными порывами особо одаренных одиночек. «Все общество у нас теперь одаренное», — недавно резюмировал Боячек свои многолетние исследования. Рой так часто, и до болезни Генриха и особенно во время ее, всматривался в такую же развертку на экране, что для него в ней уже не было чего-либо неизвестного или удивительного. И смотрел он не на широкий серебристо-золотой поток, всеми своими бесчисленными сияющими точками перемещающийся на экране слева направо, а на тоненькую, как нитка, линию, змеившуюся у рамы, — на языке медиков она называлась графиком психофактора Андрея. И хоть Рой хорошо знал, что тонкая струйка, протянувшаяся ниже широкой реки, не выдаст так просто своих тайн, он все не мог оторвать от экрана глаза. Так всегда бывало, когда он приходил в этот кабинет: часами стоял перед экраном пси- поля, всматривался, вдумывался.

Араки сказал, пожимая плечами:

— Не могу понять, что вас так тревожит в пси-факторе Андрея Корыгина!

— Я уже объяснял вам, Кон, — сдержанно ответил Рой, присаживаясь к столу Араки.

— Да, объясняли: больное пси-поле Андрея может воздействовать на духовный потенциал всего общества. Я думал над вашим объяснением. Общественное пси-поле складывается из двенадцати миллиардов индивидуальных пси-факторов...

— Здоровых пси-факторов, Кон!

— Также и десятков тысяч больных, Рой. Или вы думаете, что Андрей единственный, кто находится на излечении? Травмы, старческие недомогания, хоть и редкие, но еще не изжитые полностью случаи атавизма и дегенерации — все они тоже там! — Араки показал на экран. — Не они, однако, определяют могучий уровень наших духовных возможностей.

Рой недоверчиво усмехнулся:

— Звучит убедительно. Но не для моего уха. Да, конечно, пси-фактор Андрея — капля, влитая в озеро. Но если это капля яда? — Араки хотел возразить, Рой не дал. — Вы физиолог, Кон, ваша научная, ваша человеческая задача — искать причины заболевания и ликвидировать их. А меня тревожит не причина, а назначение заболевания, та цель, ради которой, возможно, болезнь вызвана.

— И это вы уже говорили: не скрывают ли гибель Спенсера, самоубийство Гаррисона, несчастье с Андреем Корыгиным сознательное зло, передающееся через них всему человечеству? — заметил Араки. — Подготовленный мной эксперимент, возможно, даст какой-то ответ на этот ваш вопрос. И все же, мне кажется, мы могли бы спорить...

Рой не хотел спорить. Спор ничего не даст, нужны опыты, а не слова. Никем не доказано, что поражения индивидуальной психики могут повредить духовному потенциальному общества, но ведь не доказано и обратное: что общественное пси-поле застраховано от таких ударов. Духовный уровень общества отнюдь не арифметически связан с индивидуальными уровнями людей. Разве не отвечает пси-поле общества всплеском вверх на появление Аристотелей, Ньютонов, Эйнштейнов, Шекспиров, Нгоро, Толстых? Или не бывало в истории примеров того, как массами людей овладевает что-то вроде безумия? Разве не безумными кажутся нам теперь религиозные войны, разве не актом социального безумия были кровавые преступления фашизма? И неужели не болезненным психозом отдают теории сверхлюдей, высшей расы, того, что избранным, в отличие от массы, все позволено, что они — вне морали? Он ставит вопрос: можно ли, воздействуя на психику отдельного человека, нанести болезненный удар пси-полю общества? Если такая возможность осуществима, то реальная возможность гигантского злотво-рения. Тайный враг, коварно поразив мозг попавшего в его тенета простака, способен будет привести к безумию все общество, овладеТЬ им, превратить великое содружество гордых, свободолюбивых индивидуумов в серую массу покорных рабов!

Рой, как и Араки перед тем, показал на экран пси- поля:

— Кон, взгляните на могучий поток пси-потенциала общества. Внешне он очень схож с графиком наших энергомощностей. Безмерно велика энергосистема Земли — триллионы киловатт. А управляют ею командные аппараты, а командными аппаратами управляют люди. Энергосистема блестяще защищена от всяких трагических случайностей, в ней давно не происходит аварий. Но если дежурные инженеры, вдруг сойдя все с ума, захотят вывести из строя командные аппараты... Страшно и подумать, что произойдет тогда! И вот я хочу твердо знать: возможен ли во взаимоотношениях пси- поля с индивидуальными пси-факторами тот срыв равновесия, который отнюдь не исключен в наших энергосистемах. Дайте мне наконец ответ: может ли психика отдельного человека

сыграть роль кнопки пускателя, приводящего в действие или останавливающего исполненную энергосистему, называемую нами общественным пси-полем? Вот о чем прошу!

Рой редко выходил из себя, но сейчас так разнервничался, что невольно повысил голос. Араки размышлял. Рой сердито отвернулся от задумавшегося ученого. Он сам попросил Боячека поручить Кону Араки исследование странных психических явлений, число которых с момента гибели звездолета все накапливалось. Рой оговорил, что оставляет своей лаборатории общую физику загадок, а психофизику передаст более компетентным экспериментаторам. В мире сегодня не существовало пси-физика крупней Кона Араки. Давно прошли времена, когда исследователи были специалистами, знатоками узкой отрасли знания — ущелья знаний, иронически говорил о таких людях Рой. Сам Рой мог послужить примером универсала, но и ему в этом отношении было далеко до Араки, блестящего медика, физиолога и психолога. Рой не сомневался, что совместная работа пойдет прекрасно. Она шла трудно. Араки быстро ставил эксперименты, но не разделял сомнений и страхов Роя. Он вносил какой-то дух иронии даже в опыты, которые не оспаривал. Целевую же установку он оспаривал. Рой ничего не мог с собой поделать — такое отношение его раздражало.

— Я, собственно, не понимаю, почему вы так противитесь проверке моей гипотезы? — с возмущением добавил Рой, когда убедился, что Араки не собирается нарушать затянувшееся молчание.

Араки медленно заговорил:

— Я не противлюсь, нет, друг Рой. Я размышляю. Вы хорошо сказали: не причина, а назначение болезни... Вы видите в потрясениях психики, которые мы исследуем, зло, творимое человечеству, попытку взорвать нашу пси-систему. Но ведь возможна и обратная гипотеза: не зло, а добро, не нападение, а защита. Вынужденная, уродливая форма защиты, но — защита!

— Безумие как акт защиты? И вы можете это обосновать?

— Нет. Могу лишь высказывать, а не доказывать. Согласен с вами: тут нужны не слова, а факты. Добавлю лишь: уверен в прочности пси-системы человечества. Уверен, что у нее имеются могущественные методы противодействия любому испытанию ее прочности. А теперь идемте в Лабораторию синтеза новых форм и посмотрите, как подготовлен опыт с Гаррисоном и Спенсером.

Лаборатория синтеза новых форм помещалась в другом конце Института физиологии. Идти туда пришлось долго, Араки к тому же заглядывал то в одну комнату, то в другую и каждый раз просил у Роя извинения, Рой каждый раз лишь выразительно пожимал плечами. Когда они спустились на восьмой подземный этаж и зашагали по гигантскому бетонированному коридору без дверей, Араки спросил, бывал ли Рой в этой лаборатории. Рой знал все лаборатории института, бывал и там, где выводили синтетические живые существа. Работы Лаборатории синтеза до сих пор мало его интересовали. Ему хватает загадок, создаваемых естественными существами, чтобы еще добавлять хлопот с искусственными.

Араки рассмеялся:

— С точки зрения добавляемых хлопот мы искусственников не рассматривали. Но вот создание искусственного мозга для Гаррисона и Спенсера хлопот доставило. Как вы знаете, того миллиона клеток, которые имелись в «Охранительнице» в качестве паспортов Гаррисона и Спенсера, было слишком мало для нашего эксперимента.

Рой молча кивнул. Машина, называемая «Охранительницей», имела лишь те данные о каждом человеке, которые нужны для безопасности его полетов, передвижения по воде и суше, охране его здоровья. И даже с этими простыми задачами она неправлялась, что и выявилось в самоубийстве Гаррисона и несчастье с Андреем: в аварии звездолета обвинять «Охранительницу» было нельзя, зона ее действия ограничивалась Землей. О том, чтобы «Охранительница» крохотной клетушкой, отведенной в ней каждому человеку, могла заменить живой мозг, и говорить не приходилось. И то, что Араки удалось из сохранившихся скучных данных воссоздать работоспособный мозг, было таким успехом, что Рой, уговаривая Араки заняться этим, не очень и надеялся, что тому удастся выполнить его просьбу.

Араки, подойдя к помещению, куда перенесли тела Спенсера и Гаррисона, пропустил Роя вперед.

Посреди зала, на специальном столе, возвышались два саркофага из сверхплотного пластика. Сквозь прозрачные стенки были хорошо видны два трупа. Никаких изменений с ними не произошло сравнительно с тем днем, когда Рой видел их в последний раз. Гаррисон был крупней Спенсера, тот успел больше высохнуть, все остальное было одинаково: не два близнеца — два тюдества, один копировал другого, и оба были как бы лишены индивидуальных черт, средние, до того обычные, до того во всем повторяющие всеобщие черты, что лишь одна эта непостижимая всеобщность и была удивительным индивидуальным отличием. И снова Рой думал о том же, о чем всегда думал, когда вспоминал их: если бы существовал могущественный мастер, пожелавший сотворить искусственного человека для наблюдения за людьми, то он сотворил бы того соглядатая именно таким, из одних общих, расчетных признаков, каждой внешней черточкой повторяющего всех сразу, подражающего сразу всем...

Перед Роем в прозрачных саркофагах лежали два мертвых человека — не могло быть таких людей, они были немыслимы, он не мог в них поверить. Это были псевдолюди, а не люди. Псевдолюди живут среди людей. Сегодня это только его зловещая догадка, завтра она, возможно, станет неоспоримым фактом!

Араки проворно ходил вокруг саркофагов, придирично трогал руками толстые кабели и гибкие трубы, опутывавшие постамент, — по ним должна была поступать и отсасываться энергия, химические вещества, вода и

газы. А вдоль трех стен, гигантским овалом очерчивая зал, тянулись механизмы, регулирующие движение питательных веществ в оживленных тела.

Два искусственных мозга — высокие цилиндры с кабельными выводами на саркофаги и проводной связью со всеми питательными механизмами — возвышались в центре овала.

Араки положил руку на плечо Роя:

— Завтра в двенадцать, друг Рой. Приходите с Генрихом и Арманом. Будет Боячек.

Рой шел пешком по Кольцевому проспекту. В метеографике сегодня планировали ветер и дождь, ливень должен был хлынуть после обеда. Рой присел на скамью. На этой скамье он сидел месяц назад, тогда начиналось бабье лето, было тепло и томно — последняя нега природы перед осенним угасанием. И тогда его мучили трудные мысли, со всех сторон теснили загадки, он терялся среди них, но верил, что пройдет день, другой, неделя, все выяснится, все станет понятно и закономерно. Прошли четыре недели, ничего не выяснилось, стало темней. Природа перешагнула порог равноденствия, день скатывается, как ковер, ночь расширяется на две трети суток. Даже в полдень сумрачно, день тускло льется сквозь заполнившие небо тучи. Старые загадки не разрешены, новые добавились. Были Спенсер и Гаррисон, была болезнь Генриха. Он с той поры выздоровел, это единственная радость: Генрих прежний — энергичный, увлеченый, всех увлекающий...

Но к Спенсеру и Гаррисону пристроилась Олли, обнаружены передачи какой-то могущественной цивилизации на сверхсветовом агенте; и вряд ли можно ожидать от них добра; и Андрей Корытин едва не повторил трагедию Спенсера; и среди людей появились какие-то псевдолюди...

Рой поднял воротник плаща. Ветер ударили сразу, в воздухе заметались листья, трава тонко засвистела, загрохотали кроны дубов и каштанов. Нагрянувшая внезапно темнота сгустилась, стало холодно. И снова вдруг прояснилось. Наконец-то хлынул дождь — светлый, обильный, громкий.

2

О Боячеке было известно, что он является ровно на минуту раньше условленного времени. «Моя точность предупредительна, а не надменна!» — пошутив о себе президент академии. Рой принадлежал к людям, точность которых точна — надменна, по выражению Бояче-ка. Они с Генрихом и Арманом вошли в Лабораторию синтеза новых форм без пяти секунд двенадцать. Боячек уже стоял около саркофагов с телами Спенсера и Гарри-сона и выслушивал объяснения Араки. Рой с Арманом знали все, о чем говорил Араки, но еще раз мысленно прошли с ним все стадии эксперимента. Генриху была известна лишь общая идея опыта, он слушал с интересом.

Араки, показывая рукой на прозрачные ящики — тела, лежавшие в них, были сегодня прикрыты датчиками и питателями, опутаны проводами и трубками, — сказал, что опыт назван оживлением, но практически оживления мертвых не произойдет. Только в мифах некий бог велел мертвому: «Возьми одр свой и иди!» — и мертвец покорно встал и пошел. Ни Спенсер, ни Гаррисон уже не встанут. Не будет ни единой минуты, даже ни единой микросекунды, когда бы стало возможным сказать: «Они ожили!» И все-таки каждая клетка их тела оживет, в каждой клетке возникнут жизненные процессы, клетки будут делиться, нарождаться и умирать. Милиарды жизней возникнут в мертвых телах Спенсера и Гаррисона, не будет лишь того общего, что объединяет в нормальном бытии эти миллиарды частных, крохотных, микроскопических жизней, — живых Спенсера и Гаррисона. Ибо воскрешение мертвых еще не стало предметом эксперимента, оно пока лишь сокровище мифологии. Могущественная, бесстрастная машина, называемая искусственным мозгом, промоделирует элементарные жизненные процессы на клеточном уровне, но не сотворит заново того сложнейшего, невосстановимого их сочетания, которое называется живым телом.

— И еще одно, — продолжал Араки. — Мы воскрешаем клеточную жизнь в телах Спенсера и Гаррисона не в прямом, а в обратном направлении. Мы заставим клетки во всех тканях пробежать обратные стадии развития: от состояний, характеризующих взрослых мужчин, до комплекса юноши, потом подростка, ребенка, зародыша. Точнее бы назвать наш эксперимент генооперацией, ибо мы сможем дойти до момента, когда оба тела, лежащие сейчас перед нами, распадутся каждое на первоначальные родительские клетки. Приемники и питатели, смонтированные в зале, доставят клеткам тел все вещества, нужные для обратного процесса, отсосут все отходы, все формы когда-то поглощенной телами и ныне возвращаемой энергии. Во время обратного развития тел будет непрерывно анализироваться состояние на общеклеточном уровне. С особой же тщательностью — природа генетических молекул, ответственных за построение каждой клетки. Анализ показал, что Спенсер и Гаррисон лишь внешне полностью повторяют людей, а в клеточной структуре их тканей содержатся важные отличия от среднечеловеческих. Наша сегодняшняя задача: узнать, созданы ли Спенсер и Гаррисон с внутренними отклонениями от человеческой структуры еще на стадии зародыша или приобрели эти отличия позже. Рождены ли они нелюдьми или только выросли в нелюдей.

Когда Араки замолчал, Боячек задал вопрос:

— Развитие человека из родительских клеток до взрослого состояния охватывает примерно двадцать лет. Мы знаем, что моделирование обратного развития — процесс ускоренный. Насколько он ускорен? Долго ли нам в лаборатории дожидаться результата?

— Процесс ускорен примерно в сто тысяч раз, — ответил Араки. — Двадцать лет прямого развития будут втиснуты нами в два часа при моделировании обратного развития.

— Два часа прождать можно, — согласился президент.

Араки попросил пройти в аппаратную. Аппаратная возвышалась над залом прозрачной закрытой верандой. Отсюда можно было наблюдать за тем, что совершается внизу, где стояли два саркофага, и следить за механизмами, смонтированными на внутренней стене. Боячек, огромный, сутулый, заложив руки за спину, медленно прохаживался вдоль линии аппаратов. Арман и Рой сели напротив «Сумматора расхождения» — так назвал Араки этот сложный прибор, показывавший степень отличия структуры Спенсера и Гаррисона от средней человеческой.

Генрих лишь бросил рассеянный взгляд на командные и анализирующие аппараты и, подойдя к прозрачной наружной стене, смотрел вниз.

Внизу лежали два мертвых человека, о которых лишь после смерти стало известно, что они вовсе не люди, а псевдолюди, как называл их брат. С одним из этих псевдолюдей Генрих провел вместе несколько дней в салоне звездолета — вместе ели, разговаривали, любовались звездным небом на экране. Человек был как человек: суховатый, немногословный, рассудительный, редко улыбающийся, но как-то мило улыбающийся, улыбка красила его невыразительное лицо. Он не вызывал большой привязчины, но и не был неприятен, он просто казался замкнутым, из породы тех, с кем надо съесть пуд соли, чтобы его узнать. Последующие события показали, что и миллиона тонн совместно съеденной соли не хватило бы на познание этого странного существа! Брат объясняет аварию звездолета нечеловечностью этого внешне такого обычного человека — одна загадка являлась простым следствием другой загадки. Возможно, Рой прав. Слишком уж тяжкие последствия тянет за собой такая возможность!

Другого человека, Гаррисона, Генрих увидел впервые лишь в специально для него созданном прозрачном гробу. Он тоже не человек, так показывает бесстрастный химический анализ. И он, этот незнакомый ему псевдо человек Федор Ромуальд Гаррисон, как-то загадочно связан с самим Генрихом; его удивительные математические озарения повторились в бредовой форме в мозгу Генриха. Что их связало? Почему они связаны? Как осуществлялась связь? И что заставило Гаррисона покончить с собой? Его предсмертная записка Андрею — ведь это же вопль отчаяния! Что породило такой неистовый взрыв чувств? Араки и Роя с Арманом занимает одно: сразу ли они возникли псевдолюдьми или их нечеловечность — результат заранее рассчитанного развития? Нет спору, все это важно. Но не менее важен вопрос, отчего Гаррисон впал в отчаяние. Здесь истинный ключ к тайне! Ну хорошо, Араки докажет сегодня, что оба они не обычные человеческие уроды, какие иногда возникают среди людей, а нечто сознательно кем-то и как-то сконструированное. Объяснит ли это, почему один вызвал аварию звездолета, а второй пустил себе разряд в мозг?

Задумавшийся Генрих пропустил момент, когда аппараты заработали. Рой позвал его и показал на сумматор расхождения. На экране прибора возникли две ярко-красные кривые: одна, неподвижная, условно означала суммарную структуру человеческого тела, вторая, подвижная, плавно изгибавшаяся, рисовала Спенсера, а под ней такая же, лишь в мелочах не совпадающая со второй, бежала по горизонтали экрана кривая Гаррисона. Различие между первой кривой и двумя другими сразу бросалось в глаза. Араки обратил внимание зрителей на то, что между нормальными людьми, если выразить их кривыми на сумматоре расхождений, тоже не будет тождества, но и такого расхождения никогда не наблюдается. «Не наблюдалось», — мысленно поправил его Генрих. Араки абсолютно был уверен, что Спенсер и Гаррисон не люди, а это еще предстояло доказать.

Генрих снова смотрел вниз. Тела в саркофагах уже перестали быть видны. Возможно, гробы наполнили светопоглощающие газы или на стенки наполз специальный экран. А в темноте кипели мертвые тела! Надо было подобрать иное выражение, не такое вызывающее, но оно понравилось Генриху, оно хорошо выражало стремительность реакций, забушевавших в умерших было клетках. И подошедшему Араки Генрих так и сказал:

— Кипят! — и показал рукой вниз. Араки покачал головой:

— Неправильное представление, друг Генрих. Кипение — процесс, обращенный вовне: что-то вырывается наружу. А здесь обратное: опадение в себя. Ссыхание, растиavание, растворение, сгущение — такие слова тоже неточны, но правильней передают направление процесса.

Вдоль линии приборов прохаживался Боячек, грузный, стареющий, насупленный. Генрих с нежностью посмотривал на пожилого ученого. Ему все нравилось в этом человеке: и его проницательность, и какая-то только ему присущая вдумчивая доброта, и даже категоричность его настоящий и решений, и особенно — умная насмешливость, с какой он слушал, когда не соглашался. К Генриху подошел Рой и потянул за руку. Араки взволнованно показывал на кривые, вычерчиваемые сумматором. Линии Спенсера и Гаррисона, вдруг утратив свою особость, шли на сближение с основной кривой. Араки переключил процесс на торможение, еще через минуту вовсе остановил его. Обе индивидуальные кривые вытягивались на экране параллельно основной, почти сливааясь с ней.

— Генетические нарушения на стадии зародыша, — торжественно объявил Араки. — Родителями обоих были люди. Изменение программ развития произошло на первой неделе внутриутробного существования.

— Изменение генетической программы совершилось одновременно у обоих? — поинтересовался Боячек.

Араки не мог дать точного ответа. Одновременность не исключена, но и не доказана. Одно несомненно: и Спенсер и Гаррисон начали свое внутриматеринское бытие как люди. А затем возникла мутация: гены зародышей испытали внезапное изменение, очень сложное, можно даже сказать — коварное. В результате возникли не уроды, не калеки, а внешне совершенно человекоподобные здоровые, жизнедеятельные существа, но с каким-то пока еще полностью не выясненным существенным отличием, особенно, вероятно, касающимся мозга. К сожалению, именно эта сторона проблемы исследована быть не может, так как у обоих сохранились тела, а мозг погиб. И это не случайно! Если гибель мозга в одном случае может быть приписана внешним обстоятельствам, то Гаррисон сознательно расправился со своим мозгом.

- Итак, псевдолюди существуют, — хмуро констатировал Рой.
- Обсудим результаты эксперимента, — предложил Боячек.

3

Араки захотел вести обсуждение в своем кабинете. Он зашагал впереди, беседуя на ходу с Арманом. За ними, сутуясь, заложив руки за спину, неторопливо двигался Боячек. Рой и Генрих шли рядом. Рой молчал, молчание было понятней слов — Рой готовился переводить в свою веру инакомыслящих, а к ним, вероятно, причислял и брата, и Араки, и самого Боячека; Рой настраивался на словесное сражение.

А Генрих не знал, будет ли спорить или отмолчится, как отмалчивался прежде, когда брат, уверовав в какую-либо концепцию, настойчиво навязывал ее всем. Генрих с удивлением поймал себя на мысли, что нет у него твердой концепции. Он даже хотел, чтоб на него запальчиво напали, усердно перетаскивая в свою веру, — тогда, сопротивляясь, он, возможно, свяжет свои возражения во что-то стройное. Во время споров с Роем так иногда бывало. И единственный, с кем он наверняка не согласится, будет брат.

В кабинете Араки Рой снова остановился перед экраном пси- поля: хмуро всматривался в серебристо-золотой поток, струившийся в темной глубине экрана, в тонкую змейку пси-фактора Андрея, Араки, ни к кому в отдельности не адресуясь, известил, что перемен у Андрея нет, выздоровление несомненно, но затянется. Боячек сел, вытянул огромные ноги, откинулся на спинку кресла, сложил руки на животе: президент Академии наук был слишком громоздок и плохо вписывался в обстановку. Генрих подумал, что если бы понадобилось нарисовать посланца иных миров, то эта массивная голова, широкое лицо с чересчур даже для него крупным носом и отвислыми щеками, сутулая фигура, разлапистая походка, руки, похожие на рычаги, ладони с детскую лопатку, — нет, вышел бы инозвездный житель куда убедительней, нежели ничем не поражающие внимание Спенсер или Гаррисон! Они были слишком свои, он — нездешний, с удивлением сказал себе Генрих, именно такой путаной формулой вдруг охарактеризовав Боячека.

Президент подождал, когда все рассядутся, и заговорил. И голос у него был какой-то очень уж свой, отличный от любых голосов, мощный, конечно, — все в этом человеке было мощно. Глуховатый, но не хриплый, он выносился из глубин груди, он был многогонный. Генрих с тем же насмешливым удивлением определил: одновременно разнообразный; в нем были и настойчивость, и доброта, и доброжелательная ирония, и недоверие, все это выражалось одними звуками, а не мыслями, звуки, не сочетаясь в логические категории, ясно высказывали себя. Президент был из тех, кто может спорить интонациями голоса без вывazyивания силлогизмов.

— Итак, философия, — сказал Боячек. — Какую же философскую систему вы преподнесете нам, друг Рой?

Рой не собирался преподносить новые философские системы. Он будет придерживаться фактов. Он высказал это сухо и точно. Он последовательно перечислил недавние открытия. На далекой окраине Галактики обнаружена новая разумная цивилизация. И степень ее технического развития выше человеческой, это видно хотя бы из того, что она превратила звезды в широковещательные станции и ведет свои передачи при помощи агентов, распространяющихся практически мгновенно. Оставляя в стороне загадочный вопрос, для чего ей понадобились такие передачи, следует отметить, что в технике превращения звезд в передатчики не все доработано, картины катастрофы в Кентавре-3 убедительно о том свидетельствуют. Несколько, существует ли еще эта цивилизация или уже погибла. Таковы главные новые открытия в галактическом космосе.

— А на Земле и солнечных планетах свои открытия, — продолжал Рой. — И нельзя их не соотнести одно к другому. На Земле появились разумные существа, но не человеческой природы. Первое такое существо — обезьянка Олли. Генрих считает, что она была послом общества электрических обезьян, встреча с которыми вызвала трагедию «Цефея». И Рой недавно так считал. Теперь он отказывается от такой концепции. Она слишком примитивна. Олли не была посланцем добрых электрических обезьян, во владения которых безрассудно вторглись люди. Она посланец куда более мощной цивилизации, чем харибдяне, возможно, той самой, крохи передачи которой удалось уловить. И ее облик свидетельствует лишь о том, что она приспособилась к условиям жизни харибдян. И если уж считать ее послом, то не к людям, а к жителям Харибы — она передавала информацию о харибдянах тем, кто ее создал. И когда неожиданно появились люди, естественно, еще никому не знакомые, так как человечество только вышло в космос, создатели Олли предписали ей срочно сменить местопребывание. Нельзя было упускать случай познакомиться с людьми поближе. Так она появилась на Земле космическим шпионом.

— Ты обещал придерживаться фактов, — напомнил Генрих.

— Я обещал не развивать философских концепций, — спокойно возразил Рой. — Комментировать факты я волен.

Хорошо, он не настаивает на термине «шпионаж», если слово «шпион» выражает что-то скверное. Об Олли не доказано, что она принесла зло людям, скорее известно обратное. Ограничимся названием благородней: «космический разведчик». Телесная форма, целесообразная на Харидбе, среди людей не годилась. Олли, нет сомнения, передавала своим господам массу сведений о человечестве, среди них — и о структуре человеческого тела. Недаром же она так старательно изучала человеческие науки, а среди них и биологию. Связь с господами выполнялась при помощи того сверхсветового агента, к раскрытию тайны которого мы вплотную приблизились. Выполнив свои задания, Олли умерла, а ее создатели и господа разработали план засылки на Землю новых разведчиков, столь же приспособленных к местным условиям, как Олли была приспособлена к жизни у харидян. Выслать к нам живую куклу, имитирующую человека, они не сумели. Любую информацию и команды они передают практически мгновенно, а для передачи тел нужно снаряжать корабли, и скорость звездолетов, даже в сверхсветовой области, не безгранична. Проект их был точен и надежен. Они не создали людей, но породили мутации в генах зародышевых клеток. Они переконструировали человека. И так хитро, так умно, так блестяще, что человек, внешне оставаясь человеком, превращался в датчик нужной им информации, в исполнителя их команд, в живую станцию мгновенной связи. Так среди людей появились псевдолюди — Спенсеры и Гаррисоны. И, возможно, не только они, открытие и погибшие, а еще и десятки других, нераскрытых и не обезвреженных.

Араки кивнул головой. Пока он согласен с Роем. К сожалению, полностью погиб мозг Спенсера и Гаррисона. Наибольшие отличия были, вероятно, там, в клетках, укрытых за черепной коробкой. И допустимо, что специализированный на это мозг способен принимать и передавать сверхсветовые сигналы. Даже в обычном состоянии мозг настроен на излучение и прием, на этом основана вся работа с пси-факторами и пси-полями. От усовершенствованного мозга можно ожидать результатов более значительных.

Боячек прогудел, насмешливо улыбнувшись:

— Что называть усовершенствованием? Развитие методов злоторения? Насколько я догадываюсь, друг Рой будет склонять нас к мысли, что вся разыгрываемая среди нас спенсериада ведет ко злу и иного назначения у нее нет.

Рой игнорировал насмешку президента. Он по-прежнему придерживается одних фактов. Факты свидетельствуют, что присутствие псевдолюдей узнается лишь по создаваемым ими несчастьям. Спенсер, обладая способностью принимать сигналы, распространяющиеся со сверхсветовой скоростью, применил вдруг эту способность в салоне звездолета к командам марсианского аст-ропорта, и звездолет потерпел аварию. Гаррисон передал свои математические знания Генриху, но передал в форме бредовых видений. И не исключено, что в те часы математические истины были ядом для большого мозга Генриха и что они должны были сыграть роль внутреннего пламени, сжигающего обессиленные мозговые клетки. Гаррисон погиб, его намерения остались невыясненными. Зато есть Андрей, руководитель Гаррисона, и несчастье с Андреем сомнения не вызывает, Андрей воспринял передачи далекой цивилизации в Кентавре-3, и мозг его получил удар, лишь немного уступающий тому, что сжег содержимое черепной коробки Спенсера. Можно ли отрицать влияние на Андрея совместной работы с Гаррисоном? Все, что связано с послами или разведчиками инозвездной цивилизации, таит в себе грозную опасность для людей!

— Не могу с вами согласиться, — сказал Боячек, когда Рой замолчал.

— Вы отрицаете несчастья, вызванные присутствием среди нас псевдолюдей? — спросил Рой.

Боячек отрицательно покачал головой. Невозможно отрицать уже совершившиеся беды. Но позорительно усомниться в том, что их кто-то, зачем-то сознательно вызывал. Друг Рой уклонился от философской концепции. Он, Боячек, собирается затронуть именно эту область, тот ее конкретный раздел, который трактует о взаимоотношении добра и могущества. Рой пожал плечами:

— Хороша конкретность! Есть ли понятие абстрактней?

— Есть, и много. А теперь не протестуйте, если мои соображения покажутся азбучно простыми.

Генрих не любил областей, где лишь общие понятия являлись единственной конкретностью. Брат тоже не жаловал отвлеченностей, он часто говорил об этом. Но у Роя протест против абстракций был не больше чем абстракцией — Рой охотно ввязывался в споры любой сложности. Генрих, хватая рассуждения Боячека с пятого на десятое, с любопытством разглядывал, кто как слушает и говорит. Араки суживал и без того узкие глаза, поджимал губы, он соглашался и возражал, он дополнял и уточнял, не произнося ни слова, — лицо его, отнюдь не такое выразительное, как у Роя или Армана, изображало речь без слов. Арман, обычно нетерпеливо выражавший себя жестами и гримасами, — временами казалось, что он вскочит, оборвет, начнет страстно опровергать, стремительно дополнять, — только слушал; различные выражения, торопливо сменяющие одно другое на его лице, были лишь признаком внимания — он старался постигнуть чужую мысль. А Рой отстранялся от чужой мысли, он стремился заранее ее опровергнуть, он опровергал ее всем в себе, не выговорив еще ни слова, — откинулся, полузакрыл глаза, полуулыбался, полуморщился, он, казалось, высокомерно-скучающее говорил: «Ладно, ладно, ну, что еще?» Генрих тихо рассмеялся. Он знал, что после такого молчаливого, почти обидного неприятия Рой, когда доходила очередь высказываться, часто вдруг менялся и спокойно объявлял: «Да, вы правы, у меня будут лишь незначительные замечания». «Ты слушаешь не уважительно, а провокационно, — говорил ему

Генрих нередко, — ты заставляешь подыскивать всё новые и новые аргументы, а потом выясняется, что из пушек били по воробьям».

А Боячек говорил. И не говорил, а гудел. И хмурый бас, выносящийся из груди так легко, словно Боячеку и не нужно было набирать дыхание, настойчиво вторгался в сознание. Звучит музыкально убедительно, думал Генрих о голосе. Боячек заставлял слушать себя, мысль его давила, а не скользила, с ней соглашались, даже когда она вовсе не была бесспорной, а сейчас, определил Генрих, Боячек, как и предупреждал, высказывал истины почти тривиальные. Настоящее могущество, говорил он, не способно добру противоречить. Злотворение — черта несовершенства, оно может быть особенностью силы, но не могущества. Причиняют другому вред, когда нужно что-то для себя получить. Могущество предполагает изобилие благ и возможностей. Вспомните человеческую историю: сколько в ней было вражды, порожденной лишениями! По мере развития человечества совершенствовалась и мораль: еще в первобытной общине изжили индивидуальную войну, войну каждого против всех, затем стихали племенные, религиозные, национальные, расовые, государственные распри, пока в коммунизме не забыли и о самой стойкой борьбе — классовой, той, что возникает от стремления одних присвоить труд других.

— Вы распространяете человеческие законы на Вселенную, — заметил Рой. — Но разумные существа бесконечно различаются по строению, форме жизни, цели жизни.

Нет, Боячек не распространял человеческих законов на Вселенную. Он просто находил в человеческой жизни действие более общих законов. Он не верил, что существуют высокоразвитые цивилизации, враждебные разуму, а в понятие, разума входит понимание общности мыслящих существ. Когда-то человечество написало на своем знамени великие слова: «Человек человеку — друг, товарищ и брат». Кто докажет, что этот принцип не может быть распространен на всю Вселенную? В этом случае он будет звучать так: все высокоразумные цивилизации — дружественны. И чем выше цивилизация, с которой завязывается контакт, тем вероятней, что встретим в ней друга, а не врага. Какие бы удивительные формы жизни ни открывались, с какими бы социальными структурами ни знакомились, человечеству не придется пересматривать основы своей морали. Если биология всюду — местная, то этика — всеобщая. Всюю помочь друг другу будет добром, а издевательство над соседом, стремление сосать его соки — злом.

— А нет ли материальной основы морали? — с живостью поинтересовался Арман. Он при каждом подходящем случае старался перевести отвлеченные понятия на более близкий ему язык физических величин. — Скажем, доброта на молекулярном уровне. Химическая структура доброжелательности. Электронные потоки коварства. Квантовая фокусировка неприязни и ненависти. Атомная картина эксплуатации одного живого существа другим. Почему бы и нет? Физические причины безумия ведь существуют! Не исключено, что будет обнаружено и мезонное поле несправедливости.

Боячек ответил с улыбкой:

— Мы, социологи, скажем спасибо, если вы переведете наши понятия на свой язык. Но сомневаюсь. Безумие, здравый ум — физические состояния человека, их вы опишете физическими величинами. Несправедливость — понятие социальное, оно характеризует нравственный уровень общества.

Рой сухо сказал:

— Я бы все-таки предложил возвратиться к самой важной сегодня проблеме: кто такие Олли, Спенсер и Гаррисон? Какие цели преследует их появление на Земле? Я этот вопрос ставлю конкретно, но конкретных выражений пока не вижу.

Боячек не считал, что Олли, Спенсер и Гаррисон ставят очень уж трудные вопросы. Ответы к тому же на них уже даны. Здесь упоминаются термины: посол, шпион, разведчик. Термины древней дипломатии мало соответствуют межзвездным отношениям. Раньше все проблемы исчерпывались взаимосвязями внутри биологически однородного общества, сейчас мы говорим об общности разума, об общности высших принципов нравственности, но отнюдь не об общности биологических форм существования, а это порождает свои особые трудности. И первая — проблема физической несовместимости, та самая, с какой столкнулся несчастный «Цефей». Люди неосторожно сунулись к харибдям — и поплатились жизнью.

— Современные полеты к звездам повторяют ситуации древних мифов, — размеренно гудел Боячек. — Греков волновала проблема контактов богов и людей. Вспомните, как Зевс являлся своим смертным подругам: в образе орла — Семеле, быка — Европе, лебедя — Леде, золотого дождя — Данае. Изобретательность Зевса, согласитесь, была незаурядна. Семеле захотелось увидеть своего друга в истинном его облике. Но чуть он предстал перед ней, она была испепелена. Почему погибла неразумная Семела? Не оттого ли, что Зевс, поддавшись ее мольbam, нарушил им же изобретенные правила безопасности при общении с людьми?

— Поучительная история, — холодно констатировал Рой.

— О чём я и говорю! Предварительное изучение форм существования есть обязательное условие общения разных цивилизаций. И раньше, чем контакт примет форму связи всех членов общества, отправляют тайного посланца. А тот должен обладать внешностью сродни изучаемой цивилизации, он должен быть близок ей — имманентен ей, я так скажу.

— Божество в образе неандертальца?

— Скорее уж ген божества в теле неандертальца, если шутить по-вашему, Рой. Ибо мозг посланца должен, в общем, действовать на уровне цивилизации, внутри которой оперирует. Посланец способен выступать и как бродильное начало, но лишь в меру возможностей общества. Теперь возвращаемся к Олли. Вы правы: она

была на Харибде посланцем более высокой цивилизации. На Землю она попала, как вы и доказываете, неожиданно, а здесь убедилась, что мало подходит для налаживания связи с людьми. И отосланная ею информация дала возможность разработать иной способ терпеливого знакомства с нами. Так появились Спенсер и Гаррисон, а может быть, и еще не открытые нами другие Спенсеры и Гаррисоны, которые благополучно бродят среди нас. Думаю, между прочим, что эти существа до чрезвычайных происшествий искренне считают себя людьми. Роль их остается тайной для них.

Рой заметил, что в ответ на его точку зрения ему лишь выдвинули другую. Каждый доказывает возможность своей концепции. Но возможность — не больше чем возможность. Требуется достоверность, а не гипотезы. Достоверно существование иноземных посланцев. Но как объяснить вызванные ими несчастья?

— Могу это сделать по тому же принципу ежели бы да кабы, — спокойно сказал президент. — Вы с братом развернули перед нами яркую картину гибели широковещательной станции кентаврян. Не логично ли допустить, что произошло внезапное изменение сигналов, которые и запутали Спенсера и Гаррисона? Несчастья на Земле лишь отзвуки разразившейся вдалеке катастрофы.

Рой недоверчиво покачивал головой. Нужно наконец вырваться из сферы догадок. Его могут убедить только факты.

Генрих сказал, что может сообщить о некоторых фактах. Брат удивленно уставился на него. Какие еще неизвестные факты? Генрих объяснил, что он лишь сегодня закончил проверку одного предположения и еще не успел поделиться выводами.

— Мы слушаем вас, — сказал Боячек.

— События на Земле и Марсе как-то связаны, против этого никто не спорит. Я сверил время событий. Спенсер стал приподниматься на диване точно в ту секунду, когда Андрей уловил расшифровку два-два — четыре. Точно в ту секунду! Но это еще не все. Мы сегодня ничего не говорили об Артемьеве, а его нельзя оставить в стороне. Трансляция сна, как это обычно бывает у Артемьева, подготовлялась заранее, но само сновидение началось в ту же минуту. И авария планетолета и сновидение Артемьева совершились во время приема сигналов с Кентавра, свидетельствовавших о катастрофе.

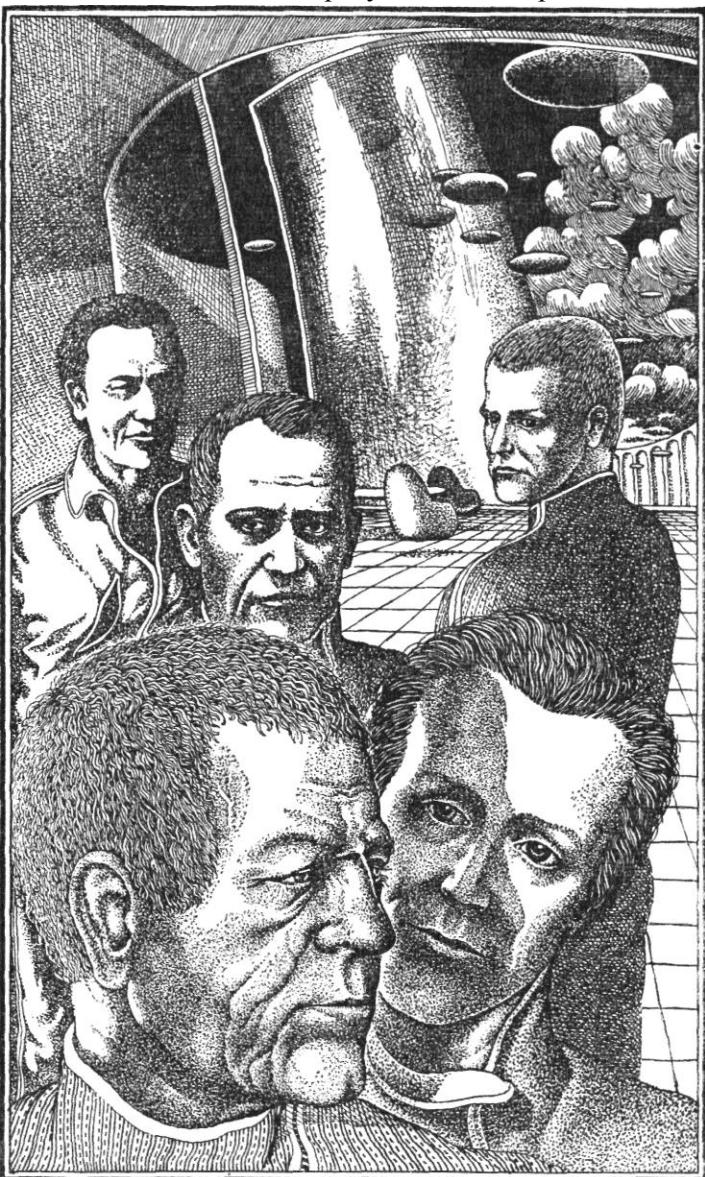
— Убедительно! — сказал Рой. — Но ты не говорил, что собираешься сопоставить эти события во времени.

— Мысль об этом явилась, когда ты недавно доказывал, что иноземные посланцы — агенты злоторения. Олли — и зло! Для меня это не вяжется, Рой. Вред высокоразвитая цивилизация может причинить и не засыпая агентов — прямым нападением, например. И я вспоминал безумные глаза Спенсера, Рой! До той секунды они были нормальны, смиренные приемники внешнего света, а не пронзительные излучатели! Даже если бы вскоре не произошло трагедии, то такое мгновенное изменение само по себе свидетельствовало об ужасном событии. Я помню охвативший меня в ту секунду страх. Он был веющим, по твоему любимому выражению.

Рой практически был уже убежден, но хотел обсудить выводы из сделанных ему возражений. Хорошо, пусть добро в качестве нормы, а несчастья — от неведомых катастроф. Резон в таком толковании есть. Но не отменяется вопрос: как бороться со Спенсерами, порою катастрофически впадающими в безумие? Чем грозит их безумие человечеству?

Он обращался к молчавшему весь диспут Араки — хотел закончить в присутствии Боячека завязавшийся раньше спор.

Араки сдержанно сказал, что разработка методов защиты относится скорей к компетенции физиков, чем физиологов. Все беды, о которых шла речь — авария звездолета, болезнь Генриха, болезнь Андрея, — произошли от физических причин. Что до безумия, то он повторит: безумие — реакция на удар; реакция эта иногда слом психики, а иногда форма защиты от более грозных последствий. Обществу такие акты безумия не грозят. Если гениальность становится общественным достоянием, то безумие остается индивидуальным несчастьем.

Мы слушаем вас, — сказал Боячек.

— Очень глубокая мысль, — с волнением сказал Генрих. — И мне кажется, из нее вытекают важные выводы. Я буду думать об этом!

— Кончим на этом, друзья! — предложил Боячек. — Резюме: исследования продолжаются, выводы докладываются.

Братья возвращались к себе пешком. Генрих молчал почти всю дорогу. Рой спросил, о чем он размышляет.

— О Гаррисоне, — сказал Генрих.

— О Гаррисоне? Что в Гаррисоне нашлось удивительней, чем у Олли, чем у Спенсера?

— Многие загадки, связанные с Олли и Спенсером, нам ясны, — задумчиво сказал Генрих. — А у Гаррисона остается одна загадка, и она все больше меня тревожит. Мне кажется, пока мы не поймем ее, мы ничего не поймем!

Рой иронически посмотрел на брата. Генрих преувеличивал, такова уж была его натура. Все, чего он не понимал, казалось ему самым важным. Потом, разобравшись, он сознавался, что неизвестное скрывало в себе пустячок, раскрытие пустячка лишь дорисовывало детали, а не раскрывало новые горизонты.

— Какое же непонятное действие Гаррисона кажется тебе ключом к тайнам? — спросил Рой.

— Самоубийство, — ответил Генрих.

Глава шестая. Доброму богу Бальдру стали сниться дурные сны...

1

Сон был из тех, какие классифицируются категорическим словом «бессмысленный».

Но он повторился трижды — образ в образ, звук в звук, тень в тень. Генрих озадаченно усмехнулся, проснувшись после первого сновидения; удивился после второго, сказав брату: «Вот же дурь в голову лезет, Рой! Скоро я начну отбирать у Артемьева лавры»; был потрясен после повторившегося в третий раз сумбурного видения. Вскочив на кровати, он тут же — уже сознательно — возобновил в мозгу: выжженная пронзительно черным солнцем пустыня, белое небо; две размахивающие черные руки, двигающиеся по пустыне, одни руки — ни ног, ни туловища, ни головы; руки шагали, как ноги, не опираясь на песок; раздавался громовой вой, свист, грохот; небо раскальвалось, руки пускались в бег, заплетались, хватались за отсутствующую голову, заламывались, сцеплялись пальцами, падали; черное солнце распадалось на ослепительно сияющие зеленые куски, один из огненно-зеленых кусков рушился на спасающиеся руки; руки вдруг отрывались от несуществующего туловища и, царапая пальцами почву, проворно уползали в разные стороны, вызмевались, прыгали, судорожно метались; они жили и двигались вместе, умирали порознь; становились, умирая, желтыми, солнечно-желтыми, это был цвет гибели; и-и-и — пронзительно переливался вопль по холмам, он вещал о конце сна, надо было просыпаться, Генрих просыпался.

Не было смысла в самом видении. Смысл был в том, что оно повторяется. Но Генрих не мог постичь значения того, что непрестанно возобновляется одна и та же бессмыслица. Рой нетерпеливо отмахнулся, когда Генрих рассказал о втором «приступе сна» — так он называл повторение, — проворчал, что до Артемьева Генриху далеко: у того все же сновидения сюжетно выстроены. Еще он посоветовал обратиться к Араки или записывать сновидения. Генрих после второго повторения подключал ночью регистратор сонных видений, но сон больше не возобновлялся. «Не хочет записываться», — с новым удивлением сказал себе Генрих.

Рой в эти дни вместе с Арманом занимался расшифровкой новых уловленных сигналов Кентавра-3. Генрих не мог дать себе отчет, почему вдруг отказался участвовать в работе, им же начатой. В лаборатории всегда хватало дел с незавершенными темами, авария со звездолетом и последующие события оттеснили, но не отменили старые темы. Рой даже обрадовался, что Генрих хочет отойти от острых проблем к плановым темам. Рой сказал, что Генрих все же не полностью поправился, посещающие его болезненные видения не свидетельствуют о железном здоровье. А если будет что интересное, они с Арманом известят его.

Три раза в неделю Генрих посещал клинику Араки. Андрей оставался в том же состоянии — ни хорош, ни плох. Временами он бывал в полном сознании — они беседовали о цивилизации на Кентавре и о земных новостях. Нередко Андрей впадал в забытье, и тогда Генрих тихо сидел у его кровати, всматривался в него. Андрей изменился, изменения накапливались. Он пополнел. Худое лицо округлилось, вобрало в себя резко выдававшиеся скулы. И говорил Андрей гораздо спокойней. Лишь глаза оставались такими же огромными. «Неприличные для мужчины глаза, для девушки подошли бы», — говорил Генрих раньше Андрею. В них вспыхивал прежний блеск, но спокойные, умные, резко меняющие выражение глаза до болезни вязались с подвижным лицом, сейчас они казались чужими на сонном лице.

Однажды, вдруг пробудившись, Андрей увидел, что Генрих рассматривает его. Генрих смущился, как если бы его поймали на нехорошем поступке.

— Что ищешь во мне? — резко спросил Андрей.

— Изучаю, скоро ли тебя покинет хворь, — шутливо ответил Генрих.

— Нет, — объявил Андрей с обычной категоричностью. — Ты хочешь знать, скоро ли я превращусь в Гаррисона, не надо обманывать, я все понимаю, Генрих.

Глаза Андрея так блестели, что Генрих не сумел ответить взглядом на взгляд.

— Я уже передавал тебе, к каким выводам мы пришли. Нарушение генетической программы на стадии зародыша, а ты все-таки взрослый мужчина...

Андрей нетерпеливо прервал его:

— Чепуха, зародыш — одна из возможностей, не думай, что кентавряне, если это они, а нет сомнения, что это они, так вот, они не глупее нас, — говорил он, напла-стывая одно предложение на другое. — Посланцы, живые приборы связи, должны быть всегда, это же невозможно, если гибель одного не вызывает немедленного возникновения другого, не говорю уж, что их может быть множество, уже известные — двое, множество неизвестных, разве не так?

Генрих наконец прервал несущийся поток речи Андрея.

— Рой с Арманом инструментально ищут подозрительные излучения. На поиск выделена совершеннейшая аппаратура. Пока результатов нет. Новых Спенсеров и Гаррисонов не обнаружено.

Андрей некоторое время молчал.

— Слушай, — наконец сказал он и снова уставил на Генриха блестящие глаза. — Если эта судьба ожидает меня, то и тебе она грозит, хрен редьки не слаше, ты думал об этом, только не виляй, говори прямо!

— Не думал, — признался Генрих. Такая дикая мысль и вправду не приходила ему в голову.

— Тогда думай! — приказал Андрей, откинулся на подушку и закрыл глаза. Он был и похож и не похож на себя. Генрих, прождав с минуту, чтобы Андрей отдохнул, хотел заговорить, но Андрей рывком повернулся, раздраженно повторил: — Думай! И обо мне и о себе, самое худшее возможно, жестко думай, без страха, надо нам знать!

— Буду думать, — ласково сказал Генрих. — И хотя не о нас с тобой, но все о том же каждодневно, повсюду думаю.

— Растолкуй, вы с Роем всегда так витиеваты и многословны...

— Я думаю о Гаррисоне. Его самоубийство для меня загадка. Ты его знал лучше всех. Не мог бы ты подсказать мне какую-либо путеводную нить?

Андрей удовлетворенно мотнул головой, словно мысль о загадке самоубийства Гаррисона была той самой, которая должна была всех больше волновать друга.

— Я тоже каждый день, каждый час, вывод один — потрясающе темная загадка, ровно десять возможностей решения, начну с тривиальных, женщины, несчастная любовь — отпадает...

— Арман проверял — не было у Гаррисона близких женщин, — вставил фразу Генрих.

— О чем я и говорю, не прерывай. Парень неплох, молод, лаборантки заглядывались, нет, Федя и не прельщался. Вторая возможность — неудачи по работе, ссоры с начальством, начальство — я, чепуха, все шло в ажуре, перспективы сияющие — отпадает. Третья — тайные болезни, наследственные хвори, роковые житейские секреты в прошлом, чушь такая, что и не стоит дальше — отпадает. Четвертая — осознал, что посланец иных миров, пришел в ужас, растерялся, сдался — не отпадает. Пятая — вариация четвертой, понял, что способен натворить бед, ужаснулся, сдался — не отпадает. Шестая — вариация вариации, я, всегда рядом я, воздействие на меня, видит, что тянет меня в пропасть, не захотел, ужаснулся... Еще надо?

— Пожалуй, хватит.

— Тогда иди, я устал, — приказал Андрей. — И думай!

Он повернулся лицом к стене. Генрих тихо удалился. Уходя, он бросил осторожный взгляд на друга, теперь надо было следить даже за выражением своих глаз, чтобы Андрей не прочел в них того, о чем и сам Генрих не догадывается. Это тоже было новой чертой: прежде Андрею хватало других забот, он и не старался особенно разбираться в настроениях друзей.

Генрих направился к Араки. Главный врач рассматривал в настольном экране изображение какой-то сложной химической структуры. Не отрываясь от изображения, он молчаливым жестом пригласил Генриха сесть. Генрих ждал и осматривался. Если лаборатория Роя и Генриха была вся заставлена приборами самых разнообразных конструкций, то у Араки доминировали экраны — большие и маленькие, прямоугольные, овальные, круглые, темные, полупрозрачные, цветные, однотонные. На рабочем столе Араки стояло несколько аппаратов, и каждый — со своим экраном.

Араки наконец оторвался от изображения.

— Вас интересует Андрей Корытин, друг Генрих? Ему лучше. Через месяц выпустим, если не произойдет осложнений.

— Я хотел поговорить о себе.

— Вы заметили в себе что-то новое, чего мы не знаем?

— Только одно: меня мучают странные сны. Странность их в том, что они повторяются с буквальной точностью.

Араки не нашел в снах ничего странного, обыкновенные фантазии. Удивительность, нездешность, необычность — типичная черта сновидений. Сон странен, если в нем нет ничего странного. Очень уж реалистические сны говорят скорей о расстройствах психики, а не о ее нормальностях.

— Не волнуйтесь, пока серьезных нарушений нет, — сказал Араки на прощание.

Генрих возвратился в лабораторию. Рой вызвал к себе Боячек, Арман возился с аппаратами. Генрих сел на диван и задумался.

Арман что-то про себя сердито бормотал, вероятно, какое-то из любимых древних ругательств вроде «Черт возьми!», «Остолоп!», «Чистая дьявольщина!» — Арман изобретательно варьировал архаические выражения.

— Слушай, Арман, вы с Роем знатоки древности, — сказал Генрих. — Особенно ты. Как в старину относились к сновидениям? Видели в них только забавные развлечения, какими они стали у поклонников Джексона и Артемьева?

— Ни в коем случае! — воскликнул Арман. Он сел рядом с Генрихом. — Какие-нибудь новости об Артемьеве? Я думал, мы с ним все распутали.

— Нет! Просто меня тяготят нелепые сны, — со вздохом сказал Генрих.

— Доброму богу Бальдру, сыну отца богов Одина и богини матери Фригг, стали сниться дурные сны! — нараспев заговорил Арман. — И великая Фригг, встревоженная, пошла по Земле упрашивать все вещи мира не делать зла ее светозарному сыну. И все камни, металлы, растения, вода, животные, птицы и рыбы с охотой давали обещание не вредить Бальдру. Лишь с одной омелы Фригг позабыла взять слово, слишком уж невзрачна на вид была омела. Об этом проведал злой дух Локи. И ветка омелы, пущенная по наущению коварного Локи рукой брата Бальдра слепца Хеда, пронзила сердце солнцемного бога. Так пелось в древних скандинавских сагах.

— Не то чтобы дурные, — сказал Генрих. — Непонятные. Не могу уяснить себе, что за чушь лезет в голову и почему лезет...

Арман мигом перескочил из сферы древней мифологии в сферу современной науки.

— Отлично! — воскликнул он с воодушевлением. — Я хочу сказать, что ты ставишь перед нами интереснейшую математическую проблему — моделирование сновидений. Мне кажется, я давно о чем-то таком подумывал, но все руки не доходили. С нами до сих пор занимались медики и мастера искусства, а дело это надо поручить физикам. Итак, мы вводим в нашу институтскую МУМ все данные твоего мозга, а также и схемы увиденных сновидений, и машина определяет, могли эти картинки сна зародиться сами в твоем мозгу, вырастая лишь из той информации, что хранится в их клетках, или они навеяны со стороны. Не возражаешь против такого эксперимента?

— Не возражаю, — сказал Генрих.

2

Когда на Генриха наваливалась апатия, он лежал дома на диване и бессмысленно смотрел в потолок, и тогда к нему лучше было не подходить. Рой научился безошибочно определять приближение у брата приступов беспрчинного равнодушия. Он обычно оставлял Генриха в покое, терпеливо ожидая, пока апатия пройдет. Он заходил в комнату Генриха и, увидев, что «на брата нашло», спокойно говорил что-либо вроде «хороший сегодня день по метеографику» или «после работы погуляю» — и уходил.

Сегодня Рой не зашел. Генрих проснулся, поднялся, хотел одеться, но передумал и снова лег. В комнате было темновато; надо было засветить потолок и внутренние стены. Генрих нажатием кнопки сделал прозрачной наружную стену, теперь она была сплошным окном. Светлее почти не стало, за холодной прозрачностью стены были видны лишь быстро несущиеся лохматые тучи. Вторым нажатием кнопки Генрих распахнул стену. В комнату ворвался холодный ветер и шум, в теплой комнате наступила осень. Генрих вышел на балкон.

Бульвар, как всегда, был пустынен, и, как всегда, в воздухе носились много авиеток и мчались аэробусы. Генрих закрыл глаза, втянул в себя воздух. Проносящиеся воздушные машины не создавали шума, шум шел снизу — ветер трепал сады на бульваре, и деревья кричали, как живые. Они не как живые, а живые, поправил себя Генрих, жизнь их иная, чем у людей, но жизнь! Он вспомнил, что давно уже хотел настроить дешифратор на поиск смысла в голосах травы и листьев, но что-то всегда заставляло откладывать.

Он лег на кровать и включил инфракрасные излучатели внутренних стен. Снаружи врывался холод, его оттесняло струящееся со стен тепло, попеременно тянуло то ледком, то жарой, Генрих то поеживался, то расправлялся — в воздухе было смятение, как на душе. Все путалось, не было ничего устойчивого. И хоть еще вчера Генрих понял, что надо делать, он все не находил душевной силы на задуманное.

И, поеживаясь от налетавшего холода, он возвратился мыслью к тому, о чем размышлял весь вчерашний день, к тому, что Рой во время споров у Араки назвал загадочным вопросом, но не захотел обсуждать, — истинная глубина всех загадок таилась здесь. Собственно, и загадки не было, вопрос был прост, ответ еще проще. И Генрих все снова беззвучно, не шевеля губами, повторял и этот вопрос: «Зачем цивилизации в Кентавре-3

понадобилось вещать о себе на всю Вселенную и повсюду рассыпать своих послов?» — и удивительно ясный, до изумления убедительный ответ: «Захотелось».

— Захотелось, просто захотелось! — вслух сказал Генрих.

Он закрыл глаза. Мысль летела быстрой таинственного сверхсветового агента связи кентаврян, Генрих мчался в красочном звездном скоплении, небо вокруг — и над головой и под ногами — сверкало тысячами ярчайших глаз, оно было не пейзажное, а живое. Генрих не любовался небом, он тосковал. Он представил себя кен-таврянином. И ему было тяжко в этом прекраснейшем из уголков мира, ему и всем его братьям, кентаврянам. Все здесь, познанное и покоренное, было свое, он мог менять сияние звезд, сдвигать и разбрасывать их — могущество, столь огромное, становилось неизмеримым! но не было соседей, не было родственного разума, друга, с которым можно было бы перекинуться сиянием звезд. Звезды, и не сознавая этого, разговаривают друг с другом, у него не было друзей. Он был одинок. Он жаждал общения: услышать о других разумах, рассказать о себе, узнать о них, помочь тем, кто нуждался в помощи! Вселенная была слишком велика. Было страшно, было горько ощущать себя единственным разумом в таком огромном мире.

Генрих вдруг вспомнил, как еще в начальной школе читал пьесу древнего писателя, где герой, некто Бобчинский, просит другого героя всем, кого тот повстречает, не исключая, если придется, самого государя, говорить, что в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский, только одно это и сообщать — живет, мол, в том городе Бобчинский, и все! Товарищи смеялись, читая забавную сценку, а Генриха поразила тоска, звучавшая в просьбе. Глуповатый помешник жаждал известности, но подспудно лежало глубинное чувство общения, такой связи со всеми, чтобы равнялась миллионорукости — и каждая рука протянута другу! И если кто еще недруг, того сделать другом!

— Конечно, конечно! — пробормотал Генрих. — Жажда общения! На каком-то этапе развития она стала острой жажды существования, та примитивней. Здесь истоки добра, разносимого ими, здесь корень невольно творимого зла. Все сходится! Все сходится!

Генрих вскочил. Время размышлений кончилось, надо было действовать. Он подошел к столу, придинул к себе диктофон, проверил, есть ли пленка, негромко сказал:

— Рой, милый, прости, дальше тянуть опасно. Не сердись. Лучше участь Гаррисона, чем Спенсера.

Он положил диктофон на видное место. Брат вечером придет и, не увидев Генриха, включит запись. Теперь Надо было торопиться, Рой мог прийти и раньше вечера. Он постарается помешать.

Генрих снова вышел на балкон и вызвал авиетку. Давно он не мчался с такой торопливостью над улицами Столицы. Лишь пролетев над Окружным парком, он сбросил скорость. Среди деревьев открылось одноэтажное здание. Генрих приземлился у входа, торопливо прошел в вестибюль. Суховатый голос первого сторожа — здесь все автоматы настраивались на предупреждающее строгий тон — поинтересовался, что нужно посетителю.

— Первая срочность, — сказал Генрих и бросил жетон во входное отверстие сторожа.

Генрих знал, что жетоны не могут не сработать. Рой уже не раз пользовался своим розыскным жетоном, и сбоев не было. Но Генрих еще не прибегал к разрешающей силе жетона, и от волнения вдруг перехватило дыхание. Жетон возвратился через минуту, первая дверь открылась. Генрих торопливо шел по ярко освещенному пустому тоннелю, тоннель завершился полукруглым залом. Посредине зала, выступая из стены, возвышался цилиндрический второй сторож, от него двумя крыльями отходили панели со встроенными в них дверьми.

— Слушаю вас, — сказал второй сторож. Голос его, медленный и хмурый, доносился как бы отовсюду.

— Склад силовых экранов, первая срочность, — сказал Генрих и бросил жетон.

На панели справа открылась крайняя дверь, Генрих поспешил туда. Здесь идти пришлось всего несколько шагов. Очередной сторож повторил тот же вопрос. Генрих ответил теми же словами о первой срочности и бросил жетон. В этом помещении не было дверей, а сторож представлял собой массивный столб, стоявший посреди комнаты.

Жетон не возвратился. Сторож прогудел:

— Уточните тип экрана.

— Последняя модель лаборатории академика Ивана Томсона, — сказал Генрих. — Я имею в виду защитный костюм, создающий гравитационную, оптическую и электромагнитную прозрачность, а также...

— Автономность высшей категории тип Н-5, — прервал его сторож. — Сожалею, друг. Первая срочность недостаточна.

— Как — недостаточна? Я вас не понимаю. Первая срочность всегда давала право вести розыск в любой одежде, создающей невидимость.

Ответ последовал незамедлительно:

— Только не в этой. Для модели Н-5 установлена особость К-12. Ваш жетон старого образца, он не дает права на гравитационную невидимость, а только на электромагнитную. Очень сожалею, друг.

Генрих в отчаянии глядел на пластиковую тумбу, разговаривавшую голосом человека. Он знал, что препятствия к получению костюма возможны, но опасался лишь того, что его не допустят на эти самые труднодоступные склады. И на такой случай он придумал выход: они с Раем уже осматривали разные модели экранных костюмов, осмотр с одеванием равносителен использованию, а что раз было разрешено, то разрешено вообще. Но, оказывается, память электронных сторожей хранила однажды полученное разрешение. Гравитационные экраны он не осматривал и не испытывал, разрешения на них не запрашивал. Но только эти костюмы были нужны, все остальные не могли защитить от розыска, который вскоре предпримет Рой.

— Очень сожалею, друг! — непреклонно повторил сторож.

Надо было удаляться или просить другой костюм. Генрих, судорожно глотнув ком, вдруг возникший в пересохшем горле, воскликнул:

— Одну минуточку! Можно ли узнать, что значит особость К-12?

— Ваш жетон разрешает получить ответ на этот вопрос, — сказал сторож. — Особость К-12 означает, что только двенадцать человек допущены к пользованию костюмами высшей категории автономности.

— У вас есть список людей, которым разрешено?..

— Нет, друг. Список ежедневно подтверждается в памяти «Охранительницы» в Управлении государственных машин. Я обязан запрашивать «Охранительницу», кому на сегодняшний день и час разрешено получать такие костюмы.

Генрих быстро сказал:

— Запросите «Охранительницу». Возможно, я там имеюсь.

Сторож молчал с минуту, потом торжественно произнес:

— Совершенно верно, друг Генрих. Вы находитесь в особости К-12 под номером одиннадцать. Прошу вас войти.

Сторож раздвинул две половинки, каждая отошла к стене, между половинками образовался проход. Новое помещение было собранием ниш, в каждой нише висел экранирующий костюм. Сторож прогудел, что надо идти к нише номер три и брать костюм номер восемь, восьмой номер будет сидеть на Генрихе лучше других. Генрих протянул руку и погладил массивный ящик, похожий скорей на поставленный торчмя саркофаг, чем на костюм, — последнее великое творение Ивана Томсона: он выпустил эту модель из лаборатории всего за два месяца до своей трагической гибели. Генрих с грустью подумал, что, вероятно, сам Томсон внес его с Роем в список тех, кому позволено пользоваться его изобретением. «Вам с Роем моя последняя работа очень пригодится во время исследований катастроф на других планетах», — порадовал их тогда Томсон. Он и не подозревал, что катастрофы произойдут на Земле, что в одной из них погибнет он сам и что самый совершенный костюм для поиска будет использован его другом для защиты от поиска.

— Передвижение осуществляется внутренним двигателем, — гудел сторож. — Кнопочное включение гарантирует прозрачность в оптической, тепловой, магнитной, электростатической, гравитационной и всех гамма- и радиообластиах. Входите и закрывайтесь. Выведу наружу своими полями. Доброго поиска, друг Генрих.

Генрих влез внутрь ящика, и ящик ожила. Он задвигался, зашевелился, из твердого стал гибким; теперь он и вправду был костюмом, а не саркофагом, громоздким, массивным, но облегающим, а не только хранящим в себе тело. Генрих вытянул руки, стенка костюма легко выдалась наружу, образуя рукав, но не выпустив наружу пальцы. Сторож посоветовал использовать костюм как кокон, обеспечив себе свободу внутри него, в противном случае будет впечатление, что тело облеплено тестообразной массой.

— Доставьте меня для начала на Второй Кольцевой бульвар, в пятнадцатый сектор, — ответил Генрих на вопрос сторожа, куда его транспортировать до того, как он включит свои охранные экраны и двигатели.

Это была боковая аллея, уединенное местечко, огражденное высокими пирамидальными тополями. Аллея вела к полянке, полянку окаймляли густые кусты роз; посреди стоял фонтан, в жаркие дни он создавал влажную прохладу, сегодня по случаю хмурой погоды не работал. Вокруг фонтана тянулись скамейки, над спинками их наклонились ветви кустов. Генрих любил бульвары Столицы, а сюда, в пятнадцатый сектор, приходил весной и летом чаще, чем в другие уголки. Здесь под нависающими яркими, нежно пахнущими розами, перед причудливо перекрецивающимися струями фонтана хорошо отдыхалось и думалось.

Сегодня в метеографике значился дождь после полудня. Время шло к полудню, тучи уже стущались. Ветер гремел в ветвях, шипел на гравии дорожек, свистел в чаще молодых деревьев. В воздухе метались листья. Генрих включил все формы электромагнитной невидимости; теперь он был недоступен для глаза и для всех приборов, использующих частицы и волны. Он оставался еще в этом мире, но уже был вне его. Поколебавшись, он погасил экраны. Было рано наглоухо скрываться. Он еще мог побывать в своем наличном бытии. Часа два он еще имеет. Он не будет торопиться. Еще не все продумано, еще не все окончательно решено, еще не опровергнуты последние сомнения... «Нет, все продумано, — безжалостно сказал себе Генрих. — Все решено».

Сомнений больше нет. Загадок не стало вчера, с той минуты, когда он внезапным озарением постиг причины гибели Гаррисона. Это была последняя тайна. Он так трудно и так настойчиво размышлял о ней, он предугадывал, какое значение она имеет для всех, для него в особенности. Он искал в разгадке решения собственной судьбы — нашел и ужаснулся. Он отшатнулся от решения, не захотел принимать, то была тяжелая ночь споров с собой, нападок на себя, жалости к себе! Ночь кончилась, а с ней и сомнения. Все стало ясно. Хмурая ясность! Ясность или самообольщение?

«Не было самообольщения, — с жестокой честностью возразил себе Генрих. — Было понимание. Могущественная цивилизация, создававшая всюду свои живые датчики связи, свои опорные умы, через которые получала нужную информацию и исподволь передавала свои знания и умения, одного лишь не учла: возможности своей гибели. О, конечно, Боячек прав, она никому не желала зла, стремление к связи, к вселенскому общению бескорыстно — зло возникло непредвиденно. Произошла катастрофа в далеком звездном скоплении, и все связные гибнущей цивилизации из послов добра стали агентами злоторвения. Спенсер не понял происходившего, его мозг сгорел сразу, а Гаррисон в отчаянии сообразил, что может стать для людей так же гибельно страшен, как Спенсер. И он ушел из жизни, предварительно навеяв в мой мозг важные математические

истины, послав черкез Артемьева сообщение об Олли. И я силою аварии на Марсе стал наследником Спенсера, вероятно, и Андрея подготавливали к этому, но у Андрея так далеко не зашло, как у меня. Я теперь их представитель на Земле, канал, через который может пролиться яд. А я не хочу быть источником зла, не хочу, не хочу!.. Нет, — сказал себе Генрих, пораженный новой мыслью, — нет, все не так, как вообразилось. Нет, как же смел я подумать, что одного они там, в своем невообразимом далеке, не предугадали, не поняли, не учли: возможности собственной гибели. Все они учились, ото всего защищались. Вот она, их защита: мое внезапное понимание! Да, так! Так, и не может быть иначе! Живые датчики связи осуществляют свои функции бессознательно, это их вторая жизнь, тайная, неподозреваемая. Нет, они не сознательно творящие свое дело Олли! А в момент опасности они или гибнут, как Спенсер, или их озаряет понимание, как Гарри-сона. И Гаррисон уходит из жизни сам. Безопасность здесь, в мгновенно пробуждающемся сознании, что ты опасен. Они уверены в тех, кого выбрали! Какое уважение в том, что осужденного одаряют пониманием его судьбы!»

Генрих включил двигатель шага. В костюме стало легко ходить. Генрих прошелся по аллейке, постоял у пирамидального тополя, задрал голову вверх. Тучи мчались быстрей, опускались ниже, становились темней. Генриха наполнил еще неизведанный острый, как сердечная боль, приступ любви к миру, к любой его вещи, движению и звуку. Он когда-то лишь жил в мире, мир был лишь его окружением, а теперь он стал сопричастен всему в мире, с радостной болью ощутил кровную связь с ним.

Он подошел к розовому кусту. Еще недавно это был пышный кудряш, сейчас он простирали оголенные ветки, всеми ветками дрожал на ветру. Генрих погрузил в него руку, пошевелил в чаще скользких, в колючках, прутиков, с нежностью сказал: «Не бойся, я не сделаю тебе зла!» Он погладил забронированными в пластик пальцами ствол покачивающегося тополя, и ему тоже сказал: «Не бойся!» Потом сел на гранитный барьер и пообещал пустому, тускло поблескивающему розовым мрамором фонтану, что зла и ему не будет. Рядом возвышались три валуна — в центре серый гранит из Скандинавии, справа базальт с Луны, слева красный вулканит с Марса. Раньше Генрих лишь бросал на них рассеянный взгляд — ни земные, ни небесные камни его не интересовали. А сейчас он подошел к трем камням, внимательно приглядевшись к ним. В угрюмости их чудился страх, недвижная надменность их тел скрывала боязнь... Он гладил поочередно камни Земли, Луны и Марса и растроганно шептал им: «Я ваш, я не изменю вам». И гравию, шумящему под ногой, он грустно сказал: «Ты говоришь моим голосом!» И, опервшись рукой на спинку скамейки, он с болью заверил ее: «Я сидел на тебе не для того, чтобы вредить тебе!» А ветру, гремевшему кругом, он взволнованно крикнул: «Твой, твой, всегда твой!»

Хлынул дождь — неистовый, мощный, громогласный. И сразу стих ветер, перестали испуганно метаться деревья, ошалело извиваться кусты и травы, все голоса замолкли, движение замерло. Все звуки были теперь отданы рушащейся воде, и лишь она одна двигалась в окружающем мире. И Генрих, открыв лицо холодным потокам, с закрытыми глазами упоенно шептал: «Я дождь! Я дождь!» Это было новое ощущение, новое понимание, новое озарение, все прежние приникновения к истине потонули и растворились в нем. Генрих сказал радостно: «Я тополь!» — и отошел от тополя. Гравий молчал под ногами, по гравию гремела вода, Генрих прошептал: «Я земля! Я вода!» Онглянулся вверх, не было туч, была плотная белесая мгла. И Генрих медленно и торжественно произнес: «Я тучи! Я небо!» — и возвратился к скамейке. Время исчерпало себя, время переставало быть — надо было исполнять задуманное.

Генрих проглотил приготовленные еще вчера пилюли, надавил на пусковые кнопки электромагнитного и гравитационного экранов и, выпадая из мира, которым с такой всеохватимостью вдруг стал сам, успел лишь прошептать: «Я — жизнь!»

3

— Только вы можете это сделать, — взволнованно сказал Боячек. — Модель Н-5 вышла из вашей лаборатории.

— Только ты, Рорик! — эхом откликнулся Рой. Роберт Арутюнян, после смерти академика Ивана Томсона возглавивший Лабораторию нестационарных полей, хмуро уперся глазами вниз. Экранный костюм высшей автономности был создан еще при жизни Томсона. И их, сотрудников Томсона, тогда занимала проблема обеспечения максимальной защиты от внешних воздействий — задача, прямо противоположная той, что ставилась сейчас. Труднейшая проблема, захватившая их тогда, была решена блестяще. Высшая автономность среди вещей и сил мира стала высшей отстраненностью от вещей и сил. Экранированный выпадал из мира почти совершенно. Средств воздействия на экранированного не существовало.

— Но как он сумел получить этот костюм? — растерянно пробормотал Арутюнян. — Сколько я знаю...

— Вы правы, разрешение на пользование таким костюмомдается крайне редко, — прервал его Боячек. — Но Генрих имел разрешение. Я сам внес его в список. Себя не внес, а его поставил. Вы тоже имеетесь в том списке, друг Роберт.

— Ты уверен, что он жив? — спросил Арутюнян Роя после некоторого молчания.

— Уверен! — быстро сказал Рой. — Если бы он хотел немедленной смерти, он пустил бы себе в мозг разряд. Он принял медленно тормозящие жизненные процессы пилюли. Он умирает, но пока жив и еще некоторое время будет жив — сутки, во всяком случае.

— Ты убежден, что он не бежал с Земли на другие планеты? — снова спросил Арутюнян.
Ему ответил Боячек:

— Исключено. Я послал предупреждение всем космопортам, аэропортам и аэропортам.

— Никто не сможет узнать, что он проникнет в машину, — заметил Арутюнян.

— Мы это учитывали. Все рейсы временно отменены. Машины земные и межпланетные задержаны на своих местах. Генрих может передвигаться только при помощи собственных двигателей или на авиетке. Авиетка будет казаться пустой.

— Пустую летящую авиетку засечь легко, — согласился Арутюнян.

— Он не двигается никуда, — настойчиво указал Рой. — Он пригнулся где-нибудь в укромном уголке и медленно впадает в небытие. Говорю вам, он захватил пилюли не для того, чтобы они лежали в кармане! Я знаю Генриха!

Арутюнян обвел глазами заставленное механизмами помещение — разговор происходил в аппаратном зале Лаборатории нестационарных полей — и сказал, колеблясь:

— Каких-либо надежных средств захвата экранированного не существует. Мы ведь специально все делали так, чтобы этого не могло случиться. Но если разработать новый метод...

— Какой? Сколько времени на него понадобится? — нетерпеливо спросил Рой.

— Времени немного, несколько часов... Но поиск будет удачен, только если Генрих на Земле, а не в космосе, не в стратосфере, не в вакууме. Не забывайте, что жизнедеятельность внутри костюма гарантируется независимо от условий внешней среды. Конечно, если не принимать опасных пилюль. Дело в том, что экранированный недоступен для любых внешних воздействий, но остается материальным телом, вытесняющим воздух. Его можно открыть по ямке в атмосфере, по провалу в воздухе. Нетрудно быстро собрать поисковые анализаторы и ручные искатели, определяющие местные пустоты в воздухе. Но разве можно в короткий срок обследовать всю поверхность Земли, выискивая крохотные атмосферные провалы?

— У нас нет иного выхода, значит, займемся обследованием атмосферы Земли. Арман в твоем распоряжении, Рорик, — сказал Рой. — Я тоже буду помогать.

— Будем надеяться, что Генрих остался в Столице, — со вздохом сказал Боячек.

— Он в Столице или недалеко от нее, — сумрачно повторил Рой.

Арутюнян, взяв Армана под руку, отошел с ним.

— Я удивляюсь вам, Рой, — с возмущением сказал Боячек. — Неужели вы не понимали, в каком Генрих состоял? Могли бы уделить ему побольше внимания, не оставлять одного...

— Я боялся быть с ним, — грустно ответил Рой. — С того момента, как мы решили с Араки проверить, не передалось ли что Андрею и Генриху от тех двух... Мы ведь хотели оставить это в тайне и от Андрея и от Генриха, чтобы не волновать их. Генрих, часто встречаясь со мной, мог догадаться, что ведется всестороннее изучение.

— Он все-таки догадался, хотя вы и старались пореже быть с ним.

— Он сам пришел к этой мысли. Он не знает о нашей проверке. Собственно, не сам, а по подсказке Андрея. Тот раньше забеспокоился.

— Вы в этом уверены?

— Уверен. Окончательно Генрих утвердился в мысли, что заражен излучениями Спенсера, после того, как ему стали являться нелепые сны. Все это я знал. Я только не ожидал таких быстрых мер со стороны Генриха. И я надеялся, что он поделится со мной опасениями, а я к тому времени буду иметь ответ. Раньше он советовался...

— Раньше не возникало такой трудной ситуации. — Боячек опять вздохнул. — Все энергетические станции Столицы будут работать на вас, Рой. Если не хватит резервов, мы на время остановим автоматические заводы.

Рой молча наклонил голову.

Арутюнян с Арманом собирали схему поиска: Арутюнян высчитывал, какие потребуются механизмы, и отдавал команды на их подключение, Арман согласовывал с энергетическим центром канализацию энергии. Рой вызвал авиетку.

— Если понадоблюсь, я у Араки, — сказал он Арману.

— Я передал вчера Араки разработанную мной схему моделирования сновидений, — сказал Арман. — Вероятно, он уже провел первые эксперименты по этой схеме.

Араки уже знал о поступке Генриха. Рой спросил, сколько часов в их распоряжении, если допустить, что Генрих принял пилюли сразу после получения экранного костюма. Араки ответил, что смерть наступит не раньше чем через сутки. Рой безрадостно заметил, что сутки слишком незначительный срок для успешного поиска: придется ведь обшаривать каждый уголок пространства в Столице, а возможно, и за ее пределами. Араки возразил, что Рой неправильно поставил вопрос и поэтому получил неутешительный ответ. Реально важен не момент наступления смерти, а момент, когда невозможно обратное возвращение к жизни, — моменты эти существенно разнятся. Дело в том, что пилюли затормаживают не только процессы жизни, но и необратимые процессы смерти.

— Найдите брата в пределах трех суток, и я его верну к жизни. Я приготовлю нужные для этого лекарства сегодня же. Немедленно вызывайте меня, когда обнаружите Генриха.

— Как Андрей? Как проверка сновидений Генриха? — спросил Рой. — Как с этим... — Он на мгновение запнулся, — со спенсеризацией обоих?..

Араки ответил, что Андрей все в том же состоянии — медленно выздоравливает. О поступке Генриха он ничего не знает. Экспериментальное моделирование сновидений по методу Армана Лалубы показало, что ничего сверхъестественного в снах Генриха не было: ни в одном не обнаружено информации, которая бы раньше не содержалась в памяти Генриха.

Сны вовсе не навеяны неизвестными излучателями, а представляют обычную фантастическую комбинацию вполне реальных деталей.

— Что до того, что вы называете спенсеризацией, Рой, — Араки выразительно пожал плечами, — то могу вас заверить, ее нет. И Андрей и Генрих — нормальные люди. Вчера я в это только верил, сегодня знаю.

— Итак, я вызываю вас, Кон, — сказал Рой и удалился.

В лаборатории Арутюнян, сидя за пультом, — Рой и раньше часто видел его на этом командном пункте, когда Томсон изучал свойства нестационарных полей, — быстро перебирал пальцами белые, красные, черные кнопки: отдавал команды автоматам, принимал мысле-граммы от невидимых механических и живых помощников. Во всю стену перед ним сияла карта Столицы, на ней то там, то здесь вспыхивали красные поисковые огоньки. Арман сидел в стороне, глаза его бегали по светящейся карте. На полу лежало два прибора, похожих на старинные пневматические буры. Рой присел рядом с Арманом.

— Ручные поисковики, — пояснил Арман, кивнув на приборы.

Арутюнян перевел поиск на автоматическое управление и подошел к Рою.

— Допустим, — сказал он, — мы обнаружим Генриха. Как мы раскроем его, если он без сознания или если он в сознании, но не захочет раскрываться?

— Ты конструктор костюма, Рорик, — сказал Рой. — Ты сумел создать автономность для тех, кто пользуется твоими экранами. Уверен, что у тебя имеются способы и снимать автономность. Или не так?

Арутюнян помедлил с ответом.

— Безопасных способов не существует, Рой.

Рой долго всматривался в слишком спокойное, почти бесстрастное лицо Арутюняна. Арутюнян и Арман были внешне похожи: та же темная кожа лица, те же черные глаза, черные волосы — у Армана они сильней курчавились, — тот же невысокий рост. Вряд ли существовало среди друзей Роя двое других столь же разных людей, как они. Арман вспыхивал «даже не от трения, от прикосновения», говорил о нем Генрих, он мог споткнуться на ровном месте. Арутюнян сохранил бы и в огне внешнюю бесстрастность. Если он ровным голосом говорил: «Это нехорошо», надо было понимать: «Ужасно!»

— Ты объяснял нам, что трудно обнаружить экранированного человека! — воскликнул Арман. — Об опасности раскрытия ты ничего не говорил, Рорик.

— Раньше надо найти, потом раскрывать... Раскрытие — вторая задача.

— Она еще трудней? — спросил Рой.

— Опасней. Имеется ротоновый ключ, Рой. Излучатель ротонов, которые снимают экраны поля.

— Ты умеешь пользоваться ротоновым излучателем?

— Умею.

— Так в чем тогда дело? Пусти в ход излучатель, когда найдем Генриха.

— Не буду: опасно.

Арман хотел вмешаться, Рой взглядом остановил его. Арутюнян объяснил, что воздействие ротонов на силовой экран протекает бурно. Малейшая неточность при манипуляции излучателем может привести к гибели экранированного. Арутюнян недостаточно уверен в своих нервах, чтобы пустить в ход излучатель. Рой усмехнулся:

— Понимаю тебя. У меня нервы крепкие. И погибнет мой брат, если я не приду ему на помощь. Где ротоновый излучатель?

— Пойдем, я выдам его тебе и научу, как им пользоваться.

Ротоновый излучатель походил на кинжал в ножнах. Рой прикрепил излучатель к поясу и возвратился к карте Столицы. Арутюнян занял свое место за пультом. Арман с досадой сказал, что почти вся Столица проверена, но Генрих не обнаружен.

Рой задумчиво глядел на карту. Поиск был методичен, но сух. В нем чувствовалась система, но отсутствовала догадка. Работа как работа — без вдохновения...

— Рорик, у Генриха были любимые места для прогулок, — сказал Рой. — В частности, восточные секторы Второго Кольцевого бульвара. Что, если заняться ими?

Арутюнян молча кивнул головой и перевел поиск на бульвары, оставляя обширные неизученные районы рядом с проверенными.

Вскоре он сказал, что в пятнадцатом секторе обнаружена небольшая гравитационная пустота. Полная оптическая прозрачность, такая же проницаемость для тепловых, магнитных и электрических импульсов, но явный островок вакуума в атмосфере.

— Не радуйтесь преждевременно, — остановил он поспешно схватившего поисковик Армана. — Я уже десятки раз обнаруживал похожие пустоты, а после они оказывались баллонами или механизмами с хорошо поглощающей черной поверхностью и разреженным газом внутри.

Через минуту он объявил, что по одной из полянок бульвара медленно передвигается материальный объект, невидимый, не испускающий тепловых лучей, прозрачный для частиц и волн, но несомненно образующий небольшой воздушный провал — в объеме человека в автономной одежде.

— Похоже, что это он, — сказал Арутюнян. — Наденьте обычные защитные костюмы. Я буду дистанционно подстраховывать вас. Перевожу все механизмы на инструментальную облаву. Если он попытается скрыться, ему это уже не удастся.

Арман проворно влез в защитный костюм, схватил поисковик и бросился наружу, где уже ждала авиаэки. Рой послал вызов Араки и поспешил за Арманом. Дождь, начавшийся точно в объявленное время, хлестал упругими струями. Арман, влезая в авиаэки, посоветовал Рою послать в метеоцентр просьбу отогнать от города тучи: ради чрезвычайного случая можно изменить график погоды. Рой покачал головой — пусть уж ливень льет, раз запланирован. Арман исчез в серой пелене дождя. Рой мчался за Арманом, не видя его. Авиаэки Армана приземлилась на круглой поляне, окаймленной высокими пирамидальными тополями, рядом села авиаэки Роя. Рой осмотрелся. Он хорошо знал это место — Полянка Роз, так он и Генрих называли это место, здесь они часто отдыхали. Арман крикнул, проведя поисковиком вдоль потерявших листву голых кустов:

— Он тут! — и кинулся к скамейке с другой стороны фонтана.

Скамейка была пуста, дождь шумно низвергался на нее, в изгибе сиденья виднелась лужица воды, на поверхности ее вскипали пузыри. Поисковик свидетельствовал, что пустота таит в себе невидимую материальную массу. Арутюнян по мыслепроводу предупредил, что Арман и Рой вышли на искомую точку, надо быть осторожней — они не видят Генриха, но он видит их. И если он рванется в сторону, удар при столкновении будет тяжел.

— Какое совершенное экранирование! Подлинное привидение! — сказал Арман, бледнея. — Рой, он не движется. Он потерял сознание, Рой!

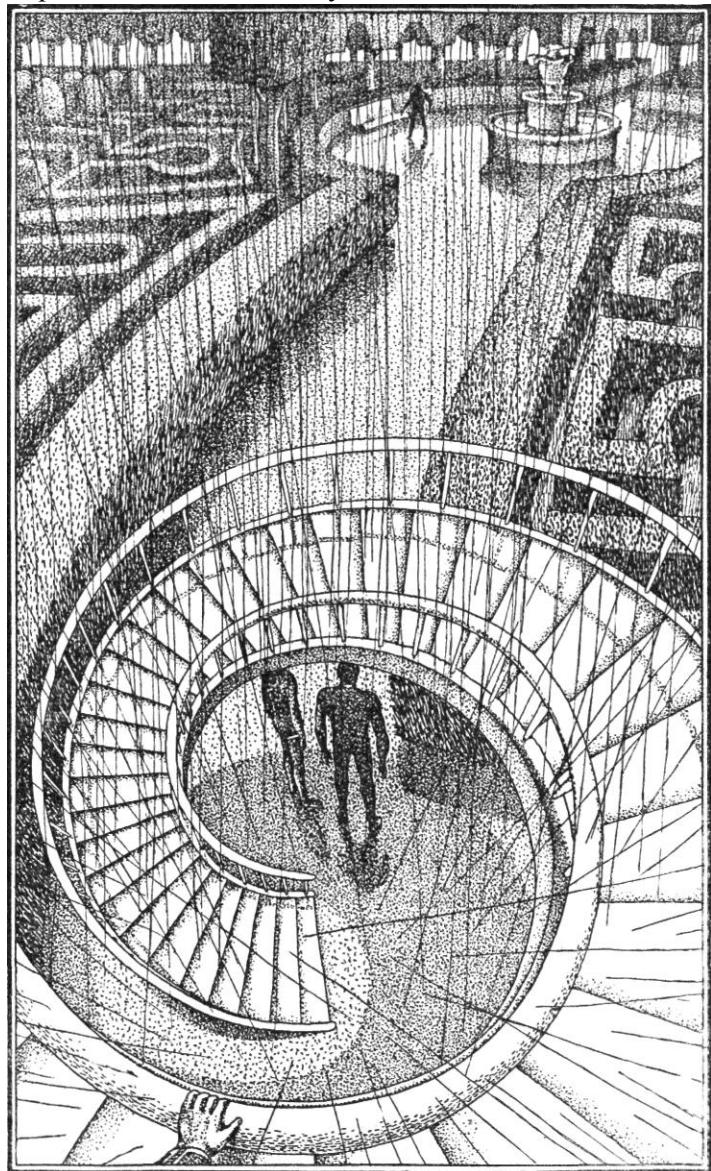
Рой сделал знак Арману стоять на месте и осторожно приблизился. Минуты две он молча всматривался в струи, текущие по спинке, в пузыряющуюся воду на сиденье. Генрих был здесь, и его не было. Его надо было раскрывать вслепую. Рой оглянулся на Армана. Неподалеку приземлилась авиаэки, из нее вылез Араки. Рой и ему жестом велел держаться поодаль.

— Сдвигаю к вам все защитные поля, — донесся до Роя спокойный голос Арутюняна. — Но будь осторожен, Рой, будь предельно осторожен!

Рой сделал еще шаг вперед. Снова и снова он водил поисковиком по скамейке, всматривался в контуры, которые тот рисовал в пустом воздухе. Еще никогда он так не напрягал зрение. И хотя и для Армана и для Араки, наблюдавших за его действиями, скамейка оставалась пустой, Рой все отчетливей видел на ней согнутую, потерявшую человеческие очертания фигуру — замысловатый кокон, склонивший в себе человека. С каждым новым движением поисковика невидимая фигура делалась определенней, отпечатывалась в памяти отчетливей. Она оставалась невидимой, но Рой ее видел. Он должен был видеть ее — и во всех деталях, — иначе могла произойти ошибка. Ошибка была бы непоправимой.

И когда, вынув из ножен ротоновый излучатель, он направил его на пустоту, где со всей отчетливостью мысленно вообразил себе бесформенную фигуру, он знал, что ошибки не будет и что вырвавшаяся узкая — острием кинжала — струя ротонов ударит именно в тот узел экранного костюма, который, по объяснению Арутюняна, является замком конструкции.

Упругий толчок отшвырнул Роя к фонтану. Скамейка, прочно врытая в грунт шестью ножками, взлетела вверх и стала рассыпаться в воздухе, словно раздиаемая могучими руками. Рой схватился рукой за барьер и

Рой сделал еще шаг вперед.

крикнул в передатчик, чтобы Арутюнян еще сдвинул внешние защитные поля. Арман, бросившийся было на помощь Рою, попал в извины схлестнувшихся невидимых сил и, пронзительно закричав от боли, упал на землю.

Схватка столкнувшихся полей переместилась с полянки в аллею, в воздух взвивались вырванные с корнем кусты, стал рушиться столетний пирамидальный тополь, за ним другой — стволы и кроны еще при падении разрывало на ветки, листья и щепки. Дождь, с прежней интенсивностью секший землю, вдруг стал косым, силовые поля отбрасывали струи в сторону, швыряли вверх. В парке бушевал удивительный ураган, беззвучный и яростный, — буря противоборствующих полей. Арман, вскочив, хотел снова броситься в самый их центр, но Рой задержал его.

— Наша защита может отказать. Рорик справится теперь и без нас.

Безмолвный ураган, только что рушивший деревья, стал превращаться в обыкновенный ветер. Кроны тополей заметались, ветви засвистели, на земле зашелестел переметаемый гравий. Потом все затихло, один дождь монотонно гремел. На дорожке, у выхода в аллею, медленно обрисовывался — из силуэта в тень, из тени в тело — человек. Все трое разом кинулись к нему.

Генрих был страшно бледен, не шевелился. Рой приподнял его, Арман торопливо обнажил грудь. Араки приложил к коже присосок инъекционного аппарата. Минуты две все трое молчали, ожидая действия лекарства. Щеки Генриха постепенно порозовели, он вздохнул, медленно раскрыл глаза, обвел взглядом Араки, Армана, Роя.

— Вы нашли меня? — прошептал он с удивлением. — Разве экранизация отказалась?

— Не отказалась, но преодолена, — ответил Рой. — Сейчас мы полетим домой, Генрих.

Генрих оттолкнул руки Армана и Араки, сел.

— Рой, — сказал он, — ты мне никогда не лгал. Кто я?

— Тот же, кем был всегда, — ответил Рой. — Ну, может, немного поглувел от сонных наваждений. Я не лгу, Генрих. Все в порядке!

СОДЕРЖАНИЕ

Стрела, летящая во тьме	5
Умершие живут.....	29
К проблеме среднего	55
Машина Счастья ,.....	78
Эксперимент профессора Брантинга . . .	100
Сквозь стены скользящий.....	132
Принуждение к гениальности	159
Сверхцентр бессмертия	184
Тяжелая капля тщеславия.....	202
Рожденный под несчастной звездой . . .	218
Огонь, который всегда в тебе.....	231
Посол без верительных грамот. <i>Научно-фантастическая повесть</i>	252

Для среднего и
старшего возраста

Сергей Александрович Снегов

ПОСОЛ БЕЗ ВЕРИТЕЛЬНЫХ ГРАМОТ

Ответственный редактор
Г. А. Иванова

Художественный редактор
О. К. Кондакова

Технический редактор
Н. Г. Мохова

Корректоры З. В. Заишева и Л. А. Рогова
Сдано в набор 8/VII 1976 г. Подписано к
печати 21/XII 1976 г. Формат
84Х108¹/2. Бум. типогр. № 2. Печ. л. 12.
Усл. печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 20,35.
Тираж 100 000 экз. А 11788. Заказ №
3877. Цена 76 коп. Ордена Трудового
Красного Знамени издательство
«Детская литература». Москва, Центр,
М. Черкасский пер., 1. Ордена
Трудового Красного Знамени фабрика
«Детская книга» № 1 Росглавполиграф-
прома Государственного комитета
Совета Министров РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной
торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

ИБ № 34

Снегов С. А.

C53   Посол без верительных грамот. Научно-фантастические рассказы и повесть. Рис. Н. Кошкина.
М., «Дет. лит.», 1977.

383 с. с ил.

Научно-фантастические рассказы и повесть объединены общими героями — учеными-физиками братьями Роем и Генрихом. Выступая в роли своеобразных детективов, они сталкиваются с новыми, еще не известными человечеству явлениями и находят их разгадку, используя достижения науки и техники.

С   70803—053447-77
      M101 (03)77

p2